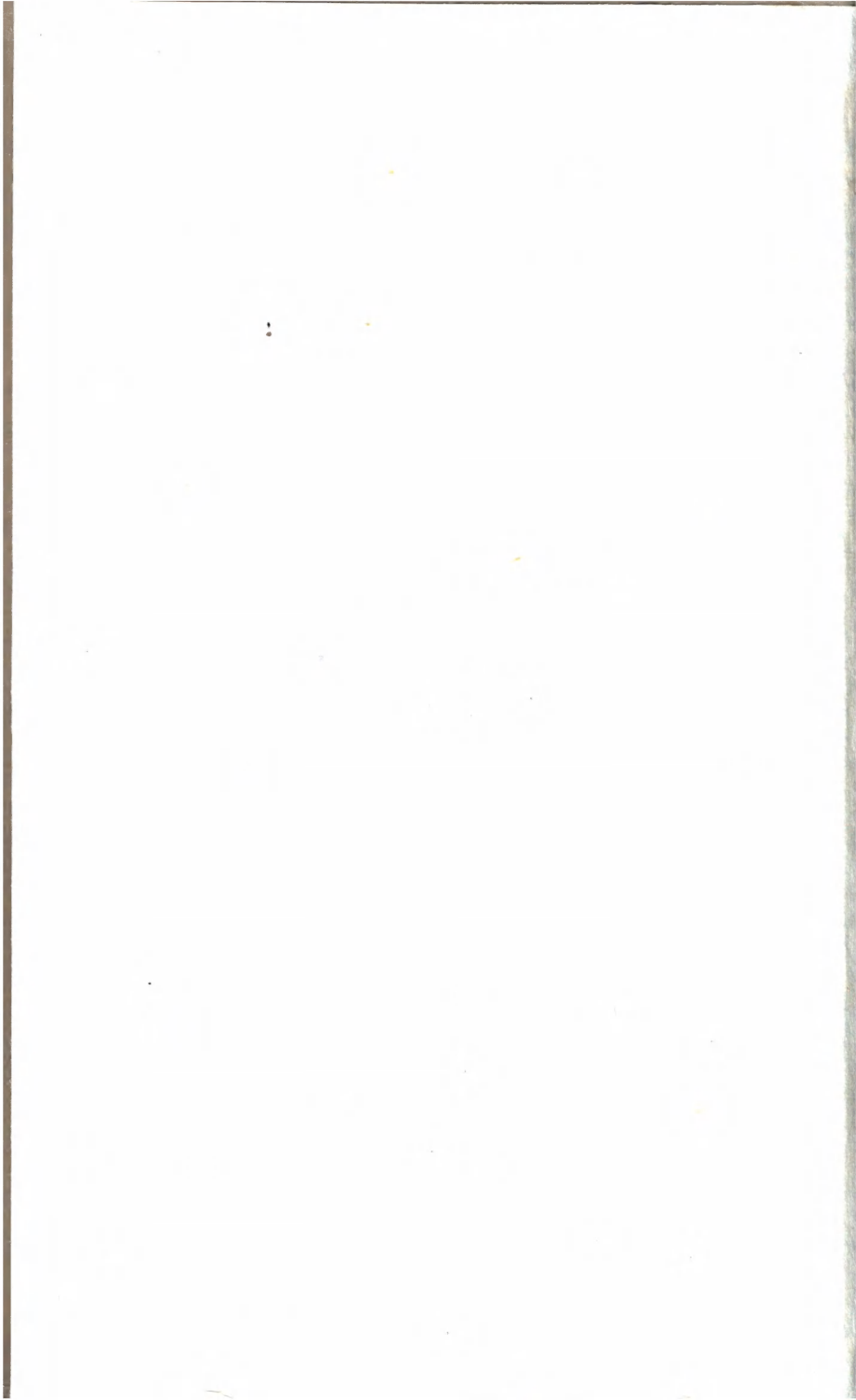

Г. Бенгтсон

ПРАВИ
ТЕЛИ
ЭПОХИ
ЭЛЛИ
НИЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. Бенгтсон

ПРАВИТЕЛИ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Hermann Bengtson
HERRSCHERGESTALTEN DES HELLENISMUS
H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung (Oscar Beck),
München, 1975

Редакционная коллегия

*К. З. Ашрафян, Г. М. Бауэр, Г. М. Бонгард-Левин,
Р. В. Вяткин, Э. А. Грантовский, И. М. Дьяконов,
И. С. Ключков* (ответственный секретарь),

М. А. Коростовцев (председатель), *С. С. Цельникер*

Перевод с немецкого и предисловие *Э. Д. Фролова*

Ответственный редактор *А. А. Нейхардт*

Бенгтсон Г.

Б 46 Правители эпохи эллинизма. Пер. с нем. Предисл. *Э. Д. Фролова*. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

391 с. с илл. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Книга известного западногерманского историка-античника Г. Бенгтсона представляет собой серию биографий правителей эллинистических государств, образовавшихся на территории Восточного Средиземноморья и Среднего Востока после походов Александра Македонского. Автор широко освещает политическую историю эллинистических государств IV—I вв. до н. э., преломленную в типических образах отдельных деятелей, использует широкий круг источников, относясь, однако, с большой осторожностью к сведениям легендарного характера.

Б $\frac{0504010000-040}{013(02)-82}$ 149-81

9(M)1

© Н. Beck'sche Verlagsbuchhandlung (Oscar Beck), München, 1975.

© Перевод, вступительная статья и комментарии:
Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Э. Д. Фролов

История эллинизма в биографиях его творцов

Есть эпохи во всемирной истории, которые особенно изобилуют социальными и политическими переменами и, будучи исполнены напряженного взаимодействия различных творческих сил, оказываются особенно плодотворными в плане дальнейшего развития. К числу таких эпох в древности бесспорно должен быть отнесен период эллинизма. Термин «эллинизм» был введен в научный обиход в 30-х годах XIX в. немецким историком Иоганном Густавом Дройзеном. Он первый занялся серьезным изучением послеклассической истории греков и словом «эллинизм» обозначил процесс всемирно-исторического значения — «распространение греческого господства и образованности среди отживших культурных народов»¹. Иными словами, эллинизм, по Дройзену, может быть определен как время решающего наступления греческого оружия и греческой культуры на Восток — вплоть до того момента, когда Рим, надвинувшись на греко-македонский мир с запада, положил конец независимому существованию этого эллинистического мира.

В хронологическом отношении эллинизм — период с середины IV и до последней трети I в. до н. э. Открывается этот период действительно авторитетным выступлением Македонии, которая при царе Филиппе II и его сыне Александре становится ведущей державой на Балканах, гегемоном греков и победоносным противником персов. Однако достижение Македонией этого высокого положения было обусловлено не только свежими силами, еще не исчерпанными людскими и материальными ресурсами этой северогреческой страны и, уж конечно, не одной лишь инициативной ролью ее, впрочем, действительно выдающихся лидеров — царей Филиппа и Александра. Важной предпосылкой успехов македонской держав-

¹ И. Г. Дройзен. История эллинизма. Пер. с франц. Т. I. М., 1880, с. 1 (на языке оригинала труд Дройзена вышел первым изданием в 1833—1843 гг., вторым — в 1877—1878 гг.).

ной политики были разложение и ослабление мира классических греческих городов-государств, полисов, которые, достигнув — в первую очередь в лице Афин и Спарты — исключительного расцвета в V в. до н. э., обнаружили на исходе этого и в особенности в начале следующего столетия признаки несомненного упадка. Другой, не менее важной предпосылкой македонского успеха оказалась слабость Персидской империи Ахеменидов, которая, как это обнаружилось в ходе Восточного похода Александра, поистине была колоссом на глиняных ногах. И все же особенно важной была ситуация в греческом мире, обусловившая не только причину политического торжества Македонии на Балканах, но и возможность ее победоносного наступления на Восток.

IV век до н. э. вошел в историю античного мира как век кризиса классической полисной системы². Кризис полиса в древней Греции был прежде всего кризисом гражданского общества. Исходный момент разложения этого последнего следует искать в сфере социально-экономической. Прогрессирующее развитие крупно-собственнического рабовладельческого хозяйства неуклонно вело к концентрации собственности в руках немногих и к разорению и обнищанию масс свободных граждан. Рост социального неравенства, в свою очередь, вызывал обострение общественных отношений даже в передовых демократических полисах, где прилагались особые усилия для поддержания видимого равенства между гражданами. Бьющая в глаза роскошь богатей вызывала зависть и недоброжелательство низов. Растущее раздражение народной массы находило выход в скорых судебных расправах над отдельными богачами, а иногда и в массовых погромах, как это было, например, в Аргосе в 370 г. до н. э., когда городская беднота, подстрекаемая демагогами, забила насмерть дубинами до 1200 богатых граждан [Diod., XV, 58].

В этих условиях обнаружилось банкротство полисного государства, чьи возможности были весьма ограничены, между тем как граждане предъявляли к нему все более повышенные требования, настаивая: бедные — на дальнейшем расширении системы государственного вспомоществования, а богатые — на обеспечении

² Тема кризиса классического полиса — одна из наиболее актуальных и изучаемых в современном антиковедении. См., в частности: А. Б. Р а н о в и ч. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, с. 10—38; В. Н. Д љ а к о в. Греция в первой половине IV в. до н. э.— Древняя Греция. М., 1956, с. 391—447; Л. М. Г л у с к и н а. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса.— ВДИ. 1973, № 2, с. 27—42.

своей собственности и жизни от посягательств со стороны этой бедноты, на наведении в стране твердого порядка. Будучи не в состоянии удовлетворить эти требования, а следовательно, и гарантировать единство и согласие граждан, полисное государство утрачивало исторический смысл. На практике было важно и то, что один и тот же социальный процесс — обнищание народных масс — приводил не только к подрыву традиционной опоры полиса — гражданского ополчения, но и к созданию новой политической силы — наемной армии, которую при случае можно было использовать для ниспровержения существующего строя. И действительно, упадок полисного государства, его неспособность справиться с растущими трудностями и обусловленная этим практика чрезвычайных назначений поощряли инициативу отдельных честолюбцев, которые, опираясь на партии личных друзей и наемников, начинали все чаще домогаться единоличной власти (явление так называемой младшей тирании, крупнейшими представителями которой были Дионисий Сиракузский, Ясон Ферский и Клеарх Гераклеяский).

Наметившаяся тенденция к преодолению полиса изнутри дополнялась не менее отчетливой тенденцией к его преодолению и извне. Растущие экономические и политические связи подрывали полисный партикуляризм, и повсюду обнаруживалась тяга к объединению, в особенности в рамках отдельных исторических областей (Халкидический, Фессалийский, Беотийский, Аркадский и другие союзы). Однако развитие это наталкивалось на серьезные препятствия: помимо традиций полисной автономии порочным было обнаруживавшееся стремление полисов-гегемонов превращать союзы в собственные державы, а с другой стороны, продолжалось соперничество этих сверхполисов из-за гегемонии в Греции. Все это вело к непрекращающимся междоусобным войнам, которые ослабляли греков и поощряли вмешательство в их дела соседних «варварских» государств — Персии на востоке и Карфагена на западе.

Социальный и политический кризис полиса, естественно, дополнялся кризисом идеологии. Характерной чертой времени была растущая аполитичность, т. е. равнодушие граждан к судьбам своего полисного государства. Рационалистическая критика существующего порядка, начало которой положили софисты и Сократ, не оставила камня на камне от полисного патриотизма, на смену которому теперь пришли новые настроения и новые идеи. Между тем как народная масса все больше увлекалась воспоминаниями или, скорее, мечтами о примитивном, уравнительном коммунизме (пародийное отражение — в поздних комедиях Аристофана «Жен-

идеи в народном собрании» и «Богатство»), верхушка общества все более и более пропитывалась индивидуалистическими и космополитическими настроениями. Традиционные политические доктрины — демократические и олигархические в равной степени — оказывались несостоятельными перед лицом новых задач, и по мере того как кризис принимал все более затяжную и острую форму, в обществе, среди людей различного социального и культурного уровня, начинало крепнуть убеждение, что лишь сильная личность, авторитетный вождь или диктатор, стоящий над гражданским коллективом, сможет найти выход из того тупика, в который зашло полисное государство.

В политической литературе, выражавшей запросы полисной элиты, популярными становятся тема и образ сильного правителя (в трактатах Антисфена, Платона и Аристотеля, в речах Исократа, в исторических или мнимоисторических произведениях Ксенофонта). Поскольку, однако, внутреннее переустройство не мыслилось без переустройства внешнего, наведение порядка внутри отдельных городов — без установления общего мира в Греции и победоносного отражения варваров, образ сильного правителя приобретал одновременно черты борца за объединение Эллады, руководителя общеэллинской войны против варваров, черты царя-завоевателя (в особенности у Исократа в речах «Эвагор» и «Филипп» и у Ксенофонта в романе «Киропедия»). Так мечты о социальном и политическом переустройстве общества оказались связанными с монархической идеей, а эта последняя, в свою очередь, — с идеей панэллинской³.

Все эти настроения естественным образом шли навстречу инициативным устремлениям македонских царей. По мере того как становилась очевидной неспособность традиционных лидеров греческого мира — полисных государств Афин и Спарты — добиться согласия между эллинами, установить твердый порядок и отразить натиск варваров; по мере того, далее, как обнаруживалась бесперспективность в этом плане также и большинства новых тиранических режимов, — с претензиями на руководящую роль в Элладе все энергичнее и откровеннее стали выступать македонские цари. Решительному и настойчивому Филиппу II (359—336 гг. до н. э.)

³ О развитии этих идей в греческой публицистике IV в. до н. э. подробнее см.: В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. Публицистическая деятельность Исократа. — ВДИ. 1969, № 2, с. 206 и сл.; В. И. Исаева. Особенности политической публицистики Исократа. — ВДИ. 1978, № 2, с. 59—81; Э. Д. Фролов. Ксенофонт и его «Киропедия». — Ксенофонт. Киропедия. М., 1976, с. 256 и сл.

удалось в конце концов достичь этой цели. Последовательная, поэтапная борьба этого царя за господство на Фракийском побережье и в Фессалии, в Средней Греции и на Пелопоннесе завершилась созданием нового военно-политического единства — Коринфской лиги, членами которой стали все греческие города (за исключением одной лишь Спарты), а главой, гегемоном, — македонский царь (338/337 г. до н. э.) ⁴.

Филипп вел борьбу за гегемонию в Элладе под панэллинскими лозунгами, широко эксплуатируя охранительные, шовинистические и милитаристские настроения состоятельной и знатной верхушки греческого общества. Стремления этой последней, насколько мы можем судить по речам ее идеолога Исократы, сводились именно к преодолению политической раздробленности Эллады, к объединению эллинских полисов в некую федерацию во главе с авторитетным и инициативным вождем, способным навести в стране твердый порядок и повести греков на завоевание богатств Востока. Последняя часть программы казалась особенно привлекательной, причем не только представителям полисной элиты, но и широким слоям греческого общества. Отомстить варварам за прежние унижения, перенести войну в Азию и завоевать принадлежащие азиатам обширные пространства земли, колонизовать эти земли с помощью тех, кто теперь в силу своей бедности и незанятости представляет опасность социальному порядку в Элладе, сделать эллинов господами, а варваров — их подневольными крепостными или рабами типа спартанских илотов, короче говоря, решить свои трудности за счет богатых, но слабых стран Переднего Востока — эта перспектива завораживала массы греков и увлекала их в русло державной политики македонского царя, который, однако, шел своим путем и, заигрывая с панэллинскими идеями, всегда и везде преследовал собственные цели. Намерением Филиппа II, равно как и позднее его сына и преемника Александра, было не послушное исполнение проектов идеологов панэллинизма вроде Исократы, а построение собственной сильной державы, для которой греки с их панэллинскими устремлениями должны были послужить лишь необходимым основанием. В самом деле, созданный Филиппом новый порядок был далек от той идеальной схемы, которая рисовалась взору идеологов панэллинизма в Греции: объединение страны было форсировано силой оружия; созданию Коринфской лиги предшествовала открытая вооруженная борьба между македонским царем и коалицией свободных греческих по-

⁴ См.: А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. I, Казань, 1960, с. 208 и сл.

лисов во главе с Афинами и Фивами, а навязанная грекам после их поражения при Херонее (2 августа 338 г.) система Коринфского договора предназначена была служить прежде всего державным интересам Македонии⁵.

И все же до тех пор, пока Филипп II продолжал завлекать греков перспективами восточных завоеваний, он мог, по-видимому, сохранять свое положение гегемона в греческом мире. Преждевременная смерть (он был убит оскорбленным им македонским аристократом Павсанием летом 336 г.) помешала Филиппу приступить к осуществлению следующей важной задачи — завоеванию подчиненного персам Азиатского материка. Однако то, что не успел сделать Филипп, осуществил его гениальный сын Александр (336—323 гг. до н. э.), который в рамках продолжавшегося 10 лет Восточного похода (334—325 гг.) разгромил и уничтожил Персидскую империю Ахеменидов и на ее развалинах создал собственную мировую державу, простиравшуюся от вод Адриатики до Индийского Пятиречья. Александр мечтал продолжить и завершить завоевание культурного средиземноморского региона, однако в самом разгаре подготовки к новому походу на запад он заболел и умер в Вавилоне 10 июня 323 г.

Между тем уже во время Восточного похода обнаружилось, что македонский царь отнюдь не рассматривал себя исполнителем союзной панэллинской программы — его целью было продолжение державной македонской политики, создание собственной мировой империи, в которой объединению греков — Коринфской лиге — предназначалась роль в лучшем случае младшего партнера, а фактически — резервуара для пополнения армии квалифицированными воинами, а населения новых городов — политически развитыми и надежными гражданами.

Эта установка еще более подчеркивалась абсолютистскими замашками Александра, его совершенно сознательными стремлениями к возведению своей власти на уровень неограниченной монархии божьей милостью, а своей персоны — в ранг воплощенного божества, что в корне противоречило не только традиционным республиканским представлениям греков, но и патриархальным обычаям македонян. Неудивительно поэтому, что смерть царя немедленно пробудила антимакедонское движение в Греции (так называемая Ламийская война 323—322 гг.), и, хотя это движение было подавлено македонским наместником Антипатром, с види-

⁵ Подробное обоснование этих положений см. в нашей статье: Э. Д. Фролов. Коринфский конгресс 338/337 г. до н. э. и объединение Эллады. — ВДИ, 1974, № 1, с. 45—63.

мостью альянса между греками и македонянами было покончено. Коринфская лига практически перестала существовать, и предпринимавшиеся затем попытки восстановить ее (например, Антигоном и Деметрием в 302 г.) большого успеха не имели. Лозунги освобождения греков и их объединения вокруг нового авторитетного вождя использовались преемниками Александра, но они не возымели даже тех мнимоконструктивных последствий, каких в свое время удалось достигнуть Филиппу и Александру.

Но смерть Александра вызвала распад не только греко-македонского единства. Центробежные тенденции немедленно обнаружились и в собственно македонской империи, наспех сколоченной силой оружия и не опиравшейся на более существенные и прочные связи,—такие, например, как этническая и языковая общность, экономические связи, единство культуры и идеологии и т. п. При отсутствии у Александра достойного преемника из македонского царского дома и рано пробудившихся честолюбивых устремлениях его соратников дело, естественно, должно было завершиться разделом бесхозного наследства-империи после неожиданной смерти ее создателя. При этом, разумеется, между полководцами и преемниками Александра — диадохами, как их стали называть по-гречески,—не обошлось без разногласий и распрей, и вскоре вооруженная борьба, развязанная неимоверным честолюбием соперников, охватила весь греко-македонский мир, как его колыбель — Балканы, так и вновь завоеванные области на востоке.

Борьба вокруг наследства Александра затянулась на долгие годы, вплоть до конца 80-х годов III в. до н. э. При сходстве властолюбивых устремлений диадоров в их политике обнаруживаются две линии соответственно двум различным целевым установкам. С одной стороны, на первых порах некоторые из числа самых могущественных диадоров предъявили претензии на наследство царя в целом, и эти устремления могут быть определены как линия борьбы за сохранение единой империи,—но, разумеется, не в интересах старинной македонской династии Аргеадов, а в интересах соответствующего нового претендента. Однако эти устремления неизменно разбивались о яростное и дружное сопротивление прочих диадоров. Среди них не нашлось ни одного достаточно сильного, чтобы навязать свою волю всем остальным, и победа в конце концов осталась за другим, как оказалось, более реалистическим направлением, которого придерживалось большинство. Закрепиться каждому в своей, однажды уступленной ему или добытой силой оружия сатрапии, добиться превращения этой провинции в жизнеспособное территориальное государство, обеспечить

сохранение этого домена за собственным домом — такова была эта более реалистическая установка, которая обеспечила победу тенденциям децентрализации над идеей единства империи.

После «великого визиря» Пердикки, рано погибшего при попытке привести к покорности египетского сатрапа Птолемея (321 г. до н. э.), долее всего с претензией на власть над всей империей выступал Антигон Одноглазый, который в сотрудничестве со своим сыном Деметрием Полиоркетом создал огромную азиатскую державу, действительно вобравшую в себя большую часть покоренных македонянами владений. В 306 г., после впечатляющей победы над Птолемеем в морском сражении у Саламина Кипрского, Антигон и Деметрий первыми приняли царские титулы, открыто предъявив, таким образом, притязания на место угасшей династии Филиппа и Александра. Однако их примеру тут же последовали остальные диадохи: Птолемей в Египте, Кассандр в Македонии, Лисимах во Фракии и Селевк в Вавилонии также приняли царские титулы. А когда с возобновлением под эгидой Антигонидов панэллинского Коринфского союза их могущество угрожающе возросло, прочие диадохи еще раз объединились и в 301 г. в битве при Ипсе (во Фригии, в Малой Азии) наголову разгромили Антигона и Деметрия.

Со смертью Антигона Одноглазого, павшего на поле боя как солдат, было покончено с идеей воссоздания единой империи. Оставшиеся диадохи ориентировались, как правило, на сохранение достигнутого, на закрепление за собою и своими потомками консолидированных территориальных комплексов, опирающихся на некое историческое единство. Впрочем, и после Ипса дело не обходилось без крупных конфликтов. На Балканах после смерти Кассандра (видимо, в 298 г.) разгорелся спор за македонский престол между Деметрием Полиоркетом, эпирским царем Пирром и Лисимахом. С другой стороны, в Азии обострилось соперничество все того же Лисимаха с Селевком. Спор был решен в 281 г. в генеральном сражении при Курупедионе (в Лидии, в Малой Азии), где Селевк наголову разгромил своего соперника. Лисимах пал в битве, и его Фрако-азиатская держава перестала существовать. Селевк присоединил к своей империи большую часть азиатских владений Лисимаха, но при попытке перенести военные действия в Европу и утвердиться во Фракии и Македонии его постигла неудача: при переправе через Геллеспонт он пал от руки Птолемея Керавна, сына Птолемея I от Эвридики, которого он сам же приютил при своем дворе.

Смерть Селевка не поколебала, однако, прочности его династии: его азиатская империя осталась за его сыном Антиохом I (с 281 г.). Столь же прочным было положение и династии Птоле-

меев в Египте: здесь после смерти Птолемея I правителем остался его сын от Береники Птолемей II (с 283 г.). Третьим государством, вошедшим в «концерт» великих эллинистических держав, стала Македония, где после кратковременного правления Птолемея Керавна (281—279 гг.) и новой полосы неурядиц утвердился внук Антигона Одноглазого и сын Деметрия Полиоркета Антигон Гонат (с 276 г.).

Помимо этих главных держав эллинистический мир был представлен и рядом менее значительных государственных образований, как правило, также территориально-монархического характера. Особенно много их возникло на окраинах Селевкидской империи, в Малой Азии и на Иранском нагорье. Так, в западной части Малой Азии, на территории древней Лидии, сложилось Пергамское царство (государство Атталидов), в северо-западном ее углу, вдоль проливов, — Вифиния, далее на восток, в глубине малоазийского материка, — Каппадокия, а к северу от этой последней, на побережье Черного моря, — Понт. Из государств, возникших по краям Иранского нагорья, самым значительным было Греко-бактрийское царство, а позднее — государство парфян.

Что касается Балканской Греции, то она по-прежнему была представлена конгломератом более или менее независимых полисов. При этом наряду со старинными центрами — Афинами, Спартой, Фивами, — пребывавшими в состоянии упадка, отвечая тенденциям социально-экономического и политического развития, явились к жизни новые федеративные образования — Этолийский и Ахейский союзы, также претендовавшие теперь на руководящее положение в Элладе. Соперничество великих эллинистических держав позволяло грекам более или менее успешно отстаивать свою независимость, однако внутренние междоусобицы, социально-политические смуты в городах, конфликты между сопредельными полисами и распри из-за гегемонии, осложняемые постоянными вмешательствами извне, ослабляли силы народа и способствовали сохранению неустойчивого, кризисного состояния вплоть до утверждения римского господства на Балканах.

Эллинистические цари второго поколения, прозванные эпигонами (по-гречески буквально «родившиеся после»), зарекомендовали себя разумными администраторами, которые с особым усердием заботились о делах управления, о хорошем состоянии своих финансов, армии и флота и сохранении сложившейся в эллинистическом мире системы равновесия сил. Международная обстановка до поры до времени благоприятствовала этой плодотворной для развития культуры концентрации усилий на проблемах своих собственных государств и своего особенного мира (напомним, что

римляне весь III век были заняты завершением объединения Италии и борьбой с карфагенянами за господство в Западном Средиземноморье, а государство парфян вообще начинает вести свое существование лишь с 248 г.). Однако на исходе III столетия благоприятная для эллинизма обстановка стала меняться, и последующим эллинистическим правителям, потомкам эпигонов, удача сопутствовала все меньше и меньше.

Трудности нарастали как снежный ком. Внутри отдельных эллинистических государств обнаружились признаки напряженности в отношениях господствующего греко-македонского слоя с покоренным коренным населением, которое начало наконец проявлять активность, заставляя считаться с собою (ср. участие местных египетских контингентов в битве при Рафии в 217 г., где Птолемей IV нанес поражение селевкидскому царю Антиоху III) или даже прямо заявляя претензии на самостоятельность (выступление Маккавеев в подчиненной Селевкидам Иудее в 60-е годы II в.). Вместе с тем большие опасности надвинулись на мир эллинистических государств извне: с запада уже в первые годы II в. началось наступление Рима, а на востоке парфяне полвека спустя добились крупного успеха, овладев Мидией. Особенно быстрым оказалось нарастание римской инициативы. Эллинистические государства стремительно втягиваются в орбиту римских великодержавных устремлений и одно за другим теряют свою независимость: в 168 г. практически, а в 148—146 гг. окончательно — Македония и Греция, в 133—129 гг. — Пергам, в 74—66 гг. — Вифиния и Понт, в 63 г. — Селевкидская Сирия, в 30 г. — Египет.

С некоторым опозданием, но столь же неуклонно шло наступление на позиции эллинистического мира и с Востока, ведущееся силами воинственных иранских племен. Однако при всем внешнем сходстве процессов завоевания различны были принципиальные установки и соответственно отношение к наследию эллинизма. Поглотив большую часть культурных областей к востоку от Евфрата, Парфянское царство ориентировалось на возрождение паниранских традиций Ахеменидов, между тем как Рим стал преемником традиций эллинизма. Отныне развитие западной античной цивилизации единолично направлялось Римской империей, и от ее силы и способности противостоять натиску с востока зависели судьбы как этой цивилизации вообще, так и вошедшего в нее существеннейшим элементом культурного наследия эллинизма.

В новое время история эллинизма довольно скоро стала предметом самого интенсивного изучения. Помимо естественного у новейших исследователей интереса к столь важному периоду древ-

ней истории, отмеченному исключительным по своей активности взаимодействием различных социально-политических и культурных форм — греческого полиса и македонской монархии, греко-македонского империализма и державных устремлений Рима, наконец, и более всего, цивилизации античного Запада и культурных традиций Переднего Востока, — вниманию к истории эллинизма в большой степени содействовал приток новых материалов, добытых археологическими изысканиями на исходе XIX и в начале XX столетия. Обилие новых эпиграфических и папирологических документов дало возможность не только с большей полнотой реконструировать сложную и запутанную политическую историю эллинизма, но и плодотворно исследовать самые различные аспекты эллинистической цивилизации — социально-экономические отношения, жизнь городских и сельских общин, политические структуры, тенденции и достижения культурного развития и пр.

Вообще соответственно изменению условий и факторов, социально-политических и идеологических, влиявших на формирование новейшей историографии античности, а также по мере накопления новых материалов постоянно совершенствовался научный подход и ширилась и углублялась интерпретация эллинизма. Для зачинателя исследований по эллинизму И. Г. Дройзена, чей интерес к этому периоду определялся поисками исторических аналогий процессу формирования новой Германской империи, в эллинизме привлекательными были именно сильная монархия Филиппа и Александра, форсирование ими объединения греко-македонских земель и успешное осуществление завоевательной кампании на востоке. При этом сущность эллинизма сводилась к победоносному вторжению и распространению передовой античной культуры среди отсталых народов Востока.

Интерес к политической истории и политическим формам эллинизма с характерным возвеличением греко-македонской державной политики и ее носителей царей Филиппа и Александра, равно как и последующих их преемников, надолго остался определяющим для немецкой буржуазной историографии. После Дройзена на рубеже XIX—XX вв. политическую историю эллинизма интенсивно разрабатывали К. Ю. Белох, Б. Низе, Ю. Кэрст, после первой мировой войны — У. Вилькен, Г. Берве, Г. Бенгтсон, а после второй — помимо только что названных Берве и Бенгтсона еще и Ф. Шахермейр (собственно австрийский ученый, чье творчество, однако, тесно было связано с судьбами немецкой буржуазной науки вообще). Свой вклад в разработку политической истории эллинизма внесли на Западе и представители других национальных

школ. Английские ученые занимались историей Александра (В. В. Тарн) и отдельных эллинистических монархий — Птолемея (Дж. Магаффи), Селевкидов (Э. Бевэн), Антигонидов (В. В. Тарн и Ф. Волбэнк); французские — тоже историей Александра (Ж. Раде), Лагидов и Селевкидов (А. Буше-Леклерк), а кроме того, особенными аспектами эллинистической политики — македонским империализмом (П. Жуге), отношениями эллинистических государств с Римом (М. Олло, а специально Пирром — П. Левек, Митридатом VI Евпатором — Т. Рейнак). Англичанину М. Кэри и французцу Эд. Виллю принадлежат хорошие общие обзоры эллинистической истории в эпоху диадохов и эпигонов⁶.

Вместе с тем наряду с изучением «внешней», политической истории эллинизма, по мере расширения источниковедческой базы и углубления историко-социологических исследований началась разработка и других аспектов этого периода — социально-экономического развития, культуры, цивилизации в целом. Здесь как раз много сделали англо-американские и французские ученые, менее скованные интересом к политической истории и — в духе своих национальных школ — более склонные к изучению социально-экономических отношений и проблем цивилизации. В разработку социально-экономической истории эллинизма большой вклад внес М. И. Ростовцев, представлявший (после отъезда своего из России в 1918 г.) англо-американскую историографию. Его работы о крупном землевладении и внешней торговле птолемеевского Египта и в особенности капитальная трехтомная «Социально-экономическая история эллинистического мира» (Оксфорд, 1941)⁷ хотя и не были свободны от характерной для новейшей буржуазной историографии склонности к модернизации и, разумеется, не разрешили всех проблем, все же по богатству привлеченных и введенных в употребление материалов, по обилию наблюдений и идей не знают себе равных на Западе.

Что же касается общей оценки эллинизма с позиций его политических, социально-экономических и культурных достижений, т. е. как цивилизации в целом, то здесь симптоматична была вышед-

⁶ Укажем две последние работы ввиду их практической полезности: M. Cary. *History of the Greek World from 323 to 146 B. C. L.*, 1932; E. d. Will. *Histoire politique du monde hellénistique (323—30 av. J. C.)*, t. I—II. Nancy, 1966—1967 (имеется обширная библиография).

⁷ M. Rostovtzeff. *The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I—III.* Ox., 1941 (есть немецкий и итальянский переводы).

шая первым изданием еще в 1927 г. и неоднократно переиздававшаяся книга В. В. Тарна «Эллинистическая цивилизация»⁸. Суммируя достижения западной историографии, Тарн скептически относится к возможностям точного определения сущности эллинизма. «Что же означает „эллинизм“?» — спрашивает Тарн. И продолжает: «Для одних он означает новую культуру, состоящую из греческих и восточных элементов; для других — распространение греческой культуры на страны Востока; для третьих — продолжение развития чистой линии все той же более древней греческой цивилизации; для иных — это та же греческая цивилизация, но видоизмененная под влиянием новых условий. Все эти теории содержат долю истины, но ни одна из них не является полной истиной; и все они оказываются непригодными, как только исследователь переходит к деталям; так, например, эллинистическая математика была чисто греческой, а наука, наиболее к ней близкая, — астрономия — греко-вавилонской. Для того чтобы получить правильную картину, мы должны рассмотреть совокупность всех явлений, а термин „эллинизм“ есть только „условная этикетка“ для цивилизации трех веков, в течение которых греческая культура распространялась далеко за пределы своей родины; никакое общее определение не может полностью охватить этот процесс»⁹.

Суждение это, не лишенное известных оснований, поскольку нельзя оспаривать чрезвычайной сложности эллинистической истории, не может быть, однако, принято *in toto* ввиду очевидной своей негативной установки, отражающей бессилие западной буржуазной историографии, ее неспособность с позиций традиционных доктрин дать убедительную теоретическую интерпретацию эллинизма.

В отечественной историографии тема эллинизма стала предметом специального изучения сравнительно рано — с 60-х годов XIX в., причем обращение к этой теме диктовалось прежде всего интересом к проблемам социального развития, что было так характерно для русской историографии пореформенного времени. В. Г. Васильевский, позднее обратившийся к византийской истории, дебютировал в науке обстоятельным трудом по истории социального движения и политической реформы в Греции III в. до н. э.¹⁰. Здесь, в частности, им было детально исследовано предание о спартанских царях-реформаторах Агисе IV и Клеоме-

⁸ W. W. Tarn. Hellenistic Civilisation. L., 1927.

⁹ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 19—20.

¹⁰ В. Г. Васильевский. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869.

не III. Ф. Г. Мищенко, в свою очередь, первым занялся изучением федерального движения в эллинистической Греции, видя в союзных образованиях того периода — Этолийской и Ахейской лигах — конструктивную альтернативу гегемонистской политике македонских царей ¹¹.

В то же время началось и систематическое изучение политической истории эллинизма. По этой части особенно много было сделано Ф. Ф. Соколовым ¹² и его учениками, среди которых выделяется С. А. Жебелев с его монографиями, посвященными эллинистическо-римской Греции ¹³. В начале XX в. параллельно появились исследования и по социально-экономической истории эллинизма. Представителями этого нового направления были, в частности, М. М. Хвостов и М. И. Ростовцев. Первый исследовал экономику греко-римского Египта и, между прочим, выявил роль царской монополии в египетской торговле и промышленности при Птолемах ¹⁴. Второй в многочисленных своих трудах наметил целый ряд линий в изучении эллинистическо-римской экономики и культуры, выводя многие черты римского уклада из эллинистического времени (например, истоки колоната — из форм зависимости, сложившихся на эллинистическом Востоке) ¹⁵.

Советская историческая наука, переняв традиционный для русской историографии интерес к социально-политическим и экономическим проблемам эллинизма, существенно обогатила изучение этого периода, применив к нему марксистское учение о социально-экономических формациях. Известные шаги в этом направлении были предприняты еще в довоенной историографии (в общих курсах С. И. Ковалева и В. С. Сергеева), но в особенности велико

¹¹ Ф. Г. Мищенко. Федеративная Эллада и Полибий. — Полибий. Всеобщая история. Т. I. М., 1890, с. I—CCXLII.

¹² Ф. Ф. Соколов. Труды. СПб., 1910.

¹³ С. А. Жебелев. Из истории Афин. 229—31 гг. до р. Х. СПб., 1898; он же. АХАΙΚΑ. В области древностей провинции Ахайи. СПб., 1903.

¹⁴ М. М. Хвостов. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. Т. I (История восточной торговли греко-римского Египта). Казань, 1907; он же. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. Т. I (Текстильная промышленность в греко-римском Египте). Казань, 1914.

¹⁵ Капитальный труд, посвященный последнему сюжету, был издан на немецком языке: M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Lpz.—B., 1910.

было значение развернувшихся в первые послевоенные годы специальных исследований А. Б. Рановича¹⁶. Начав с критики модернизаторских построений М. И. Ростовцева, Ранович развил свой взгляд на эллинизм как на «этап в истории античного рабовладельческого общества». Историческую роль эллинизма Ранович определил, исходя из представления о закономерностях развития рабовладельческого общества, вынужденного с помощью завоевания преодолевать барьер, который ставит экономическому прогрессу рабство. Эллинизм, возникший в результате кризиса греческого и восточного обществ, означал, по его мнению, повторение развития античного рабовладельческого общества на более высокой ступени. Но для того чтобы привести к смене рабовладельческого общества более прогрессивной общественно-экономической формацией, эллинизм не создал достаточных условий и потому, в свою очередь, пришел к кризису, который разрешился римским завоеванием и повторением процесса на еще более высокой ступени.

Концепция Рановича при всей своей видимой логичности, обеспечившей ей известную популярность среди советских историков, вызвала, однако, в скором времени и возражения. К. К. Зельин и ряд идущих за ним исследователей (в последнее время, в частности, Г. А. Кошеленко) не согласились с трактовкой эллинизма как этапа в развитии античной рабовладельческой формации. Зельин предложил свое понимание эллинизма как конкретно-исторического явления, вызванного к жизни историческим процессом сближения народов Восточного Средиземноморья и форсированного греко-македонским завоеванием, явления, характеризовавшегося взаимодействием эллинских и местных, восточных, начал в различных сферах социальной жизни. При этом указывалось на значительные стадийные различия в уровне развития отдельных регионов эллинистического мира, не позволяющие как будто бы говорить о едином социологическом качестве этого мира¹⁷.

Эта критическая позиция, подкупающая своим более конкретным, дифференцированным подходом к изучению темы эллинизма, означает, однако, на деле отказ от попыток определить эллинизм по существу, ибо нельзя же считать таким определением тезис о

¹⁶ Важнейшая обобщающая работа: А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950.

¹⁷ К. К. Зельин. Основные черты эллинизма.— ВДИ, 1953, № 4, с. 145—156; он же. Некоторые основные проблемы истории эллинизма.— СА. Т. XXII, 1955, с. 99—108; Г. А. Кошеленко. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 3, 28, 78.

«конкретно-историческом явлении». Но время для общего определения эллинизма, очевидно, еще не наступило, и нынешние исследования советских ученых, ориентированные на выявление конкретно-исторических особенностей, представляют по сути дела круг аналитических исследований, долженствующих подготовить условия для нового синтеза. Первостепенное внимание при этом по-прежнему уделяется вопросам социально-экономического порядка: исследуются социальная организация, типы городских и сельских общин, аграрные отношения и формы зависимости в Малой Азии (Е. С. Голубцова и И. С. Свенцицкая) и Сирии (И. Ш. Шифман), положение городов в державе Селевкидов (Г. Х. Саркисян), организация промышленности (Н. Н. Пикус) и аграрные отношения в эллинистическом Египте (К. К. Зельин и А. И. Павловская).

В последнее время пробуждается интерес и к политическим аспектам истории эллинизма, что должно рассматриваться как выражение крепнущего убеждения в необходимости всестороннего, комплексного изучения этого своеобразного исторического периода. Среди проблем политической истории эллинизма специальному исследованию подвергаются в первую очередь такие, как сущность и форма эллинистической государственности, соотношение полисного и державного, республиканского и монархического начал в политических системах эллинизма, взаимодействие философской мысли греков и государственной практики эллинистических правителей, наконец, конкретные этапы формирования эллинистического государства. Укажем в этой связи на интересные статьи и недавно вышедшую, упомянутую выше монографию Г. А. Кошеленко, где как раз и рассмотрены многие из названных проблем.

Тем не менее бросается в глаза недостаточная разработанность в советской историографии именно политической истории эллинизма. Недостаток этот для читателя, интересующегося событиями прошлого, лишь до некоторой степени может быть компенсирован обращением к переводной литературе многолетней давности — книгам И. Г. Дройзена и В. В. Тарна. Труд первого весьма специален, да и давно уже стал библиографической редкостью (перевод вышел в 90-х годах прошлого века!), а интересная в общем книга второго дает обзор эллинизма главным образом в системном плане (по рубрикам — политические структуры, социально-экономические условия, торговля и путешествия, литература и пр.), ограничиваясь по части событийной истории лишь кратким вступительным очерком. Предлагаемый вниманию советского читателя перевод новой книги западногерманского историка

Германа Бенгтсона как раз и может заполнить этот пробел, ибо она посвящена именно политической истории эллинизма. При этом в ней сочетаются академическая основательность с популярностью изложения, и, что особенно важно, автор подает историю в том виде, который всегда вызывает особый интерес у широкой публики, — в виде биографий ведущих политических деятелей — «правителей эллинизма».

Г. Бенгтсон принадлежит на Западе к числу наиболее крупных ученых-антиковедов, чьи труды давно уже стали прочным достоянием историографии. Среди многочисленных исследований Бенгтсона целый ряд посвящен специально проблемам эллинизма. Это, в частности, фундаментальный трехтомный труд о стратегии, очень важный для понимания военных основ власти эллинистических правителей и их администрации; затем совместная с В. Отто работа о закате Птолемеевой державы; и, наконец, своего рода эссе об основных чертах эллинистической цивилизации, где значение эллинизма усматривается прежде всего в развитии творческого духа эллинизма, проявившегося в особенности в области административно-государственного строительства, а также в технике (в широком смысле слова) ¹⁸. Перу Бенгтсона принадлежат и два образцовых — стандартных, как иногда говорят, — общих пособия по античной истории — «Греческая история» ¹⁹ и «Очерк римской истории» ²⁰, где изложение доведено до начала правления императора Диоклетиана (284 г. н. э.).

Г. Бенгтсон — ученый сугубо академического плана, что отличает его от некоторых его соотечественников, тоже крупных ученых, однако не брезговавших в свое время сотрудничеством с нацизмом (для примера можно указать хотя бы на Г. Берве). Однако академическая основательность не исключает у Бенгтсона приверженности к целому ряду идей, которые по-своему стали традиционными для немецкой буржуазной историографии античности. Лучше всего о достоинствах и недостатках научной манеры западногерманского ученого можно было бы судить на примере его основного труда — «Греческой истории». Бесспорно

¹⁸ H. Bengtson. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd I—III, München, 1937—1952; он же. Zur Geschichte des Ptolemäerreiches. München, 1938 (совместно с W. Otto); он же. Wesen züge der hellenistischen Zivilisation. Brüssel, 1968.

¹⁹ H. Bengtson. Griechische Geschichte. München, 1950, 4. Aufl., 1969.

²⁰ H. Bengtson. Grundriss der römischen Geschichte. Bd I, München, 1967.

научная ценность этого капитального произведения. Добротное фактическое изложение, внимание к любым теоретически значимым аспектам античной истории, осторожность и трезвость в оценке новейших концепций, наконец, богатство источниковедческих и историографических указаний — таковы замечательные качества этой книги, которые делают ее теперь незаменимым пособием для всех, кто занимается историей древней Греции.

Но книге присущи и недостатки, характерные именно для немецкого буржуазного антиковедения. Односторонностью отличаются библиографические рекомендации автора: в расчет принимаются прежде всего и главным образом работы немецких ученых, вследствие чего складывается неверное представление о подавляющем превосходстве германского антиковедения. Но самое главное: ущербна основная историческая концепция автора. Она исходит из представления о саморазвитии государственных форм вне связи с изменениями социально-экономических условий и развитием классовой борьбы. При этом переход от автономного полиса к территориальной монархии расценивается Бенгтсоном как безусловно прогрессивный шаг. Для позиции автора характерна идеализация монархической формы, а вместе с тем и ее идеологов и создателей — Исократ, Филиппа и Александра. В государстве Александра Бенгтсон видит абсолютную монархию, прообраз будущих западных монархий, а венцом развития античной государственности он считает римское единодержавие.

Эти особенности научного творчества Г. Бенгтсона следует иметь в виду, начиная знакомство с новой его книгой по истории эллинизма. Впрочем, установка на популярность изложения в данном случае обернулась тем, что указанные выше тенденции выступают в этом сочинении менее выпукло, в менее обязывающей форме. Книга написана в спокойной, уравновешенной манере. Хотя в основу положен личностный аспект и политическая история эллинизма представлена в биографиях наиболее выдающихся ее творцов — полководцев Александра, создателей новых территориально-монархических государств, а затем эллинистических царей — их преемников, — автор стремился остаться на почве реально происходившего, не позволяя себе уклониться на нередкий в таких случаях путь составления исторического жизнеописания с помощью развлекательных анекдотов. «Непозволительно заполнять исторические лакуны анекдотами, которые по большей части не могут притязать на историческую достоверность», — заявляет он в предисловии, и этому девизу остается верен до конца, критикуя драматизированные версии эллинистическо-римской историографии и предпочитая вовсе не касаться отдельных периодов или сторон жизни своих

героев, нежели воспроизводить их с помощью легковесного, сомнительного материала.

Выбор персонажей сделан в общем удачно, предоставляя возможность на конкретных примерах проследить все фазы эллинистической истории — от борьбы диадохов за наследство Александра до агонии эллинизма на исходе старой эры. Из 13 биографий четыре — Птолемея I, Селевка I, Деметрия Полиоркета и Пирра — падают на период первоначального брожения и консолидации мира эллинистических государств, причем в лице первых двух представлены деятели, так сказать, конструктивного плана, тогда как два других — Деметрий и Пирр — были живыми воплощениями авантюризма, который их и погубил.

Следующие четыре биографии — Птолемея II и Арсинои II (объединены в одном очерке), Антигона Гоната и спартанского царя Клеомена III — относятся ко времени зрелого эллинизма (с конца 80-х по конец 20-х годов III в. до н. э.). При этом опять-таки подобраны разные типы: если Птолемей II и Антигон Гонат могут быть отнесены к разряду разумных администраторов, много сделавших для упрочения внутреннего и внешнего положения своих государств, то в лице спартанца Клеомена представлен — насколько убедительно, это особый вопрос — тип политика-бунтаря, задававшегося несбыточными целями и потому накликавшего беду и на себя, и на свое государство.

И, наконец, последние пять персонажей — Антиох III, Филипп V, Эвмен II, Митридат VI Евпатор и Клеопатра VII — относятся к периоду заката и гибели эллинизма, изнемогшего в борьбе с Римом. Судьба всех пятерых, равно как и возглавлявшихся ими государств, определялась их контактами с Римом. В эти контакты они вступали по-разному: как могущественные соперники, на равных оспаривавшие первенство у римлян (Антиох III и Филипп V); как зависимые партнеры, искавшие дружбы и покровительства римлян и старавшиеся таким путем упрочить свое собственное положение (Эвмен II и по-своему также Клеопатра); как отчаявшиеся борцы, пытавшиеся в последней яростной схватке остановить натиск более сильного противника (Митридат), — но все в общем (даже и Эвмен II) кончили одинаково, потерпев крушение в своих планах, которые разбились о последовательность и мощь римской державной политики.

Изложение ведется Г. Бенгтсоном на широком историческом фоне. Рассказ об очередном политическом деятеле служит поводом к тому, чтобы дать более или менее развернутую характеристику соответствующего времени и страны. Так, в биографии Птолемея I великолепно обрисована родина героя — древняя патри-

архальная Македония, переродившаяся при Филиппе и Александре в государство нового типа. А затем в этой же главе дается описание страны, ставшей государством Птолемея, — Египта, и рассказ ведется так, что мы живо представляем необычайность окружения, в котором оказались греко-македонские завоеватели, и трудности, которые им предстояло разрешить.

В биографии Пирра даются сведения о родине этого царя — Эпире, захолустной области на северо-западе Греции, где причудливо переплетались традиции примитивной, едва ли не гомеровского типа, монархии и столь же примитивного республиканизма. Жизнеописание спартанского царя Клеомена III дает возможность автору живописать состояние упадка, в котором находился в середине III в. до н. э. один из ведущих полисов Эллады, равно как и те попытки реформ, которые были предприняты царями Агисом и Клеоменом. Напротив, в жизнеописании Антигона Гоната подчеркнута возросшая роль новых политических образований греков — Ахейского и Этолийского союзов — и те перемены в политической жизни Эллады, которые были связаны с выступлением этих, более прогрессивных по своему типу, федеративных государств. В этой же главе, в связи с интеллектуальными интересами и занятиями Антигона Гоната, прослежена политика македонских царей в области культуры, их заботы о привлечении выдающихся греческих художников и мыслителей и о внедрении таким образом достижений греческой культуры в своей стране.

Вообще проблемы культуры в жизни эллинистических государств отражены в книге Бенгтсона с большой полнотой: в связи с оценкой соответствующих достижений Птолемея I и Птолемея II подробно рассказывается о создании крупнейшего научного центра эллинизма — Александрийского музея; в очерке об Эвмене II — о сооружении знаменитого Пергамского алтаря, считавшегося одним из семи чудес света; в биографиях Птолемея I и Антигона Гоната — о творчестве выдающихся историков раннего эллинизма (самого Птолемея и Гиеронима из Кардии). При этом подчеркивается не только внедрение элементов греческой культуры, но и взаимодействие эллинского и восточного начал. Какой причудливый синтез это взаимодействие могло порождать, великолепно показано на примере царя Митридата Евпатора и его Понтийской державы.

Что касается собственно восточного, «местного» компонента эллинизма, то его черты проступают в книге Бенгтсона гораздо бледнее победоносного лика западной цивилизации, и объясняется это, разумеется, не только и не столько подчиненной ролью Востока и сравнительной бедностью иллюстрирующего его вклад ма-

териала, сколько нарочитой европоцентристской установкой автора. Тем не менее нельзя сказать, чтобы в переведенном нами сочинении этот сюжет был совершенно обойден. Помимо интересных замечаний о взаимодействии греческого и иранского начал в державе Митридата, можно указать на обширные экскурсы о положении, трудовой деятельности и эксплуатации местного населения в государстве Птолемеев (в каждом из трех «египетских» очерков). В особенности впечатляет рассказ об отчаянном положении низших слоев населения при последних Птолемах (в биографии Клеопатры VII). Он, естественно, подводит к выводу о равнодушии масс коренного трудового народа к судьбам верхушечной цивилизации эллинизма, которая уже в силу одного этого была обречена на поражение в столкновении с внешним врагом.

Можно смело сказать, что нет такой области общественной жизни эпохи эллинизма, которая не нашла бы своего отражения в книге Бенгтсона. Это видно из обзора сюжетов, связанных с объективным историческим фоном; еще более в этом убеждаешься, когда обращаешься к проблемам политической практики властителей эллинизма. Не раз автор останавливает наше внимание на проблеме взаимоотношений эллинистического властителя и города-государства, которая, сколько бы она ни решалась в пользу сильной монархической власти, не сходила с повестки дня в силу живучести и жизнестойкости полисного уклада жизни (примеры — отношения Птолемея I с Киреной, Деметрия Полиоркета с Афинами, Пирра с различными греческими городами). Другая столь же часто выдвигаемая проблема — взаимоотношения господствующего греко-македонского слоя с местным населением покоренных на востоке областей. При этом отмечается сдержанная позиция Птолемеев и более конструктивная линия Селевкидов, в частности Селевка I и Антиоха III, не гнушавшихся привлекать иранскую знать к управлению государством.

Касаясь вклада эллинистических правителей в развитие принципов административного управления, автор указывает, между прочим, на своеобразие птолемеевского эксперимента, приведшего к созданию в Египте «одной из управляемых сверху экономических систем» (эта тема развита в биографии Птолемея II). Отдавая должное достижениям Птолемеев в финансово-экономической области, автор вместе с тем отмечает и коренной порок осуществлявшейся ими государственно-монополистической политики — ее глубоко фискальную направленность. «Несмотря на то, что такая экономическая политика,— справедливо констатирует Бенгтсон,— обнаружила удивительные успехи, она в конечном счете лишь содействовала упадку страны». Та же тема административного уп-

равления затрагивается автором и в связи с историей Селевкидов. Перед последними, впрочем, стояла совершенно особенная по трудности задача — сохранение контроля над гигантской, необъятной и разноплеменной империей. Антиох III пытался решить эту задачу, избрав путь административной децентрализации и одновременно милитаризации управления в каждой отдельной провинции. Известный эффект эти меры имели, но в устойчивом успехе Селевкидам также было отказано.

И наконец, тема, которой автору приходится касаться буквально в каждой биографии, — это истоки, утверждение и легализация монархической власти в эпоху эллинизма, с такими частными, но по-своему весьма важными и интересными ответвлениями, как развитие практики соправления (примерами могут служить родственные пары — Птолемей I и Птолемей II, Селевк I и Антиох I, а еще раньше Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет); затем участие в делах управления женщин из царствующих домов (наиболее колоритными фигурами здесь выступают Арсиноя II и Клеопатра VII); и, наконец, учреждение эллинистического культа правителей, чему особенно содействовала целенаправленная политика в Египте Птолемея II, а у Селевкидов — Антиоха III.

Разумеется, не все эти проблемы затронуты и разрешены автором в одинаковой степени и не со всеми его выводами и оценками можно согласиться безоговорочно. Так, например, противоречивой является оценка политики Птолемея I в отношении местного египетского населения: с одной стороны, справедливо отмечается отказ птолемеевской администрации от привлечения этого населения к равноправному сотрудничеству, а с другой — вопреки очевидному отрицается ориентация власти на беспощадную эксплуатацию коренного населения. Не кажется обоснованной и проскальзывающая тенденция к преуменьшению роли рабства в экономике Египта, и уж совсем неприемлемо положение — если только мы правильно раскрыли мысль автора — о развитии феодальной системы в Египте фараонов (и то и другое — в биографии Птолемея II). Спорной представляется нам негативная оценка деятельности знаменитого спартанского царя-реформатора Клеомена III. Автор порицает его за фантастичность проектов и применение насильственных методов при попытке их осуществления. Но с таким же успехом можно было бы осуждать и великих римских демократов братьев Гракхов, сравнение с которыми в данном случае напрашивается на основании замечаний и реплик самого же Бенгтсона. Равным образом спорна и уничтожающая характеристика последнего пергамского царя Атталы III (в биографии Эвмена II), в котором автор видит существо совершенно никчемное, не

допуская мысли об искажении образа этого правителя тенденциозной римской историографией²¹.

Конечно, все эти положения и оценки не случайны, они обусловлены характерными для западной буржуазной историографии установками (модернизация античности, симпатия к «твердой» державной политике и антипатия к радикально-демократическим выступлениям и реформам и т. п.), что диктует необходимость критического отношения к утверждениям Бенгтсона²². Однако справедливость требует признать, что отмеченные моменты не делают погоды. Изложение в целом насыщено добротной информацией и проникнуто здравыми историческими идеями, благодаря чему книгу с пользой прочтет и читатель, не обладающий особой подготовкой, и специалист.

За всем этим не следует забывать о жанровом своеобразии рассматриваемого сочинения. Это — свод биографий наиболее выдающихся политических деятелей времени эллинизма, и биографии эти ценны не только сопутствующей исторической информацией, но и сами по себе. В самом деле, нельзя отрицать, что наиболее важным произведением любой исторической эпохи является человеческая личность. Ярким воплощением замечательной эллинской культуры и эллинского творческого духа, наряду с поэтами и художниками, философами и историками, математиками и географами, были также и политики. В классическую эпоху это были лидеры свободных греческих полисов — Фемистокл, Перикл, Демосфен; в век эллинизма, когда господствующей политической формой стала монархия, — правители монархического типа. В книге Бенгтсона они выступают как сильные личности, не лишенные известного героического ореола, но и не возвеличенные сверх меры. Преувеличения встречаются, но чаще всего они остаются на уровне характеристики, сделанной к случаю (оценка Селевка как второго Александра, заявления об определяющем влиянии уравнишен-

²¹ Интересную попытку пересмотреть шаблонное представление об Аттале III можно найти в статье: К. М. Колобова. Аттал III и его завещание. — Древний мир. М., 1962, с. 545—554.

²² К модернизации античности относится и частое употребление в книге Г. Бенгтсона терминов, присущих современному языку, как, например, «вице-король», «губернатор», «генерал-адъютант», «рейхсмаршал» и т. п. В большинстве случаев мы оставляли эти модернизмы в переводе без изменений, учитывая традиции как немецкой историографии, где модернизация античности укоренилась со времени Т. Моммзена (середина XIX в.), так и русских переводов, сохранявших эту установку немецкого антиковедения.

ной натуры Антигона Гоната на возрождение Македонии в III в. и неустойчивого состояния духа Антиоха III — на трагический исход его противоборства с Римом), — исторической картины в целом они не искажают.

Автор видит в своих героях живых людей, наделенных большой творческой энергией и — сообразно их социальной природе и положению — колоссальным личным честолюбием, толкавшим их не только на подвиг, но подчас и на преступление. Почти все начинали с насильственного устранения своих соперников: Птолемей I распорядился убить грека Клеомена, Селевк принимал участие в заговоре против Пердикки, Антиох III санкционировал расправу над своим первым министром Гермием и т. д. Одни, как Деметрий Полиоркет и Пирр, так и не сумели преодолеть опасного влечения к авантюре и погибли, не успев создать ничего прочного; другим, как Птолемею и Селевку, напротив, удалось верно подметить определяющую тенденцию времени и достичь успеха — стать основателями жизнеспособных политических образований. Одни правильно сумели распорядиться отцовским наследием и прославились как мудрые правители, содействовавшие процветанию своих стран; другие, не найдя верного пути, потерпели крушение и увлекли вместе с собой в пропасть возглавляемые ими государства. Однако все, как правило, отличались сильным характером и, терпя катастрофу, даже перед лицом неминуемой гибели находили такие душевные силы, которые придавали величие самой их смерти. В этом плане особенно ярки фигуры спартанского царя Клеомена III, понтийского владыки Митридата и египетской царицы Клеопатры VII, сумевших и в последний свой час остаться на уровне той великой исторической трагедии, где они выступали главными действующими лицами.

Эпоха эллинизма отмечена определяющим значением территориальной монархии. Соответственно велико было воздействие политической инициативы сильных и энергичных правителей на судьбы эллинистического мира. Разумеется, ход истории в конечном счете определялся сплетением и взаимодействием различных социальных факторов, но среди них видное место принадлежало воле тех, кто единолично возглавлял эллинистические государства и в ком по преимуществу и воплощалась в ту пору энергия политического творчества. Но даже если считать фигуры властителей эллинизма простыми символами, то и тогда надо отдать должное их колориту: у колыбели эллинизма стояли Филипп и Александр, его утверждение было отмечено победоносным выступлением Птолемея и Селевка, а его закат — самоубийством Митридата и Клеопатры.

Предисловие

Исследование эллинизма отмечено в прошедшие десятилетия значительными успехами. Не только в многочисленных и плодотворных частных изысканиях, но также и в некоторых ценных обобщающих трудах выявлены самые различные аспекты эллинистического времени. В особенности образцовая работа Михаила Ростовцева «The Social and Economic History of the Hellenistic World» (3 тома, Оксфорд, 1941) открыла новую эпоху в изучении эллинизма. Вместе с тем ряд значительных трудов способствовал разработке как политической истории, так и всеобщей истории культуры эллинистического времени. Так, оба тома «Histoire politique du monde hellénistique» Эдуарда Вилля (Нанси, 1966 и 1967) представляют собой пособие, которым каждый воспользуется с благодарностью, тем более что все еще недостает новейшего обобщающего изображения политической системы эллинизма. Равным образом заслуживает здесь упоминания содержательная «Kulturgeschichte des Hellenismus» Карла Шнейдера (2 тома, Мюнхен, 1967 и 1969).

История эллинизма — время от смерти Александра Великого до взятия Октавианом Александрии (с 323 по 30 г. до н. э.) — представляет множество аспектов — политических, экономических, не говоря уже о военных. Никто не может рассчитывать на то, чтобы описать все эти явления в одной, сколь бы она ни была обширной, работе. Но особенно обойденным в новейших исследованиях, как мне кажется, явился биографический аспект, хотя ни одна античная эпоха не породила так много выдающихся личностей, как эллинизм. Конечно, состояние наших источников не всегда удовлетворительно, и по существу лишь те лица могут быть представлены в исполненных живых красок портретных изображениях, биографии которых сохранил для нас Плутарх в своем собрании «Сравнительных жизнеописаний». Все же кажется заслуживающим труда вызвать к новой жизни, наряду с несомненно интересными фигурами Деметрия Полиоркета и Пирра, также некоторых других выдающихся деятелей

времени диадочов, равно как отдельных царей и цариц эпохи развитого эллинизма, насколько это вообще возможно для историка последующих эпох.

Естественно, недостаток биографического материала нередко выступает серьезной помехой, и непозволительно заполнять исторические лакуны анекдотами, которые по большей части не могут притязать на историческую достоверность. Когда в свое время Теодор Бирт выпустил в свет «Römische Charakterköpfe», книга эта была встречена любителями истории с воодушевлением именно вследствие своего широкоанекдотического характера. Я опасаясь, что изложение моей книги не сможет конкурировать с трудом Бирта, ибо оно покоится на критическом использовании античных источников, которые, к сожалению, зачастую иссякают именно там, где на сцену выходит личность. Все же биографии эллинистических царей и цариц могут представить для историка и критически мыслящего читателя большой интерес, если только он сумеет увидеть эти явления в надлежащем освещении.

Автор старался увидеть своих героев на фоне их времени — насколько это удалось, пусть судит читатель. И наконец, еще одно слово по поводу выбора персонажей: он осуществлен так, чтобы изложение давало обзор всей истории эллинизма, начиная с формирования после смерти Александра эллинистических территориальных держав и кончая присоединением Египта к Римской империи при Октавиане. Возможно, в ряду эллинистических правителей и правительниц окажется пропущенным то или иное лицо, но в целом, мне кажется, выбор обоснован и по существу, и по состоянию наших источников.

Кто не знаком с эллинизмом, возможно, будет поражен обилием современных аспектов, выступающих здесь на поверхность. Эпоха эллинизма является временем переходным, его проблемы сродни нашим современным проблемам.

В заключение я хочу выразить благодарность всем, кто мне помогал: фрау А. А. Бодиг за изготовление оригинала рукописи, моему ученику доктору Ральфу Урбану — за подбор иллюстраций, составление указателя и чтение корректуры, фрау доктор Урсуле Пич — за хлопоты, связанные с изданием книги.

Мюнхен, весна 1975 г.

I

Птолемей I, царь Египта

(около 360—283/282 гг. до н. э.)

Птолемей (имя следует производить от «polemos» — «война» и означает «воинственный») был основателем названной по его имени династии Птолемеев в Египте. В древности для него не нашлось биографа. Плутарх из Херонеи (приблизительно 46—127 гг. н. э.), который написал биографии Деметрия Полиоркета, Пирра и несчастного спартанского царя Клеомена III, не оставил нам биографии Птолемея I. Впрочем, нет даже указаний на то, что у него было намерение составить жизнеописание Птолемея. Это очень досадно, ибо жизнь этого человека, который прожил почти восемьдесят лет, заслуживала описания, тем более что эти восемьдесят лет падают на время, которое было свидетельством величайших перемен в древнем мире: возвышение Филиппа II Македонского, завоевание его сыном Александром Персидской державы, образование империй диадохов и постепенная консолидация эллинистических государств — все это Птолемей пережил, а в формировании империй диадохов он даже играл решающую роль.

Возвышение македонского аристократа до положения генерал-адъютанта царя Александра, затем сатрапа и, наконец, царя Египта предлагает массу интересных аспектов, так что нелегко выбрать хотя бы самые важные. Но если задаться целью охарактеризовать Птолемея как человека, то этой попытке воспрепятствует нехватка биографического материала. Правда, мы располагаем несколькими фрагментами его исторического труда об Александре, однако у нас нет ни одного подлинного письма, вышедшего из-под его пера, так что целый ряд личных черт Птолемея остаются для нас совершенно неизвестными.

Изображения на монетах, равно как и скульптурный портрет (находящийся ныне в Копенгагене), показывают очень выразительное, характерное лицо, которое, будучи далеко от какой-либо идеализации, отражает выдающиеся качества этого человека: энергию и волю в сочетании с мудростью и высоким интеллектом. Эти свойства характеризуют человека, сумевшего не только завладеть ценной частью державы Александра, но и удержать ее в борьбе со своими соперниками. Особенно бросаются в глаза в этом портрете выступающий вперед подбородок и не менее характерный нос. Художнику не было нужды возвышать Птолемея стилизацией до уровня властителя — портрет так выразителен, что невозможно не поддаться его впечатляющей силе.

Птолемею не могло бы привидеться и во сне, что он когда-нибудь завершит свою жизнь царем и притом еще в далеком Египте! Этим он был обязан своему повелителю Александру, который довел македонские войска до Египта и Индии. В самом деле, поход Александра, длившийся с 334 до 323 г. до н. э., был великим событием в жизни Птолемея. Уже в пожилом возрасте он вернулся к теме этого похода в специальном сочинении, чтобы оставить современникам и последующим поколениям образ Александра таким, каким он сам видел и знал царя македонян. Этот образ был воспроизведен в историческом труде грека Арриана из Никомедии (приблизительно 95—175 гг. н. э.) и через его посредство стал основанием современных исследований об Александре.

О юности Птолемея известно очень немного. Птолемей был сыном Лага и Арсиной. Семья матери была более знатной, она состояла в родстве с македонским царским

домом (впрочем, этим родством могли похвастаться многие семьи в стране). Тем не менее и отец Птолемея — Лаг относился к одной из почтенных македонских семей, материальное благосостояние которых основывалось на земельных владениях. Спорным является год рождения Птолемея. Как сообщается в «Долгожителях» (Μακροβίοι), сочинении, которое безосновательно приписано было Лукиану, Птолемей должен был родиться уже около 367 г. до н. э. Хотя эта дата рассматривается, например Феликсом Якоби, как правильная, она все же кажется слишком ранней. Обычно принимают время около 360 г. до н. э. (Г. Берве и др.), поскольку этот год рождения хорошо согласуется с остальными датами жизни Птолемея. Легенда называла Птолемея родным сыном македонского царя Филиппа II (тем самым он становился сводным братом Александра), однако это маловероятно и, пожалуй, было придумано лишь с целью узаконить Птолемея, царя Египта, в качестве царского сына. Здесь речь идет определенно о позднейшей версии, являвшейся не редкостью во времена диадохов. Во всяком случае, Птолемей принадлежал к друзьям юного наследного принца Александра, вместе с ним он покинул Македонию, когда гнев царя Филиппа обратился против его супруги Олимпиады и ее окружения. После убийства Филиппа в 336 г. Птолемей вместе с Александром возвратились из Эпира, где они находились в изгнании, в Македонию, однако сколько-нибудь выдающегося положения он тогда еще не занимал.

Македония отнюдь не была богатой страной. Во главе народа, состоявшего из земледельцев и пастухов, стояла династия Аргеадов, которая выводила свою родословную от Геракла. Со времени Александра I Филаллина («друга греков»), который правил приблизительно с 495 до 450/440 г. до н. э., правящий дом был признан греческим, а цари — но только они сами — были допущены к Олимпийским играм. Однако македонский царь отнюдь не был абсолютным властителем, среди своих аристократов он был лишь *primus inter pares*, а кроме того, имелось еще македонское войсковое собрание, которое полагалось запрашивать при решении важных дел.

Жизнь при дворе, сначала в Эгах, а затем, со времени Филиппа II, в Пелле, была совершенно патриархальной. Царь выступал в окружении своих «друзей», гетайров.

Он наделял их землями, отчасти на территории завоеванных греческих городов Олинфа, Мефоны и Потидеи, которые, впрочем, в качестве эллинских общин должны были выполнять весьма важную миссию в этой стране.

Гордостью македонян было их войско, состоявшее из конницы, гетайров и пехоты — педзетайров; последние были вооружены длинными пиками — сариссами, перед которыми ни один противник не мог устоять. Хотя царь Филипп выбрал для своего сына греческих учителей и среди них столь прославленного впоследствии философа Аристотеля, греческая культура все же не играла в стране решающей роли. Правда, предусмотрительные цари, такие, например, как Архелай (413—399 гг.), приглашали в Македонию греческих поэтов и художников, но этот период скоро прошел, и, когда протекали юношеские годы Птолемея, Филипп II вел борьбу со своим афинским противником Демосфеном, своего рода дуэль, которая в 340 г. вылилась в решительную войну между Македонией и Афинами и их союзниками. На поле боя у Херонеи (в Беотии) эта борьба была решена в пользу Македонской монархии (2 августа 338 г.), и этим был вызван поворот мирового значения: отныне ход мировой истории определялся уже не полисом, а монархией македонского образца.

Но у Филиппа II было не только много врагов — у него было и много жен; из них, по античным источникам, известны нам по именам не менее семи. Однако лишь с Олимпиадой он состоял в законном браке. За попытку поставить на ее место дочь Аттала Клеопатру Филипп поплатился жизнью: во время свадебных торжеств в Эгах он был заколот одним македонским офицером по имени Павсаний (осень 336 г.), будто бы вследствие нанесенного ему личного оскорбления. Этой трагической смертью Филиппа II завершилась важная эпоха македонской истории. То, что теперь последовало, было уже правлением его сына Александра III, которого история назвала Александром Великим (336—323 гг.).

Важнейшим событием в жизни юного Птолемея был поход Александра. С ним открылся для македонян новый мир: горы и долины Малой Азии, покрытый снегом Тавр, приморские равнины Финикии с их большими торговыми городами Тиром и Сидоном. В ту пору Птолемей не принадлежал к ближайшему окружению царя. Тем не менее

он участвовал в битве при Иссе (333 г.) и вместе с царем вступил на землю Египта. На это указывает, помимо прочего, романтически приукрашенный рассказ, который он посвятил в своей книге об Александре походу в оазис Амона.

Однако еще больше интересовался Птолемей военными проблемами и системой управления. Всякий раз, как об этом заходит речь у Арриана, он, как правило, ссылается на Птолея. Эти виды деятельности — военное дело и система управления — были его сильнейшими сторонами, в этих областях Птолею принадлежат выдающиеся заслуги. Но только катастрофа, постигшая Флоту (осень 330 г.), вынесла его наверх. Царь доверил Птолею освободившееся место соматофилака (телохранителя). Таким образом, он стал принадлежать к ближайшему окружению македонского властителя. Ему не только вменялась в обязанность охрана персоны царя, но и поручались различные важные дела, при выполнении которых предоставлялась возможность отличиться. Так, ему удалось после многих приключений схватить цареубийцу Бесса (последний убил Дария III, пытавшегося спастись бегством, чтобы не дать царю попасть в руки Александра). Эту вовсе даже не безопасную операцию Птолемей сам описал с большой наглядностью и живостью, возможно, не без некоторых преувеличений в свою пользу.

У новейших исследователей существует склонность сурово критиковать изложение Птолея, однако при этом упускается из виду, что в нашем распоряжении нет никаких материалов из других источников, необходимых для проверки. Впрочем, пленение Бесса надо оценить тем более высоко, что эту операцию пришлось провести против коварного и жестокого врага, который к тому же опирался на симпатии большей части иранского населения. В качестве курьеза можно еще упомянуть, что Птолемей на пути к реке Окс открыл источник нефти. Тогда еще не знали, как ее применить. Прорицатель Аристандр истолковал открытие этого источника как предвещание затраты сил, которые в конечном счете будут вознаграждены. Героическим подвигом Птолея был его поединок с индийским царем, состоявшийся в области Певкелаотиде. Героические поединки — мотив, часто используемый в античной традиции, однако в данном случае нет ни ма-

лейшего основания сомневаться в исторической достоверности этого события.

С этого времени Птолемею доверяли труднейшие поручения. Так, он получил задание подготовить захват горной крепости Аорн (Пир-сар), которая препятствовала продвижению войска Александра в Индию. Правда, ему не удалось овладеть этим укреплением с первого приступа, оно было взято лишь после систематической осады. Вообще же при оценке войн македонян с индийцами надо принять во внимание, что последние никоим образом не могли состязаться с военной техникой македонян. Этим и объясняются огромные, почти невероятные успехи Александра в Индии. Впрочем, нас слишком далеко бы завело повествование об отдельных военных действиях в Индии. Но следует упомянуть, что Птолемей благодаря военной добыче сделался богатым человеком. Он не случайно принадлежал к триерархам, назначенным Александром для построения флота на Гидаспе. Триерархия была первоначально чисто аттическим явлением. Здесь, в Индии, она была возрождена Александром в новом виде. И лишь богатейшие среди приближенных царя были в состоянии взять на себя триерархию.

Когда при штурме города маллов Александр был тяжело ранен стрелой в грудь, его телохранителя Птолемея, по собственному его свидетельству, не было поблизости, и, хотя более поздний источник изображает его спасителем царя, это не соответствует исторической действительности. О том, что Птолемей, в свою очередь, был ранен отравленной стрелой в боях под городом брахманов Гамарталией, свидетельствует только предание, восходящее к Клитарху, однако факт этот сам по себе не кажется невероятным. Но то, что Александр во сне увидел целебную траву, необходимую для ран Птолемея,— это, несомненно, позднейшая легендарная версия.

Птолемей проявил себя, в особенности на заключительном этапе Азиатского похода, способным офицером, отличавшимся осмотрительностью и личной храбростью, однако руководящей роли он еще не играл. Люди, подобные Пердикке и Кратеру, бесспорно, стояли ближе к царю, не говоря уже о Гефестионе, закадычном друге Александра. Но Гефестион умер уже осенью 324 г. Он не знал меры ни на пирах, ни в попойках и оттого рано, еще до своего царя, сошел в могилу.

Во время массовой свадьбы в Сузах Птолемей женился на знатной персиянке, дочери Артабаза, Артакаме, которую некоторые источники называют также Апамой. Этой женитьбой он, как и другие офицеры и солдаты, исполнил заветное желание своего царя: Александр хотел помирить и соединить в брачном союзе оба ведущих народа своей державы, македонян и персов, с тем чтобы они могли в мире и согласии осуществлять господство в империи. При этом не следует упускать из виду, что македоняне — женатые и холостые — уже около десяти лет провели вдали от родины и что многие из них находились в близких отношениях с иранскими женщинами, которые теперь, по крайней мере отчасти, были узаконены. Идея Александра относительно слияния народов была прежде всего политической идеей, и массовая свадьба в Сузах должна была быть лишь началом более грандиозного предприятия. Однако царь смог заложить лишь фундамент для этого слияния народов, все остальное осталось неосуществленным из-за его слишком ранней смерти.

О персиянке Артакаме (или Апаме) в позднейшей традиции мы не найдем никаких упоминаний — в жизни Птолемея она не сыграла никакой роли, чего нельзя сказать о Таис, гетере, которая следовала во время походов за войском Александра и, как сообщает Клитарх, дала повод к разрушению персидских дворцов в Персеполе. Однако последнее представляется романтическим преданием, которое не заслуживает никакого доверия. Таис вошла в историю как возлюбленная Птолемея, который взял ее к себе после смерти Александра, но знал он ее еще раньше. От этой связи Птолемея с Таис родилось несколько детей — два сына, Леонтиск и Лаг, и дочь Эйрена. О ней известно, что она вышла замуж за Эвноста — царя города Солы на Кипре. Но это относится уже к несколько более позднему времени. То обстоятельство, что Птолемей помимо жены имел еще и возлюбленную, никого из его современников не смущало. Впрочем, этим отличались и некоторые из его наследников в Египте.

Со смертью Александра в Вавилоне 10 июня 323 г. до н. э. началась новая эра для всех, включая Птолемея. Македонское войсковое собрание избрало преемником Александра его сводного брата слабоумного Филиппа III Арридея и еще не родившегося ребенка Александра и Роксаны в том случае, если на свет появится маль-

чик. Первое место в империи было, таким образом, снова занято, однако совершенно неудовлетворительным образом, поскольку ни один из этих двух царей не был в состоянии осуществлять управление,— фатальное обстоятельство, которое привело к тяжелым осложнениям и бесконечным войнам. Кроме того, Филипп III находился в Македонии, вдали от Вавилона, нового центра империи Александра. Гораздо более реальное значение имело назначение трех высших сановников империи, осуществленное точно так же войсковым собранием в Вавилоне. Пердикка стал хилиархом Азии, Кратер — «попечителем Македонского царства», Антипатр — стратегом Европы; последний был просто утвержден в прежней своей должности, так как не могли найти более подходящего на его место. Самым могущественным среди них был, однако, без сомнения, Пердикка, который, находясь в Вавилоне, держал в своих руках бразды правления империей.

Птолемей не принадлежал к этому кругу привилегированных палладинов покойного царя, так же как и Певкест, Антигон Одноглазый и грек Эвмен из Кардии (на полуострове Галлиполи). Им теперь надо было решить, как добиться осуществления своих притязаний. При разделе сатрапий, состоявшемся в Вавилоне под авторитетным руководством Пердикки, Птолемей, без сомнения, добился выдающегося успеха. Можно сказать, что здесь решилась его судьба, ибо ему был присужден Египет. Вероятно, он сумел расположить к себе не только македонское войсковое собрание, но и Пердикку, без чего ему вряд ли бы удалось достичь такого результата. Правда, с Египтом было связано одно затруднение: в лице грека Клеомена из Навкратиса страна уже располагала весьма способным правителем. Было определено, чтобы он находился в подчинении у Птолемея в качестве своего рода субнаместника (*hyparchos*). Это решение означало некий компромисс, однако он не мог быть продолжительным, так как было ясно, что Птолемей бросит на чашу весов всю силу своего авторитета.

Античная традиция относится к Клеомену далеко не благожелательно, мы не ошибемся, если усмотрим здесь воздействие Птолемея, который всеми силами старался дискредитировать этого грека. Однако управление, осуществлявшееся Клеоменом при Александре, не заслуживает порицания, равно как и его политика накопления,

посредством которой он собрал огромное количество чеканных монет — будто бы не менее 8 тыс. талантов. Назначение Птолемея сатрапом Египта поставило Клеомена в крайне тяжелое положение, поскольку первый сосредоточил в своих руках всю исполнительную власть, а Клеомен должен был ему подчиняться, не прерывая при этом своих связей с Пердиккой в Вавилоне, что в конечном счете и стало причиной его гибели. Птолемей, не долго думая, велел убить его, избавившись таким образом от неудобного соперника (еще в 323 г.). Никаких угрызений совести из-за убийства Клеомена Птолемей, разумеется, не испытывал: слишком сильна была воля к власти у диадохов; человеческая жизнь ими ни во что не ставилась, в этом отношении они также были истинными македонянами.

Египет не был Птолемею совершенно неизвестен. Уже при Александре, в 332/331 г., он смог оценить преимущества, связанные с положением и населением этой страны. С востока и с запада Египет был отгорожен широкой полосой пустынь. Как показали события времени диадохов, страна была практически недоступной; продвижение через Дельту, благодаря ее многочисленным рукавам и каналам, было сопряжено для любого агрессора с величайшими трудностями. К этому прибавлялась еще мощная пограничная крепость Пелузий, препятствовавшая проходу в Египет с востока. Страну легко было защищать, и если бы даже нападающему удалось преодолеть зону пограничных укреплений, то все равно огромная протяженность Нильской долины между Дельтой и Верхним Египтом доставила бы ему снова большие затруднения. Расстояние между столицей Александрией и Элефантиной составляло более тысячи километров. К этому добавлялась еще область Додекаскоин, простиравшаяся вплоть до Гierasикамина, которая, впрочем, была включена в состав Египетского государства уже после Птолемея I. Напротив, ширина страны была незначительной, лишь в Дельте расстояние с востока на запад в самом широком месте составляло примерно 250 км. Плодородной земли было очень мало, по существу, она ограничивалась узкой долиной Нила. Все здесь сводилось к тому, чтобы заставить почувствовать авторитет власти даже в наиболее отдаленных уголках страны. Но это делало необходимым создание хорошо и последовательно организованной системы

управления и четко действующей службы информации. Кое-что можно было перенять от фараонов и от персов, но многое надо было создать заново. Особенно важно было пропитать управление Нильской долиной греческим духом — в противном случае правление Птолемея I осталось бы лишь ничем не значащим эпизодом.

Египет — страна и его население — не был совершенно чужд грекам и македонянам. Геродот еще в середине V в. до н. э. посетил эту страну (впрочем, его пребывание здесь было очень кратким), и после него большое число греков приезжало в долину Нила, чтобы заняться здесь торговлей. Египетские боги также не были совершенно неизвестны грекам и македонянам; богиня Исида и бог Амон в оазисе Сива давно уже приобрели права гражданства за пределами Египта. Однако все это не сколько не меняло того обстоятельства, что Египет оставался для чужеземцев сказочной страной, которая вплоть до похода Александра находилась почти целиком вне кругозора греков. При Александре в стране был размещен македонский гарнизон, его офицеры и солдаты вскоре начали здесь осваиваться, хотя окружающий мир должен был производить на них чрезвычайно странное впечатление. До этого греки и македоняне не имели никакого представления о пространной области пустынь, и даже Нильская долина являла их взорам много чудесного и причудливого. Недалеко от древней столицы Египта Мемфиса, на пути к пустыне, высились мощные пирамиды, построенные, как мы теперь знаем, Хеопсом, Хефреном и Микерином. Помимо этого, имелись бесчисленные храмы местных божеств, многие из них сливались в целые храмовые города, как, например, в верхнеегипетских Фивах. При храмах находилось множество жрецов, которые по большей части были наделены большими привилегиями. Александр оставил их неприкосновенными, поскольку ему было очень важно заручиться расположением всемогущего египетского жречества.

Чуждой была грекам и македонянам также растительность долины Нила, равно как и животный мир. Некоторые животные, на которых в Греции вообще не обращали внимания, считались в Египте священными, как это было, например, с кошками. В окаймляющей страну полосе пустынь жили шакалы и волки, в водоемах водились крокодилы. Они также считались у египтян свя-

ценными и соответствующим образом почитались. В болотах Дельты гнездились мириады водоплавающих птиц в пестрых оперениях, а кроме того, водилось бесчисленное множество змей, ящериц и других пресмыкающихся. Над страной простиралось вечно синее небо, дожди были редкими, и люди тосковали по холодному северному ветру, который лишь изредка доходил до узкой долины Нила в виде прохладного бриза со Средиземного моря.

Но точно так же, как животный и растительный мир, новым хозяевам страны были чужды древние ее жители — египтяне. Они произошли от смешения семитских и хамитских элементов (по крайней мере это кажется наиболее вероятным объяснением), однако вследствие долгого совместного обитания в долине Нила египтяне сформировались в народ, своеобразный и целостный как по внешнему, так и по духовному складу, резко отличавшийся не только от азиатских бедуинов, но и от ливийцев. С негроидными народами к югу от египетской границы поддерживались лишь незначительные контакты (изображения негров очень редки в египетской пластике и живописи). Вообще же египтяне были прилежным и терпеливым народом, к господству чужеземцев они привыкли с незапамятных времен. Их язык — египетский — представлял, впрочем, серьезную помеху для общения с чужеземцами. Пользовались ли завоеватели арамейским языком, как это делали персы, или греческим, как македоняне, — для египетского феллаха это было безразлично, так как он не понимал ни того, ни другого. Равным образом среди македонян и греков встречались лишь очень немногие, усвоившие египетский язык до такой степени, чтобы они могли общаться с местным населением. Однако это были отнюдь не непреодолимые трудности, поскольку система македонского управления была более целесообразной и четкой, чем у фараонов. К этому добавлялось, что немало знатных египтян сотрудничало с македонянами, как они это делали когда-то при персах. По этому поводу Птолемею I не было нужды беспокоиться.

Наконец, в стране были еще греки — жители Навкратиса, которые в течение нескольких столетий привыкли иметь дело с египтянами. Однако следовало считаться со всемогущим жречеством, располагавшим по всей стране большими земельными владениями. Уже персидские цари пытались поставить египетское жречество под государст-

вѣнный контроль, и Птолемей продолжил эту линию. Во всем остальном мир египетских богов был чужд македонянам и грекам — лишь Амон, Исида и Осирис снискали себе приверженцев и почитателей также и вне Нильской долины. Должно быть, Птолемей чувствовал, что здесь необходимо что-то предпринять. Ради этого он сделал попытку создать новый государственный культ в лице бога Сараписа (имя возникло из первоначального Осор-Апис). По преданию, изображение Сараписа будто бы было перевезено из Синопы Понтийской в Александрию. Правда, есть еще и сегодня исследователи, полагающие, что Сарапис был вавилонским божеством. Ведь еще Александр в последние дни своей жизни пожелал спросить его, как найти исцеление от постигшей его смертельной болезни. Однако это мнение, разделявшееся в свое время К. Ф. Леманн-Гауптом, а в наши дни С. Бредфордом Уэллсом, ведет к большим объективным затруднениям и должно рассматриваться как ненаучное.

Новый бог Сарапис почитался не только у египтян, но и у чужеземцев — македонян и греков. Храмы и посвященные надписи свидетельствуют об укоренении культа Сараписа, но древние боги египтян не дали себя вытеснить новому божеству. Можно допустить, что, создавая культ Сараписа, Птолемей шел навстречу определенным религиозным потребностям. Все же это не мешало ему выказывать подобающее почтение как греческим божествам, так и египетским, о чем свидетельствуют многочисленные надписи из всех областей Египта. Птолемей также либо реставрировал, либо заново возвел немало храмов собственно египетским божествам.

Особенное значение Египта основывалось на его сельском хозяйстве. Ежегодно гигантское количество зерна собиралось с полей на гумна, а оттуда — в разбросанные по стране складские помещения, чтобы затем по Нилу быть доставленным в огромные зернохранилища Александрии. Зерновые — в первую очередь пшеница и ячмень — были важным предметом вывоза, корабли доставляли зерно в Грецию, Малую Азию и Италию, где оно конкурировало с сицилийским. Крестьян строго контролировали при посеве, при молотбе и перевозке зерна, целая армия должностных лиц и тысячи сельскохозяйственных рабочих постоянно привлекались для поддержания в порядке полей и дамб на равнинах. И над

всем этим возвышалась фигура диойкета, своего рода министра финансов и экономики. Находясь в Александрии, он держал в своих руках все нити управления экономикой страны.

Во внешней политике Птолемея I, при всей ее многоплановости, нельзя не заметить единой линии: во всем, что делал или от чего отказывался Птолемей I, видно стремление укрепить и расширить во всех направлениях пределы государства. Птолемей был своего рода мастером самоограничения, в течение всей своей жизни он стойко избегал стремления к недостижимым целям. В этом отношении он достойным внимания образом отличался от других диадохов, которые со своими, слишком высоко нацеленными претензиями потерпели полное крушение. При всем преклонении перед своим великим идеалом — царем Александром — Птолемей никогда не терял чувства меры. Скорее о нем можно сказать: «Мастер обнаруживается в умении себя ограничивать». Птолемей был трезвым партикуляристом, который не давал увлечь себя идеей захвата власти над всей империей Александра. Он был далек от этого даже тогда, когда после смерти Пердикки, в 321 г. ему было предложено место имперского регента. Птолемей всегда отдавал себе отчет в необычайных трудностях, связанных с управлением и с сохранением единства империи. В этом отношении он нашел в Лисимахе, правителе Фракии, и в сыне Антипатра Кассандре, который стал царем Македонии, единомышленников.

При всем том Птолемей менее всего был миролюбивым правителем. Он вел много войн и лишь в последние годы правления отказался воевать, отдавая дань надвинувшейся старости. Однако эти войны, во всяком случае по его убеждению, были необходимы, если он хотел удержаться в качестве правителя Египта. Ведение войн Птолемеем и его стратегия отличаются продуманностью и осторожностью. В полную противоположность Александру он никогда не ставил все на карту. Если он решал дать сражение, то планировал его с большой тщательностью. Немаловажное значение он также придавал психологической подготовке.

Анналы Птолемеев, которые в новое время впервые составил в 1819 г. Жак-Жозеф Шампольон-Фижак, брат великого египтолога, повествуют о множестве военных операций, предпринятых во времена Птолемея I: походы

в Кирену, Келесирию, на Кипр и в Грецию, кроме того, отражение двух вторжений, сначала Пердикки, а затем Антигона Одноглазого. Все эти акции свидетельствуют о способности Птолемея, с одной стороны, справиться с тяжелейшими обстоятельствами, с другой — повсюду и в любой ситуации придерживаться мудрого самоограничения. Птолемей неоднократно оставлял начатые предприятия, и притом на такой стадии, когда надежды еще могли оправдаться. Через всю внешнюю политику Лагида проходит красной нитью это интуитивное стремление к безопасности и прочности. Напротив, совершенно неоснователен упрек в нерешительности, который ему часто делали; это только показывает, какое впечатление производила на новейших наблюдателей его политика, свободная от риска.

Завоевания Птолемея I вне Египта начались его вторжением в 322 г. в Кирену. Здесь после смерти Александра вспыхнули внутренние смуты. При этом в проигрыше оказались олигархи, которые и обратились за помощью к Птолемею. В ответ сатрап послал в Кирену Офеллу. Последнему удалось разгромить противника олигархов спартанца Фиброна и поставить Кирену в зависимость от Птолемея. Затем в Кирену явился и сам Птолемей (322 или, самое позднее, 321 г.), чтобы проследить заведением здесь порядка.

Кирена с окрестностями была очень важным приобретением. Киренаика с ее греческими городами была оплотом эллинской культуры, пустившей здесь со времен Великой греческой колонизации глубокие корни. Киренаика славилась сильфием — целебным растением, издавна культивировавшимся в этой стране и пользовавшимся большим спросом во всем древнем мире, даже в самые поздние времена, как об этом свидетельствует Синесий Киренский. Но приобретение Кирены было эпохальным явлением и в другом отношении: сатрап Птолемей впервые выступил здесь в качестве покровителя значительного греческого города, причем отношения между городом и властителем были урегулированы изданной Птолемеем диаграммой, относительно которой, впрочем, не установлено, появилась ли она уже в 322/321 г. или же в более позднее время (312 или 308 г. до н. э.).

Но каким бы годом ни датировался этот документ, бесспорно одно, что его составителем был Птолемей I (с

предпринимавшимися ранее — попытками — например, Дж. Де Санктисом — приписать эту диаграмму Птолемеем III, теперь, можно считать, покончено). В основе диаграммы лежит стремление правителя урегулировать свои отношения с автономным городом, оказавшимся под его властью, притом таким образом, чтобы в любом случае была соблюдена воля нового хозяина города. Интересы Птолемея представляло в Кирене им самим назначенное доверенное лицо. Эта система управления имела большое принципиальное значение, поскольку здесь была предпринята попытка примирить потребности территориального государства с интересами греческого полиса, — проблема, которая нашла в истории эллинистических государств самые различные решения, в том числе и малопригодные. Присущее грекам сознание свободы и престиж властителя — эти понятия должны были быть приведены к общему знаменателю. Мир изменился со времени Александра: полис утратил единственное в своем роде положение, которое он занимал в истории классической Греции, и территориальное государство намеревалось занять его место.

В том же году (322) Птолемей вышел победителем в борьбе с хилиархом Пердиккой, успевшим к тому времени сделаться имперским регентом. С высоты своего положения, которое, однако, никогда не было признано его соперниками, хилиарх считал возможным отдавать сатрапам категорические распоряжения. В частности, речь шла о погребении тела Александра Великого, которое к тому времени еще не нашло своего последнего пристанища. Сам Александр желал быть похороненным в святилище Амона в оазисе Сива, но это его желание так никогда и не было выполнено. Пердикка хотел отправить тело царя в далекие Эги (в Македонии), в город древних македонских царей и местонахождения их гробниц. Однако Арридей, прежний генерал-адъютант Александра, которому было поручено перевезти тело царя, отказался выполнить этот приказ. Птолемей еще в Сирии уговорил его переправить тело Александра в Египет, где оно сначала было погребено в древнем коронационном центре — Мемфисе. Позднее, но еще во время правления Птолемея I, оно было перевезено в Александрию, где покойный царь был погребен в так называемой Семе («гробнице»). Александр был основателем города, и Птолемей распо-

рядился, чтобы ему были оказаны высшие почести. Отныне Александр был покровителем и патроном державы Птолемеев в течение всего периода, пока она существовала. При его гробнице для отправления культа покойного царя состояли особые жрецы Александра. Это были выходцы из знатных семейств, принадлежащих к кругу македонской аристократии, а при случае эту должность замещали сами Птолемеи. После завоевания Александрии римлянами в 30 г. до н. э. могилу Александра посетил Август. Как рассказывает Кассий Дион (LI, 16, 5), Август неловким движением повредил нос мумии, но это, конечно, легенда. С тех пор мы ничего более не слышим о гробнице Александра, современные археологи также не нашли никаких ее следов.

Уже с давних пор хилиарх Пердикка распознал в Птолемея самого значительного своего противника. Кроме того, Пердикка стремился утвердиться во владении Египтом с его богатыми ресурсами. Птолемей же примкнул к врагам Пердикки, и это послужило хилиарху предлогом для вторжения со своими войсками в Египет (в 321 г.). Однако, прежде чем Пердикка достиг границ Египта, Птолемей должен был предстать перед македонским войсковым собранием, чтобы оправдаться в своем поведении. Поскольку было бы проще простого осудить Птолемея за различные его проступки, и прежде всего за убийство Клеомена из Навкратиса, существуют известные сомнения насчет этого предания¹.

Соответствует сцена оправдания действительности или нет, но, как бы то ни было, Птолемей вышел из этой переделки невредимым, поскольку пользовался в войске большой популярностью. О походе Пердикки в Египет в источниках имеется немало противоречий, поэтому будет разумным пользоваться указаниями традиции с большой осторожностью. Не подлежит, однако, сомнению, что в двух столкновениях Пердикка потерпел поражение. Он не смог взять крепости Камелонтейхос и, кроме того, понес значительные потери в людях при переправе через Нил, причем не последнюю роль здесь сыграли глубина реки и прожорливые крокодилы. Очевидно, вследствие понесенных тяжелых потерь в лагере Пердикки составилась заговор против командующего. Хилиарх был умерщвлен в собственном шатре, причем главную роль в покушении сыграл Пифон, некогда один из телохранителей Алек-

сандра. Птолемей, во всяком случае, знал, чем он обязан этому человеку, так как Пифон вместе с Арридеем был назначен во временные опекуны неспособных к управлению царей Филиппа III Арридея и Александра IV, между тем как над друзьями Пердикки была учинена кровавая расправа. Согласно преданию, не менее пятидесяти человек были приговорены к смертной казни.

Теперь, отразив нападение Пердикки, Птолемей почувствовал себя увереннее. Уважение к нему партнеров возросло в такой степени, что на встрече в Трипарадесе (в Северной Сирии) ему предложили по всей форме регентство в империи (321). Однако Птолемей это предложение отклонил. Он с давних пор избрал для себя Египет, для него важнее всего было расширить и укрепить свои позиции именно в этой стране. Но, чтобы обезопасить страну от вторжения со стороны Палестины, он нуждался в своего рода прикрытии, а таковым, по природным данным, могла быть только Сирия. Быстрым маневром Птолемей занял эту страну, захватив в плен правившего там Лаомедонта. Лагид мог не опасаться никакого сопротивления со стороны жителей Сирии — они никогда не делали попытки восстать против его власти. Все же Птолемей разместил в ряде городов гарнизоны, чтобы защитить их от нападений соседних правителей. Однако с этих пор Сирия оставалась яблоком раздора, из-за которого в последующее время велись многочисленные войны.

Птолемей не имел никакого формального права на Сирию. Это, впрочем, подчеркивали уже современники, например Гиероним из Кардии [Диод., XVIII, 73]. Но Птолемею нужна была эта область, чтобы обезопасить восточную границу Египта. К этому добавилось еще присоединение финикийских городов с их значительным флотом, представлявшим для Птолемея поистине неоценимое сокровище. Правда, его противники, и прежде всего Антигон Одноглазый, неоднократно пытались оспорить у него владение финикийским побережьем, но время работало на Птолемея, а не на его врагов.

В 317 г. Птолемей женился на своей сводной сестре, дочери Лага и Антигоны, Беренике. А зимой 317/316 г. был казнен Эвмен, который после поражения был выдан Антигону собственными воинами. Смерть человека, настойчивее всех защищавшего идею единой империи, была

встречена его противниками, в частности и Птолемеем, с удовлетворением, но при этом они упустили из виду, что отныне Антигон получил полную свободу действий в Передней Азии. Это обнаружилось во время конфликта между Антигоном, стратегом Азии, и Селевком, сатрапом Вавилонии. Египетский сатрап в этом споре решительно выступил на стороне Селевка: где бы Птолемею ни предоставлялась возможность нанести удар по центральной власти, этот убежденный партикулярист никогда не упускал подобного случая.

В войне против Антигона (с 315 по 311 г. до н. э.) выступили совместно Кассандр, Лисимах, Птолемей и Селевк. Последний после своего изгнания из Вавилонии нашел убежище в Египте. В этой войне борьба шла также за господство в Греции, которая все еще имела для диадохов большое материальное и идеологическое значение. Властители издавали освободительные манифесты, возвещавшие грекам свободу, — сначала Антигон в 315 г., а затем также и Птолемей в 314 г. Свобода греков становилась постепенно объектом спора в политике диадохов, и в этом споре они наперебой старались опередить друг друга. Птолемей, как это документально подтверждается, проявлял интерес даже к праздничным агонам греков, но при этом подоплекой всегда были политические цели.

Весьма важным было также вторжение Птолемея на остров Кипр, расположенный на пересечении важных торговых путей. С 313 г. остров Кипр принадлежал державе Птолемея; с правителями целого ряда кипрских городов Лагид находился в союзнических отношениях. Наместником на острове он назначил своего брата Менелая, после того как оказался неудачным предыдущий опыт с парем города Саламина Никокреонтом, который дал Антигону склонить себя к измене Птолемею. С этих пор Менелай был представителем Птолемея на острове. Он занимал положение царского наместника и носил титул стратега Кипра (засвидетельствованный для него Павсанием титул сатрапа, вне всяких сомнений, неточен). На 313 г. падает также восстание в Кирене. Птолемеевский гарнизон на акрополе был осажден, однако войску под командованием стратега Агиса удалось подавить восстание. Можно ли отнести знаменитую диаграмму (см. выше, с. 42) ко времени этого восстания — решить нельзя. Но

в любом случае с 313/312 г. Кирена была прочно связана с Египтом. Вполне допустимо, что восстание было спровоцировано извне, чтобы чинить Птолемею трудности, в первую очередь в его политике в Греции, но на этот счет источники ничего не сообщают.

Но еще большее значение имела битва при Газе (312 г. до н. э.). Здесь Птолемей и Селевк одержали победу над сыном Антигона Деметрием Полиоркетом. Птолемей захватил множество пленных, часть которых была поселена в Египте для усиления стоявших там гарнизонов. Потерянная на время Сирия вновь вернулась под власть Лагида, а Селевк устремился в Вавилонию, где борьба между ним и Антигоном затянулась на несколько лет, пока Селевк не предпринял поход в Верхние сатрапии, в ходе которого он дошел до границ Индии. Военная экспедиция, начавшаяся в 308 г., в течение нескольких лет удерживала Селевка вдали от Вавилонии.

В мирном договоре 311 г., заключенном между Антигоном, с одной стороны, и его противниками Кассандром и Лисимахом — с другой, первоначально не упоминались ни Птолемей, ни Селевк, однако позднее Птолемей присоединился к этому договору. Последовавшие затем годы Птолемей использовал, чтобы создать для себя опорные пункты на южном и западном побережьях Малой Азии, равно как и в Греции. При этом птолемеевский флот вел операции, базируясь на острове Кос. Здесь в 308 г. у Птолемея родился сын — впоследствии Птолемей II, прозванный потомками Филадельфом. Между тем Птолемей предпринял попытку установить связь с Клеопатрой, сестрой Александра Великого, находившейся тогда в Сардах, однако Антигон сорвал планы Птолемея, распорядившись, не мешкая, убить Клеопатру. Брачные узы между Птолемеем и Клеопатрой, вне всякого сомнения, содействовали бы значительному росту престижа Лагида, так как он таким путем был бы принят в семью Александра. Образ покойного царя все еще не утратил тогда своей магической силы. Правда, Клеопатре в то время было уже около 47 лет (она родилась примерно в 355 г.), но это не имело значения — имя великого брата придавало ценность ее личности.

Когда Птолемей в 308 г. снова покинул Грецию, он добился не слишком многого. Но он все же смог закрепить за собой, заняв гарнизонами, города Коринф, Сикион и

Мегары. Они были поставлены под начало стратега Леонида. Впрочем, эти города были единственными владениями, которые Птолемей приобрел тогда в Греции, но и они находились под его властью лишь непродолжительное время, во всяком случае не позднее 302 г., когда Антигон и Деметрий, основав Панэллинский союз в Коринфе, создали в Греции новую систему отношений. Однако эта перемена, как известно, была весьма кратковременной.

Спрашивается, преследовала ли внешняя политика Птолемея в Греции какие-либо далеко идущие планы, или же он, как и другие диадохи, просто хотел заставить считаться с собою? Греческие владения можно было удерживать из Египта лишь с большим трудом, и потому спустя немного лет от них пришлось отказаться. В любом случае греческая политика Лагида осталась всего лишь эпизодом. Она, впрочем, показывает, что Птолемей без церемоний отказывался от начатых предприятий, если сознавал, что они в целом неосуществимы. Для господства над большей частью Греции его сил все равно не хватало, поскольку они были необходимы в других местах.

Впрочем, Птолемей II создал опорный пункт на северо-востоке Пелопоннеса, в Мефане, переименованной затем в Арсиною. Город этот до известной степени служил Птолемеям в качестве сторожевого поста в Греции. Мефана оставалась во владении этой династии около ста лет.

Важным переломным моментом в жизни и политике Птолемея I стало морское сражение при Саламине на Кипре в 306 г., в котором он потерпел страшное поражение от сына Антигона Деметрия Полиоркета. Лишь с жалкими остатками своего флота Птолемей сумел уйти из-под Саламина в Китий; от Кипра он вынужден был теперь отказаться. Морская мощь Птолемея I была на долгие годы сильно подорвана, и господство на море перешло к Деметрию. Антигон и Деметрий использовали эту победу, чтобы обосновать принятие ими царских титулов. Птолемей, хотя и побежденный, последовал примеру обоих правителей, стремясь, вне всяких сомнений, показать, что во всем равен им. Он провозгласил себя царем, вероятно, в 305 г.² Непосредственным поводом к этому послужила, по-видимому, победа над Антигоном у восточной границы Египта (см. с. 95 и сл.). Когда в 304 г. островной город Родос был осажден Деметрием и

с моря, и с суши, Птолемей своей помощью сильно содействовал стойкой обороне родосцев. Граждане Родоса не забыли этой услуги: они воздали Птолемею I божественные почести.

Когда в 302 г. была создана новая большая коалиция против Антигона, Птолемей, как и следовало ожидать, снова оказался в противном Антигону лагере. Здесь теперь собрались почти все влиятельные диадохи: Кассандр, Лисимах, Селевк и Птолемей. Военная удача изменила Антигону. В битве при Ипсе (301 г.), недалеко от Синнады, в Малой Азии, он потерпел сокрушительное поражение. Птолемей к тому времени снова завладел Сирией, но затем на время должен был ее оставить, поскольку в его тылу, в Киренаике, вспыхнуло восстание. В битве при Ипсе он не принимал участия, но от Южной Сирии отказываться не желал и снова сумел подчинить ее своей власти. Эта ситуация породила в последующее время не менее шести сирийских войн, в которых противостояли друг другу Птолемеи и Селевкиды.

Птолемеям вплоть до 200 г. до н. э. удавалось удерживать в своих руках Келесирию и финикийское побережье. В прибрежной зоне граница проходила между Каламом и Триполем (а отнюдь не к северу от них по реке Элевферу, или Эль-Литани, которую ранее принимали за пограничный водораздел), так что город Арад находился за пределами владений Птолемея. В отдалении от моря граница, впрочем, резко поворачивала к югу; она проходила примерно в направлении с севера на юг между горами Ливана и Антиливана, причем Дамаск остался за Селевкидами. В любом случае, однако, обладание Южной Сирией (Келесирией) означало для Птолемея важное расширение его державы. Эта область служила как бы предпольем (гласисом) при защите Египта, в случае нужды ее легко можно было очистить. Южная Сирия представляла большую ценность и в экономическом отношении, прежде всего из-за ливанского кедра, поскольку сам Египет — страна, чрезвычайно бедная лесом.

Этому успеху на Востоке соответствовало важное приобретение на западной границе Египта: пасынок Птолемея I Магас занял в 298 г. Киренаику, которая на протяжении четырех лет сохраняла независимость от Птолемея. Магас получил в Кирене пост наместника; он во всех отношениях зависел от своего отчима.

Большое значение имело также то, что с 287/286 г. Птолемей I выступал в качестве протектора Союза островитян. Союз этот был объединением многочисленных Кикладских островов, которые до тех пор находились под властью Деметрия Полиоркета. Еще раньше, в 294 г., Лагид сумел отвоевать остров Кипр. Конечный результат выразился в создании в восточной части Средиземноморского бассейна морской державы, главными опорными пунктами которой были большие приморские города Финикии, Кипр и многочисленные Кикладские острова. Царь Сидона Филокл был ревностным приверженцем обоих первых Птолемеев.

Во внутренней политике правление Птолемея I означало новый этап. Это верно в отношении не только местного населения Египта, но и других народов, населявших Птолемеевскую державу. Вообще вполне вероятно, что Птолемей развил далее некоторые принципы политики Александра Великого. Особая задача заключалась для него в том, чтобы установить некоторый *modus vivendi* между греко-македонским правящим слоем и коренными жителями. Было бы большим заблуждением считать, что египтяне являлись просто объектом беспощадной эксплуатации. Птолемей хорошо знал, что они значат для него: они были неопенимой рабочей силой. Поступление податей в Египте зависело в конечном счете от доходов сельского хозяйства, которое давало средства к существованию большей части коренного населения.

Птолемей был неутомим в том, что касалось развития и демонстрации главных черт эллинистического идеала царской власти: царь был благодетелем, спасителем и защитником своих подданных. При этом, в принципе, не делалось никакого различия между греками и негреками. В основном это представление восходит к чисто греческим идеям. Однако мир фараонов не мог не коснуться Птолемея I. Поэтому в изображениях царя на древних памятниках тесно переплетаются греческие и древнеегипетские черты, причем последние проступают при его преемниках тем явственнее, чем больше времени продолжалось правление династии Птолемеев.

С местными крупными землевладельцами Птолемей поладил, но решающего влияния на управление страной они не имели. В этом отношении он заметно отличался от своего кумира — Александра, который привлекал пер-

сидскую аристократию к делам управления. В том, что Птолемей перенес резиденцию правительства из Мемфиса в Александрию, определяющую роль сыграли внешние причины: Александрия имела ни с чем не сравнимое местоположение для осуществления связей с Сирией и Эгеидой и была одной из лучших морских гаваней древнего мира, уступая, пожалуй, только Карфагену. Основав в Верхнем Египте город Птолемаиду, Птолемей создал особый центр, принявший на себя функции главного города провинции. В отличие от Селевкидов египетский правитель придерживался мудрого ограничения при основании новых городов: он не был заинтересован в том, чтобы создавать автономные или хотя бы полуавтономные городские центры, поскольку это способствовало бы возникновению новых проблем в управлении страной.

Когда после битвы при Газе (312 г.) Птолемей поселил на равнинных землях Египта 8 тыс. военнопленных, это было связано с определенной милитаризацией страны. Эти пленные были зачислены в войско Птолемея и служили ему весьма надежной поддержкой среди огромной массы египтян, более чем в десять раз превосходивших числом греков и македонян. Египет был страной, где власть принадлежала меньшинству чужеземцев, а коренные египтяне были исполнителями повинностей в пользу иноземной династии, — состояние, к которому они, правда, издавна привыкли. Опорой власти Птолемея I были войско и налоги. С их помощью он мог осуществлять весьма удачную внешнюю политику, которая вполне отвечала интересам страны и династии. К советникам Птолемея I принадлежал прежде всего Деметрий Фалерский, подавший идею основания в Александрии Музея, а также египетский жрец Манефон из Себеннита. Ему мы обязаны историей фараонов, написанной на греческом языке. К сожалению, она дошла до нас лишь в немногих фрагментах.

Основание Музея в Александрии имело огромное значение. Благодаря созданию этого очага научной и исследовательской деятельности, Александрия стала центром эллинистической науки, образцом для других подобных учреждений. Первые годы своего правления Птолемей, разумеется, должен был употребить на строительство и расширение новой столицы. Архитектор Сострат Книдский соорудил маяк на острове Фаросе, который позднее

причислили к семи чудесам света. План города был создан Динокритом Родосским. Александрия имела форму хламиды, т. е. параллелограмма, обрезанного по всем четырем углам. От зданий почти ничего не сохранилось, поскольку город многократно перестраивался. Тем не менее были обнаружены фундаменты Сарапиа (от времени Птолемея III, 246—221 гг. до н. э.).

Но судьба, полная превратностей, занесла, наконец, в Александрию из Афин Деметрия Фалерского. В качестве наместника македонского правителя Кассандра он за десятилетие — с 317 до 307 г. — еще раз превратил Афины в цветущий город, однако затем, когда город оказался под властью Антигона и Деметрия Полиоркета, должен был покинуть их. В Египет он прибыл, по-видимому, только после смерти Кассандра (вероятно, в 298 г.). К Деметрию Фалерскому и восходит идея создания ученой академии в Александрии. По греческой традиции она называлась Музеем. Это означало, что труд ученых находился под покровительством муз. Уже пифагорейцы воздвигали алтари музам, но истинным образом послужила школа перипатетиков под руководством Аристотеля и Феофраста в Афинах, из которой и вышел Деметрий Фалерский.

Вряд ли было случайностью, что среди первых ученых в Александрии находились два врача — Эрасистрат и Герофил, первый из которых был учеником Феофраста. С этими двумя именами связано блестящее начало медицинской науки в Александрии. Рассказывали, что Герофил занимался даже вивисекциями, производимыми на преступниках, которые специально для этой цели предоставлялись в его распоряжение. Знаменит также математик Эвклид, который якобы сказал старшему Птолемею: «Для царя не может быть особого пути к математическому знанию». Это, правда, весьма сомнительно, но тем не менее анекдот точно характеризует как смелую откровенность Эвклида, так и любознательность царя, качества, несомненно, исторически вполне достоверные. Филолог Филит, назначенный воспитателем наследника престола, впоследствии Птолемея II, был уроженцем острова Коса. Он в одном лице объединял ученого и поэта. К его ученикам принадлежал Зенодот, вошедший в историю филологии как строгий критик Гомера. Современники, правда, отпускали язвительные шутки на счет этих «откормленных в Музее бумагомарателей», но это не

помешало позднейшим Птолемеям все более расширять и оснащать инвентарем это научное учреждение, с которым была объединена большая библиотека.

Александрийский Музей стоит у колыбели всех ученых академий, ему подражали в Риме и Византии, и даже средневековые университеты связаны преемственной нитью с этим, выражаясь современным языком, исследовательским центром. Велико было значение огромной библиотеки: она содержала несколько сотен тысяч папирусных свитков, которые находились в распоряжении ученых для их занятий. Только благодаря многочисленным рукописям александрийской филологии удалось, например, углубиться в проблему текста гомеровских поэм и, взяв за основу лучшие манускрипты, установить текст, который был принят всеми последующими поколениями.

Птолемей, несомненно, находил удовольствие в развитии этих занятий, так как сам проявлял большой интерес к литературному труду, если не к поэзии, то во всяком случае к историографии. В нем жило воспоминание о великом царе Александре, сподвижником которого он был в Азиатском походе. После того как Птолемей распорядился перевезти тело Александра в Египет (см. с. 43), он принял твердое решение поведать о делах царя последующим поколениям в специальном историческом труде и с этой целью делал для себя записи. Очевидно, ему были доступны также «Эфemerиды» Александра. Но лишь в пожилом возрасте Птолемею удалось приступить к осуществлению своего замысла. Сомнительно, однако, чтобы это случилось лишь в самые последние годы его жизни, как утверждает в ряде новейших исследований, ибо следует считаться с тем, что после битвы при Иссе (301 г.), когда царю было за шестьдесят, он, видимо, уже располагал необходимым досугом для этого. Потомкам сложно оценить этот труд по достоинству, так как, за исключением очень немногих сохранившихся под именем Птолемея фрагментов, это произведение приходится воссоздавать по «Анабасису Александра», Арриана, причем взгляды современных исследователей на эту проблему существенно расходятся. В то время как Эрнст Корнеманн, например, отводит заимствованиям из Птолемея в труде Арриана весьма большое место, другие, подобно Г. Штрасбургеру, убеждены в противоположном. И тот, и другой взгляд имеют свои преимущества, однако

вторая гипотеза, кажется, ближе к истине. Соразмерную с достоинством Александра оценку его деяний и его личности — вот что хотел дать Птолемей. При этом, естественно, автор не отодвигал себя на задний план. Конечно, надо критически взвешивать сообщения Птолемея, как это, скажем, сделано в книге Якоба Зейберта, однако в целом остается верным общепринятое мнение о том, что изложение Птолемея вполне может служить основой для воссоздания образа Александра. Насколько автору удалось воздать должное феноменальным качествам юного царя-победителя — это уже другой вопрос. Возможно, на него не смогут ответить даже в будущем, поскольку для этого отсутствуют необходимые предпосылки. Нельзя не учитывать далее, что труду Птолемея, когда тот приступил к его написанию, предшествовало романтическое изображение Александра, связанное с именем Клитарха из Александрии.

Легенда об Александре начала складываться уже при жизни царя, а после его смерти и вовсе разрослась невероятно. Труд царя Птолемея следует рассматривать как реакцию на эти романтические истории об Александре. Это не означает, что Птолемей полностью исключил из своего сочинения романтические элементы. Подтверждением обратному могут служить рассказы о походе Александра в оазис Сива, во время которого ему — именно по свидетельству Птолемея — будто бы служили проводниками две змеи. И все же, в общем и целом, в труде Птолемея господствовала объективность, можно даже сказать — трезвость, какая была к лицу именно сочинителю-солдату. О демонической сущности Александра в этом труде не говорилось ни слова. Равным образом и проблема народонаселения и, в частности, принципиально важный вопрос, как мыслил себе Александр отношения с различными этническими компонентами своей империи, в особенности с персами, — все это, если только здесь вообще позволено иметь суждение ввиду фрагментарного состояния традиции, было оставлено Птолемеем в стороне. И все же, как хотелось бы узнать мнение Птолемея по этому поводу! Ведь он стоял в Египте перед лицом совершенно схожей проблемы национальных отношений.

Однако эти вопросы были еще весьма злободневными ко времени написания труда об Александре — нельзя было ожидать от правителя, чтобы он в литературном

труде принципиально высказался по этому поводу. Впрочем, никто не упрекнет Птолемея в нежелании в этой работе увенчать славой других диадохов, своих конкурентов и противников. Наоборот, неудивительно, что своего соперника Пердикку он посмертно укоряет в том, что тот слишком мало беспокоился о дисциплине своих солдат, а заклятый враг Птолемея Антигон Одноглазый, насколько мы можем судить, и вовсе был обойден молчанием в птолемеевской истории Александра. Можно счесть это поведение царя мелочным, но и царь — всего лишь человек, его симпатии и антипатии, естественно, отразились и в его историческом труде. Кстати, этому можно найти много параллелей и в древности, и в новое время, так что в поведении Птолемея нет ничего странного. Арриан, грек из Никомерии, живший четыре столетия после Птолемея (приблизительно 95—175 гг. н. э.), очевидно, хорошо понимал, почему он взял труд Птолемея за основу для своей собственной книги об Александре. В своем сочинении Птолемей выступает как полководец и политик, опыт, приобретенный за долгую жизнь, научил его тому, как выявить существенное в биографии Александра и оставить в стороне все незначительное.

Семья Птолемея. Птолемей I был женат трижды, первый раз — на Артакаме, дочери Артабаза, с которой он вступил в брак во время массовой свадьбы в Сузах (см. выше, с. 35). Его второй женой была Эвридика, дочь Антипатра, которому несколько диадохов приходились зятьями, ибо он мог похвалиться солидным числом дочерей. От второго брака Птолемея происходил Птолемей Керавн («Перун»), вошедший в историю диадохов как страшный злодей, потому что после битвы при Курупедионе (281 г.) убил своего друга и покровителя Селевка I.

Сыном второй жены Птолемея был также Мелеагр. Кроме того, было еще два сына и несколько дочерей: Лисандра, Птолемаида и Феоксена. Им всем суждено было сыграть видную роль в брачных связях диадохов. Так, Лисандра первым браком была замужем за Александром, сыном македонского правителя Кассандра, вторым браком — за Агафоклом, сыном Лисимаха Фракийского. Оба властителя — Кассандр и Лисимах — были убежденными партикуляристами, и это, несомненно, следует принять во внимание при оценке брачных связей их сыновей

с дочерьми Птолемея. Вторая дочь, Птолемаида, вышла замуж за Деметрия Полиоркета, а третья, по имени Феоксена,— за сиракузского тирана Агафокла. Заключение последних двух браков было обусловлено стремлением Птолемея I к господству на море.

Но в конечном счете брак Птолемея с Эвридикой оказался расторгнутым, поскольку Лагид исключил из престолонаследия своего старшего сына Птолемея Керавна и назначил своим преемником сына Береники — Птолемея, прозванного позднее Филадельфом. К тому времени Птолемей уже давно был близок с македонянкой Береникой, и от этой связи у него было четверо детей: родившийся в 308 г. на Косе Птолемей (позднее унаследовавший трон), затем Лисимах, бывший много моложе своего брата, и две дочери — Арсиноя (позднее вышедшая замуж за фракийского царя Лисимаха) и Филотера. Тем не менее Беренике пришлось ждать довольно долго, пока она наконец стала законной супругой Птолемея (вероятно, лишь к 290 г. до н. э., когда Птолемею давно уже было за шестьдесят). Кстати, Береника совершенно подчинила своему влиянию престарелого супруга. Она была повинна в том, что Птолемей Керавн был отстранен от престолонаследия и на его место поставлен ее собственный сын Птолемей. Помимо этого у Птолемея I было еще трое детей, которых ему родила Таис, бывшая возлюбленная Александра (см. выше, с. 35). В отношении престолонаследия они, естественно, в расчет не шли.

Семейная жизнь Птолемея I укладывается в обычные рамки частного быта диадохов, придерживавшихся, как правило, моногамии. Разумеется, из-за большого числа детей от разных браков возникали трудности, распространявшиеся и на область политики, но в общем Птолемей вполне справлялся с ними. Последствия отстранения Птолемея Керавна от престолонаследия должен был испытать на себе Селевк I. Так или иначе, в сыне Береники, позднее Филадельфе, Птолемей I нашел достойного преемника. О нем будет идти речь в специальной главе (см. ниже, с. 139 и сл.).

Птолемей умер в конце 283 г. (возможно, лишь в начале следующего года). За два года до этого он назначил своего сына Птолемея соправителем, и таким образом смена правления в империи Лагидов могла совершиться без всяких трудностей.

Потомство не откажет Птолемею I в признании его заслуг в качестве правителя Египта. Он осознал, что эта страна способна составить надежную основу его господству, если он возьмет под свой контроль земли к востоку и западу от Египта и укрепит общее державное положение страны созданием в Восточном Средиземноморье морской империи. Это удалось Птолемею I во всех отношениях. Не следует, однако, упускать из виду, что время работало на него. Центробежные тенденции времени диадохов, вполне осознанно подхваченные Птолемеем, определенно брали верх над идеей единства империи, которую отстаивали в первую очередь Пердикка и Антигон Одноглазый. После смерти Александра было лишь вопросом времени, когда созданная им великая всемирная империя распадется на ряд отдельных держав. Птолемей мог не спешить, но битва при Ипсе (301 г.) окончательно доказала его правоту, хотя он сам и не принадлежал в данном случае к числу непосредственных участников борьбы. Его особой заботой было осуществление с помощью своих дочерей умной и дальновидной брачной политики, и если присмотреться к внушительному числу его зятьев (см. выше, с. 55 и сл.), то надо будет отдать должное Лагиду — его брачная политика была успешной. В ней, как и в других политических областях, проявляется мудрая расчетливость Птолемея I.

Беликими, наконец, были его свершения в качестве правителя основанной им Птолемеевской державы. Окруженный чужим, безразличным ко всему населением, язык которого он не понимал, царь с помощью своих солдат, чиновников и инженеров добился больших успехов, в частности, и в развитии науки, для которой он, создав Музей, подготовил внушительную учебную и исследовательскую базу. В то время как персам в течение их почти двухсотлетнего господства так и не удалось связать накрепко Египет с остальной империей, Птолемей вступил на другой путь, который в конце концов привел к успеху: он призвал египтян к сотрудничеству — в первую очередь их влиятельное жречество, а также огромные массы феллахов, чувствовавших себя не так уж плохо под его патриархальным управлением.

Так как Нильская долина во времена Птолемея I оставалась не затронутой войнами, сорок лет его правления знаменовали собой период бурного расцвета. Как бы ни

было неоспоримо превосходство военной силы, Птолемей всегда был убежден в том, что народом нельзя управлять, применяя лишь насилие. Разумеется, между коренными египтянами и пришедшими в страну македонянами и греками существовала своего рода стена. В этом отношении политика Птолемея I была шагом назад по сравнению с Александром, которого он так высоко почитал, учредив в его честь различные культы, в особенности в Александрии. Однако проводившаяся Лагидом политика отвечала необходимости, она была навязана ему внешними обстоятельствами.

Войско и управление, а также финансы являются во все времена стовальным хребтом любого цивилизованного государства, но здесь была еще нужда в надежном правящем слое, какой могли составить только македоняне и эллины. Птолемей это сознавал и действовал, придерживаясь этого принципа. Когда он почти в восьмидесятилетнем возрасте ушел из жизни, Египет вместе с сопредельными областями — Киренаикой, Кипром и Келесирией — бесспорно был наиболее хорошо управляемым государством среди тех монархий, которые возникли из мировой империи Александра. Курс его валюты был высок, с многочисленными правителями и городскими общинами им были установлены прочные узы дружбы, существенные экономические и административные проблемы были Птолемеем I либо уже разрешены, либо же, по меньшей мере, подведены к решению. Наконец, от деятельности александрийской ученой академии можно было ожидать новых научных достижений. Обязанности, возложенные на него властью, были исполнены Лагидом добросовестно. Кроме того, он основал династию, названную по его имени династией Птолемеев, которая правила Египтом по 30 г. до н. э. Среди позднейших царей из дома Птолемеев были правители (и правительницы) более или менее значительные, но для всех них основатель династии оставался образцом, преклонение перед которым было возведено в культ, а память чтилась во все времена.

II

Селевк I

(358—281 гг. до н. э.)

К ведущим диадохам относится также Селевк, сын Антиоха и Лаодики, македонянин из маленького местечка Эвропос. Его жизнь была богата переменами, но и в счастье, и в несчастье он всегда сохранял свойственное ему благородство помыслов. Селевк основал большое государство, названное по его имени державой Селевкидов, но при попытке возвратиться на родину, в Македонию, он пал от кинжала Птолемея Керавна. Когда это случилось, ему было уже далеко за семьдесят, однако у него еще было много замыслов, которым так и не суждено было осуществиться.

В античности не нашлось историка, который задался бы целью описать жизнь и деяния Селевка. Это обстоятельство поистине поразительно, ибо жизнь такого человека — так же, как и жизнь Птолемея, — могла бы предоставить более чем достаточно материала, заслуживающего изучения. Однако Плутарх, который при случае упоминает о нем, так и не посвятил ему специальной биографии,

а то, что в состоянии рассказать о Селевке грек Аппиан из Александрии (около 160 г. н. э.) в своем очерке «Сирийской истории» (гл. 53 и сл.), во многих отношениях неудовлетворительно. Если тем не менее в нижеследующем изложении будет сделана попытка воздать должное жизни и личности Селевка, то придется мириться с существенными лакунами в предании. На многие вопросы нет ответа, однако всякий сможет признать величие свершений Селевка, если даст себе труд представить его на фоне его времени.

Когда в Вавилоне 10 июня 323 г. до н. э. умер Александр, Селевку было 35 лет, если верить традиции, которая считает, что он умер в 281 г. в возрасте 77 лет. Однако эта традиция не бесспорна. Согласно Аппиану, Селевку было тогда лишь 73 года, а по Евсевию — 75 лет. Все же многое говорит за то, чтобы был принят именно 77-летний возраст¹. Селевк состоял в войске Александра и вместе с ним проделал весь Персидский поход от начала до конца. Тем не менее ни о каких выдающихся деяниях Селевка предание не упоминает. Возможно, однако, что позднейшая традиция, настроенная *против* Селевка, о них просто умалчивает (В. Отто). Сам Селевк не позаботился о том, чтобы внести поправку в традицию, — то ли потому, что не придавал значения такому исправлению, то ли потому, что в ней не было ничего такого, что заслуживало бы опровержения.

В истории похода Александра за первые семь лет, с 334 до 327 г., нет ни единого упоминания о Селевке. Аппиан называет Селевка *stratiôtes*, что означает «простой солдат», но это определение несправедливо и не отражает истинного положения, которое занимал Селевк. И если в 326 г. перед сражением с Пором Селевк командовал лейб-гипасистами Александра, — в самом сражении он появляется в качестве одного из командиров фаланги педзетеров, — то это возможно было лишь в том случае, если допустить, что он уже раньше находился в личном контакте с Александром, поскольку в противном случае тот едва ли доверил бы ему важный командный пост, предполагавший наличие военного опыта и тактических знаний.

Тем более примечательно молчание традиции о его деятельности до 326 г. На массовой свадьбе в Сузах (324 г.) Селевк взял в жены дочь бактрийца Спитамена

по имени Апама — он выполнил таким образом желание царя, стремившегося слить воедино ведущие народы своей державы — македонян и персов, а также, по-видимому, и других иранцев. От брака с Апамой родился Антиох, старший сын и позднейший преемник Селевка. В то время как другие диадохи после смерти царя оставили своих иранских жен, Селевк хранил верность Апаме. Но она, возможно, все же дожила до появления у нее в 299/298 г. соперницы, поскольку в том году Селевк вступил в новый брак с дочерью Деметрия Полиоркета Стратоникой. Ему было тогда уже далеко за пятьдесят, и этот второй брак был заключен из политического расчета. В жилах потомков Селевка текла македонская и иранская кровь, тем не менее македонский компонент всегда оставался доминирующим в характере Селевкидов. Эти правители придавали большое значение хорошим отношениям с иранским населением, и потому не приходится удивляться, что многие иранцы достигали высокого положения в войске и имперском управлении Селевкидов.

В последние дни жизни Александра Селевк находился рядом с царем. Он принимал участие на пиру у Медия — последнем пиру, на котором присутствовал и Александр. Селевк даже входил в число знатных македонян, которые в Вавилоне посредством инкубации вопрошали бога Сарapis (под ним, наверное, скрывается вавилонское божество с похожим названием) об исцелении смертельно больного царя. Но все было напрасно: бог не внял просьбам друзей, и 10 июня 323 г. Александр умер, то ли от малярии, то ли от воспаления легких, которое у царя могло быть следствием ранения стрелой в грудь в битве с маллами. Из жизни Селевка во времена Александра известны лишь еще два эпизода. Один касается раба, сбегавшего от Селевка в Киликию. Делом этим Александр был будто бы лично озабочен и распорядился учинить розыски беглеца. Плутарх [Алекс., 42, 1] оценивает этот факт как особенное благоволение царя к своему другу Селевку.

Другая история является лишь легендой, но все же заслуживает того, чтобы о ней здесь поведать. Согласно этому преданию, порывом ветра унесло диадему Александра — головную повязку, бывшую знаком царского достоинства; диадема застряла в тростниках на могиле какого-то царя. Другая версия изображает дело так, будто

бы моряк прыгнул за диадемой в воду. Он сумел доставить диадему царю, надев ее на свою голову. Повязка осталась совершенно сухой, и царь распорядился вручить моряку талант в качестве награды. Однако прорицатели заявили Александру, что он должен тут же, на месте, умертвить доставшего диадему; другие, наоборот, стали отговаривать его от этого. Короче говоря, никто не знал, как поступить в данном случае. Наконец, третья версия связывает с этой историей Селевка: будто бы он и был тем, кто извлек диадему из воды, повязав ее вокруг своей головы, чтобы она не намокла. Происшествие это было истолковано как предзнаменование того, что Александр умрет в Вавилоне, а Селевк станет править над большей частью его империи — а именно территорией, которая будет обширнее, чем земли других диадохов.

Заслуживает внимания, что этот эпизод упомянут также Аррианом в его истории Александра [VII, 22, 5]. Как спаситель диадемы здесь фигурирует финикийский моряк (источником является один из историков Александра Аристобул). Однако, продолжает Арриан, была еще и другая версия, по которой спасителем скорее всего был Селевк. У Арриана это также приводится как предзнаменование того, что Селевку предстояло править над большей частью империи Александра. Арриан и Аппиан, по всей видимости, пользуются здесь одним источником, выделявшим Селевка среди всех остальных диадохов. Помимо этого, примечательно то обстоятельство, что прорицание принимало в расчет существование нескольких самостоятельных держав после смерти Александра. Но это, без сомнения, предсказание задним числом, так что предание могло возникнуть лишь к концу эпохи диадохов. До 312 г. до н. э. оно было решительно невозможно, так как предполагало экспедицию Селевка на Восток и даже, что весьма вероятно, ситуацию после битвы при Ипсе (301 г.), ибо до этого не могло быть и речи о том, чтобы Селевк стал править над «большой частью» империи Александра.

Но о Селевке рассказывали еще и другие чудесные истории. Соответствуют ли они исторической правде — это, конечно, весьма сомнительно. Так, Селевк во время похода Александра в 334 г. будто бы спросил оракула в Дидимах, близ Милета, удастся ли ему вернуться в Македонию. По преданию, оракул ответил: «Не беспокойся о

Европе — для тебя намного лучше Азия». Передают также, что в большом очаге в его отцовском доме в Македонии вспыхнул яркий огонь, хотя его никто не зажигал. Как известно, вечный огонь был символом власти. Александр перенял его у царей династии Ахеменидов, от Александра он перешел к диадохам, а от этих последних — к римлянам, у которых он засвидетельствован в императорское время. Другим предзнаменованием царской власти для Селевка было сновидение его матери Лаодики: будто бы она нашла кольцо и передала его своему сыну Селевку, которому предстояло получить власть там, где он это кольцо потеряет. При этом речь шла о перстне с печатью, на которой был выгравирован якорь. Селевк потерял это кольцо в долине Евфрата. Далее рассказывают, что, когда он находился на пути в Вавилон, он споткнулся о камень, тот раскололся, причем отколовшийся кусок имел форму якоря. Прорицатели усмотрели в этом якоря предзнаменование тюремного заключения, но Птолемей, сопровождавший Селевка, истолковал это как символ безопасности. Якорь этот Селевк вделал в свой перстень.

Нет никаких сомнений, что эти легенды предполагают власть Селевка в Вавилонии. Все они без исключения возникли после 312 г. до н. э., и вряд ли было случайным, что в связь с этим сюжетом был поставлен также Птолемей. Ведь именно победа Птолемея и Селевка над Деметрием Полиоркетом при Газе в 312 г. снова открыла Селевку дорогу на Вавилон.

Селевк был основателем новой династии. И если Александр выступал в предании как сын Зевса-Амона, то Селевк считался сыном Аполлона. Легенда о его рождении, сложившаяся, надо думать, не против воли самого властителя, повествовала, что отцом Селевка был бог Аполлон, а не македонянин Антиох. Мать Селевка Лаодика будто бы получила от Аполлона в дар кольцо с выгравированным на нем якорем, с наказом — по рождении сына передать ему это кольцо; и будто бы на самом деле на следующий день кольцо такого типа было найдено на ложе, а родившийся у Лаодики сын Селевк носил на бедре родимое пятно в форме якоря. Рассказывают, что Лаодика вручила сыну кольцо накануне похода Александра, открыв ему, что его истинным отцом является Аполлон. После смерти Александра Селевк основал город, в назва-

ний которого сохранилось воспоминание о божественном происхождении его основателя. Правда, сам город Селевк назвал по имени своего земного отца Антиохией, но прилегающие к городу земли были посвящены богу Аполлону. Сыновья и внуки Селевка будто бы также носили на бедре в качестве знака их происхождения родимое пятно в форме якоря.

Никто не будет отрицать, что в этом рассказе² речь идет о типично эллинистической легенде о рождении правителя. Происхождение династии Селевкидов возводилось таким образом к божественному прародителю. Селевкиды совершенно осознанно поддерживали эту легенду: сначала Селевк — посредством основания города Антиохии и огромного храма Аполлона вблизи города, в Дафне, а позднее также Антиох IV (175—164 гг.), велевший восстановить храмовой округ. Должно быть, эта легенда была распространена уже в III в. до н. э. Надпись из Илиона (от времени Антиоха I, преемника Селевка) называет Аполлона «прародителем». А в гимне Асклепию из Эрифр в Ионии Селевк прямо-таки называется сыном Аполлона. Разумеется, легенды такого рода являются весьма своеобразными с точки зрения современного человека, но в античности не было непреодолимой пропасти между смертными и богами. Люди были убеждены, что бессмертные самыми разнообразными способами вторгаются в жизнь человека и что не может быть отказано в благословении богов — а стало быть, и в вере в божественное происхождение — тому, кто был призван властвовать.

Однако полностью Селевк мог проявить себя, как было сказано, только после смерти Александра. Выше (с. 35) было подробно освещено новое устройство империи Александра, произведенное в Вавилоне. Этот новый порядок был обязан своим происхождением вынужденной ситуации: способного к управлению царя в империи не было, а из-за соперничества влиятельных сановников не был назначен имперский регент. Селевк не получил тогда сатрапии, однако великий визирь Пердикка передал ему пост хилиарха, который ранее занимал закадычный друг Александра Гефестион. В качестве хилиарха Селевк осуществлял командование над конницей гетайров. Были ли связаны с этим назначением еще и политические задачи — об этом традиция умалчивает. Как бы там ни было,

Селевк был могущественным человеком, пользовавшимся полным доверием Пердикки. Но кажется сомнительным, что Селевк поставил на верную карту, ибо положение Пердикки отнюдь не было надежным. У него было много завистников и соперников, и среди бывших генералов Александра едва ли мог найтись хотя бы один, который согласился бы с привилегированным положением Пердикки. Правда, всем было известно, что Пердикка в последнее время близко стоял к Александру (царь якобы даже передал ему свое кольцо с печатью), однако остальные чувствовали себя вполне равными Пердикке и не признавали его первенства.

После преждевременной смерти Александра не было всеми признанной руководящей личности, тем более что и Кратер и Антипатр были в ту пору далеко от Вавилона. Государственный строй в Вавилоне в жаркие дни лета 323 г. до н. э. уже таил в себе зародыш распада единой империи. Пердикка был лишь первым среди равных, для многих он был неудобен, и они помышляли лишь о том, как бы поскорее избавиться от него.

Случай представился во время похода Пердикки против сатрапа Египта Птолемея I в 321 г. Надо заметить, что тем временем Пердикка сделался имперским регентом Азии. В сатрапах, которые получили свои области по воле войскового собрания в Вавилоне, он видел своих подчиненных, — положение, которое те, естественно, не признавали. Конфликт с сатрапом Египта и возник на этой почве. Предпринятый против Египта поход был столь же дурно подготовлен, как и проведен; подробности были уже изложены выше (с. 44 и сл.). В войске составилась заговор, жертвой которого стал Пердикка. Традиция называет Антигена и Селевка убийцами Пердикки. Антиген был командиром привилегированного подразделения аргираспидов («носителей серебряных щитов»), а Селевк был хилиархом. Оба занимали высокие посты в военной иерархии, и оба были недовольны Пердиккой. При этом остается открытым вопрос, существовал ли план убийства Пердикки уже давно, или же он был составлен только после военной неудачи в Египте. Кроме того, можно задать вопрос, обусловлено ли было участие Селевка в этом заговоре каким-либо тайным соглашением с сатрапом Египта Птолемеем, однако на этот счет мы не найдем в традиции ответа. Тем не менее убийство Пердикки, не-

сомненно, бросает зловещую тень на нрав Селевка независимо от того, какой мотив мог толкнуть его на это.

При разделе сатрапий в Трипарадисе (в Северной Сирии) Селевку досталась, возможно в качестве награды, Вавилония. Мы все еще находимся в 321 г., принесшем с собой так много важных перемен. Впрочем, и Антигену также была передана прилегающая с востока к Вавилонии сатрапия Сузиана, так что он также занял важное положение в управлении империей. Еще раньше в Трипарадисе произошел серьезный инцидент: жена Филиппа Арридея Эвридика натравила солдат на имперского регента Антипатра, на защиту которого, однако, встал Селевк. Мы не знаем ничего о мотивах Селевка, но, как бы то ни было, Антипатр вознаградил его за эту помощь предоставлением Вавилонской сатрапии. Тот, кто господствовал над Вавилонией, занимал одну из важнейших позиций в Передней Азии. Вавилония была богата естественными ресурсами, она обладала многочисленным населением, ее центральное положение на скрещении дорог, ведущих с Ближнего Востока к Средиземному морю, и коммуникаций, пролегающих в долинах Евфрата и Тигра, придавало ей такое значение, какого, пожалуй, еще достигала (хотя едва ли превосходила) только Египетская сатрапия.

Четыре года подряд, с 321 до 317/316 г., Селевк правил в Вавилонии в качестве ее сатрапа. Время это было наполнено междоусобной борьбой диадохов, в которой и Селевк принимал участие. В Передней Азии поборником единого царства выступал в особенности Эвмен из Кардии. Он учредил в своем лагере культ покойного Александра, а привилегированные части аргираспидов под командованием Антигена составили ядро его войска. Однако в Антигоне Одноглазом он нашел могущественного противника, а войсковое собрание в Трипарадисе объявило Эвмена вне закона за то, что в 321 г. он одержал победу в Малой Азии над Кратером и Неоптолемом. Кратер — этот кумир македонского войска — и Неоптолем пали тогда в сражении.

В этом споре Селевк вынужден был открыть свои карты: он решил принять сторону Антигона, но старался при этом сохранять по отношению к Эвмену нечто вроде вооруженного нейтралитета. Но, когда на пути в Сузиану Эвмен пересекал Вавилонскую сатрапию, Селевк стал

чинить ему препятствия. Он разрушил один из каналов и затопил страну. Все же Эвмен с помощью местного проводника сумел выбраться на сушу. Тогда Селевк заключил с ним договор, но в то же время тайно послал гонца к Антигону с просьбой прийти на помощь. Однако, прежде чем это произошло, Эвмен уже удалился в Сузиану. Теперь Антигон назначил Селевка сатрапом Сузианы и поручил ему осаду главного города — Суз, которые газофилак («хранитель казны») Ксенофил удерживал для Эвмена. В сражении в Паретакене, где Эвмен потерпел окончательное поражение (зимой 317/316 г.), Селевк не участвовал, но он, вероятно так же, как и прежний генерал-губернатор Верхних сатрапий Пифон, предоставил в распоряжение Антигона Одноглазого свои войска.

Хотя Селевк постарался принять стратега Азии Антигона в Вавилоне со всеми почестями, между ними вскоре начались раздоры, поскольку Антигон, устранив своего соперника Эвмена, стал рассматривать себя как полномочного правителя всей Передней Азии. В этом качестве, которое он сам себе присвоил, он стал требовать от Селевка отчета о его управлении Вавилонской сатрапией. Это унижительное требование Селевк отклонил, ссылаясь на то, что он получил эту должность за заслуги еще при жизни Александра по воле македонского войскового собрания, а не милостью Антигона. На самом деле для обладателя Вавилонской сатрапии огромную ценность составляло ее материальное богатство. Кроме того, Антигон не желал делать исключение для вавилонского наместника. Он видел в сатрапах своих подчиненных, обязанных отчитываться перед ним.

Соотношение сил было весьма неравным, и это, разумеется, не укрылось от внимания Селевка. Он не был убежден, что сможет удержаться в Вавилонии, и потому с 50 сопровождающими поспешно бежал в Египет, где с почетом был принят Птолемеем. Этот последний также чувствовал, какую угрозу таят для него происки Антигона, совершенно открыто стремившегося восстановить мировую империю Александра. Антигон был, по-видимому, чрезвычайно обрадован бегством Селевка, так как ему теперь не требовалось применять силу против соперника. Так окончился первый период правления Селевка в Вавилонии (лето 316 г. до н. э.).

В течение последующих четырех лет (с 316 до 312 г.) Селевк состоял на службе у египетского сатрапа Птолемея I. Успех не всегда сопутствовал ему в это время, некоторые операции заканчивались даже весьма ощутимыми неудачами. Девизом обоих союзников и действовавших совместно с ними диадохов была борьба против устремлений становившегося все более могущественным Антигона, который уже в 315 г. возвестил из Тира, что он принял на себя регентство в империи. Тем самым Антигон совершенно недвусмысленно поставил себя над всеми другими диадохами, которые, естественно, не признали этой узурпации, хотя она и была якобы санкционирована войсковым собранием в Тире. Однако на первых порах они добились очень немногo. Лишь Птолемею удалось закрепиться на острове Кипре, после того как он силой оторвал от Антигона правителей тамошних городов.

В этих операциях принимал участие и Селевк. Экспедиции флота на Лемнос и Кос также не увенчались успехом, равно как и вторжение в Карию в поддержку сатрапа Асандра, которого Антигон в конце концов лишил сатрапии. Не следует удивляться, что эти операции заканчивались в большей или меньшей степени неудачей: Птолемей не решался использовать здесь все свои силы, поскольку эти акции осуществлялись на слишком далеком расстоянии от его базы — Египта. Для Селевка эти предприятия, во всяком случае, были малорезультативны, так как они не наносили Антигону существенного ущерба. Постепенно Селевк должен был прийти к убеждению, что, действуя таким образом, он никогда не увидит больше Вавилонии. Поэтому он уговорил Птолемея начать борьбу на суше, в месте, где Антигон был весьма уязвим, — в Сирии, до которой можно было добраться из Египта без особого труда. И действительно, при Газе Птолемей и Селевк одержали блестящую победу над сыном Антигона Деметрием Полиоркетом (весна 312 г.). Деметрий, уступавший противникам в пехоте, все свои надежды возлагал на слонов. Однако их натиск разбился о препятствие: противники вбили в землю столбы и прикрепили к ним железные цепи, в которых слоны и запутались, тем более что разведка, судя по всему, своей роли не выполнила.

Равным образом не достигла цели и кавалерийская атака, предпринятая Деметрием с левого фланга, а дей-

ствия центра, как и правого крыла, не смогли изменить судьбу сражения в пользу Деметрия. Он не только потерял массу пленных (якобы 8 тыс. человек) — пропала также вся *ароскеуэ*, т. е. лагерь со всем имуществом, которое было разграблено неприятелем. Однако, вопреки ожиданию, победители проявили великодушие: они отослали обратно Деметрию его пленных друзей и будто бы даже всю *ароскеуэ*, ставя его в известность, что они вели борьбу не ради добычи, а ради своих законных прав, поправленных Антигоном, когда он изгнал Селевка из Вавилонии. Возможно, они лелеяли надежду прийти таким образом к быстрейшему соглашению с Антигоном? Как бы то ни было, Антигон и не помышлял о том, чтобы отказаться от Южной Сирии и Вавилона.

Для Селевка победа при Газе явилась важным переломом в жизни. Он сформировал теперь отряд из 800 пехотинцев и 200 всадников (по другим источникам из 1000 пехотинцев и 300 всадников) и двинулся вместе с ними быстрым маршем через Аравийскую пустыню в Вавилонию. Наш источник [Диод., XIX, 90] подробно излагает в этом месте соображения, которыми будто бы руководствовался Селевк. Прежде всего, он будто бы ссылался на симпатии вавилонян и на то, что для соратников Александра решающими являются не находящиеся в их распоряжении средства принуждения, а опыт и ум, с помощью которых Александр некогда совершил великие деяния. Боги, заключал Селевк, также выказали одобрение его предприятию: оракул в Бранхидах приветствовал его как царя, и сам Александр, явившийся ему во сне, обещал ему полный успех.

По прибытии в Карры Селевк включил в свой отряд проживавших там македонян. Кто уклонялся, того силой заставляли примкнуть к новому господину. Относительно настроений местного населения в Вавилонии Селевк действительно не обманулся: вавилоняне с радостью приветствовали его; некий Полиарх (о его деятельности нам ничего более не известно) присоединился к нему с более чем 1000 человек, а приверженцы Антигона укрылись в вавилонской цитадели. Однако Селевк штурмом овладел крепостью, и его сторонники, содержащиеся здесь Антигоном в заключении, оказались теперь на свободе. Все же власть Селевка в Вавилонии не была еще упрочена. Антигон выставил против него корпус общей численностью в

17 тыс. человек под командованием Никанора, занимавшего при Антигоне должность стратега Верхних сатрапий. Войско Селевка количественно, безусловно, уступало силам Никанора, однако неожиданным ночным нападением Селевк разгромил противника. Среди погибших соратников Никанора был, в частности, Эвагор, сатрап Персиды. Значительная часть армии Никанора перешла на службу Селевка, а сам Никанор со своими ближайшими друзьями вынужден был искать спасения в бегстве через пустыню — отныне он не представлял для Селевка никакой опасности. Более того, Селевк мог теперь утвердить свое господство также в некоторых соседних сатрапиях, в частности в Сузиане и в Мидии. О своих успехах он в специальном послании оповестил Птолемея. Источник [Диод., XIX, 92, 5] сообщает, что Селевк был преисполнен отныне царского величия и оказался достоин сложившейся о нем славы выдающегося полководца.

Значение этого нового завоевания Вавилонии было подчеркнуто тем, что с осени 312 г. Селевк начал отсчет новой эры (летосчисления) — эры Селевка, которая позднее, после смерти Селевка I, продолжала существовать как эра Селевкидов. Она начинается с 1 дия (октябрь) 312 г. до н. э. — начала македонского года. Напротив, для вавилонян началом эры было 1 нисана (апрель) 311 г. Двойное начало эры Селевка — это своего рода символ двух столпов, на которых зиждилась его власть: для македонян он был признанным вождем, для вавилонян — владыкой страны, завоевавшим эту территорию острием своего копья. Важнейшие усилия Селевка должны были быть направлены на то, чтобы посредством строгого управления сплотить в своего рода центр завоеванные им земли вокруг Вавилона, а затем распространить свою власть за их пределы. При этом он, по существу, был предоставлен самому себе, ибо Птолемей, его доброжелательный союзник и друг, был погружен в собственные проблемы внутри и вне Египта, а прочие диадохи, с которыми он поддерживал дружбу, в первую очередь Лисимах во Фракии и Кассандр в Македонии, были отдалены от него слишком большим расстоянием, чтобы они могли оказать ему помощь. К счастью, Антигон был чересчур занят делами в Малой Азии и Греции, так что никак не мог сконцентрировать свои силы для противоборства с Селевком в Вавилонии.

К источникам по истории диадохов добавилась в 1924 г. вавилонская клинописная хроника, опубликованная британским ассириологом Сиднеем Смитом³. Это — две глиняные таблички, принадлежащие коллекции Британского музея в Лондоне⁴. Они вызвали большой резонанс в ученом мире и неоднократно становились предметом исторических и филологических изысканий ученых.

В последний раз — после Вальтера Отто и В. В. Тарна — этой «Хроникой диадохов» занимался Бернд Функ⁵. Обе клинописные таблички содержат по целому ряду пунктов важные дополнения, в первую очередь к Диодору; они бросают также новый свет на деятельность Селевка в Вавилонии, начиная с 312 г. Так, например, Хроника как будто подтверждает, что Селевк после своего возвращения в 312 г. вынужден был еще некоторое время вести борьбу за Вавилон, и прежде всего за «дворец», пока наконец ему не удалось им овладеть — подробность, хорошо согласующаяся с сообщением Диодора.

Принципиальный поворот принес с собой затем мир 311 г., который был заключен между Антигоном, с одной стороны, и Лисимахом, Птолемеем и Кассандром — с другой. Антигону по этому миру было уступлено право своего рода верховного надзора над Передней Азией, Лисимах был признан владыкой Фракии, а Птолемей — правителем Египта, между тем как Кассандр должен был оставаться правителем Македонии только до тех пор, пока юный царь Александр IV, сын Александра Великого, не станет совершеннолетним. Этот мир означал фактический раздел империи Александра, хотя фикция единства в лице юного царя еще сохранялась. Примечательно, однако, что Селевк в мирном договоре 311 г. был полностью обойден. Объяснять это можно, по-видимому, тем, что Антигон не выказал еще готовности по всей форме отказаться от Вавилонии и от оккупированных Селевком прилегающих областей. Что это остается единственно верным объяснением, подтверждается указаниями «Хроники диадохов», которая повествует о столкновениях Селевка с Антигоном уже после 311 г. Так, например, Антигону в 309/308 (?) г. удалось проникнуть в Вавилон. Стало быть, он тогда все еще не оставлял надежды на изгнание Селевка, несмотря на то что свои главные силы вынужден был использовать на западе.

«Хроника диадохов» содержит, кроме того, упоминания о грабежах в Вавилоне и его окрестностях, о том, что была захвачена также Кута, в которой была разграблена сокровищница Нергала. Селевк, поначалу, вероятно, снова изгнанный из страны (возможно, он был занят также делами в других краях), вскоре смог снова вернуться в Вавилонию. Мы застаем его сначала в Борзиппе, а затем в главном городе страны. Уже в правление Александра Великого была начата расчистка развалин древнего храма Эсагилы, работа, которая, так же как и постройка нового храма, продолжалась при Селевке. Существует интересный документ, в котором можно прочитать, что некий раб «для спасения своей души» в 6-й день 11-го месяца 6-го года Александра IV, т. е. приблизительно в феврале 310 г. до н. э., внес пожертвование на расчистку святилища Эсагилы⁶. Продолжение работ в этом вавилонском святилище отражает интерес Селевка к местному культу. Этим объясняется, почему диадох пользовался столь большими симпатиями среди коренного населения.

С 308 г. Селевк поставил перед собой новую большую задачу, которую он смог, не опасаясь вмешательства Антигона, в последующие годы выполнить до конца. Селевк подчинил себе тогда весь переднеазиатский регион — от Сузианы и Мидии на востоке до границ с Индией. Это зафиксировано в кратком изложении Аппиана [Сирийская история, 55]. Согласно ему, Селевк установил свое господство над Месопотамией, Арменией, Персидой, Парфией, Бактрией, Аравией, над страной тапуров, Согдианой, Арахозией, Гирканией и над другими народами вплоть до Инда. Ясно, что подчинение столь обширных территорий и столь многих народов должно было занять несколько лет. Держава Селевка охватывала теперь весь комплекс восточных областей империи Александра и своими гигантскими масштабами оставила далеко позади государства всех других диадохов. Завоевание восточных районов нашло выражение прежде всего в поспешном признании большинством сатрапов в этих землях верховной власти Селевка, между тем как иранцы видели в нем правителя, который мог их защитить от вторжений варварских народов степей с севера и северо-востока.

Не следует забывать, наконец, что в военных колониях на востоке жило множество македонян, которые мог-

ли удержаться здесь лишь при поддержке Селевка. То, что им было создано, можно, пожалуй, обозначить как македоно-иранскую империю. При этом, разумеется, македоняне сохранили ведущее положение, однако многочисленные знатные иранцы также были привлечены к участию в управлении государством. Непосредственным противником Селевка на востоке был индийский царь Сандрокотт (Чандрагупта), основатель династии Маурьев, создавший в области Инда и Ганга большую державу с главным городом Паталипутра (по гречески — Палиботра). Этот царь отказался признать себя вассалом Селевка и начал борьбу против македонян. Война не привела, однако, к радикальному разрешению разногласий, и в конце концов противники заключили договор, который, кажется, удовлетворил обе стороны. Сандрокотт, несомненно, мог записать себе в актив огромные земельные приобретения; за ним было признано право владения обширными областями в Западной Индии и лежащими далее к западу территориями в Верхней Азии: Пятиречьем, Арахозией, страной паропамисадов с важной Кабульской долиной, а кроме того Гедрозией, которая, впрочем, представляла собой по большей части пустыню. Благодаря всему этому индийская держава Маурьев получила широкую полосу прикрытия, которой она отгородилась от вторжений с запада. Селевк за все это выговорил себе 500 слонов, которые в предстоящей войне с Антигоном было предназначено сыграть решающую роль. Отныне Селевка называли *elephantárches* — «начальником слонов».

Установившиеся добрые отношения между индийским царем Сандрокоттом и Селевком имели для обеих сторон большое значение. Селевк достиг — правда, ценой уступок важных областей на востоке — обеспечения своего восточного фланга; в случае назревания кризиса на западе он мог теперь рассчитывать на благожелательный нейтралитет маурьевского правителя. По меньшей мере столь же важным было установление торговых связей на море и на суше между Вавилонией и Индией. Не удивительно, что для последующего времени в источниках отмечены неоднократные посольства Селевкидов в Индию. Несколько таких посольств было предпринято при Селевке I Мегасфеном, который в своей «Индийской истории» описал далекую страну чудес и оставил будущим поколениям свои впечатления. Изложение Мегасфена выигрывает еще и

потому, что его можно сопоставить с местным индийским источником — так называемой «Арташастрой» Каутильи. Эта книга, представляющая собой наставление в искусстве справедливого управления государством, притом наставление ярко выраженного макиавеллистического характера, несомненно, написана современником, хотя не исключено, что отдельные части добавлены позднее. Вообще же не только Мегасфен, но и многие другие образованные греки интересовались Индией, причем наряду с Селевкидами влияния в Индии пытались добиться также Птолемеи.

Разрешение конфликта между Селевком и Антигоном было в 308 г. лишь на время отсрочено. Важным был 306/305 год, ибо после победы Деметрия Полиоркета над Птолемеем в морском сражении у Саламина Кипрского Антигон принял царский титул и одновременно возвел в царское достоинство своего сына. Прочие диадохи — Птолемей, Кассандр, Лисимах и Селевк — ответили на это тем, что отныне также стали именовать себя царями, — очевидное свидетельство того, что идея единства империи Александра была уже окончательно оставлена. Впрочем, Селевк в Вавилонии стал пользоваться царским титулом еще раньше, несомненно, еще до 306 г.⁷, хотя в клинописи первые датировки с царским титулом Селевка относятся лишь к 304 г.

Ко времени возвращения Селевка с Востока положение в Малой Азии обострилось. Кассандр и Лисимах чувствовали растущую угрозу со стороны Антигона, и Птолемей I вступил с ними в союз. Союзники рассчитывали на помощь Селевка, располагавшего оружием решающего значения — слонами. Против этой коалиции, которая должна была во что бы то ни стало перейти в наступление, Антигон мог использовать преимущество центрального положения; в случае неосмотрительности противники могли быть разбиты им поодиночке. Однако в царя Фракии Лисимахе союзники имели весьма способного стратега, твердо державшего нити операций в своих руках.

Задачи, стоявшие перед союзниками, были непростыми. Ведь было важно сковать Антигона и его главные силы до тех пор, пока действующие армии союзников станут мало-мальски равны по мощи неприятелю. Союзники твердо рассчитывали также на содействие Птолемея I. Однако этот последний не стал себя чрезмерно

утруждать. После первого вторжения в Сирию он снова возвратился к себе домой. В свое оправдание он будто бы заявил, что получил известия, что оба его союзника, Лисимах и Селевк, были разбиты. Но произошла ошибка. Селевк перезимовал со своим войском в Каппадокии, и соединение его с Лисимахом состоялось только в следующую весну (301 г.), именно во Фригии. Позиции Антигона в Малой Азии оказались ослаблены тем, что на сторону союзников перешел губернатор Фригии Доким. Битва при Ипсе (сегодняшний Сипсин, вблизи Синнады) закончилась для Антигона полной катастрофой. Хотя его войско в количественном отношении превосходило неприятеля, введенные Селевком в действие слоны вызвали в рядах воинов Антигона смятение и ужас, да и Деметрий своим недисциплинированным поведением весьма содействовал тому, что сражение было Антигоном проиграно. С гибелью Антигона, павшего в бою, как солдат, в возрасте восьмидесяти с лишним лет, проблема была окончательно решена: вместо единой империи Александра, идея которой столь длительное время поддерживалась Антигоном, отныне должна была сложиться система отдельных независимых государств.

Для Селевка победа при Ипсе означала приобретение новых территорий. Правда, он должен был отказаться от аннексий в Малой Азии — здесь львиную долю добычи присвоил себе Лисимах, ибо почти вся Малая Азия вплоть до Тавра перешла под его власть, так что теперь он распоряжался державой, раскинувшейся по обе стороны проливов. Но Северная Сирия и пограничные с ней области достались Селевку, и даже Южная Сирия была присуждена ему. Однако здесь, в так называемой Келесирии, уже утвердился Птолемей, которого нельзя было склонить к уступке этой области. Не говоря уже о большом экономическом значении Келесирии, она представляла важное для Египта передовое укрепление, обладание которым казалось Птолемею столь необходимым, что он готов был пойти на риск войны со своим прежним союзником. Позднейшие Селевкиды вели с Птолемеями из-за обладания этой землей не менее шести войн, и только Антиоху III (223—187 гг.) удалось наконец утвердиться в Келесирии.

Завоеванная Селевком Северная Сирия, названная позднее Сирией Селевкидской, была, впрочем, тоже доста-

точно важным приобретением, так как открыла Селевку доступ к Средиземному морю, и, конечно, не случайно, что свою новую столицу Антиохию он основал недалеко от устья Оронта. Отныне (с 300 г. до н. э.) Антиохия стала его резиденцией, и тем самым центр тяжести империи был существенно сдвинут на запад. В городе был поставлен большой гарнизон, а в его окрестностях были размещены слоны, которые в войнах Селевкидов всегда играли важную роль.

Два десятилетия, прошедшие после битвы при Иссе, т. е. время с 301 до 281 г., являются важной вехой в истории державы Селевкидов. Селевк, которому к моменту гибели Антигона было далеко за пятьдесят, должен был теперь заняться консолидацией государства. Оно состояло из очень разнородных частей, среди которых основными областями были Месопотамия, Северная Сирия и Мидия. Чтобы крепко держать в своих руках эти страны, Селевк основал в них множество городов — политика, которую всемерно продолжал и развивал также его сын и преемник Антиох I. Об этой колонизационной деятельности обоих правителей Эдуард Мейер сказал: «То, что совершили на этом поприще оба первых Селевкида, поистине достойно всяческого удивления и едва постижимо»⁸.

За этой колонизацией стояло намерение Селевкидов превратить Северную Сирию и Месопотамию в новую Македонию. Многочисленные наименования населенных пунктов и местностей напоминали в этих областях об их древней родине. Здесь была местность по имени Мигдония, город Анфемусия, а из древнего поселения Тапсак на Евфрате образовался македонский Амфиполь. А расположенное далее к востоку поселение Дура на среднем Евфрате, которое приобрело мировую известность благодаря раскопкам парижской Академии надписей и изящной словесности и Йельского университета под руководством Франца Кюмона и Михаила Ростовцева, стало называться теперь Эвропос. Оно получило имя маленького селения в Македонии, где родился Селевк.

В древней столице Междуречья, отягощенном традициями Вавилоне, Селевк, очевидно, чувствовал себя недостаточно хорошо. Здесь было слишком много жрецов и святилищ, а местный элемент в населении преобладал в такой степени, что казалось безнадежной затеей сделать

из Вавилона центр македонской нации. Иначе обстояло дело с городом Селевкия-на-Тигре. Он был основан Селевком I, чтобы создать в Междуречье новый центр. Место было выбрано превосходно: Селевкия лежала в точке пересечения многочисленных торговых путей, связывавших восток и запад, север и юг, так что не приходится удивляться тому, что Селевкия в короткое время развилась в типичный сверхгород, насчитывавший, по преданию, 600 тыс. жителей. Кроме этого города были основаны еще другие, также носившие названия Селевкия, Антиохия или Апамея. В них по большей части были поселены македонские солдаты, а многочисленные греки, прибывшие сюда из метрополии, придали этим новым городам ярко выраженный греческий колорит, ибо они были построены по греческим планам и каждый из них располагал греческим театром, гимнасием и агорой — просторной рыночной площадью, вокруг которой группировались различные административные здания. Короче говоря, первые Селевкиды сделали все, чтобы создать для македонян и греков в чуждом им окружении новую родину.

Не следует недооценивать значения этой колонизации обширных пространств на Востоке. События показывают, что Селевк I и его наследник Антиох I, следуя Александру — своему великому идеалу, решающим образом старались содействовать эллинизации Передней Азии. И они добились успеха. Если македонянам и грекам удалось не только удержаться в течение многих десятилетий в Передней Азии, но и завоевать души местного населения, из числа которого многие приняли эллинскую культуру, то материальные основания для этого были заложены Селевком I. Эдуард Мейер в особенности подчеркивал тот факт, что от основания городов в Передней Азии решающий импульс к развитию получила прежде всего и главным образом духовная жизнь. В самом деле, известен целый ряд людей, которые прославились здесь как философы и ученые: стоик Диоген из Селевкии-на-Тигре (II в. до н. э.), его ученик Аполлодор, историк Агафокл, прозванный Вавилонским⁹, далее, живший в I в. до н. э. историк Аполлодор из Артемиды, а также историк и географ Исидор из Харакса.

Впрочем, имен этих все-таки не так много, и с расцветом эллинистической науки в Александрии при пер-

вых Птолемах они не выдерживают никакого сравнения. Именно в Вавилонии были чрезвычайно сильны традиции халдеев — они сохранились даже при Селевкидах. Так, к примеру, продолжало передаваться из поколения в поколение знание клинописи — оно угасло окончательно только в период ранней римской империи. Существенным было то, что македоняне, греки и коренное население жили вместе — в известной степени, стена к стене — во вновь основанных поселениях. Тем не менее македоняне долго еще не смешивались с инородцами. Лишь к концу III в. до н. э. местные элементы постепенно стали проникать в правящее сословие — так же, как это было в птолемеевском Египте.

Поскольку не существует никакой статистики, эти процессы трудно оценить во всей их полноте. Восточные божества, во всяком случае, с самого начала воздействовали на греков и македонян с удивительно притягательной силой. Эти последние верили, что в них, хотя и под чужими именами, они вновь обретали своих собственных богов. Женатый на иранке Селевк I сумел завоевать симпатии верхней прослойки как иранцев, так и вавилонян и других народов Передней Азии. Мы не знаем о каких-либо трудностях с коренным населением, не говоря уж о восстаниях в период его правления. Поведение Селевка предполагает высокую степень понимания и интуиции, и ему следует воздать посмертную славу за то, что он предвидел историческое развитие яснее, чем большинство его современников, включая даже Птолемея I, который привлекал местное население по большей части лишь к несению повинностей, а не к участию в управлении страной.

Благодаря территориальным приобретениям после битвы при Ипсе Селевк выдвинулся в ряд ведущих диадохов, его держава простиралась на огромном пространстве от границ империи Маурьев в Индии до Тавра, который отделял ее от державы Лисимаха. Множество народов проживало в государстве Селевка, и на всех них распространялась безграничная заботливость этого правителя. В своей внешней политике он, однако, в 299/298 г. совершил примечательный поворот. Он был отмечен достижением взаимного согласия с Деметрием Полиоркетом и заключением в Россе (Северная Сирия) брака с дочерью «морского царя» Стратоникой. Как объяснить этот пово-

рот? Очевидно, Селевк не простил Птолемею I, что тот занял Южную Сирию и отторг ее от державы Селевка, которому она должна была достаться по решению союзников. Но если Селевк намерен был добиться осуществления своих вполне обоснованных притязаний на Келесирию, ему была необходима прежде всего поддержка сильного флота, которым обладал кроме Птолемея лишь Деметрий Полиоркет.

Возможно, что первая жена Селевка, Апама, еще была жива в момент заключения второго брака. Существует почетный декрет города Милета в честь Апамы, относимый исследователями, по-видимому с полным основанием, именно к 299/298 г.¹⁰ С другой стороны, двойные браки не были исключением в век диадохов. Впрочем, до реального подписания союза между зятем и тестем, по-видимому, не дошло. Почетный декрет, изданный городом Эфесом в честь некоего родосца Никагора, говорит «о дружбе», а не о союзе, что надо считать решающим фактом¹¹. Как бы там ни было, издержки за эту новую политическую комбинацию пришлось оплатить Плистарху, брату Кассандра: он был изгнан из Киликии, и сделано это было Деметрием. Селевк, естественно, с большой охотой приобрел бы для себя эту важную приморскую область, однако Деметрий не пошел навстречу его предложению и не отступился за деньги от Киликии. Деметрий также не отказался от финикийских метрополий Тира и Сидона, хотя для Селевка они были бы приобретением огромной важности, поскольку в них сходились большие караванные пути с Дальнего Востока, по которым доставлялись в район Средиземноморья изделия из Китая, и прежде всего шелк.

Когда же наконец в 297 г. Деметрий вновь обратился к греческим делам, Селевк почувствовал сильное облегчение: теперь он вновь мог посвятить себя внутреннему переустройству своей гигантской державы. И здесь огромную роль сыграло назначение Антиоха I, сына Апамы, в наместники Верхних сатрапий (включая Месопотамию) — событие, имевшее место, по-видимому, в 294 или 293 г. Если Междуречье также было включено в состав областей, доверенных Антиоху, то это, пожалуй, надо объяснить тем, что наследник престола в качестве верховного наместника на Востоке должен был обосноваться в Селевкии-на-Тигре¹². Одновременно Антиох I стал

соправителем своего отца Селевка, который, впрочем, остался царем всей империи. Таким образом, здесь не может идти и речи о формальном разделе государства. Тем не менее назначение сына генерал-губернатором восточной части государства означало существенное облегчение в управлении для Селевка, который отныне, как правило, пребывал в Антиохии-на-Оронте.

Селевк отдал сыну в жены свою супругу Стратонику. Это было событием, которое в древности послужило поводом к многочисленным легендам. Разумеется, нельзя исключить в этой истории династического момента, но в остальном речь идет о ярко выраженном браке по любви. Впрочем, то, что можно узнать об этом из античных источников¹³, написано в романтическом стиле. В частности, измышлением является участие в этой истории врача Эрасистрата, который скорее принадлежал ко двору Птолемеев в Александрии. Вполне историческим, однако, может быть эпизод с обращением Селевка к македонскому войсковому собранию, которое он, по преданию, уведомил о своем решении передать сыну наместничество на Востоке и отдать ему в жены Стратонику. Между прочим, Селевк имел от Стратоники дочь Филу. Позднее она стала супругой македонского царя Антигона Гоната.

Уступка Селевком своей жены Стратоники сыну Антиоху была воспринята во всем мире как сенсация, она привлекла к себе столько же внимания, сколько и позднейший брак между братом и сестрой — Птолемеем II и Арсиной II. Как мог Селевк прийти к такому решению? Шла ли здесь речь о сохранении династии (Стратоника впоследствии родила Антиоху двух сыновей)? В античных источниках нет на этот счет ответа. Очевидно, придется удовлетвориться тем, что было сказано о любви Антиоха I к своей мачехе, ибо нет ни малейших оснований сомневаться в истинности этого мотива.

Предоставим слово Эрвину Роде¹⁴. Он пишет: «Всему миру известна — пусть даже только из намека Гёте в „Вильгельме Мейстере“ — чудная новелла об Антиохе, тайно полюбившем вторую жену своего отца, царя Селевка, — свою мачеху Стратонику. Пламя тайной любви сделало юношу больным и приковало к постели. Когда ни один из врачей не мог открыть источника болезни, знаменитый Эрасистрат Кеосский разгадал наконец,

что причина в душевном страдании: он заставил пройти через покои больного всех придворных красавиц и по убыстренному сердцебиению больного при входе его возлюбленной — его мачехи — без труда открыл причину недуга. С осторожной предусмотрительностью мудрый врач сообщил царю, что царевич полюбил его — врача — супругу. Когда царь стал теперь упрашивать его уступить жену и тем спасти жизнь больного, он спросил: „А ты сам в подобном случае пожертвовал бы любимой супругой?“ И когда царь, не задумываясь, ответил утвердительно, врач открыл ему истинные мотивы, и великодушный царь действительно уступил сыну Стратонику». К сказанному Роде добавляет: «История эта не содержит в себе ничего невероятного, и до сих пор ее принимали за правду» (при этом он ссылается на Дройзена, «История эллинизма», I, с. 507 и сл.).

Однако затем у Роде появляются (и с известным основанием, как мы бы добавили) сильные сомнения, так как сюжет новеллы применялся греческими авторами и к другим персонажам, например к врачу Гиппократу и сыну македонского царя Александра I Филэллина Пердикке. Вследствие этого, полагает Роде, история эта становится вообще сомнительной. Она напоминает романтический мотив, который использовался и в более позднее время, например Гелиодором в IV книге его «Эфиопики». Легенду эту в отдельных ее частностях, конечно, придется оставить на совести древних авторов, особенно эпизод с Эрасистратом является по хронологическим причинам (Эрасистрат был тогда еще слишком юн) ¹⁵ совершенно неправдоподобным. (Впрочем, нельзя считать абсолютно невозможным, чтобы этот анекдот был перенесен с отца Эрасистрата Клеомброта на его гораздо более знаменитого сына.) Однако в самом факте бракосочетания Антиоха и Стратоники сомневаться не приходится. Диадочи были вполне суверенны и в семейных своих делах и позаботились о подтверждении этой своей суверенности войсковым собранием македонян. Решающее значение в конечном счете мог здесь иметь династический мотив.

Когда в 288/287 г. Деметрий стал готовиться к походу в Малую Азию, остальных диадохов охватил страх за свою власть. К союзу против Деметрия примкнули Селевк, Лисимах, понимавший, что угроза направлена в первую очередь и более всего против него, и Птолемей. Но дела

в Малой Азии сложились вовсе не так, как того хотел Деметрий. После некоторых успехов в начале столкновения, он был оттеснен сыном Лисимаха Агафоклом на Восток, так что ему пришлось наконец отступить на территорию Селевка. Пройдя Сирийские ворота, Деметрий появился в районе Киры. Дальнейшие события — взятие Деметрия в плен и его смерть в плену — будут подробно изложены в жизнеописании этого диадоха (см. ниже, с. 110 и сл.).

Уже во время совместной борьбы Лисимаха и Селевка с Деметрием между союзниками возникли разногласия. Напряжение в отношениях возросло, когда Лисандра, вдова сына Лисимаха Агафокла, царица из дома Птолемея, вместе со своим братом Птолемеем Керанном и братом Агафокла Александром обратилась за помощью к Селевку. При этом будто бы Селевк пообещал Птолемею Керанну восстановить его на египетском троне. Так, во всяком случае, значится у Мемнона из Гераклеи¹⁶, писавшего, по всей видимости, в период Римской империи. Но дразни в доме Лисимаха были лишь побудительным мотивом; более важными, несомненно, были державные противоречия между Селевком и Лисимахом, которые неизбежно должны были привести к военному столкновению. Селевку при этом было на руку, что власть Лисимаха в Малой Азии не пользовалась особой популярностью. Об этом свидетельствует, в частности, то, что Филетар из Пергама и Феодот из Сард стали под защиту Селевка и предоставили в его распоряжение хранившиеся в их крепостях сокровища. Они, разумеется, были не единственными, перешедшими на сторону Селевка. Над частью войска Селевка предводительствовал сын Лисимаха Александр. Им, в частности, был взят город Котизей во Фригии.

Примечателен в этой связи рассказ о том, как Александр применил двойную хитрость. Сначала он, переодевшись в платье крестьянина, проник в город, но, когда он снял свой головной убор, его узнали, и ему пришлось прибегнуть к новой уловке: он заявил, что явился в город, чтобы спасти его, а не ради захвата. Ему поверили. Тогда Александр распорядился открыть городские ворота, после чего укрывшиеся в засаде солдаты стремительным натиском овладели городом. Но решающее сражение между Лисимахом и Селевком состоялось в долине Кура,

недалеко от Магнесии у горы Сипила, где 90 лет спустя Сципионы одержали решающую победу над Антиохом III. Селевк, по-видимому, разделил свою армию на две части; между тем, как одна группа войск двигалась южным путем через Киликийские ворота и через Иконий в западную часть Малой Азии, северная группировка под командованием сына Лисимаха Александра, вероятно, через Анкару достигла Сард — этой части было поручено прикрытие северного фланга¹⁷. Битва при Курупедионе состоялась приблизительно в феврале 281 г. Возможно, на стороне Селевка сражался тогда также вспомогательный корпус из Вифинии¹⁸. Царь Лисимах получил в битве смертельную рану, будто бы от удара копьем, нанесенного ему неким Малаконом из Гераклеи Понтийской. На вопрос, использовал ли Селевк в этом сражении своих слонов, ответить с определенностью невозможно.

Благодаря победе при Курупедионе Селевк приобрел Анатолийскую область. Это была оружием добытая страна, завоеванная, по представлениям эпохи диадохов, законным путем и потому ставшая его собственностью. Малоазийские греческие города наперебой стремились засвидетельствовать новому владыке свою покорность, а среди них находились такие значительные центры, как Эфес, Милет, Приена и Илион. По большей части у них не было другого выбора, и они все рассчитывали на дружбу и покровительство победителя. Впрочем, этот переход городов от одного правителя к другому не обошелся без потрясений. В Эфесе подняли восстание сторонники Селевкидов, которые уже во время войны не делали никакой тайны из своих симпатий к Селевку. В этих условиях вдова Лисимаха Арсиноя лишь с трудом смогла спастись из города на корабле. Одна из ее служанок, надевшая на себя платье царицы, погибла во время этого бегства (она якобы была убита офицером Селевка). Против Лисимаха и его дома накопилась ненависть, прорвавшаяся наружу таким образом. Однако не всем операциям Селевка в Малой Азии сопутствовала в равной степени удача. Так, со стороны Северной лиги, куда входили города Гераклея Понтийская, Византий, Калхедон и царь Понта (области в Каппадокии) Митридат, образовался сильный противовес власти Селевка. По-видимому, и вифинский царь Зипет также не относился к числу друзей Селевка.

Все это не помешало, однако, Селевкиду двинуться вместе с войском в Македонию. Его побуждала к этому якобы тоска по старой родине. Однако это не могло быть единственным мотивом; ведь после смерти Лисимаха не только Фракия осталась без правителя, но и в Македонии не было больше царя. Селевк же чувствовал себя законным наследником Лисимаха — победа при Курупедионе доставила ему законное право на земли Лисимаха в Европе. Этим правом он и хотел теперь воспользоваться. Но именно на этом пути в Европу царя постигла катастрофа. После переправы через Геллеспонт вблизи города Лисимахии Селевк неожиданно погиб от руки своего «друга и гостя» Птолемея Керавна. Время этого злодейского убийства определяют, согласно датировке клинописного источника, между 26 августа и 25 сентября 281 г., т. е. семь месяцев спустя после битвы при Курупедионе. Своему сыну и наследнику Антиоху I, которому он перед выступлением в Европу вручил наместничество над всей переднеазиатской империей, Селевк оставил гигантскую территорию, простиравшуюся от Геллеспонта почти до самой Индии, область, какую со времени Александра Великого никто еще не сосредоточивал в своих руках. Созданное Селевком государство могло быть сопоставимо лишь с империей Александра. Эта держава была родиной многих народов и племен, среди которых важнейшими были македоняне и иранцы. Казалось, что здесь еще раз нашла свое воплощение заветная идея Александра. Однако этому государству не хватало прародины — Македонии, и стремление присоединить к своей державе эту последнюю привело Селевка к гибели.

Новейшие исследователи без всяких споров признают величие достижений Селевка. Но был ли он обязан своими успехами удаче или своему характеру, на этот счет мнения, как это часто бывает, расходятся. Б. Г. Нибур много лет назад охарактеризовал Селевка как «истинного баловня судьбы, не проявившего себя ни героем, ни государственным деятелем», тогда как Я. Буркхардт назвал его «быть может, самым благородным среди ближайших диадохов Александра». В обоих суждениях есть что-то верное, но ни о каком «баловне судьбы» говорить не приходится, ибо, за что бы ни брался Селевк, он с энергией и осмотрительностью доводил до конца. Вспомним о его смелом возвращении в Вавилонию в 312 г., а также его

поход в Верхние сатрапии до самых границ Индии! Припомним, наконец, его хорошо обдуманную стратегию в войнах против Антигона и Лисимаха. И если эти предприятия ему блестяще удавались, то отнести это надо, несомненно, на счет его выдающегося стратегического дарования, превосходно проявившегося в планировании и проведении операций. К этому надо добавить искусное обращение с людьми, признававшееся не только его ближайшими соратниками.

В лице Патрокла и Демодаманта он имел талантливых помощников, сделавших все от них зависящее, чтобы оправдать его ожидания. Равным образом и основание Селевком городов свидетельствует о высокой степени понимания и предусмотрительности, а его планы, направленные на обследование Каспийского моря, его намерение соорудить канал между Черным и Каспийским морями обнаруживают живой интерес к географическим и экономическим проектам, которые, однако, смогли быть выполнены лишь частично.

Его дружелюбное отношение к людям проявлялось в принятии к своему двору разного рода изгнанников, по отношению к которым он всегда выказывал щедрость и благородство. Если ему и недоставало чего-нибудь, так это — критического суждения о людях, домогавшихся его расположения. За свое доверие к Птолемею Керавну ему пришлось расплатиться дорогой ценой. Правда, в своем стремлении к власти Селевк также не отступал перед насилием. Пример тому — убийство Пердикки. Однако в общем и целом он был свободен от проявлений жестокости и, вне всякого сомнения, старался быть справедливым и благожелательным правителем. К своим обязанностям царя он относился с полной ответственностью. Так, он часто жаловался на то, что ему приходится читать и писать невероятное количество писем.

Во многих отношениях Селевк предстает как второй Александр, и его не без основания называли в древности вторым основателем Македонской империи и победителем победителей¹⁹. Это были высшие титулы славы. Они показывают, что Селевк, пожалуй, был бы способен еще раз объединить в одних руках державу Александра. Судьба отказала ему в достижении этой последней и высшей цели, и тем не менее итог его почти восьмидесятилетней жизни далеко выходит за обычные человеческие рамки.

И нет никакого сомнения, что именно образ и пример Александра постоянно определяли цель и направление его стремлений.

Антиох I (он правил с 281 до 261 г.) был его старшим сыном; он родился, вероятно, в 324 г. и достиг возраста примерно 63 лет. Он происходил от брака Селевка с Апамой. Другие дети Апамы, в частности две дочери, не играли никакой роли в истории. Согласно не внушающему доверия Иоанну Малале (VI в. н. э.), дочерей этих звали Апама и Лаодика, но это все, что нам известно о них. О дочери от брака Селевка I со Стратоникой, Филе, уже упоминалось выше. Не вполне достоверно существование двух племянников Селевка — Никанора и Никомеда: они будто бы были детьми сестры Селевка Дидимы. Здесь также единственным свидетелем является сириец Иоанн Малала. Рассмотрение семейных отношений Селевка показывает, что, когда ему перевалило за 60 лет, он был обеспокоен проблемой продолжения династии. Он нашел выход, уступив свою супругу Стратонику сыну и наследнику Антиоху.

III

Деметрий Полиоркет

(337 или 336—283 гг. до н. э.)

Среди рукописного наследия Якоба Буркхардта имеется одна рукопись из 19 небольших листов, озаглавленная «Деметрий — покоритель городов». Рукопись находится теперь в Архиве Якоба Буркхардта в Базеле. В этом этюде¹, служившем, очевидно, записью лекции, знаменитый швейцарский историк культуры попытался набросать биографию Деметрия, причем ориентировался он в общем и целом на жизнеописание Деметрия, составленное Плутархом. Очевидно, образ этого македонянина имел для него большую притягательную силу, ибо общий портрет получился весьма привлекательным. Буркхардт не пренебрег даже передачей некоторых, сохранных Плутархом анекдотов, несмотря на то что их достоверность весьма сомнительна. Конечно, Плутарх относился к Деметрию критически, он никоим образом не игнорировал темные стороны его характера, но в общем в его описании выделяются рыцарские черты личности Демет-

рия, и оттого никому не удастся избежать воздействия Плутарховой биографии.

Однако, как уже говорилось, то, что рассказывают Плутарх и Буркхардт, отнюдь не во всем соответствует истине. Плутарх не задавался вопросом, проводил ли Деметрий хорошую или дурную политику, он, скорее, пытался вникнуть в его личность и осмыслить ее сущность, а при этом весьма полезную роль сыграли анекдоты. Точку зрения Плутарха мы не можем теперь принять без необходимых оговорок. Напротив, мы должны поставить вопрос: что совершил Деметрий для своего времени и в чем он остался в долгу перед современниками? Был ли он только подобно комете преходящим явлением, или же его деятельность дала какие-то прочные результаты? Это решающий вопрос, от постановки которого не может уклониться ни один серьезный ученый-историк.

Деметрий происходил из знатной македонской семьи. Его отцом был Антигон, которому история дала прозвище Монофталма (Одноглазого), а его мать звалась Стратоника. От их брачного союза родился еще один сын, по имени Филипп, не доживший, однако, до почтенного возраста (он умер в 306 г.). Как послушный сын, Деметрий в 321/320 г. до н. э. — стало быть, в очень юном возрасте — женился на дочери Антипатра Филе. Она была много старше своего супруга и ранее была замужем за одним из самых выдающихся генералов Александра — Кратером. Этот последний погиб в борьбе против Эвмена в 321 г. У Деметрия и Филы было двое детей: сын Антигон Гонат, будущий (с 276 до 239 года) царь Македонии (см. ниже, с. 171 и сл.), и дочь Стратоники, названная в честь своей бабушки. Позднее Стратоника вышла замуж за Селевка I, а тот уступил ее затем своему старшему сыну Антиоху I (см. выше, с. 80 и сл.). После утраты Деметрием Македонии в 287 г. Фила покончила жизнь самоубийством: она не могла пережить несчастье своего супруга. Это была женщина исключительно дарований. То, что Фила происходила из семьи имперского регента Антипатра, позволило ей играть выдающуюся роль в политике диадохов. Она неоднократно успешно выступала посредницей между своим супругом Деметрием и своим братом Кассандром. Политические дарования Филы перешли затем к ее сыну Антиго-

ну Гонату, до воцарения которого в Македонии ей, однако, не суждено было дожить (см. ниже, с. 172 и сл.).

Деметрий был первым среди диадохов, кто совершенно открыто практиковал полигамию. Он считал и для себя дозволенным то, что его великий предшественник Александр, служивший ему образцом для подражания, рассматривал как само собой разумеющееся. Еще будучи женат на Филе, Деметрий вступил в связь с Эвридикой (307 г.). Она была вдовой киренского династа Оффеллы, павшего от руки Агафокла Сиракузского. Как утверждали, Эвридика происходила из афинского рода Филаидов, к которому некогда принадлежали Мильтиад и Кимон. Деметрий, похвалившийся, что он освободил город Афины от тирании Кассандра, заключил брак с Эвридикой, по-видимому, преимущественно из политических соображений: он хотел таким образом еще теснее связать Афины со своей персоной. Афиняне, во всяком случае, почли этот брак за большую честь для себя. Что же касается того обстоятельства, что Деметрий уже много лет прожил в законном браке с Филой, то это никого не смущало, — по крайней мере в источниках об этом ничего не говорится. Быть может, Деметрий полагал, что на основании нового брака он сможет в нужный момент заявить претензии на Кирену (Я. Зейберт).

В не меньшей степени был обусловлен политическими мотивами и третий брак Деметрия, заключенный им с сестрой Пирра Деидамией (303 г. до н. э.). Власть шурина в его родном Эпире была еще очень слаба, однако Деметрий, должно быть, распознал будущее значение юного Пирра, ибо назначил его своим официальным заместителем в Греции, после того как битва при Ипсе (301 г.) окончилась для него сокрушительным поражением. Очевидно, Пирр должен был помочь Деметрию сохранить обломки рухнувшей империи. Но что бы ни имел в виду Деметрий при заключении этого третьего брака, связь дома Антигонидов с домом Эакидов принесла мало счастья обеим сторонам, ибо вскоре после того как Пирр смог вернуться из Александрии в свой родной Эпир, а произошло это, вероятно, в 297 г., Деидамия умерла, и в дальнейшем прежние родичи выступали чаще всего друг против друга как политические противники, поскольку оба претендовали на македонскую корону.

Гораздо более широкие перспективы открывал Деметрию четвертый брак. Он состоялся, вероятно, в 291 г. (установить год с абсолютной точностью невозможно), супругой на этот раз стала Ланасса, дочь сиракузского правителя Агафокла. В приданое она принесла Деметрию острова Коркиру и Левкаду и, кроме того, политический союз с Агафоклом. Отныне Запад — Италия и Сицилия — вошел в круг интересов Деметрия, но реализовать эти планы так и не удалось, поскольку в 287 г. Деметрий был изгнан из Македонии и таким образом лишился основной своей опоры.

И наконец, следует остановиться еще на отношениях Деметрия с Птолемаидой, дочерью Птолемея I и Эвридики. Она была обручена с македонянином уже в 298 г., но официально брак был заключен лишь много лет спустя, в 287 г., в Милете. Почему Деметрий вступил в этот брак — а как-никак он был уже для него пятым, — остается тайной, так как находился он тогда на положении беглеца, и Птолемида, удалившаяся из Александрии, мало чем могла ему помочь. Впрочем, от этого брака у Деметрия родился сын, тоже Деметрий, по прозвищу Красивый, позднее правивший в Кирене.

Несмотря на многочисленность браков, не может быть и речи о проведении Деметрием продуманной брачной политики в собственном смысле этого слова. «Правда, браки заключались Деметрием с намерением извлечь в данный момент определенные выгоды, но в общем он не преследовал корыстных целей... Только в случае с женитьбой на Деидами можно было бы говорить о запланированной брачной политике. Но и эта женитьба из-за изгнания Пирра и ранней смерти Деидамии осталась безрезультатной» (Я. Зейберт). К этой оценке надо добавить лишь немного: в брачных союзах Деметрия опять-таки отражается его нестойкий и недостаточно целеустремленный характер. Похоже, что Деметрий не обнаружил сколько-нибудь глубокой привязанности ни к одной из своих жен, но это нельзя ставить ему в вину, так как заключение брачных союзов основывалось тогда по большей части на политических расчетах, а к первому браку, с Филой, еще очень юного Деметрия явно принудил его отец Антигон.

Деметрий вырос в Келенах в Великой Фригии. Город был столицей сатрапии его отца. Этот последний очень

рано оценил характер своего сына, который был блестяще одарен, особенно в области техники военного дела, обладал способностью быстрого восприятия и искусством внушать к себе любовь окружающих. То, что другие должны были добывать с трудом и большими усилиями, доставалось Деметрию в известной степени само собой. Не было поэтому ничего удивительного в том, что в душе молодого человека родилось чувство собственного превосходства над другими, и этим объясняется его беззаботность в военных и политических делах. Но даже после тяжелых поражений, как это было после битвы при Газе (в 312 г.) или после битвы при Ипсе (301 г.), Деметрий всегда был в состоянии снова быстро воспрянуть духом — он был типичным сангвиником; угнетенное состояние удерживалось у него ненадолго, его преимущественным настроением была эйфория, часто спасавшая его в трудные минуты жизни.

На жизненном пути Деметрия пестрой чередой перемежались успехи и неудачи, и особенно примечательным было то, с какой легкостью он переносил эти жизненные перемены. До конца своих дней он оставался всегда одним и тем же, не внемлющим ничьим советам; даже удары судьбы не научили его ни предусмотрительности, ни благоразумию. Это верно прежде всего для второго периода его политической карьеры — с 301 до 283 г. Совсем иначе сложились годы до битвы при Ипсе. Тогда он всецело находился под влиянием своего отца Антигона, чья руководящая рука явственно ощущалась во всем, что сделал или же упустил Деметрий. Все это изменилось после битвы при Ипсе. Политическое развитие в последующие 20 лет не раз протекало вопреки планам Деметрия (если, конечно, вообще можно говорить о существовании у него каких-то настоящих планов). К этому времени большие эллинистические территориальные державы, основанные Лисимахом, Селевком и Птолемеем I, уже достаточно консолидировались, так что Деметрию не оставалось более никакого подходящего поля деятельности, — ситуация, которую всегда необходимо принимать во внимание при оценке всего, что осуществлял или оставлял неосуществленным Деметрий со времен Ипса. Мир изменился, претензии Антигона на единодержавие были окончательно погребены на поле битвы у Ипса. К тому же Деметрий не пользовался у других правителей репу-

тацией надежного союзника: он был неуравновешен и изменчив, его политика отличалась непостоянством, его образ мыслей трудно было разгадать. Так он выглядел в глазах современников. Для них он был фактором беспокойства и непостоянства, на него нельзя было рассчитывать, он всем внушал чувство страха.

Вплоть до битвы при Ипсе, как уже было сказано, за действиями Деметрия нетрудно рассмотреть направляющую руку его отца. И в этом нет ничего удивительного, ибо Антигон был единственной личностью, которая, по крайней мере издали, напоминала колоссальную фигуру Александра, остававшегося великим идеалом как для Деметрия, так и для Пирра. Деметрий пытался копировать Александра во всем и особенно во внешних проявлениях, например в характерном наклоне головы вправо, — манера, о которой всем хорошо было известно по знаменитым статуям Александра работы великого скульптора Лисиппа. Когда Деметрию было 22 или 23 года, отец доверил ему защиту очень важной для него Сирии. По нашему исчислению времени, это был 314 г. до н. э. Антигон был человеком предусмотрительным и осторожным: он приставил к сыну целый штаб военных советников, на чью верность он мог положиться; среди них были такие испытанные офицеры, как Пифон, Нearch, Андроник и Филипп. Из этих советников Нearch был еще со времен Александра хорошо известен как весьма сведущий в делах мореплавания.

Противником Антигона и Деметрия был сатрап Египта Птолемей I. После первоначальных столкновений на равнинах Киликии последовала битва при Газе (312 г.). Ход этого сражения хорошо известен нам прежде всего благодаря Диодору, опиравшемуся, по-видимому, на рассказ очевидца. Вероятно, это был Гиероним из Кардии, друг Эвмена, перешедший после смерти этого последнего (в 317/316 г.) на сторону Антигона и принятый им с большим почетом. Неудачный для Деметрия исход этой битвы был чрезвычайно тяжелым ударом для Антигона, зато в большом выигрыше оказались Птолемей и бывший сатрап Вавилонии Селевк. Деметрий в этом сражении все поставил на карту, однако натиск его слонов разбился о возведенные Птолемеем заграждения, и все до одного слоны были захвачены неприятелем. По рассказам об этой битве, складывается впечатление, что Деметрий все

надежды возлагал на атаку слонов, которая, однако, полностью провалилась (см. выше, с. 68).

Проигрыш сражения при Газе имел далеко идущие последствия для державы Антигона: Селевк смог теперь вернуться в свою сатрапию Вавилонию. Опираясь на этот базис, он создал в последующие годы за счет Антигона огромную, протянувшуюся далеко на восток империю, а тот не смог помешать этим завоеваниям. В свою очередь, Птолемей добился значительного успеха в борьбе за Южную Сирию (Келесирию). Даже победа Деметрия над Киллом, одним из стратегов Птолемея, не могла уже изменить положения.

За поражением при Газе последовали — и притом еще в 312 г. — экспедиция Деметрия против набатеев, а затем, зимой 312/311 г., вторжение в Вавилонию. Однако ни подчинения набатеев, ни возвращения Вавилонии так и не удалось достигнуть: для этого не хватало сил, поскольку Антигону приходилось вести борьбу на нескольких фронтах. Тем не менее во время своего похода Деметрий оценил значение асфальта, добывавшегося в Мертвом море и вывозившегося даже в Египет. Но эксплуатация источников асфальта оказалась невозможной, так как этому препятствовали набатеи.

Все же не было недостатка и в успехах. К числу наиболее важных, бесспорно, относится завоевание в 307 г. Афин. Под властью македонского правителя Кассандра город переживал эпоху бурного расцвета (317—307 гг.); заслугу эту прежде всего следует приписать Деметрию Фалерскому, назначенному Кассандром наместником в Афинах. Неожиданным нападением Деметрию удалось овладеть афинской гаванью Пиреем, затем, после непродолжительной осады, была взята крепость Мунихия, после чего Деметрий совершил триумфальный въезд в город.

Афиняне стали воздавать Антигону и Деметрию невиданные почести, они провозгласили их «царями» и «богами-спасителями». Здесь проявилось обесценение древних и очень почетных титулов, которые отныне стали щедро раздаваться без меры и счета. К своим десяти филам афиняне добавили еще две новых и назвали их по именам Антигона и Деметрия (Антигонида и Деметриада). Впрочем, введение их имело то преимущество, что отныне гражданский год в Афинах стал подразделяться не на десять месяцев, как ранее, а на двенадцать и бла-

годаря этому смог быть приведен до некоторой степени в соответствие с обращением луны. Кроме того, капитуляция Афин имела значение еще и потому, что большой город отказывался от своей автономии в пользу правителя, будучи вынужденным подчиниться его воле под давлением внешних обстоятельств. В оказании почестей афиняне не знали границ: для «богов-спасителей» Антигона и Деметрия назначили специального жреца, чье имя должно было впредь упоминаться во всех документах вместо имени архонта-эпонима. А на праздничном наряде богини-покровительницы города — Афины-Паллады — помимо имен Антигона и Деметрия были вышиты еще и их изображения. Столь высокие почести свидетельствуют о том, что афиняне давно уже утратили всякое чувство меры; они уважали, по выражению М. П. Нильссона, лишь существующую власть, пока та проявляла благосклонность и приносила им выгоду.

В решении об оказании всех этих почестей ведущую роль играл аттический политик по имени Стратокл. Это был циник и шутник, не упускавший случая посмеяться над афинянами. Плутарх рассказывает о Стратокле историю, которая, вероятно, соответствует действительности: когда однажды афиняне потерпели поражение на море (возможно, здесь имеется в виду морская битва при Аморгосе в 322 г. до н. э.), Стратокл опередил вестников, которые должны были сообщить о случившемся, и возвестил в Афинах, что одержана большая победа. Он водрузил на голову венки и потребовал публичной раздачи мяса народу, чтобы надлежащим образом отпраздновать эту победу. Через два дня в город явились первые из оставшихся в живых после морского сражения и рассказали правду. Афиняне вознамерились притянуть Стратокла к ответу, но перед лицом бушующего народа он остался совершенно невозмутим и только сказал: «Что дурного случилось с вами, если вы два дня наслаждались жизнью?» Таков был афинянин, пытавшийся по глазам Деметрия угадывать все его желания и потакать его прихотям.

Не меньшее значение имела морская победа Деметрия у Саламина Кипрского в 306 г. В этом сражении Антигонид использовал кривой боевой порядок Эпаминонда в условиях морского боя. Результат не преминул сказаться: противник его, египетский сатрап Птолемей I, потерял

большую часть военных кораблей и половину транспортных судов.

Поначалу военные действия протекали для Лагида не так уж плохо, ибо Деметрий на первых порах смог овладеть лишь несколькими небольшими поселениями в северо-восточной части острова. Однако теперь Птолемей не захотел более рисковать и, сочтя весь остров потерянным, отплыл с остатками флота обратно в Египет, за что его впоследствии сильно порицали. Его брат Менелай, губернатор Кипра, почувствовал себя брошенным на произвол судьбы и заключил с Деметрием договор о капитуляции. Остров, таким образом, стал частью державы Антигона и Деметрия. Для Птолемея он оказался потерянным более чем на десятилетие — вплоть до 294 г.

Результаты выигранной Антигонидами морской битвы у Саламина были весьма значительны. Антигон счел теперь, что пришло время украсить себя царским титулом. Этим он показывал всему миру, что считает себя наследником Александра. Как царь (*basileús*), он претендовал на власть над всей прежней империей Александра. Он также наделил царским титулом своего сына Деметрия, и тот стал таким образом его соправителем, — положение, определявшее его как будущего преемника. Деметрий находился на вершине своих успехов; ему было 31 или 32 года, и перед ним открывалось большое будущее, особенно если бы обоим царям удалось реализовать притязания на власть над всей империей. Во всяком случае, Деметрий был морским владыкой в Восточном Средиземноморье, лишь на западе у него был серьезный соперник в лице Агафокла Сиракузского. Так как другой наследник Антигона — брат Деметрия Филипп в это время умер, то, по всей видимости, в недалеком будущем Деметрий мог бы принять наследство своего семидесятилетнего отца. Перспективы обширной Средиземноморской империи всплывали перед его взором, он и в самом деле чувствовал себя преемником и наследником великого Александра.

Однако оставался еще сатрап Египта Птолемей I. До него можно было добраться, лишь вторгнувшись в долину Нила. Но это было не так просто. Прежде всего, наводили страх воспоминания о Пердикке, который в 321 г. потерпел неудачу при нападении на Египет и был убит собственными офицерами. С тех пор прошло уже пятна-

дцать лет, но события эти все еще не были забыты, и тот, кто планировал экспедицию против Египта, должен был принять в расчет трудности, связанные с характером местности, и в первую очередь проблему переправы через Нил. Для этого необходима была большая техническая подготовка, особенно требовалось обеспечить взаимодействие между сухопутной армией и флотом. Все сводилось к тому, чтобы согласовать действия на суше и на море таким образом, чтобы Птолемей попал в тиски. Так как приготовления затянулись на долгое время, операции могли быть начаты с большим опозданием, лишь в октябре 306 г.

Вследствие осенних бурь флот понес большие потери, а сухопутное войско не смогло преодолеть заграждения, возведенные Птолемеем у Пелузия. К этому добавились многочисленные случаи перехода воинов от Антигона к Птолемею. План военных действий также оказался неудачным. Он предусматривал комбинированную атаку армии и флота на Александрию, причем сухопутное войско должно было пересечь Дельту — маневр трудный и вряд ли осуществимый из-за бесчисленных водных протоков. На беду не позаботились еще и о достаточном количестве провианта, так что неизбежным стало отступление в Сирию, поскольку именно там находились большие запасы продовольствия. Весь поход продолжался, видимо, не более трех недель. Многие детали остаются неясными, поскольку, как это часто бывает, в нашей традиции имеется еще немало белых пятен.

Что, однако, можно сказать о самом Деметрии? Он, как командующий флотом, допустил ряд непростительных ошибок. Так, ему не удалось создать плацдарм в Дельте Нила. Уже при первой попытке осуществить высадку он был отброшен неприятелем. Когда он вознамерился высадиться в устье Фатмийского рукава Нила (нынешний Думьят), многие его корабли в условиях ночного плавания потеряли ориентацию. Деметрий потратил много времени на их розыски, так что Птолемей смог принять необходимые контрмеры. Даже если принять во внимание хорошо известные трудности, сопряженные с вторжением в Египет, все же остается впечатление о плохой подготовке и столь же скверном проведении наступательных операций. В штабе Антигона и Деметрия в ущерб интересам дела недооценивали противника, и это,

вне всякого сомнения, в значительной степени надо поставить в вину Деметрию.

Примечательный рубеж в жизни Деметрия составила осада островного города Родоса в 305/304 г. до н. э. Кроме того, она означала новую эпоху в военной технике. Островной город был тесно связан узами дружбы с Птолемеем I. Родосцы, в частности, отказались поддерживать Деметрия во время его кипрских операций. Разумеется, можно было прийти к компромиссу, отвечающему интересам обеих сторон, но Антигон не желал долее терпеть в сфере своего господства город Родос как самостоятельную величину. Поражают громадные силы, брошенные против островной республики: 200 военных кораблей, 170 грузовых судов, сверх того 40 тыс. осадного войска с соответствующим техническим оснащением, в частности с баллистами, которые в древности употреблялись вместо наших орудий. Этой осадной армии город противопоставил войско из 5 тыс. граждан и тысячи парэков (жителей, не имевших прав гражданства). К этому следует добавить еще рабов, число которых неизвестно, вызвавшихся добровольно защищать город.

К счастью для Родоса, городские стены были в хорошем состоянии. Кроме того, непрерывно прилагались усилия к тому, чтобы их еще более укрепить. Деметрий подвел к городским стенам со стороны моря две крытые «батареи» (chelonae) и две четырехэтажные башни, возвышавшиеся над стеной. Однако ему не удалось пробить в городской стене значительной брешии, и когда однажды осаждающие все же сумели взобраться на стены, то родосцы из последних сил отбросили их назад.

Родосский флот, достойный своей древней славы, также участвовал в оборонительных боях. Когда попытка Деметрия взять город со стороны моря провалилась, он велел повести атаку с суши, причем в бой была введена высокая осадная башня — гелепола. У этой гелеполы было несколько этажей, высота ее составляла 66 локтей (примерно 30 м), на каждом этаже были установлены баллисты. С трех сторон она была закрыта, четвертая сторона оставалась открытой для действий «артиллерии», но в случае нужды она также могла быть закрыта толстыми кожаными щитами. Основание этой громоздкой башни достигало 48 кв. локтей; сооружение стояло на колесах, и для приведения его в движение требовалось не

менее 3400 человек. Однако родосцы не дали себя запугать этой устрашающей военной машиной. За угрожаемым участком стены они воздвигли новую стену, для сооружения которой необходимый строительный материал был собран из храмов, театров и частных домов. Даже подкопы не принесли Деметрию удачи, поскольку родосцы стали вести встречные подкопы и таким образом разрушали сооружения Деметрия.

Предпринятый Деметрием генеральный штурм, несмотря на отдельные разрушения в кольце оборонительных стен, также не достиг цели: из-за вылазки родосцев царь даже вынужден был отвести свои осадные машины из зоны обстрела неприятеля. Когда наконец осаждающим все же удалось благодаря неожиданному ночному нападению прорваться в город, они были отброшены оттуда контрударом резервных родосских частей. Бои носили исключительно упорный характер: Деметрий лишился ряда ценных командиров и потерял множество солдат. На стороне родосцев в борьбе за свободу города участвовали буквально все — и знать, и простой люд.

Убедившись, что достичь победы силой оружия невозможно, Деметрий воспользовался удобным случаем и, будто бы по побуждению своего отца Антигона, заключил с родосцами перемирие. За этим соглашением вскоре последовало формальное заключение мира. Важную посредническую роль сыграли при этом этолийцы. Родосцам гарантировались свобода и автономия, в городе не был размещен гарнизон, но он был обязан вступить в союз с Антигоном и Деметрием; родосцы, однако, не должны были оказывать им военной помощи против Птолемея.

Осада Родоса продолжалась целый год (305/304 г. до н. э.). Стоила ли она тех усилий, которые затратил на нее Деметрий? Много лет назад Бенедикт Низе писал: «С пылким усердием занимался Деметрий изобретением, усовершенствованием и строительством машин; при помощи искусных техников он достиг здесь большого успеха и весьма содействовал развитию военной механики. При этом во всех напряженных ситуациях он подавал своим людям добрый пример»². С этим суждением в части, касающейся технической стороны осады, безусловно, можно согласиться, но возникает вопрос: было ли это предприятие вообще необходимым? Родос никогда не принадлежал к империи Александра, и если бы эту важную торговую

метрополю принудили войти в державу какого-либо диадоха, то это означало бы серьезное изменение в соотношении сил в районе Восточного Средиземноморья. Вряд ли остальные диадохи смирились бы с такого рода переменой. Поэтому война против Родоса, кто бы ни был ответствен за развязывание ее, была с самого начала обречена на неудачу, равно как и попытка принудить родосцев отказаться от нейтралитета. Предприятие Деметрия показало, что могло быть достигнуто в такой войне в техническом и военном отношениях, но политическая задача, которую ставили себе Антигон и Деметрий, не была разрешена, поскольку она в принципе была неразрешимой.

Все же для широких заморских связей родосцев показательно, что вскоре после перенесенной ими осады они заключили договор с далеким Римом; несмотря на возражения ряда видных историков (М. Олло и др.), этот договор, несомненно, является историческим фактом³. Однако своего рода насмешкой истории явилось то, что именно Рим в 164 г. положил конец самостоятельности родосцев.

Между тем как Деметрий находился со своим флотом у Родоса, в Элладе свершились существенные перемены. Прежде всего, больших успехов здесь сумел добиться за счет Антигона македонский правитель Кассандр (с 304 г. он тоже носил царский титул). Нетрудно было предвидеть, что вся или почти вся Греция подпадет под его власть, если и дальше ему будет предоставлена свобода действий. Первоочередной задачей Деметрия было помешать этому. Здесь он оказался достаточно удачлив, так как сумел вернуть на сторону Антигона не только Халкиду на Эвбее, этот важный заградительный пункт в Эврипе — проливе между означенным островом и Беотией, но и утраченные ранее владения Афин и среди них — остров Саламин. У Фермопил была занята важная крепость Гераклея, и эти успехи Деметрия побудили как беотийцев, так и этолийцев предоставить себя в распоряжение Антигониду. Взятые в целом годы между 304 и 301 ознаменованы выдающимися успехами Деметрия.

Не удивительно, что уже ближайшую зиму 304/303 г. до н. э. Деметрий отметил в Афинах грандиозными празднествами. Он избрал для себя резиденцией Парфенон; в опистодоме была его главная квартира, здесь без конца

сновали чужеземные послы и просители. Постоянной спутницей Деметрия была известная гетера Ламия. Правда, она была на несколько лет старше царя, но сумела всецело подчинить его своей власти. Впрочем, это не мешало Деметрию домогаться других женщин в Афинах, равно как и красивых юношей. Тогдашняя скандальная хроника могла поведать о Деметрии много пикантных историй, и эти его любовные похождения бросали тень даже на политику. Афиняне не переставали изумляться; они, впрочем, колебались между покорностью и неповиновением, народное собрание являло собой типичную картину неуправляемой толпы, готовой в решающий момент покориться силе.

Однако у Деметрия оставались еще дела за пределами Аттики: гарнизоны чужеземных правителей находились совсем недалеко от Афин — в Пелопоннесе, в городах Коринфе и Сикионе; первый из них был занят по приказанию Кассандра Препелаем, второй принадлежал Птолемею I. Проще всего удалось решить дело с Коринфом. Препелай удалился оттуда, и город выпросил для себя гарнизон у Деметрия. Это была большая удача, ибо регулярная осада Акрокоринфа, без сомнения, потребовала бы много времени. Гарнизон оставался потом в городе многие десятилетия, даже еще при Антигоне Гонате. Коринф стал оплотом македонских владений в Греции при Антигонидях; город был утрачен ими лишь в 243 г., когда его сумел захватить неожиданным налетом Арат Сикионский. С этого времени Коринф вошел в Ахейский союз, но примерно 20 лет спустя город снова перешел под власть македонян (224 г.).

Приблизительно в то же время, во всяком случае еще до 303 г. до н. э., стратегом Птолемея I Филиппом был оставлен также Сикион. Тем самым был положен конец действиям Птолемея в Греции. Здесь, как и на Кипре, его наследником стал на первых порах Деметрий.

Зенита своей власти в Греции Деметрий Полиоркет достиг весной 302 г. Тогда им был заново основан Коринфский союз, который явился точной копией другого, более раннего, Коринфского союза, созданного в 338/337 г. Филиппом II Македонским. Оба союза — как прежний, так и новый — были симмахиями, т. е. одновременно оборонительными и наступательными союзами. К этому при случае добавлялся еще общий мир, обязательный

для всех членов союза. Коринфский союз, возникший по инициативе Деметрия, охватывал почти всю Грецию; не была принята во внимание лишь Спарта, да еще осталась вне союза Фессалия. Достижение соглашения со спартанцами казалось Деметрию слишком сложным и в конечном счете не стоящим труда, ибо Спарта тогда больше уже не имела реального политического значения. Доводить дело до войны Деметрий не хотел, так как ему предстояло решать другие, более важные задачи. Цари Антигон и Деметрий были протекторами союза, а отдельные греческие государства посылали своих представителей в союзное собрание, обычно проводившее заседания в Коринфе. Из членов этого союзного собрания назначался исполнительный комитет в составе пяти человек, причем назначение осуществляли цари или стратег, уполномоченный представлять их в союзе, которого можно рассматривать как своего рода вице-короля. Это положение занимал, между прочим, Пирр (см. ниже, с 121). Непосредственным противником Деметрия в Греции был македонский царь Кассандр, все еще державший под контролем при помощи своих гарнизонов некоторые районы Эллады. В этой связи не следует недооценивать значения вновь основанного Коринфского союза — в целом он располагал значительной вооруженной силой, однако ему было суждено просуществовать лишь очень недолго, ибо после битвы при Ипсе (301 г.) началось всеобщее отпадение от Деметрия. Его державное положение в Элладе практически рухнуло, и лишь немногие общины сохранили верность его сыну Антигону Гонату.

Тем не менее попытка Деметрия создать жизнеспособную союзную организацию в раздираемой противоречиями Греции заслуживает серьезного внимания историков. Что, в самом деле, могло быть более желанным для греков, чем окончание бесконечных внутренних распрей? И разве не было объединение военных и экономических сил страны под руководством гениального политика той целью, ради которой стоило предпринять самые серьезные усилия? Приходится только сожалеть, что многому здесь суждено было остаться неосуществленным, поскольку для этого еще не настало время. Так, Коринфский союз, созданный Деметрием, в отличие от своего предшественника, функционировавшего во времена Филиппа II Македонского, был всего лишь эфемерным явлением.

Возможно, о нем и не вспомнили бы сегодня, если бы открытие в Эпидавре надписи с текстом союзной конституции не обратило внимание исследователей на этот союз и не придало бы ему значения, которое из-за его недолгого существования может показаться преувеличенным в новейших работах.

Между тем против Антигона и Деметрия образовалась новая коалиция. Ее вдохновителем был Кассандр, который неоднократно выступал достойным противником Деметрия. В эту коалицию вошли царь Фракии Лисимах, царь Египта Птолемей I и правитель Вавилонии Селевк. В основном речь шла об окружении Антигона, которого союзники намеревались зажать в тиски не только с запада, из Македонии и Фракии, но также с помощью Селевка и с юга. Конечно, по сравнению со своими противниками Антигон располагал преимуществом центрального положения, однако расстояния были слишком велики, чтобы он мог воспользоваться им. Чтобы быть в силах противостоять врагам, он решил отозвать своего сына Деметрия из Греции, вследствие чего Кассандр смог отослать часть своего войска в Малую Азию, поскольку в Элладе в нем больше не было нужды.

Крайне удивительно, что Деметрий заключил с Кассандром договор по всем правилам. Правда, он должен был вступить в силу лишь в том случае, если бы к нему примкнул и Антигон, однако именно это последний сделать отказался. Хотя на море Деметрию сопутствовала удача, объединению врагов — в первую очередь Лисимаха и Селевка — на суше, в Великой Фригии, помешать не удалось. Главное сражение состоялось вблизи Синнады, у Ипса (нынешний Сипсин), летом 301 г. До этого Антигон предпринял попытку принудить Селевка к отступлению в Вавилон. Отрядив с этой целью специальный корпус, он распорядился стремительным натиском занять Вавилон. Однако предприятие оказалось напрасным: Селевк никак не отреагировал на этот отвлекающий маневр, он слишком хорошо знал, что Лисимах полностью зависит от его помощи и что судьба сражения должна решиться в Малой Азии, по сравнению с которой другие участки войны не имели никакого значения.

Решающую роль в исходе борьбы сыграли слоны, приведенные Селевком с востока, из Бактрии и Индии, общим числом будто бы до 400, которым противостояло

лишь 75 слонов Антигона. В древности слоны должны были выполнять роль современных танков, и действительно, они довольно часто оказывали определяющее влияние на исход боя. По количеству конницы обе армии были примерно равны: у союзников было 10,5 тыс. всадников, у Антигона — 10 тыс. Что же касается пехоты, то здесь Антигон даже обладал численным превосходством: его 70 тыс. пехотинцев противостояло лишь 64 тыс. у его противников.

Главную вину за проигрыш битвы античные источники возлагают на Деметрия: преследуя разбитую им неприятельскую конницу, он слишком удалился от поля боя, так что не мог уже более участвовать в решающей схватке. Битва закончилась для восьмидесятилетнего Антигона полным разгромом, а сам он пал смертью храбрых на поле брани.

Сражение при Ипсе было одним из тех, которые определяли дальнейшую судьбу древнего мира. Рассыпалась в прах мечта о единой империи, которую вынашивали Антигон и Деметрий; доказали свое превосходство силы партикуляризма, нашедшие воплощение в Лисимахе и Селевке, будущее отныне должны были определять лишь компактные территориальные государства. Что мог предпринять Деметрий? Ему было 36 или, самое большее, 37 лет, он был полон планов, которые были сведены на нет неудачным исходом сражения. Куда ему было податься? В Малой Азии ему нечего было больше делать, ибо она попала в качестве военной добычи во владение фракийского царя Лисимаха. Остальные сатрапии Антигона достались Селевку, возвысившемуся таким образом до положения державного владыки в Передней Азии. Южную Сирию (Келесирию) занял Птолемей I, не испытывавший ни малейшего желания возвратить ее обратно, несмотря на то что нарушал тем самым заключенные союзниками соглашения. Но допустить, что Деметрий смирился с этим положением, означало бы явную недооценку его жизненной энергии. Правда, в последующие годы он оставался без сколько-нибудь значительного сухопутного базиса — и в этом заключалось принципиальное отличие его положения от положения остальных диадохов, — однако обстоятельство это скорее усилило, нежели уменьшило активность Деметрия. То, что ему удалось спасти при крушении отцовской державы, огра-

ничивалось в основном островами Эгейды, важным во всех отношениях Кипром, затем на малоазийском побережье за ним остались помимо других городов Милет и Эфес и, наконец, в Финикии — влиятельные метрополии Тир и Сидон. Афиняне, которые всего несколько лет назад принимали Деметрия с беспредельным восторгом (см. выше, с. 93), теперь закрыли перед ним гавани и городские ворота, а его супругу Деидамию выпроводили с почетным эскортом за пределы страны, в Мегары.

Однако у Деметрия оставался еще Коринф. Самым же большим его богатством был флот: он делал его все еще желанным союзником для других диадохов, в особенности для Селевка, который очень немногого мог добиться на море, поскольку важнейшие гавани Финикии находились во владении его конкурента. Оба царя встретились в маленьком северосирийском портовом городе Росссе, у морского залива близ Исса. Здесь с истинно восточным великолепием была отпразднована свадьба Селевка с дочерью Деметрия Стратоникой (299/298 г.). Это был типичный политический брак, ибо оба — и тесть и зять — были разобщены, но оба не были заинтересованы в том, чтобы Южная Сирия оставалась в руках Птолемея. Однако в этой ситуации на первых порах ничего нельзя было изменить.

Другие времена наступили также в Греции и Македонии. Смерть Кассандра (по-видимому, в 298 г.) означала здесь перелом. В Афинах тираном сделался Лахар, нашедший поддержку у македонян. С этим, однако, не пожелал мириться Деметрий — ведь недаром у него был сильный флот. Афины и с моря, и с суши были отрезаны им от внешнего мира. Все же на этот раз афиняне держались до последней возможности, а Лахар проявил себя вполне достойным противником. Однако, когда надежда на помощь извне исчезла, — ибо флот Птолемея I был отброшен Деметрием, — дело Лахара было проиграно: он бросил своих соотечественников на произвол судьбы и скрылся в Беотию.

Капитуляция Афин в 295 г. означала для Деметрия сильное материальное и политическое укрепление власти. Правда, Афины в политическом отношении уже давно не были тем, чем они являлись до морской битвы у Аморгоса (322 г.), но для греков они все еще оставались их духовной столицей. Деметрий сумел воспользоваться этим

выгодным моментом: он провозгласил отмену диктатуры (под этим подразумевалось изгнание Лахара) и восстановление демократии. Афиняне снова восхищались Деметрием, они даже выразили готовность предоставить в его распоряжение крепость Мунихию и гавань Пирей, ибо лишь тот, кто господствовал над этими двумя пунктами, с полным правом мог рассматриваться как хозяин Афин.

Однако в бьющую через край радость попала капля горечи: Деметрий охотно подчинил бы теперь своей власти также и Спарту, но эта попытка полностью провалилась — спартанцы даже нанесли отступающему войску Деметрия значительные потери (295 г.); к этой добавились и другие неудачи. На Кипре господству Деметрия положило конец вторжение Птолемея I, а на западной оконечности Анатолии владения Деметрия перешли под власть Лисимаха, причем особенно болезненной была потеря Милета, поскольку этот город был важным торговым центром. Теперь он должен был подчиниться фракийскому царю Лисимаху.

Но жизнь предоставила Деметрию еще один шанс. События 294 года коренным образом изменили обстановку в Македонии, что произошло не без прямого участия Деметрия. После беспримерных интриг, не отступив даже перед предательским убийством, Деметрию удалось овладеть короной македонских царей, которую он удерживал затем целых семь лет — с 294 до 287 г. Македония после смерти Кассандра переживала трудные времена. Выдающейся фигурой была вдова Кассандра, дочь македонского царя Филиппа II Фессалоника. От своих сыновей от Кассандра — Филиппа, Антипатра и Александра — она требовала беспрекословного подчинения своей власти, что привело к раздорам в царском доме. В конце концов Антипатр попросту распорядился убить собственную мать. В данном случае, как и позднее при убийстве Нероном Агриппины Младшей, борьба велась за власть. Александр призвал на помощь эпибота Пирра, который потребовал в награду за поддержку Западную Македонию. Деметрий также приближался к Македонии. В Дии он встретился с юным Александром. Однако здесь оказались не только оба царя — они привели с собой и свои войска, так что маленький городок имел вид военного лагеря. Александр проводил своего высокого гостя до Фес-

салии, где в Лариссе разразилась катастрофа. Деметрий без долгих церемоний приказал убить юного македонского царя, с именем которого было связано слишком много надежд.

Передают, что Александр сам имел намерение на следующий день убить своего гостя Деметрия. Если бы это предание соответствовало действительности, Деметрий был бы до некоторой степени оправдан, но это вызывает серьезные сомнения; мы, вероятно, имеем здесь дело лишь со встречным, выдвинутым в свою защиту утверждением Деметрия. Пламенной речью, в которой он указывал на неспособность к управлению сыновей Кассандра и на истребление этим последним семьи Александра Великого, Деметрий будто бы сумел завоевать расположение войска юного царя. Войсковое собрание провозгласило его затем царем Македонии.

Тем самым Деметрий достиг положения, возвысившего его над остальными диадохами. Отныне в его распоряжении находились значительные ресурсы Македонии, и прежде всего устрашающее всех македонское войско. Не удивительно, что в его уме рождались новые планы, выходящие далеко за пределы Македонии. Но небо над Македонией было не совсем безоблачным: Пирру и Лисимаху — соседям Деметрия — его возвышение пришлось очень не по вкусу. Сильная Македония была у них бельмом на глазу, поскольку таким образом оказалось нарушено равновесие между государствами диахов, и возникли новые проблемы, прежде всего касавшиеся господства в Эгеиде и проливах — Боспоре и Дарданеллах. Оба — как Пирр, так и Лисимах — отнюдь не были склонны терпеть дальнейшее расширение власти сына Антигона.

Впрочем, Деметрий не совершил в Македонии ничего выдающегося. Этому не приходится удивляться, если учесть, что он не имел никаких серьезных обязательств перед этой страной. Его отец Антигон также никогда не ступал (после смерти Александра Великого) на землю Македонии, потому что здесь хозяином положения был его заклятый враг Кассандр. Деметрий был типичным эллинистическим властителем. Располагал ли он царской властью в Македонии, Греции или в Азии — это было ему, по существу, безразлично. Для него важны были не люди, а единственно и исключительно власть, количест-

во и боевая мощь войска и флота, поскольку только они шли в расчет в войнах диадохов.

Как властитель большого территориального государства, он нуждался в новой столице. Она должна была быть расположена так, чтобы из нее он мог без труда достигать своих главных владений и осуществлять господство над ними. Он нашел такое место на берегу Пагасейского залива в Фессалии. Здесь был основан город Деметриада, представлявший собой сильную крепость, окруженную стенами и укрепленную многочисленными башнями. Ведь осадное искусство — не в последнюю очередь благодаря самому Деметрию — сделало в эллинистическое время существенные успехи, с которыми непременно должна была считаться техника возведения городов. Кстати, Деметриада обнаружена современными археологическими раскопками. Город располагал большой гаванью, доступ к которой проходил через легко перекрывавшийся Пагасейский залив. Деметриада быстро расцвела; она была населена выходцами из самых различных областей, о чем свидетельствуют найденные надгробные стелы. В Деметриаде находились арсеналы и склады всевозможных запасов, а также верфи и помещения для кораблей. Тем не менее сомнительно, чтобы могли быть осуществлены все строительные планы, поскольку время господства Деметрия в Фессалии было весьма непродолжительным. Царь намерен был из Деметриады держать под своим контролем земли, расположенные как на севере, так и на юге, и для этой цели выбранное им место и в самом деле подходило как нельзя лучше.

Державе Деметрия, охватившей земли Македонии, Фессалии и Греции, не хватало все же связующего звена. Этим звеном могла быть лишь Беотия, которой до сих пор удавалось отстоять свою независимость, что для такого правителя, как Деметрий, было особенно нестерпимо, и потому в подчинении им в 292 г. Беотии не было ничего неожиданного.

Основанием к войне явилось для него вторжение в Беотию спартанцев, которым здесь в самом деле нечего было делать. Однако, прежде чем Деметрий начал подводить осадные машины к стенам Фив, беотийцы отказались от сопротивления. Отныне и в Беотии воля монарха стала высшим законом. Деметрий сам определил, кто должен занимать руководящие должности в стране.

Для наблюдения за установленным им порядком он поставил своего друга Гиеронима из Кардии, который позднее столь наглядно изобразил историю диадохов. Гиероним стал гармостом в Фивах, т. е. занял должность военного и гражданского губернатора. Таким образом, Беотия тоже была включена в греческую державу Деметрия. Новое важное предприятие, связанное с укреплением его власти в балканской Греции, было счастливо доведено до конца.

Однако беотийцы не давали ему покоя, и после очередного мятежа город Фивы пришлось подвергнуть осаде по всем правилам. Зачинщиков возмущенный царь велел казнить. Такая жестокость была совершенно чужда его натуре, обычно он всегда проявлял милосердие к своим врагам. Во время осады будто бы возник спор между Деметрием и его сыном Антигоном Гонатом: сын упрекнул отца в том, что тот не щадил жизни солдат, на что Деметрий заметил, что таким образом избавляются от лишних едоков. Цинизм, однако, не был характерной чертой Деметрия, так что этот анекдот следует рассматривать как выдумку.

Серьезным противником Деметрия был эпирский царь Пирр. Он был для него тем более опасен, что пользовался у македонян большой популярностью благодаря своим выдающимся воинским качествам. К политическому соперничеству добавилась еще и чисто личная ссора: Ланасса, дочь сиракузского тирана Агафокла и жена Пирра, пригласила Деметрия к себе на Коркиру, вышла за него замуж и принесла ему в приданое этот остров, а кроме того, еще Левкаду, благодаря чему Деметрий приобрел превосходные позиции для будущей западной политики. Вставал вопрос: как пойдут дальше дела в Сицилии, где приходилось считаться с неизбежной близкой кончиной Агафокла? Деметрий послал в Сиракузы своего друга Окситемида; этот последний присутствовал при кончине Агафокла в 289 г. Последующие тревожные события — убийство сына Агафокла, возрождение внутренних смут в Сицилии и вторжение карфагенян — также происходили на глазах Окситемида. Все эти обстоятельства вряд ли удержали бы Деметрия от вмешательства в сицилийские дела, однако ему пришлось сосредоточить свое внимание на Македонии: вновь вспыхнула война с Пирром, и молоссянину даже удалось разгромить македонское вой-

ско, которым командовал стратег Пантавх, причем в плен к Пирру попало не менее 5 тыс. человек (289 г.).

Вскоре, однако, распря из-за Македонии пришел конец. Деметрий был прикован болезнью к постели, когда с востока и запада в Македонию вторглись царь Фракии Лисимах и Пирр (287 г.). Вторжение было поддержано на море Птолемеем I. Кампания эта, ставившая своей целью свержение и изгнание Деметрия, вне всякого сомнения, подготавливалась давно и была осуществлена с большим размахом. Деметрий, в свою очередь, был занят планом вторжения в Малую Азию и для этого собрал большие военные силы. Хотел ли он снова овладеть державой своего отца Антигона? Считал ли он, что пришел час использовать свою мощь, чтобы принудить других диадохов к существенным территориальным уступкам? К сожалению, источники умалчивают о его планах, так что историк вынужден ограничиваться лишь предположениями. Но когда мы читаем, что для экспедиции было стянуто не менее 100 тыс. человек и составлен флот из 500 кораблей, то становится очевидным, что замыслы здесь были весьма широкими, даже если учесть, что цифры эти сильно преувеличены — ведь обеспечение всем необходимым войска в 100 тыс. человек должно было натолкнуться в те времена на непреодолимые трудности. Как гласит предание, Деметрий исходил в своих планах из того, что власть Лисимаха в Малой Азии была весьма непопулярна. На настроения тамошнего населения, вспоминавшего о правлении царя Антигона как о золотом веке, Деметрий, вероятно, возлагал преувеличенные надежды. Забегая вперед, можно еще упомянуть, что Деметрий, как только вступил на землю Малой Азии, женился на Птолемаиде, дочери Птолемея I и Эвридики. Но какую цель он при этом преследовал?

Однако планируемый поход так и не состоялся: Пирр и Лисимах наводнили своими войсками Македонию, и Деметрий должен был поспешно обратиться в бегство. Из Берои он направился в Кассандрию. Его супруга Фила не захотела пережить поражение своего мужа несмотря на то, что тот так часто ее обманывал; она решила уйти из жизни, приняв яд.

Македония была потеряна, но у Деметрия оставались еще несколько греческих городов. Важнейшим из них был Коринф с его считавшимся неприступным креплением

Акрокоринфом. Афины при архонте Диокле (очевидно, в 287/286 г.) освободились от власти Деметрия. Пирей, вероятно, остался во владении македонян, и в этом не было ничего удивительного, поскольку флот Деметрия все еще был грозной военной силой. Деметрий смог спасти от разгрома в Македонии лишь 10 тыс. солдат, они были теперь на кораблях переправлены в Малую Азию. Но и здесь неудачи преследовали его по пятам. После нескольких неожиданных успехов Деметрия в самом начале, положение резко изменилось: сын Лисимаха Агафокл сумел оттеснить бывшего царя Македонии на восток, вследствие чего тот оказался отрезанным от своих греческих ресурсов.

Все попытки Деметрия закрепиться в Малой Азии провалились, так что в конце концов он стал обдумывать план прорыва в Армению или в Мидию. Его войско из-за голода и непогоды непрерывно таяло; с остатками воинов, еще сохранивших ему верность, Деметрий устремился в Киликию, в Тарс, принадлежавший державе его прежнего зятя Селевка. Этому последнему Деметрий направил теперь письмо с просьбой оказать ему поддержку в трудном положении. Селевк охотно исполнил бы его желание, но Патрокл, один из его первых советников, настойчиво предупреждал царя не делать этого: было бы очень неразумно, говорил он, предоставить Деметрию в Киликии полную свободу действий.

Когда Селевк появился с войсками в Киликии, Деметрий отважился на последний отчаянный бой, но преимущество, которого он смог здесь добиться, вскоре снова было утрачено. Скорее вынужденно, чем по доброй воле, предпринял он поход в область Кирра, но здесь с ним вскоре было покончено, поскольку Селевку удалось переманить на свою сторону остатки его солдат.

Лишь с несколькими спутниками Деметрий бежал в горы Амана и укрылся в лесу. Отсюда он рассчитывал под покровом ночи достичь побережья, чтобы затем на корабле добраться до Кавна в Карии. Однако Деметрий не смог преодолеть горных перевалов, поскольку те охранялись неприятелем. Он должен был поэтому снова вернуться к своему исходному пункту. Оставалось лишь одно — сдать на милость Селевка, который был этим чрезвычайно обрадован и приготовил Деметрию весьма почетный прием. Но Селевк не был хозяином своих ре-

шений, он позволил себя переубедить и заключил Деметрия под стражу. Последний был отвезен в сирийский Херсонес (Апамея), где его содержали как почетного пленника. В его распоряжении находилось немало слуг, позаботились даже о развлечениях. Все же Деметрий чувствовал себя несчастным, ибо он был лишен свободы, и ее невозможно было возместить тем, что его друзьям позволено было составить ему компанию.

Согласно преданию, Селевк, который не был его личным врагом, старался облегчить дружескими посланиями участь пленника, но Деметрий давно похоронил все свои надежды. Он передал своему сыну Антигону Гонату и своим офицерам в Греции послание, чтобы они считали его покойником и не верили ни письмам, ни печати, которые могут быть предъявлены от его имени. Антигон великодушно предлагал себя Селевку в качестве заложника ради освобождения отца, и передают, что будто бы и другие властители присоединились к его просьбе, за исключением Лисимаха, не делавшего и теперь тайны из своей ненависти к Деметрию. Лисимах — если только это верно — будто бы даже предлагал Селевку деньги за то, чтобы он избавил человечество от Деметрия.

Рассказывают, что Деметрий поначалу с достоинством переносил свой плен, занимаясь охотой и физическими упражнениями, но затем ему это наскучило — он все-таки уже перешагнул порог своего пятидесятилетия, — и он стал предаваться пьянству и игре в кости, ища в этом забвения. Плутарх, передающий эти подробности, присовокупляет к ним суждения о ничтожности устремлений царей, воодушевляющихся лишь для войн и опасностей и оттого забывающих об истинном смысле жизни. Они заботятся лишь о наслаждениях и удовольствиях вместо того, чтобы радеть об истинных ценностях жизни, которые заключаются в добродетели и в стремлении к прекрасному. Так читаем мы у Плутарха [Деметрий, 52, 3]. И понятно, что Деметрий является для Плутарха убедительным примером, позволяющим ему демонстрировать бренность любой земной славы и любого тщеславного устремления.

После трехлетнего заточения в Апамее (с 286 до 283 г.) Деметрий умер. Бездеятельность и невоздержанность ускорили его конец. Царю было тогда лишь 53 или 54 года. Историкам трудно пройти мимо того, что Демет-

рий мог бы оказать большую услугу потомству, если бы употребил время своего пленения на составление сочинения о своей жизни. Но к этому у него, по-видимому, не было ни желания, ни склонности. Впрочем, соответствующие главы Плутарха свидетельствуют о том, что в основе их лежит рассказ очевидца. Был ли это Гиероним из Кардии — сказать трудно.

Необычными, как и жизнь царя, были также церемонии после его смерти. Антигон Гонат встретил корабль, который вез на родину бранные останки его отца, торжественным морским парадом. Прах находился в золотой урне, помещенной на самый большой военный корабль. Где бы ни приставал флот, появлялись люди, возлагавшие на урну венки, а общины посылали своих представителей сопровождать траурную процессию. Когда флот подходил к коринфскому берегу, все увидели урну, украшенную царским пурпуром и диадемой; она возвышалась на передней палубе адмиральского корабля в окружении почетного эскорта вооруженных молодых людей. Виртуозный флейтист Ксенофант сопровождал удары весел игрой на своем инструменте. Антигон вызвал к себе всеобщее сочувствие, когда он, сгорбленный от горя и в слезах, появился на людях. Останки Деметрия были в конце концов захоронены в царском городе Деметриаде; с тех пор их никто больше не мог обнаружить.

Плутарх заключает жизнеописание Деметрия обзором его потомства. Его супруга Фила подарила ему сына Антигона по прозвищу Гонат и дочь Стратонику; два других сына носили имя отца — Деметрий, один — по прозвищу Тоций — родился от иллирийки, а другой — по прозвищу Красивый — от Птолемаиды. От Деидамии у него был сын по имени Александр, а от Эвридики — сын Корраг.

Род Деметрия правил в Македонии свыше 100 лет, с 276 до 168 г.; последним в его роду был Персей, разбитый при Пидне и умерший в римском плену. Из детей Деметрия двое сыграли важную роль в эллинистической политике: это дочь Стратоника, выданная замуж за Селевка I, уступившего ее затем своему сыну Антиоху I, и Деметрий Красивый. Последний отправился по просьбе Апамы, вдовы Магаса, в Кирену, чтобы жениться на дочери-наследнице Беренике. Осуществилось ли это на самом деле, мы не знаем, так как источники об этом умал-

чивают. Достоверно лишь то, что в Кирене Деметрий Красивый — видимо, в 258 г. — был убит. Инициатором убийства, по всей вероятности, была Береника, не пожелавшая смириться со связью Деметрия с ее матерью Апамой. Кстати, этот Деметрий был отцом Антигона Досона, который с 230/229 (?) и по 222/221 г. правил в Македонии, сначала как регент, а затем как царь.

Нелегко воздать должное такой личности, как Деметрий Полиоркет. Он был, без сомнения, высокообразованным, духовно богато одаренным человеком, однако при всей энергии ему недоставало весьма важного качества — постоянства. Это можно продемонстрировать на многих примерах, но здесь нет нужды повторять частности. На всех людей Деметрий производил чарующее впечатление, причем не в последней степени на своих друзей, постоянно приводивших доказательства своей преданности и самопожертвования. Царь мог и в беде рассчитывать на них, а он, в свою очередь, никогда не оставался у них в долгу.

Иначе вел себя Деметрий по отношению к женщинам. Супружеская верность была для него понятием незнакомым, наоборот, он совершенно откровенно придерживался полигамии, и никто этому не удивлялся. Браки заключались им по политическим расчетам — о личной склонности Деметрия к Филе, Деидами, Ланассе или Птолемаиде источники ничего не сообщают. Если такая женщина, как Фила, бывшая много старше своего мужа, служила ему до самого своего конца, то это свидетельствовало о силе ее характера, а вовсе не о любви Деметрия, который жестоко пренебрег ею. Многочисленные гетеры, флейтистки и актрисы, окружавшие царя, значили для него очень немного, за исключением Ламии, сумевшей, очевидно, благодаря своему уму и, в меньшей степени, внешним данным привязать его к себе. Для современников Деметрия жизнь при его дворе была настоящей сенсацией, но никого не смущало, что он позволял себе то, что обычаи и условности запрещали простому смертному. У других диадохов также были возлюбленные, но они не афишировали эти связи перед общественностью, как это делал Деметрий. Однако Деметрий не заботился о толках современников — он был выше этого, и подобную позицию еще более укрепили божеские почести, которые ему охотно воздавали подданные. Вдобавок после гибели его

отца в битве при Ипсе (301 г.) не было больше никого, кто мог бы повлиять на него.

Идея обожествления живого правителя сыграла важную роль в жизни Деметрия. Возникавший культ правителя поднял личность царя в сферу божественного. Это выступает особенно наглядно в случае с Деметрием, весьма падким на лесть и находившим удовольствие в чрезмерных почестях. Не было ничего удивительного в том, что между обожествленным правителем и его подданными пролежала глубокая пропасть, еще более увеличивавшаяся из-за поведения Деметрия.

Имеется множество примеров прижизненного обожествления Деметрия. Относившиеся ранее с непримиримостью и отвращением к апофеозу царей, афиняне уже в 307 г. приняли решение об оказании Деметрию небывалых почестей, поскольку он освободил город от власти Кассандра. Деметрия чествовали как спасителя и благодетеля; ему вместе с его отцом Антигоном воздвигли алтарь, на котором оба почитались как «спасители». В их честь распевали пэаны (культовые песни), процессии чередовались с жертвоприношениями, а музыкальные представления — с театральными постановками. Для проведения конкурсов были установлены награды победителям. Так, мы узнаем, что некий Гермипп из Кизика получил награду за победу над своими соперниками, выступая в качестве сочинителя пэана.

Воздвижение позолоченных статуй Антигона и Деметрия рядом с изображениями тираноубийц Гармодия и Аристогитона также было почестью, не имевшей аналога в прошлом. Об учреждении двух новых фил под названиями Антигониды и Деметриады уже говорилось (см. выше, с. 93). Было принято решение, чтобы в будущем вступать в отношения с этими властителями только через феооров, т. е. религиозные посольства, обычно направлявшиеся на празднества в честь богов, — почать, которую также следует признать небывалой. Предложение об этом внес Стратокл, выступавший и в других случаях в качестве придворного льстеца Деметрия.

Крайнего своего проявления культ Деметрия достиг в одном из гимнов, созданном в его честь в Афинах. Он был написан особым коротким стихом, называвшимся у греков итифаллическим. Этот гимн вообще является поучительным свидетельством разочарования людей в ста-

рой вере: олимпийские боги, говорится в нем, слишком далеки; они не внемлют просьбам людей (стало быть, не являются более «богами внемлющими»), а Деметрий присутствует здесь, среди людей; он не из дерева или из камня, а существует на самом деле. Затем следует мольба, обращенная к «новоявленному богу», чтобы он сверг со скалы этолийского сфинкса. Этот пэан⁴ является впечатляющим подтверждением почитания, выказанного афинянами земному властителю Деметрию.

Все барьеры между человеческой и божественной сферами были таким образом уничтожены. Неизбежным результатом явилось то, что эти чрезмерные почести оставили в характере Деметрия глубокие, неизгладимые следы. Имеются прямые свидетельства тому, что Деметрий воспринимал себя как властелина всего мира. Согласно Плутарху, на его плаще — хламиде — были вытканы земля и небесные тела, да и историк Дурид Самосский, проявлявший особенный интерес к этим сюжетам, рассказывает, что Деметрий велел изобразить на своей одежде земной шар и звезды. До Деметрия никто не осмеливался на подобное, даже Александр Великий, однако Деметрий был человеком, который своим эксцентричным и театрализованным костюмом хотел привлекать повсюду внимание и тем самым приковать взоры людей к своей персоне. Вокруг своей широкополой шляпы он обычно носил двойную диадему; кроме того, он облачался в пурпурную одежду и отороченные золотом пурпурно-красные башмаки. Золото и пурпур были, однако, атрибутами богов, и вряд ли можно сомневаться в том, что Деметрий такой одеждой хотел сравняться с богами. В этих показных внешних атрибутах и проявляется идея обожествления царя, сыгравшая огромную роль в жизни Деметрия.

В характере царя соединялись глубочайшие контрасты: с одной стороны, рыцарское поведение по отношению к друзьям, с другой — бесцеремонность и беспощадность в достижении политических целей (особенно яркий пример тому — убийство юного сына Кассандра) (см. выше, с. 106). Правда, здесь речь шла о высокой ставке — о македонской короне, но даже это вряд ли может оправдать образ действий Деметрия.

Современники, привыкшие к политическому насилию такого рода, игнорировали преступление Деметрия — никто не сделал ему на этот счет никакого упрека. Окружав-

шие его люди скорее интересовались экстравагантными выходками этого правителя, его роскошным образом жизни, его женщинами и костюмом, производившим сильнейшее впечатление на современников. До известной степени это можно понять, ибо для граждан греческих полисов, и прежде всего для афинян, Деметрий был невиданным явлением: в этом городе еще никогда не видели правителя, осмеливавшегося разбить свою ставку на Афинском акрополе и вместе с гетерами и флейтистками справлять празднества в Парфеноне. К тому же, этот человек с 306 г. носил царский титул, который некогда носил великий Александр. В ту пору полис не отличался ни блеском, ни роскошью, его время уже прошло, и не было ничего удивительного в том, что люди падали ниц перед Деметрием в ожидании от него чего-либо сверхъестественного. Этому отношению граждан в немалой степени содействовала широта натуры Деметрия: он находил радость в празднествах и не был мелочен в раздаче подарков и в оказании милости. А широта натуры во все времена ценилась выше, чем ее противоположность.

Плутарх в «Жизнеописании Деметрия» передает несколько высказываний своего героя. Соответствуют ли эти слова исторической правде — это особый вопрос; все же некоторые из них могли быть заимствованы из исторического труда Гиеронима из Кардии, хотя в пользу этого нельзя привести ни одного сколько-нибудь веского доказательства. Анекдоты, связанные с жизнью Деметрия и его отца Антигона, несомненно, получили распространение уже при их жизни, но это как раз и показывает, каким большим весом обладали в свое время оба эти правителя. Что же касается высказываний гетер, в которых нет недостатка у Плутарха [см., например, 27, 4], то они принадлежат к известному жанру греческой литературы, вызывавшему во все времена большой интерес, но и они вряд ли могут претендовать на достоверность.

Несколько иначе обстоит дело с передачей сновидений. Так, Плутарх рассказывает (гл. 29), что Деметрий накануне битвы при Ипсе видел сон, в котором ему явился в полном вооружении Александр и спросил о пароле. Когда Деметрий ответил, что пароль «Зевс и Ника (Победа)», Александр будто бы сказал, что он намерен удалиться и способствовать победе неприятеля. Никто не знает, насколько исторично это сновидение, но одно совершенно

безусловно: образ Александра постоянно занимал мысли Деметрия, и вполне естественно, что эти размышления могли отразиться в сновидениях.

О том, насколько легковесно Деметрий относился к долгу правителя Македонии, свидетельствует рассказ о прошениях граждан, которые Деметрий будто бы бросал в воды реки Аксия нераскрытыми и нечитаными [Плут., Деметрий, 42, 2]. Он посвящал себя делам управления лишь тогда, когда у него появлялось желание, и если так никогда и не дошло до настоящего доверия между ним и македонянами, то вина за это лежит исключительно на самом царе, видевшем в македонянах в конечном счете лишь своих подданных. При таком его отношении становятся также понятными тяжелые удары судьбы, постоянно его постигавшие. К этому следует добавить еще известную слабость его здоровья. Много раз — и притом именно во время критической ситуации — Деметрий неожиданно заболел, и в течение более или менее длительного периода не был в состоянии осуществлять свои обязанности правителя.

Вообще личность Деметрия является весьма переменчивой. Великодушие и произвол соседствуют в ней. К этому еще добавляется известная неустойчивость, доставлявшая много хлопот даже его друзьям. Плутарх заявляет, что перед взором Деметрия в качестве цели маячило восстановление отцовской державы [Деметрий, 43, 2]. Если это соответствует действительности, то Деметрий так и не достиг сокровенной цели своей жизни, ибо поход в Малую Азию завершился его пленением войсками Селевка. Однако политика и стратега можно оценить, лишь задав вопрос, чего он желал и чего достиг. Суждение о Деметрии может быть поэтому только отрицательным. В самом деле, был ли план Деметрия вообще выполним в 287 г.? На территории прежней империи Антигона Одноглазого образовались две новые державы — государство Селевка в Передней Азии и государство Лисимаха по обе стороны Геллеспонта. Со времени битвы при Ипсе (301 г.) прошло уже более десятилетия, за которое эти державы точно так же, как и другие государства — восприемники империи Александра, нашли необходимое время для своей консолидации. Деметрий пришел слишком поздно, он не мог ни остановить развития, ни обратить его вспять. Его силы были слишком слабы, чтобы он мог тягаться с

двумя столь значительными противниками, как Селевк и Лисимах. У него отсутствовал необходимый глазомер, без которого не может обойтись ни один политик или полководец. В эпоху сложившихся территориальных государств Деметрий был возмутителем спокойствия; все правители чувствовали исходящую от него опасность, никто не протянул ему руку дружбы.

В жизни Деметрия преобладал авантюризм, его личности недоставало солидности и постоянства, без чего невозможно создать что-либо устойчивое. Поэтому и не осталось никаких прочных следов его деятельности. И тем не менее воспоминания о его необычайной личности никогда не угасали в древности, а в новое время Якоб Буркхардт охарактеризовал его следующим образом: «Он не был гигантом, как его отец, однако, все же сильно возвышаясь над средним уровнем, с великолепной внешностью героя, он был царем по призванию; он то внушал страх, то был неотразимо обаятелен; люди приходили издалека, чтобы только взглянуть на него; он мог быть олицетворением сплошной неги, а затем — бурной деятельности и превосходно умел отделять одно от другого. Лучший собеседник на пиру, любящий роскошь и даже изнеженный, он проявлял трезвость на войне и необычайную энергию в делах; его идеалом среди богов был неистовый и вместе с тем исполненный неги Дионис»⁵. Все это, несомненно, соответствует действительности, но этим еще не сказано самое главное: жизнь Деметрия была лишь эпизодом в эпохе, волнениям которой он сам более всего содействовал.

IV

Пирр, царь молоссов

(319—272 гг. до н. э.)

Полная превратностей жизнь Пирра — имя означает «рыжий», вероятно, царь обязан им цвету волос — издавна вызывала интерес биографов, и потому не стоит удивляться, что жизнеописание Пирра, вышедшее из-под пера усердного Плутарха (около 46—127 гг. н. э.), находило бесчисленных читателей и в древности, и в новое время. Но Плутарх не был в состоянии разрешить загадку жизни Пирра. Вообще сомнительно, что это когда-либо удастся. Вопрос, чего, собственно, хотел Пирр, остался без ответа, и как раз на этом основании современная наука, целиком присоединяющаяся к Плутарху, видит в царе молоссов более или менее законченного авантюриста, чья жизнь прервалась из-за чистой случайности. Маловероятно, однако, что такое представление оправданно. Ведь можно сослаться на то, что компетентные лица видели в нем величайшего после Александра полководца. Таково, во всяком случае, было мнение Ганнибала. Ко-

нечно, интересы Пирра были направлены исключительно на военные дела. Как и Пауль фон Гинденбург, Пирр, похоже, никогда не читал книг, не относившихся, в узком смысле, к специальной военной литературе. Но тем не менее он написал труд о тактике (произведение это не дошло до нас), а кроме того — том мемуаров. Если существование последней работы некогда было поставлено под сомнение, то на это не было никаких оснований. Пирр не был необразованным человеком, но образование его было односторонним, и этого он сам никогда не отрицал.

Пирр происходил из царского рода Эакидов в Эпире. Его отца звали Эакид, а мать, принадлежавшая к одному из знатных фессалийских родов, носила имя Фтия. Кроме Пирра от этого брака родилось еще двое детей — дочери Деидамия и Трояда, из которых первая стала одной из жен Деметрия Полиоркета (см. выше, с. 89). Во главе родословной Пирра стояли Ахилл и Геракл. Царская власть у молоссов осуществлялась в историческое время двумя лицами, — аномалия, которая обнаруживается также и в Спарте, с той, однако, разницей, что у молоссов оба царя происходили из одного правящего дома, между тем как в Спарте роды Агиадов и Эврипонтидов выдвигали каждый по царю.

Наряду с хаонами и феспротами молоссы были важнейшим племенем древнего Эпира. Относительно этнической принадлежности эпиротов существуют лишь предположения: одни считают их иллирийцами, другие — греками. Наличие иллирийского компонента кажется совершенно бесспорным, хотя влияние в Эпире греческой цивилизации также несомненно.

С точки зрения политических связей Эпир занимал очень важное положение: страна поддерживала контакты со Средней Грецией, Македонией и Иллирией, несмотря на то что горы на ее восточной окраине, и прежде всего Пинд, не очень содействовали сообщению с этими областями. Но, возможно, важнее было то, что из Эпира и с расположенных рядом с ним островов, в первую очередь с Коркиры, давно уже были проложены морские пути в Южную Италию и Сицилию. Центральную область Эпира занимали молоссы; сравнительно больших поселений было очень немного, и даже Додона с ее знаменитым оракулом Зевса и Пассарон были лишь незначительными

общинами. Не случайно поэтому, что Пирр должен был искать себе резиденцию вне самого Эпира, в расположенной по соседству Акарнании; при нем центром всей страны стала Амбракия.

Жизнь Пирра с самого начала протекала среди опасностей, а когда он подрос, то прямо-таки выискивал их, что в конце концов привело его к гибели. Отец Пирра, Эакид, вмешался в распри в Македонии, где Кассандр, сын Антипатра, выступил против матери Александра Великого — Олимпиады. Эакид возвратил Олимпиаду и ее внука, сына Александра Великого и Роксаны, Александра IV, в Македонию (317 г. до н. э.). Однако Кассандр одержал верх, более того, он сумел утвердиться в Эпире. Верные друзья спасли тогда еще двухлетнего Пирра и переправили его в Иллирию. Попадись тот в руки Кассандра, его судьба была бы решена уже в раннем детстве.

В Иллирии Пирр нашел дружеский прием у царя Главкия. Бегство из Эпира в Иллирию со всеми драматическими перипетиями, в частности с опасной переправой через реку, во всех подробностях и весьма впечатляюще описано Плутархом. Источником ему, видимо, послужил труд Проксена, своего рода «придворного историографа» Пирра. У Главкия мальчик оказался в хороших руках, иллирийский царь будто бы усыновил его и обращался с ним как с собственным ребенком. В 306 г. до н. э., когда Пирру было примерно 13 лет, приемный отец даже возвратил его в Эпир.

Эти события связаны с изменениями, вызванными в Греции выступлением Деметрия Полиоркета. Они бросили тень и на Эпир. Примечательно, что на 304 год падает свадьба Деметрия и Деидами. Однако Пирр не смог долго удержаться в Эпире — происки Кассандра вынудили его снова отправиться в изгнание (302 г. до н. э.).

Немного позже мы застаем его в войске Деметрия Полиоркета. В битве при Ипсе (во Фригии, в 301 г.) Пирр сражался геройски. Затем мы видим его в Греции «стратегом Эллады», т. е. уполномоченным представителем Деметрия в городах Панэллинского союза. Вскоре диадохы снова заключили мир, и Пирр вынужден был в качестве заложника, т. е. своего рода ответственного за верность Деметрия заключенному договору, отправиться в Египет. Здесь он завоевал любовь и уважение Птолемея I. Узы дружбы были еще теснее скреплены брачным

союзом юного Пирра с Антигоной, дочерью Береники от ее первого брака с никому не известным македонянином по имени Филипп. В 297 г. Пирр, вероятно, смог возвратиться из Александрии в Эпир. Здесь тем временем при поддержке Кассандра власть принял Неоптолем, сын Александра Эпирского и Клеопатры.

Неоптолем был энергичным человеком; Пирр заключил с ним соглашение, по которому он стал соправителем Неоптолема. Возможно, итогом явилось своего рода совместное правление, при котором оба царя поделили между собой полномочия. Соглашение это становится понятным лишь в том случае, если предположить, что Неоптолем находился в безвыходном положении, а Пирр мог рассчитывать на симпатии эпиротов. Но двоевластие не было продолжительным, по всей вероятности, оно длилось не более двух-трех лет. Затем Пирр решил избавиться от соправителя. В изложении Плутарха, по-видимому восходящем к Проксену, можно вычитать своего рода оправдание этому убийству: Пирр якобы почувствовал угрозу со стороны Неоптолема и опередил его, нанеся смертельный удар, — версия, не заслуживающая, однако, доверия.

Смерть соперника — Неоптолема — сделала Пирра единодержавным правителем, и до самой смерти это положение никто больше не оспаривал у него. Позиция Пирра была двоякой: он был царем молоссов, самого могущественного племени среди эпиротов, и одновременно вождем (гегемоном) Эпирского союза. Этот союз был видом симмахии, добровольно подчинявшейся царю. Наряду с царем имелся еще простат молоссов. Подробности того, как соотносились между собой царская власть и простасия, до нас не дошли, однако это напоминает о сосуществовании спартанских царей и эфоров. В любом случае Пирру, как царю, провозглашенному войском, приходилось мириться с известными ограничениями, которые выражались в том, что дарование прав гражданства и проксении, а, возможно, также и осуждение государственных и военных преступников находились в компетенции народного собрания молоссов. Пирр, вероятно, стремился к тому, чтобы создать себе положение, независимое от гражданской общины молоссов. Но это могло произойти лишь в том случае, если бы он подчинил своей власти другие эпирские племена, прежде всего хаонов и феспротов, а также захватил бы и ряд чужих областей,

в частности пограничные районы Македонии и Северную Акарнанию с городом Амбракией.

Если в позднейшей традиции (Юстин) Пирр именуется «царем Эпира», то это следует объяснить его фактическим господством над всем Эпиром. Но более всего в этом обозначении отразилась идея эллинистического территориального государства. В том же смысле надо истолковывать и знаменитую посвятельную надпись Пирра в Додоне, которую он велел сделать после своей победы над римлянами при Геракле¹.

Чем, собственно, Пирр сумел произвести на своих современников столь глубокое впечатление? Традиция подчеркивает — и совершенно справедливо — харизматический элемент в этом царе. Так, например, говорили, что большой палец на правой ноге Пирра обладал чудодейственной силой: он был в состоянии исцелять от болезни печени, стоило только больному коснуться его, — точно так же Бурбоны исцеляли золотуху. Но это еще не все: мы знаем, что на Пирра глубоко воздействовали его сновидения — перед его мысленным взором постоянно стоял образ Александра Великого. Пирр знал царя лишь по рассказам старших, однако, несмотря на это, Александр был тем кумиром, которому он старался во всем подражать. Конечные цели Пирра навсегда останутся для нас тайной; определенно лишь одно — Эпир был для него слишком тесен, и он стремился выйти далеко за пределы этой области. Македонское царство, наследие Агафокла в Сицилии и, наконец, власть над большей частью Италии, возможно, с городом Локрами в качестве столицы, — все это составляло цель его честолюбивых замыслов. О причинах крушения последних речь пойдет ниже.

Период единоличного правления Пирра в Эпире продолжался 25 лет, с 297 до 272 г. до н. э. Что успел совершить царь за эти четверть столетия? Первой целью его было достигнуть господства над Македонией, которая после смерти Кассандра (298 г.) попала под власть более сильных соседей — Деметрия Полиоркета, Лисимаха Фракийского и самого Пирра. Из этих трех властителей Деметрий был самым беззастенчивым: кровавым убийством он проложил себе дорогу к македонскому трону. Из-за его коварства погиб сын Кассандра Александр. Деметрий правил этой страной семь лет, с 294 до 287 г., и правил отнюдь не во благо ее жителей, ибо несколько

не заботился о них — ему было важнее реализовать свои внешнеполитические притязания. Так, в 290 г. он сумел отнять у Пирра остров Коркиру. Если с доверием относиться к традиции, то в этом деле известную роль сыграла дочь Агафокла Сиракузского Ланасса: она покинула Пирра за то, что тот проявил благосклонность к иллирийской царевне по имени Биркенна. Так как Пирр не располагал более или менее значительным флотом, он должен был смириться с потерей острова.

Однако на суше он все еще имел преимущество. Так, он одержал решительную победу над стратегом Деметрия Пантавхом (289 г.). Когда в 287 г. македонское войско изменило Деметрию, Пирр был провозглашен вместо него царем Македонии, но восточный сосед Македонии, царь Фракии Лисимах, потребовал часть этой страны для себя; Пирр волей-неволей должен был согласиться с этим притязанием, так как не хотел вступать в войну с таким выдающимся стратегом и правителем, как Лисимах.

Раздел страны между двумя соседями — границу составила, по-видимому, река Аксий — демонстрирует внедрение принципа территориального государства также и в Македонии, что ввиду всего происходившего в Передней Азии ни у кого не вызовет удивления. В качестве «царя македонян», назначенного македонским войсковым собранием, Пирр достиг положения, которое, безусловно, поставило его вровень с другими диадохами. Однако не все трудности были тем самым устранены. В Лисимахе Пирр по-прежнему имел грозного соперника, и никто не мог знать, как Лисимах поведет себя по отношению к своему соседу в будущем. Кроме того, не была полностью уничтожена опасность со стороны Деметрия и его сына Антигона Гоната. Примечательно, что Пирр в том же году (287 г.) нанес визит в Афины, вновь получившие после различных перипетий как раз в это время свободу. Пирр посоветовал афинянам не принимать в будущем в свои стены ни одного царя — действительно мудрый совет, которому, однако, было очень трудно последовать, поскольку силы царей намного превосходили силы города Афин.

Впрочем, у Пирра вскоре обнаружились другие заботы: его соперник, царь Фракии Лисимах, аннексировал западную часть Македонии (284 г. до н. э.), так что за Пирром остались только некоторые, граничившие с Эпи-

ром области, полученные им еще в 294 г. от сына Кассандра Александра. Македонская авантюра Пирра завершилась тяжким поражением. Он вновь потерял корону Македонии и оказался вынужденным направить свою деятельность на другие области и на решение других задач.

Всего несколько лет спустя, осенью 281 г., от руки Птолемея Керавна погиб Селевк I (см. выше, с. 84). Несмотря на это, македонское войсковое собрание провозгласило Птолемея своим царем, — событие,ставляющее в ярком свете упадок политической морали. Пирр видел в Птолемеи Керавне своего естественного соперника и был готов силой оружия добиться осуществления своих притязаний на Македонию. Но тут его устремления обратились совсем в другую сторону. Большой греческий город в Южной Италии Тарент обратился к Пирру с просьбой оказать ему помощь против римлян, и ситуация мгновенно изменилась. Пирр учел эту перемену и помирился с Птолемеи Керавном, после чего последний предоставил в его распоряжение войско для похода в Италию, и Пирр принял предложение тарентинцев.

Решение Пирра отправиться в Италию, которое, впрочем, было одобрено народным собранием эпириотов, означало начало нового периода в жизни царя. В течение шести лет, с 280 до 274 г., Пирр завоевывал в Италии славу искусного полководца; он добился здесь больших успехов, но своей цели — установить господство в Южной Италии и Сицилии — он так и не достиг. Впрочем, на вопрос, какие цели преследовал в конечном счете Пирр на западе, все еще нельзя ответить определенно. Плутарх [Пирр, гл. 14] повествует о беседе Пирра с его доверенным советником, фессалийцем Кинеем. Во время этого разговора Киней будто бы спросил Пирра, что тот намерен делать, если сможет одолеть римлян. «Тогда, — отвечал Пирр, — в нашем распоряжении окажется вся Италия с ее огромными ресурсами». На следующий вопрос Киней, что будет дальше, царь ответил: «Совсем рядом находится Сицилия; этот остров легко покорить, ибо греки там разобщены, особенно с тех пор, как ушел из жизни Агафокл». Киней снова пожелал узнать, каковы дальнейшие планы Пирра. На это царь сказал: «Следующей целью будут Ливия и Карфаген, и тогда уже никто из наших врагов не сможет нам противиться». Это показалось Кинеею вполне убедительным. Ведь тогда можно

будет вернуть Македонию и в полной безопасности править Элладой. Ну, а затем? «Затем, мой милый,— ответил Пирр,— у нас будет довольно времени и досуга для пирушек и бесед». На это Киней возразил: «А что, собственно, нам мешает немедленно предаться этому? Нам бы тогда не пришлось погрязать в крови и опасностях и причинять зло себе и другим».

Переданный Плутархом разговор, естественно, неисторичен, но он правильно отражает положение перед Италийским походом Пирра: планы царя уже тогда были устремлены вдаль, он надеялся без труда справиться с римлянами и полагал, что, как зять Агафокла, обладает законным правом на остров Сицилию. Как мститель и продолжатель дела сиракузского тирана, он хотел рассчитаться и с Карфагеном. Возросшие таким образом силы и могущество можно было бы затем употребить в Македонии и Элладе. Правда, не следует упускать из виду, что Плутарх в своей биографии Пирра особенно подчеркивал идею плеонексии — ненасытного стремления к власти. Кроме того, он заклеил Пирра, так же как и других диадохов, позором, бросив ему упрек в неверности им же самим заключенным и даже подтвержденным клятвой договорам. Но этот упрек оправдан — по крайней мере в наших глазах — лишь частично, поскольку хотя бы только один инстинкт самосохранения прямо-таки вынуждал Пирра поступать не иначе, чем его конкуренты. И в отличие от них он лишь однажды запятнал себя позором злодейского убийства, когда счел необходимым избавиться от Неоптолема (см. выше, с. 122).

Пирр в Италии и Сицилии. Это было весной 280 г. до н. э., когда Пирр, отплыв из Эпира, вступил на италийскую землю. Тарентинцы направили к нему подряд два призыва о помощи, но только после довольно долгих приготовлений Пирр пустился в плавание на запад. Он завербовал множество наемников и собрал большой транспортный флот. Войско его состояло из отличных профессиональных солдат, которых привлекла слава имени Пирра. В целом под его знаменами собралось войско, состоявшее из 20 тыс. наемников, 3 тыс. фессалийских всадников, 2 тыс. лучников, 500 пращников и 20 боевых слонов. Но это было еще не все: в Италии Пирр мог с уверенностью рассчитывать на присоединение тарентинцев и их союзников, а кроме того — на контин-

генты многочисленных италийских племен, враждовавших с римлянами.

Переправа через Адриатическое море состоялась, по преданию, при драматических обстоятельствах: налетевший с севера шторм отнес флот далеко на юг. Плутарх [Пирр, гл. 15], вероятно, на основании рассказа Проксена, а, может быть, также по мемуарам самого Пирра сумел поведать множество подробностей о приключениях царской галеры. По высадке на побережье Мессапии Пирр будто бы имел в распоряжении не более 2 тыс. пехотинцев и лишь двух слонов. С этими небольшими силами он прибыл в Тарент, куда мало-помалу собралось и остальное его войско. Античное предание не поспешило на краски, описывая встречу прославленного героя с гражданами Тарента. Пирр будто бы закрыл городские гимнасии как обители праздности и призвал на военную службу всех способных носить оружие молодых тарентинцев, после чего многие граждане решили покинуть город, не желая получать какие бы то ни было приказания от Пирра. Вероятно, в Таренте царю была предоставлена должность «полномочного стратега». Такие командные полномочия позволили отныне Пирру проводить различные мероприятия, необходимые для войны, причем он не отступал и перед самыми крутыми мерами, как, например, перед арестом политических противников. Эти последние были даже высланы из Италии в Эпир, откуда они не могли ему вредить.

Для римлян Пирр явился очень некстати. Одержав победу над галлами (битва при Сентине, 295 г. до н. э.), римляне еще не завершили борьбу с этрусками, да и луканы и бруттии также были настроены к ним враждебно. Римляне должны были использовать последние резервы, даже пролетарии будто бы были призваны к оружию. Сенат решил послать против Пирра одного из двух консулов 280 года — П. Валерия Левина. Царь предложил консулу, как это было принято в эллинистической практике, создать арбитраж по поводу Тарента, однако Левин отклонил это предложение. И в самом деле, можно было предвидеть, что ввиду вероятного состава такого рода третейского суда у римлян было бы мало шансов выиграть дело.

Первое крупное военное столкновение окончилось победой Пирра, однако судьба сражения долго висела на

волоске, и сам царь подвергался смертельной опасности. Вообще же эта битва — она произошла в 280 г. при Геракле-на-Сирисе — показала, что римляне в тактическом отношении вполне могли помериться силами с Пирром: они смело, можно сказать, прямо на глазах великого эллинистического полководца форсировали переправу через реку, сначала конницей, а затем и пехотой. Лишь вступление в бой фаланги эпиротов спасло положение. Слоны — эти танковые войска древнего мира — завершили победу: они вызвали среди римлян замешательство, а в конце концов и панику, так что те должны были покинуть свой лагерь. С обеих сторон человеческие потери были тяжелыми. Согласно нашему лучшему источнику — Гиерониму из Кардии, римляне потеряли 7 тыс. человек, а Пирр — 4 тыс., но урон, понесенный эпиротами, ложился на них большей тяжестью, поскольку царь лишь с трудом мог восполнять потери своих наемников. Античная традиция упоминает о высказывании Пирра: «Еще одна такая победа, и мы погибли!» Мы, однако, не знаем, вырвалось ли это высказывание после Гераклеи или же после битвы при Аускуле. Из этих слов Пирра произошло крылатое выражение «Пиррова победа», которое, впрочем, в античной традиции не встречается.

После первой битвы на итальянской земле на сторону победителя перешли племена луканов, бруттиев, самнитов и некоторые значительные южноиталийские города греков, среди них, в частности, Кротон и Локры Эпизефирские. Последний город был для Пирра особенно важен, ибо царь намеревался сделать его центром своей державы, которую хотел создать на земле Италии. В Локрах было найдено не менее 38 бронзовых таблиц с перечислением «выплат царю». Если под этим царем следует подразумевать Пирра, что вполне вероятно, то таблицы надо отнести ко времени между 280 и 276 гг., поскольку именно в эти годы царь Пирр владел городом Локрами. Греческие города Южной Италии были таким образом привлечены Пирром к несению военных расходов.

Вслед за победой при Геракле Пирр предпринял наступление на Рим, во время которого он дошел до Анагни, расположенной примерно в 60 км к юго-востоку от Рима. Однако этот поход был всего лишь демонстрацией: Пирр все равно не был бы в состоянии захватить

римскую столицу с первого штурма, поскольку Рим располагал крепкими стенами, но это, очевидно, и не входило в его планы. Впрочем, войско Левина все еще находилось в полной боевой готовности, да и вторая консульская армия под командованием Корункания, благодаря заключенному между Римом и этрусками перемирию, освободилась и могла выполнять другие задачи.

Для противников наступило время начать переговоры, и действительно, предание повествует, что после битвы при Геракле в Таренте появилось римское посольство из трех бывших консулов, которое должно было представить просьбу об обмене или освобождении римских пленных. Через посольство во главе с Кинеем Пирр представил Риму свои встречные требования: римлянам предлагалось отказаться от всех среднеиталийских земель, их власть должна была ограничиваться пределами Лациума. Кроме того, высказывалась мысль о заключении союзного договора между Римом и Пирром (этот договор следует, по видимому, истолковать как своего рода пакт о ненападении). Вследствие решительного сопротивления Аппия Клавдия Цека, игравшего в сенате ведущую роль, предложения эпитота были отклонены, и снова окончательное слово оказалось за оружием. В течение двух дней в битве при Аускуле (в Апулии, в 279 г. до н. э.) шла борьба за победу. Хотя войска Пирра в целом доказали свое превосходство над противником, они все-таки не добились успеха. О полном разгроме римлян не могло быть и речи, наоборот, они заняли прочную позицию на возвышенности, оказавшейся неприступной для эпитотов. Потери с обеих сторон снова были значительными: Пирр потерял 3500 человек, а римляне, в свою очередь, даже 6 тыс. Битва при Аускуле также не принесла окончательного решения, однако силы Пирра все таяли, между тем как римляне далеко не исчерпали своих возможностей.

Но тут в судьбе Пирра произошел неожиданный поворот: правившая в Сиракузах партия обратилась к нему с призывом о помощи, предлагая ему принять руководство в борьбе с карфагенянами. Союз между сильнейшим греческим городом Сицилии и прославленным военным героем был для карфагенян тяжелым ударом. Они почувствовали, что в Сицилии им угрожает серьезная опасность, и стали высматривать союзников. В силу обстоятельств первыми предложили им свои услуги римляне,

которые все еще находились в состоянии войны с Пирром. Между Римом и Карфагеном был заключен союзный договор — уже третий между этими державами. Он может быть датирован 279/278 г. (хронология оспаривается). Текст договора является довольно трудным для понимания, поскольку его фразеология не всегда ясна. Все же несомненно одно: карфагеняне опасались того, что римляне могут вступить в союз с Пирром, вследствие чего, естественно, произошла бы полная смена декораций. Пирр в этом случае получил бы в Сицилии полную свободу действий против карфагенян (Ф. В. Волбэнк).

Решение Пирра отправиться в Сицилию и оставить итальянских союзников, по крайней мере на первое время, на произвол судьбы, было, естественно, чрезвычайно опасно. Римляне оставались непобежденными на поле боя, и никто не мог предвидеть, как долго итальянские народы смогут выдержать борьбу на стороне Пирра, если Рим сочтет необходимым навести порядок в Средней Италии, ударив всей своей мощью. Кроме того, совершенно ненадежной была позиция богатого греческого города Тарента; здесь, после того как непосредственная опасность со стороны римлян миновала, своего обременительного союзника Пирра охотнее всего отправили бы домой.

На пути из Тарента в Сицилию Пирр проследовал через городок Локры, где он оставил своего сына Гелена, чтобы тот отсюда защищал его интересы в Южной Италии. В Тавромении (нынешняя Таормина) Пирр вступил на сицилийскую землю, откуда на кораблях отправился в Катану (Катания) и, наконец, в Сиракузы. По прибытии эпирского царя карфагеняне сняли осаду города, так что тот с ничтожной затратой сил овладел им. Этот неожиданный успех склонил на его сторону почти все остальные греческие города острова; важнейшими среди них были Леонтины и Акрагант. Но Пирр ввязался теперь в борьбу с карфагенянами, он вторгся в их провинцию в Западной Сицилии и стал завоевывать один город за другим. Взята была штурмом даже горная крепость Эрикс, относившаяся к числу важнейших опорных пунктов пунийского владычества в Сицилии. Равным образом не смогли устоять против Пирра города Геиркта и Панорм (Палермо). Лишь Лилибей он не смог принудить к сдаче. Пирр охотно принял бы теперь мирные предложения карфагенян, но, поддавшись чужому влиянию, он их

отверг. Осаду Лилибея через два месяца пришлось снять. Город снабжался всем необходимым со стороны моря, и все усилия Пирра оказались напрасными. Это был первый серьезный удар для эпирота, которому до сих пор неизменно сопутствовал успех.

В Сицилии Пирра несомненно постигла неудача, после которой он уже не смог оправиться. В современной науке обсуждается вопрос, как относиться к деятельности Пирра в Сицилии. Пирр выступал здесь как наследник великого тирана Агафокла (умер в 289 г. до н. э.) и называл себя царем Сицилии. С этим, однако, не совсем согласен Полибий, по свидетельству которого [VII, 4, 5] Пирр был провозглашен гегемоном и басилевсом в Сиракузах. Это следует, по-видимому, понимать в том смысле, что по отношению к городу Сиракузам Пирр занимал особое положение, определявшееся понятием «гегемон».

Как бы то ни было, Пирр объединил в своих руках две короны — царскую власть в Эпире и в Сицилии, — обстоятельство, которое, между прочим, подтверждает также Юстин [XXIII, 3, 2]. Спрашивается, однако, могли один правитель на самом деле управлять этими областями? Сицилия находилась далеко от Эпира, а кроме того, Пирр на этом острове полностью зависел от доброжелательности греческих городов, в особенности Сиракуз. Его господство на италийской земле не было прочным — ни в Таренте, ни в Локрах, ни в других греческих городах (к примеру, в Кротоне). Греки Южной Италии следовали за ним главным образом из страха перед Римом, и если Пирр действительно мог помышлять о том, чтобы сделать Локры центром Италийской державы под началом своего сына Гелена (другой его сын Александр должен был стать царем Сицилии), то на пути к достижению этой цели стояли большие трудности, и прежде всего господство римлян.

В Сицилии не все шло по воле Пирра. В Италии Гераклея, Кротон и в конце концов Локры достались римлянам; все более настойчивыми становились призывы италийских племен о помощи. Когда к концу лета 276 г. Пирр собирался отплыть из Сицилии в Италию, он, по преданию, сказал: «Какое поле для сражения мы оставляем карфагенянам и римлянам!» Однако это изречение вряд ли исторически достоверно; его сочинили на основе позднейших событий.

У Регия Пирр лишился чуть ли не всего своего флота: корабли были либо потоплены, либо сильно повреждены карфагенянами. К довершению неудач, ему не удалось нападение на город Регий, находившийся тогда под властью кампанских наемников. Но Локры после подавления римского гарнизона снова перешли на сторону эпирота, а от Локров было уже недалеко до Тарента, все еще удерживавшегося эпирским гарнизоном (275 г.).

Военным операциям римлян в 276 г. помешала вспышка чумы. Но в 275 г. римляне снова бросили в бой две консульские армии. Пирр не стал дожидаться их появления, и сам со своим войском двинулся в Самниум. Здесь, у местечка Малевент (позже названного Беневентом), он наткнулся на укрепленный лагерь консула Мания Курия Дентата. Принятый Пирром план военных действий оказался на этот раз не слишком удачным; в частности, царь истощил силы своих солдат совершенно ненужным ночным маршем, вместо того чтобы прямо напасть на римлян в их расположенном на высотах лагере. В конечном счете атака его была отбита, и тогда на равнине произошла решающая схватка, которую Пирр проиграл, поскольку римляне избавились наконец от страха перед слонами. Поражение Пирра станет понятным, если вспомнить, что царь уже долгие годы оставался без скольких-нибудь значительных подкреплений со своей родины — Эпира. Его призывы о помощи к Антигону Гонату и к Селевкиду Антиоху I оставались без ответа, а итальянские союзники, как справедливо подчеркнуто у Плутарха, больше не были склонны нести огромные жертвы ради интересов Пирра [гл. 25].

Понимание того, что на итальянской земле больше ничего нельзя достигнуть, побудило царя осенью того же года (275 г.) возвратиться из Тарента в Эпир. Итальянская авантюра, начавшаяся со столь больших надежд и успехов, была таким образом прекращена, однако в Таренте остался эпирский гарнизон под командованием Милона, одного из полководцев Пирра, и Гелена. Войско силою в 8 тыс. пехотинцев и 500 всадников было перевезено на кораблях в Эпир. Сколько солдат осталось в Италии, традиция не сообщает.

Не лишним будет привести здесь соображения Плутарха по поводу Итальянского похода Пирра [Жизнеописание Пирра, гл. 26]: «Так рухнули все надежды Пирра

в Италии и в Сицилии; шесть лет потратил он на эти войны и хотя был побежден, но и в поражениях сохранил свое мужество непоколебленным и по-прежнему считался повсюду самым опытным, сильным и отважным из современных ему царей. Однако добытое подвигами он терял ради надежд на будущее и, алчущий далекого и нового, не мог удержать достигнутого, если для этого нужно было проявить упорство. Поэтому Антигон и сравнил Пирра с игроком в кости, который умеет сделать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей». С этими словами Плутарха согласится любой, кто занимался биографией Пирра.

Последующие предприятия Пирра были главным образом направлены против его заклятого врага Антигона Гоната. Последний в 276 г. установил свою власть над Македонией и над некоторыми греческими городами, в частности над Коринфом и Аргосом. Антигон, конечно, не был полководцем, равным Пирру, но он обладал в очень высокой степени выдержкой и упорством, качествами, которые в конечном счете оказались решающими. Военные столкновения за обладание македонской короной, начались с успеха Пирра. Он нанес сопернику сокрушительное поражение, после которого часть войска Антигона переметнулась к Пирру (весна 274 г.). Под власть молосса перешли обширные районы Македонии — Антигон сумел удержать лишь несколько приморских городов. Высшую точку своих успехов в Македонии Пирр отметил посвящением захваченного им оружия храму Афины Итонийской (в Фессалии). Посвятительная надпись состоит из двух дистихов, которые в современном переводе гласят:

Пирр, молоссов владыка, повесил в храме Афины

Длинные эти щиты, дерзких галатов разбив.

Он Антигона войска разгромил. Чему ж тут дивиться?

В битвах и ныне, как встарь, род Эакидов могуч.

Эту эпиграмму, возможно, следует приписать Леониду Тарентскому. Впрочем, победа над македонянами была запятнана злодеянием: состоявшие на службе у Пирра галлы из страсти к наживе разграбили гробницы македонских царей в Эгах, — преступление, которое сильно повредило эпироту в общественном мнении македонян и греков. Поскольку Пирр уже отказался от итальянских

планов, он вызвал теперь из Тарента своего сына Гелена и продолжил войну против Антигона в Пелопоннесе, где находились важные владения Антигона. Кроме того, к Пирру обратился спартаец Клеоним с просьбой восстановить его на троне в Спарте. Клеоним считал, что имеет полное право на этот трон, как сын царя Клеомена II, но дядя Клеонима Арей изгнал его из Спарты.

Хотя Пирр располагал значительным войском, походу с самого начала не сопутствовала счастливая звезда. Пелопоннесцы не ожидали ничего хорошего от Пирра, особенно спартанцы были полны недоверия, а все греческие города, сохранившие свободу, боялись за свою независимость.

Роковым для Пирра было то обстоятельство, что он недооценивал своих противников, а вторжение в область спартанцев без какого бы то ни было объявления войны не способствовало пробуждению симпатий к Пирру. Спартанцы отправили ему навстречу посольство во главе с Мандроклидом; они жаловались на то, что Пирр даже не считал необходимым объявить войну. По преданию, Мандроклид обратился к царю на лаконском диалекте со следующими словами: «Если ты бог, то с нами ничего не случится — мы ничем против тебя не погрешили, если же ты человек, то найдется кто-нибудь и посильнее тебя».

Тем не менее спартанцы опасались прямого вторжения эпирота. Поэтому очень странно, что Пирр, одержав на поле боя победу над спартанцами, аргивянами и мессенцами, не принял сразу мер к тому, чтобы подчинить город Спарту своей власти. Он удовольствовался тем, что опустошил поля Лаконии и лишь после этого перешел в атаку, но в решающем успехе ему теперь было отказано, поскольку спартанцы, достойные своей древней военной славы, сражались героически. Для защиты города они прорыли глубокий ров. Пирр смог его преодолеть лишь на следующий день, распорядившись частично засыпать его. Царь первым ворвался в город, но конь под ним был ранен, и Пирр свалился на землю.

Когда исход битвы висел на волоске, спартанцам пришла помощь извне: Антигон Гонат послал им из Коринфа наемников под командой стратега Аминия, а с Крита поспешно прибыл царь Арей и привел в город дополнительные подкрепления. Все же Пирр поначалу не думал уходить из Лаконии. Не имея возможности удер-

жать за собой саму Спарту, он все же остался в укрепленном лагере вблизи города. Именно здесь, в этом лагере, чуть севернее Спарты, Пирр, должно быть, и принял роковой план двинуться на Аргос, с тем чтобы там прийти на помощь одному из своих приверженцев по имени Аристей. Если Пирр рассчитывал добиться успеха, ему следовало провести это предприятие с большой поспешностью, ибо с другой стороны, с севера, на Аргос двигался с войском Антигон Гонат. Спартанцы, по видимому, пристально следили за передвижениями Пирра — во всяком случае от них не укрылся отход его войска. Арей устроил вражескому войску засаду, вследствие чего значительная часть воинов Пирра оказалась отрезана от основной армии. В этой битве пал старший сын Пирра Птолемей. Так или иначе, в Аргос эпирский царь явился слишком поздно. Антигону удалось раньше него достичь города и занять на высотах к западу от Аргоса укрепленную позицию. Приверженец Пирра Аристей открыл эпироту одни из городских ворот, через которые часть его войска сумела проникнуть в город. Это были прежде всего кельты, расположившиеся на торговой площади Аргоса.

Никто, однако, не знает, что побудило Пирра ввести через узкие ворота в город своих слонов, где они лишь мешали передвижению и вызвали страшный беспорядок. Возникли также затруднения и для конницы Пирра. Поперек узких улочек города пролегали открытые водосточные каналы, создававшие большие помехи лошадям, так что постоянно возникали разные непредвиденные происшествия.

Вообще вся операция страдала от того, что Пирр не сумел провести предварительную рекогносцировку города, в противном случае он, несомненно, отдал бы совсем другие распоряжения. Неразбериха в городе еще больше увеличилась, когда в него вступил со своим отрядом сын Пирра Гелен, которому неверно передали приказ отца. В создавшейся суматохе, когда невозможно было ничего разобрать, Пирр был ранен ударом копья, а затем якобы какая-то старуха швырнула в него кровельной черепицей, ударившей его в шейный позвонок. Один из солдат Антигона, Зопир, отрубил Пирру голову. Труп был опознан сыном Антигона Галкионеем и доставлен царю. Галкионей будто бы бросил голову Пирра к его ногам; Антигон

обозвал сына грубым варваром, а по поводу смерти Пирра пролил горькие слезы. Рассказ этот скорее всего является легендой, которая должна была выставить в выгодном свете гуманность Антигона.

Таков был конец самого выдающегося полководца эпохи эллинизма. Гибель Пирра в Аргосе в 272 г. могла показаться следствием несчастного случая — в действительности это было крушением человека, строившего слишком широкие планы и не умевшего подготавливать свои предприятия с должной осмотрительностью. Спрашивается, чего вообще Пирр мог искать в Пелопоннесе? Эта область была расположена вдали от Эпира, и с самого начала было маловероятным, чтобы Пирр смог добиться там продолжительного господства, хотя бы потому, что Антигон имел в Коринфе гораздо лучшую исходную позицию.

И все же верно то, что никто в Греции не мог игнорировать Пирра, пока тот располагал войском, прошедшим высшую школу эллинистического военного искусства. Поэтому не случайно, что политические отношения в Элладе стабилизировались лишь после смерти Пирра. Пока Пирр был жив, он был великим возмутителем спокойствия; он беспрестанно преследовал новые цели, приводившие его к конфликтам с соседями. Особенно его поединок с Антигоном Гонатом на протяжении ряда лет держал в напряжении весь греческий мир. Где бы Пирр ни появлялся, он везде зажигал страшный факел войны, и это еще осложнялось тем, что на войне Пирр не заботился ни о человеческом, ни о божеском праве. Как воплощение бога войны Ареса (Марса), проходил он через земли, оставляя позади себя опустошение и смерть. Но это — лишь одна сторона его натуры, другая состояла в том, что от его личности исходило особое обаяние, с огромной силой притягивавшее сердца людей. Верили, что от большого пальца его ноги исходит чудодейственная сила, и вообще трансцендентальное всегда играло заметную роль в его жизни. Известны — вероятно, от «придворного историографа» Проксена — некоторые сновидения Пирра. Они, правда, до сих пор еще толком не проанализированы, но выдают совершенно определенные желания и надежды царя, причем видную роль во всем этом играл образ Александра. Не случайно один из сыновей Пирра носил имя великого царя.

Заслуживает внимания также воздействие Пирра на своих солдат, которые шли за него в огонь. Впрочем, Пирр и сам всегда проявлял бесстрашие в битвах, он повсюду стоял в первых рядах, вполне уподобляясь и в этом отношении Александру.

Иначе, однако, обстояло дело с его дипломатией. Правда, в лице уроженца Фессалии Киней он имел превосходного советника, однако во вред себе он не всегда считался с его мнением. В политике Пирра нельзя найти ни крупицы от эллинистического принципа равновесия сил — он всегда шел на поводу лишь собственных интересов. В этом, естественно, значительную роль играл династический момент. Так, поход в Сицилию следует приписать родственным отношениям Пирра с Агафоклом Сиракузским, его тестем. Как господство в Сицилии могло быть согласовано с его царской властью в Эпире, Пирра, очевидно, не беспокоило. В отношениях с союзниками он не всегда был удачлив. Своей суровостью он приобрел в Таренте так же мало симпатий, как и среди греков Сицилии. Городская автономия была для него чуждым понятием. Полис должен подчиняться приказу монарха — таков был основной принцип его действий, и в этом отношении он мало отличался от других эллинистических царей, хотя они и прилагали известные усилия к тому, чтобы связать воедино эллинистическое единодержавие и свободу городов. Выросший в патриархальном окружении, Пирр видел в людях лишь орудия для своих действий, лишь покорных подданных, поэтому не удивительно, что в Таренте и в Сицилии он допустил в обращении с эллинами тяжкие психологические просчеты. В конечном счете они также сыграли не последнюю роль в его гибели.

Откуда черпал Пирр силы для своих широких предприятий? Эакиды возводили свою родословную к Ахиллу и Гераклу, и Пирр всегда сохранял очень тесную связь с Зевсом Додонским (о Дельфийском святилище он, по видимому, нисколько не заботился, тем более что со времени вторжения кельтов оно находилось исключительно под покровительством этолийцев). Пирр чувствовал себя опекаемым величайшим из богов и отразил это в своих посвящениях в Додоне. Эту веру разделяли многие его современники. Эллинистические монархи считали, что их опекают боги, — все равно, были ли это Зевс, Аполлон

или даже имперское божество Птолемея Александр. И если Пирру предстояло принять решение особой важности, он не пренебрегал обильными жертвоприношениями. В этом царь не отличался от прочих греков. Сомнительно, однако, чтобы он верил в эти жертвы.

Нелегко отнестись с должной справедливостью к личности Пирра. Его свершения в области стратегии являются, вне всякого сомнения, выдающимися, его позитивные человеческие качества подчеркивались уже его современниками. Однако, чтобы идти по стопам Александра Великого, как это представлялось ему в сновидениях, ему многого еще недоставало. Вообще со времени смерти Александра ситуация сильно изменилась: в лице Антигона Гоната, а также римлян появились соперники, вполне способные помериться силами с Пирром. Кроме того, Эпир был слишком малым плацдармом для осуществления столь далеко идущих планов царя. По этой причине в большей или меньшей степени страдала вся политика Пирра, отсутствие реальной силы не могло быть возмещено личной храбростью правителя. Конечно, если бы удалось спаять в единый державный блок Эпир и Македонию, многое, возможно, пошло бы иначе. Но Македония с 284 г. была для Пирра потеряна, а попытка оспорить власть у Антигона Гоната завершилась гибелью эпирского царя в Аргосе.

У Пирра было от первой жены Антигоны трое детей: Птолемей, Олимпиада и Александр. Последний после смерти отца в 272 г. унаследовал трон в Эпире. Пережил Пирра и другой его сын, Гелен, родившийся от иллирийской царевны Биркенны. Что касается Птолемея, то он пал в Пелопоннесе от руки критянина (272 г.). Отец возлагал большие надежды на старшего сына, но вместе с тем он порицал его за легкомыслие, с которым тот неоднократно подвергал себя опасности в битвах. С 280 до 275 г., когда Пирр находился в Италии, Птолемей замещал отца в управлении Эпиром. Вообще же династия Пирра через несколько десятилетий совершенно угасла. Последней царицей была правнучка Пирра Деидамия. Ее убили, вероятно, в 233 г. до н. э. в храме, после чего эпироты решили отказаться от монархической власти. С тех пор многочисленные племена Эпира снова образовали союз, во главе которого в качестве своего рода президента стоял стратег.

V

Птолемей II и Арсиноя II

(308—246 гг. до н. э.)

(316—270 гг. до н. э.)

С Птолемеем II, которого последующая традиция (со II в. до н. э.) прозвала Филадельфом, в империи Птолемеев на сцену выступает второе поколение правителей. К этому новому поколению относилась также его сестра Арсиноя II. Оба были выдающимися личностями, и оба оказывали решающее влияние на судьбы державы Птолемеев в III в. до н. э., — Арсиноя, правда, лишь в течение немногих, хотя и изобилующих событиями, лет, между тем как ее брат держал в руках бразды правления на протяжении почти четырех десятилетий. Современники сознавали значение этой правящей пары; но что произвело на них особенно сильное впечатление, так это брак между братом и сестрой, оказавшийся в своем роде (эти брат и сестра были детьми одной супружеской пары) беспрецедентным в раннюю эллинистическую эпоху.

В связи с плачевным состоянием традиции, которая в большей своей части не сохранилась, о жизни и делах Птолемея II и его сестры Арсинои II не существует связанного предания. Однако все же должны были существовать историки, проявившие интерес к царю и его сестре, иначе были бы непонятны намеки традиции на отдельные эпизоды из их жизни. Вряд ли относится к ним Гиероним из Кардии, скорее уж историк Филарх из Афин (или из Навкратиса), впрочем не всегда придерживавшийся истины. Но об этом мы не можем судить с абсолютной уверенностью из-за отсутствия источников, и современный историк стоит перед трудной задачей — составить цельную картину из крохотных отрывков традиции, рискуя упустить существенные детали. Но проводимая царями политика играет первостепенную роль в их судьбе, а о внешней и внутренней политике Птолемея II имеется достаточно свидетельств. Правда, в отдельных случаях трудно определить, сам ли царь, или его сестра, или же советники и друзья принимали те или иные важные решения. Однако, как бы то ни было, ответственность в целом всегда несет правитель, и мерилom его дел является успех или неудача его политики.

Птолемей II правил с 283 до 246 г., причем следует добавить, что он уже в 285 г. был назначен соправителем своего отца Птолемея I. Правление его падает на время стабилизации монархий диадохов. Наряду с империей Птолемеев консолидировались также державы Селевкидов и Антигонидов. Их правители — Селевкиды Антиох I (281—261 гг.) и Антиох II (261—246 гг.), а также царь Македонии Антигон Гонат (276—239 гг.) — были выдающимися личностями, а их правление, бесспорно, можно отнести к высшим достижениям в политической истории эллинизма. Не стоит поэтому удивляться, что соперничество между эллинистическими государствами было велико и что разрешилось оно целой серией войн. Целью этой борьбы было в первую очередь господство в Южной Сирии (Келесирии), а также в Эгееде. Однако до существенного изменения эллинистической системы равновесия сил при втором поколении правителей дело не дошло. В общем и целом Птолемей II сумел сохранить первенство на море, несмотря на то, что в лице Антигона Гоната имел мощного соперника. Хотя вследствие Хремонидовой войны (267—261 гг.?) держава Птолемеев вынуждена бы-

ла несколько поступиться своим влиянием, это все же не помешало расцвету искусства и науки в Александрии. В нем, собственно, и заключается истинное значение царствования Птолемея II.

Птолемей II появился на свет на острове Косе в 308 г. Его сестра Арсиноя II была на восемь лет старше. Матерью обоих была Береника, любимая жена Птолемея I, дочь Лага и Антигоны, и через последнюю — внучка македонского правителя Кассандра; Антигона же была сводной сестрой своего супруга Лага. Береника попала в Египет случайно. Ее тетка, дочь Антипатра Эвридика, взяла ее с собой в Египет — здесь Эвридика вышла замуж за Птолемея I. От этого первого брака Птолемея с Эвридикой родился Птолемей Керавн, также сыгравший важную роль в жизни Арсинои II, своей сводной сестры.

Судьба Арсинои II оказалась теснейшим образом связана с домом Лисимаха, царя Фракии и Македонии. Вероятно, в 300 г. (или, возможно, в один из ближайших за ним) Арсиноя вышла замуж за царя Лисимаха. Последний был уже шестидесятилетним стариком, Арсиноя же — молоденькой девушкой. Для Лисимаха, кстати, это был уже четвертый брак; он был поочередно супругом Никеи (одной из дочерей Антипатра), затем одрисской княжны, в третий раз он женился на персиянке Амастриде. Все эти браки, как было принято в эпоху диадохов, имели политическую подоплеку.

От первого брака у Лисимаха были дочь по имени Арсиноя, фигурирующая в истории как Арсиноя I, и сын Агафокл, проявивший себя с юных лет чрезвычайно способным военачальником и стратегом. Агафокл был бы естественным наследником власти Лисимаха, если бы не его опасный конфликт с мачехой Арсиноей II. Придворная сплетня гласила, что мачеха делала Агафоклу любовные предложения, но тот их с презрением отверг. В действительности причиной столкновения был вопрос о престолонаследии. Арсиноя II родила Лисимаху трех сыновей — Птолемея, Лисимаха и Филиппа. Она сумела довести престарелого властителя до того, что он казнил своего сына Агафокла. Как гласит предание, страшное это дело было совершено в тюрьме Птолемеем Керавном¹.

Смерть Агафокла была невосполнимой утратой для династии Лисимаха; казненному царскому сыну не было еще 30 лет. Это событие падает, по всей вероятности, на

283/282 г. Агафокл был женат на Лисандре, приходившейся родной сестрой Арсиное II, поскольку она также была дочерью Птолемея I и Береники. Эти события при дворе Лисимаха, особенно насильственная, вызванная происками Арсиной II, смерть Агафокла, демонстрируют никем доселе не превзойденные жестокость и коварство. Ни жизнь пасынка, ни судьба собственной сестры не были для нее святы, а ослепленный Лисимах оказал жене большую поддержку в ее стремлении к власти, которой та добивалась с исключительным упорством. Никто не сможет оправдать этих действий, они, как в зеркале, отражают характер Арсиной II, не уважавшей ни божественного, ни человеческого права.

Однако поворот в судьбе и возмездие наступили раньше, чем Арсиноя могла предположить или ожидать. Друзья Агафокла были в ужасе от того, что случилось в доме Лисимаха, и поклялись отомстить виновным. К числу этих друзей принадлежал также и Селевк I. К мотиву мести у него еще добавлялись политические основания, приведшие к войне против Лисимаха.

Между фракийским правителем и Селевком I существовали открытые разногласия. Они проявились, в частности, в расхождении во мнениях относительно обращения с Деметрием Полиоркетом, когда тот находился в плену. Завершением всего явилась битва при Курупедионе (февраль 281 г.), в которой пал Лисимах. Его господство в Малой Азии рухнуло, а вдове его Арсиное с трудом удалось спастись бегством в Кассандрию в Македонии.

Как следовало ей теперь поступить? Власть Арсиной II над европейской частью державы Лисимаха была слишком шаткой; о короновании Птолемея, ее старшего сына от Лисимаха, нельзя было и думать всерьез — он был слишком юн, чтобы справиться с трудностями, связанными с таким наследием. В довершение всего македонское войсковое собрание высказалось сначала в пользу Селевка I, а затем, после его убийства, в пользу Птолемея Керавна — поразительный факт в истории македонского ополчения, где, очевидно, решающее слово было за какими-то скрытыми силами. Кончалось лето 281 г. Что могло быть более неотложным, чем достижение соглашения между вдовой Лисимаха и новым царем Македонии? То, что Птолемей Керавн и Арсиноя II были сводными братом и сестрой, не служило в то время пре-

пятствием. Инициатива исходила от Птолемея Керавна; при помощи брака он, очевидно, хотел попытаться исключить притязания на наследство со стороны трех сыновей Арсинои. Он обещал ей формальное заключение брака и брал на себя обязательства осуществлять правление совместно с ее сыновьями.

По-видимому, Арсиноя заподозрила недоброе в намерениях своего сводного брата; она приняла его предложение, но только после того, как он поклялся всеми богами, что признает Арсиною единственной законной супругой, а ее сыновей — единственными законными наследниками. Затем, как уверяет Юстин [XXIV, 3, 1], была отпразднована свадьба с величайшей пышностью. Перед македонским войсковым собранием Птолемей Керавн возложил на голову своей супруге и сестре знак царского достоинства — диадему и приветствовал ее как царицу.

После этого Арсиноя, преисполненная радости по поводу вновь обретенного царства, пригласила своего супруга приехать к ней в Кассандрию. Она распорядилась украсить город по поводу прибытия царя, а храмы и алтари убрать роскошными гирляндами цветов. Своих сыновей — второго по возрасту Лисимаха, тогда шестнадцатилетнего юношу, и Филиппа, его тринадцатилетнего брата, — украшенных венками, она отправила навстречу мужу. Птолемей будто бы приветствовал их самым любезным образом. Затем последовала сцена, не имеющая себе равных по драматическому накалу. Птолемей, пройдя со своей свитой через городские ворота, распорядился занять крепость и уничтожить сыновей Арсинои. Охваченные ужасом, они устремились искать спасения в объятиях матери, но здесь под поцелуями несчастной они и приняли смерть. Арсиноя разразилась душераздирающими стенаниями, с недоумением спрашивая, чем она могла заслужить такую жестокую кару, ведь ни во время свадьбы, ни после нее она не совершила никакой провинности. Напрасно пыталась она защитить сыновей от убийц, тщетным было ее желание самой принять раны, предназначенные детям. Ей даже не позволили участвовать в их погребении. В разорванном платье и с распущенными волосами, в сопровождении лишь двух верных служанок, она покинула Кассандрию, чтобы отправиться в изгнание на Самофракию, в святилище Кабиров. Для

нее было величайшим горем, что ей не позволили умереть вместе с сыновьями.

Мы не знаем, к какому источнику возвести это страшное предание. В общем и целом оно представляет фрагмент типично эллинистического историописания по образцу Филарха, отличавшегося пристрастием к изображению трагических сцен. К этому рассказу надо лишь добавить, что старшему сыну Арсинои Птолемею удалось бежать к иллирийцам. Таким образом, Птолемей Керавн не полностью достиг своей цели — совершенно искоренить потомство Лисимаха.

Известный исторический интерес представляет также вопрос, достигла ли Арсиноя II положения соправительницы благодаря тому, что ей была дарована мужем диадема (Ф. Гранье). На этот вопрос придется, по-видимому, ответить отрицательно². Разумеется, Арсиноя стала царицей, но это ее положение полностью зависело от Птолемея Керавна. Более того, она совершенно неосмотрительно всецело подчинилась его власти и оставила без внимания все предостережения — в том числе и те, которые исходили от ее старшего сына Птолемея.

Арсиноя потеряла уже две короны, и казалось невероятным, что она когда-нибудь вновь без посторонней помощи станет царицей Македонии. Пребывание на Самофракии она рассматривала лишь как прибежище на крайний случай. Получив приглашение от младшего брата, царя Египта Птолемея II, она сразу же без колебаний взойшла на корабль, чтобы отныне жить и действовать при дворе в Александрии, так как не оставила надежд снова достичь державного положения. Как сестра правящего монарха, она — теперь уже тридцатисемилетняя женщина — оказалась, однако, в известном затруднении: в лице царицы Арсинои I, дочери Лисимаха, она имела соперницу, существование которой было для нее в высшей степени неудобно. Но Птолемей был воском в ее руках, и Арсиноя II вскоре полностью подчинила его своей воле. После недолгих уговоров она смогла склонить его к тому, чтобы отправить в изгнание свою супругу Арсиною I. Ее обвинили в том, что она замышляла заговор на жизнь царя. Соучастники — некий Аминта и родосский врач Хрисипп — были даже приговорены к смертной казни, а царица сослана на юг страны, вероятно, в безлюдный Копт в Верхнем Египте, вдали от всякой цивилизации.

Для царицы это был горький жребий, которого она, без сомнения, не заслужила. Она подарила Птолемею II трех детей: Птолемея III — впоследствии наследника престола, Лисимаха и Беренику, вышедшую позже замуж за Селевкида Антиоха II. Брак этот продолжался, видимо, всего три года (или немногим дольше). Если ссылка Арсиной I приходится на 278 г. (что не совсем определено, но все же вероятно), она могла вступить в брак с Птолемеем II еще до кончины ее отца Лисимаха. Ее соперница Арсиноя II, которая была гораздо старше, очень спешила, и потому, возможно, уже в 277 г. отпраздновали свадьбу, ставшую сенсацией во всем мире: Птолемей II, которому было всего тридцать один год, женился на родной сестре, достигшей почти сорокалетнего возраста. Однако уже необычная разница в возрасте показывает, что о браке по любви здесь не могло быть и речи. С самого начала это был чисто политический союз. Арсиноя II хотела вновь получить царскую корону, и этому ее стремлению младший брат не мог противостоять. Брак брата и сестры, происходивших от одних отца и матери, был невиданным явлением для греков и македонян, он явился для них неслыханным скандалом.

Общественное мнение ответило на него оскорбительными выпадами, особенно отличался поэт Сотада, не устававший упражняться в иронических стихах, которые по грубости не знали себе равных. Ему, однако, не повезло: он был схвачен на маленьком островке Кавд возле Крита, после чего его засунули в свинцовую бочку и утопили в море — верный признак того, что царь Птолемей не остался равнодушным к издевкам Сотада.

Браки между единокровными братьями и сестрами у греков не встречаются, зато в Египте, особенно во времена фараонов, они не были редкостью. И все же этот местный обычай вряд ли мог служить примером для царской четы. Скорее следует вспомнить династию персидских Ахеменидов, среди которых неоднократно можно обнаружить браки между братьями и сестрами. Но что все-таки могло побудить Птолемея, от решения которого, в конце концов, все зависело, жениться на собственной сестре и таким путем возвысить ее до положения царицы? Так как мысль о потомстве совершенно исключается — о наследнике престола царь уже позаботился, — то следует отнести эту брачную связь на счет специфически птолемеев-

ского представления о единодержавной власти. Согласно этой концепции, царь стоит так высоко над своими подданными, что ему может соответствовать лишь супруга, происходящая из его же собственной семьи. Этот взгляд, если он действительно разделялся Птолемеем II, не согласовывался, однако, с общественным мнением, по которому правители никоим образом не стояли выше или вне закона и обычая, однако Птолемей — брат и сестра — просто игнорировали это мнение. Они, напротив, стремились доказать, что их сфера — не мир простых смертных, они позволили себе то, что, по вере греков, сделали своим безоговорочным правом олимпийские боги. Впрочем, браки между братьями и сестрами встречались также и среди позднейших Птолемеев. Так, Птолемей IV (224—204 гг.) женился на своей сестре Арсиное III, Птолемей VIII (145—116 гг.) — на своей сестре Клеопатре II, да и самая последняя представительница птолемеевской династии, Клеопатра VII, была замужем, по крайней мере номинально, поочередно за двумя своими гораздо младшими по возрасту братьями. Пример Птолемея II нашел, таким образом, среди членов династии своих последователей.

Ведущим партнером в этом браке была, вне всякого сомнения, Арсиное II; она намного превосходила брата энергией, так что ей нетрудно было затем наложить свою печать на всю политику страны. В первую очередь это справедливо для птолемеевского культа правителя. Здесь, однако, следует проводить различие между египетским и эллинистическим культами правителя, что иногда забывают делать. Само собой разумеется, что все Птолемеи почитались в Египте как боги по образцу фараонов, Ахеменидов и Александра Великого (в этом ряду находят свое место и наследники Александра Великого Филипп III Арридей и сын Роксаны Александр IV). Этот культ распространялся на всех правящих Птолемеев, но дополнительно к египетскому имелся еще и чисто эллинистический культ правителя. В Египте он точно так же был творением второго поколения царей, а именно Птолемея II, как и в державе Селевкидов, где культ правителя был основан Антиохом I. Эллинистический культ царей следует возводить к чисто греческим истокам; он восходит к той идее, что правитель, совершивший сверхчеловеческие дела, также достоин божеских почестей.

Этим можно объяснить божественное почитание, которого удостоился Александр Великий.

В эллинистическом культе правителя следует проводить различия между культом умерших и культом живых. Начало положило обожествление умершего Птолемея I его сыном и преемником. Он получил культовое имя «бог-спаситель», причем прозвище «спаситель» напоминает о почитании, которого Птолемей I удостоился со стороны греков еще при жизни. Но это не был еще официальный культ царя, он, скорее, относился к личности Птолемея I и тем действиям, которые он совершил в течение своей жизни. Далее, Птолемей II учредил в 279/278 г. в честь своих родителей, стало быть и в честь своей матери Береники, большой, повторяющийся каждые четыре года праздник — Птолемей.

С третьим празднованием этих Птолемеев в 271/270 г., возможно, связано знаменитое стихотворение Феокрита «Похвала Птолемею». Оно содержит интересные сведения об истории того времени и о владениях Птолемеев, поскольку автору его важно было показать всему миру могущество и величие державы Птолемеев³. Почитание умерших восходит к мифу об удалении смертных людей к богам. Феокрит пишет, что Птолемей I занимает место между Зевсом и Герой, взявшими его к себе на Олимп. А Каллимах поведал в одном из своих стихотворений об «удалении» при помощи Диоскуров Арсиной II. Это «удаление», естественно, является смягчающим выражением для обозначения кончины правителей, которым после их смерти отводится место среди богов. Вероятно, эти представления не были чужды, поэтому Птолемей II мог рассчитывать на то, что обожествление его родителей найдет сочувствие у всех греков и македонян.

Совершенно иначе обстояло, однако, дело с консеκραцией живых! Начало здесь положил Птолемей II обожествлением самого себя и своей супруги и сестры Арсиной II. Для обоих правителей под названием *theoi adelphoi* (братолюбивые боги) был учрежден особый культ. Но это был культ прежде всего царя, который, восседая на троне, считался выше всех своих подданных. Естественно, что прижизненный культ правителя был государственным культом, он отпраздновывался в особом храме в Александрии.

Чтобы сделать этот культ как можно более популярным, царь распорядился, чтобы theoi adelphoi почитались также во многих других храмах в качестве theoi synnaoi, притом как в местных египетских храмах и святилищах, так и в греческих. Словами theoi synnaoi имели обыкновение обозначать таких богов, которым до некоторой степени предоставлялось право жилища в каком-либо храме, без того, однако, чтобы они становились владельцами святилища в собственном смысле слова.

Не следует недооценивать важности учреждения государственного культа для еще властвующих царя и его супруги, так как здесь еще при жизни правителя находило выражение представление о его божественной сущности. Каждому подданному — был ли он македонянином, эллином или египтянином — царь являлся в некоей божественной сфере, окруженный специально назначенными для него жрецами, ответственными за принесение жертв и управление культа. Для должного отношения подданных к своему правителю все это — чем дальше, тем больше — имело огромное значение. Была воздвигнута непреодолимая преграда между царем и всеми другими людьми, отстоящими от правителя на огромную дистанцию. От древнемакедонского «войскового» царства Филиппа II ушли, таким образом, очень далеко: царь Египта давно уже не был более *primus inter pares* — он стал уже на земле богом, его решения претендовали на божественный авторитет. Тем самым в Египте при Птолемеях II открылась новая эпоха эллинистического единодержавия.

Совсем иным было божественное почитание, которого удостоилась после смерти (9 июля 280 г.) Арсиноя II. Она получила апофеоз как «братолюбивая богиня»; в качестве жрицы ей была назначена особая канефора («несущая корзину») — как правило, это была юная девушка из одного из самых знатных семейств Александрии. Ее имя стояло во всех официальных документах после жреца Александра. Эта канефора должна была целиком посвятить себя культу умершей царицы. Она принимала участие также в официальных процессиях во время больших празднеств в Александрии.

Приступив к единоличному правлению (в 283 или 282 г.), Птолемей оказался властителем обширной империи, простиравшейся от Эгеиды до границ Нубии в долине Нила. Между государством Птолемея и державой

Селевкидов царил мир, но это состояние было обманчивым, ибо уже с 280 до 279 и с 274 до 271 г. прошли две войны, из которых первая известна в истории как Война за сирийское наследство, а вторая — как 1-я Сирийская война.

Вне Египта Птолемеи располагали рядом важных владений и среди них южной частью Сирии, т. е. прежде всего Палестиной, а также финикийскими приморскими городами — Тиром, Сидоном и Беритом. Птолемеевская Сирия, называемая у древних историков (Полибий и др.) Келесирией, образовывала единый большой округ под управлением стратега, исполнявшего здесь обязанности генерал-губернатора. Официально эта провинция называлась «Сирия и Финикия». Для Птолемеев особенно важным было обладание Ливанскими горами. Египет всегда был беден лесом, а Птолемеи нуждались в ливанском кедре, особенно для строительства своего флота.

К сопредельным с Египтом областям относились также Киренаика и остров Кипр. Первая — важный оплот греческой культуры в Африке — находилась под управлением Магаса, одного из сводных братьев Птолемея II. На Кипре, имевшем большое значение благодаря своим лесам и медным рудникам, во главе управления стоял стратег. Кипрская медь нужна была Птолемеям прежде всего для чеканки монет. Птолемей II осуществлял также протекторат над Кикладами, но здесь его власти неоднократно угрожали притязания македонского царя Антигона Гоната (276—239 гг.).

Крупные опорные пункты Птолемеев имелись на западном побережье Малой Азии. Среди них следует выделить в первую очередь большой торговый город Милет и остров Самос, важную военно-морскую базу Птолемеев — опору их талассократии. В Южной Анатолии Птолемей II владел областями Ликией и Памфилией. Как далеко, однако, простиралось его господство над внутренними областями материка, из скудных указаний источников заключить невозможно. В целом это была внушительная империя, занявшая в торговом и политическом отношении почти все существенные позиции в бассейне Восточного Средиземноморья, за единственным исключением — Родоса, который со времени осады его Деметрием Полиоркетом (см. выше, с. 97 и сл.) стойко отстаивал свою независимость.

Обладая большими гаванями в Александрии, Тире и Сидоне, империя Птолемеев превосходила всех своих соперников. Лишь Карфаген представлял собой равносильную торговую державу. Но до каких-либо конфликтов между империей Птолемеев и пунийцами дело не доходило: по-видимому, были разграничены сферы влияния, причем Восток был предоставлен Птолемеем, а Запад остался за пунийцами. Все же в 273 г. Птолемей II заключил договор с Римом, проявившим со времени победы над Пирром интерес к делам восточных держав. Впрочем, из-за разбросанности внешних владений у птолемеевского Египта постоянно возникали трения с другими эллинистическими государствами. Как правило, если не считать кратковременных периодов мира, Птолемей находились с Селевкидами и Антигонидами в напряженных отношениях, что требовало от соперничающих сторон повышенной бдительности и постоянной боевой готовности. Птолемей II придавал поэтому исключительное значение содержанию огромного флота, с помощью которого он достиг безусловного превосходства над царями-соперниками. Правда, это было связано с очень значительными расходами; однако не менее дорогостоящим было содержание сухопутного войска, так как существенная часть его состояла из наемников, которых приходилось вербовать за большую плату. Другую часть войска составляли поселившиеся в Египте колонисты-клерухи, занимавшиеся в мирное время сельскохозяйственным трудом в качестве арендаторов. Они внесли существенный вклад в мелиорацию плодородных земель, и если Египет в течение всего III в. до н. э. слыл богатой страной, то это в значительной мере следует приписать неутомимому труду всех земледельцев.

Экономическая политика и дипломатия Птолемея II удачно дополняли друг друга, и сфера их воздействия простиралась далеко за пределы Передней Азии и Средиземноморья. Так, Птолемей отправил специального посланца Дионисия к правителю индийского государства Маурьев Виндусару (возможно, впрочем, к его преемнику, знаменитому Ашоке). Дионисий должен был позаботиться о приглашении в Египет специалистов по выучке боевых слонов. Без них Птолемею никак нельзя было обойтись, если он собирался помериться силами с Селевкидами на поле боя. Но, возможно, это поручение было не единст-

венным. Скорее следует предположить, что Птолемей II, подобно Селевкидам, желал приобрести в Индии политический авторитет.

По суше Переднюю Индию можно было достичь лишь путем, пролегающим через Верхние сатрапии Селевкидской державы, однако маловероятно, чтобы птолемеевское посольство выбрало столь трудный маршрут. Намного проще был морской путь, ведущий через Красное море вдоль южного побережья Аравии в Персидский залив, а оттуда — в Переднюю Индию. Но этот путь был очень опасен. Страшно было плыть вдоль побережья, где постоянно попадались утесы и отмели, ставшие причиной гибели множества кораблей. На плавание же через открытое море начали отваживаться лишь после того, как было сделано открытие, что муссонные ветры дуют с определенной закономерностью. Это удалось выяснить только к концу II в. до н. э. Гиппалу и Эвдоксу из Кизика, достигшим впервые Индию таким путем, вероятно, в 117 г.

На Пифомской стеле можно прочесть, что Птолемей II восстановил канал между Нилом и Красным морем. Промежуточным звеном на этом водном пути было Горькое озеро. Проложение канала восходит ко времени Дария I, позднее его обновил император Траян. С новым открытием этого канала в 6-й год правления Птолемея II (280/279 г.) или, во всяком случае, вскоре после этого царь начал проявлять большой интерес к Красному морю и прилегающим к нему странам. Был снаряжен ряд экспедиций, из которых возглавлявшаяся Аристоном оказалась самой успешной. Эта экспедиция должна была навести справки об Аравии, имя же самого Аристана встречается в одном папирусе из архива Зенона⁴. Должно быть, Птолемею II удалось захватить по крайней мере часть Аравии, а именно район Таймы. Эта область, через которую проходили караванные пути, была особенно ценна тем, что отсюда шла дорога, соединявшая Южную Аравию с Сирией и пролежавшая также через столицу набатеев Петру. На западном побережье Аравийского полуострова — точное местоположение неизвестно — Птолемей II с помощью колонистов из Милета основал город Ампелону, а в Эланитском заливе (залив Акабы) — город Беренику (если только основание этого последнего не относить ко времени его преемника Пто-

лемея III). Во всех этих предприятиях и основании городов можно усмотреть намерение царя связать Египет с караванными путями, по которым доставлялись товары с Востока, и особенно из Индии.

С завоеваниями в Южной Аравии следует связывать и основание городов, предпринятое Птолемеем II на западном побережье Красного моря. Дальше всего к северу, в устье нильского канала, был построен город Арсиноя. Он получил свое имя в честь Арсинои II. Идентичен ли город Арсиноя городу Клеопатриде — сказать с уверенностью нельзя; похоже, что Клеопатрида была создана лишь во II в. до н. э.

Другим вновь основанным городом была Филотера, названная так по имени сестры Птолемея II и Арсинои II. Чтобы раздобыть слонов, были снаряжены экспедиции в страну троглодитов. Руководителем одной из таких экспедиций был некий Сатир. В Фиваиде, вблизи современного Редессийе, он оставил посвятельную надпись в честь Арсинои II, что указывает на то, что правительница также принимала участие в этих предприятиях. Птолемеем II был, несомненно, создан и город Береника Троглодитская; он был связан караванной дорогой с египетским Коптом. По этому пути товары из Африки и Индии доставлялись в Нильскую долину, а отсюда — в амбары и склады Александрии.

Наконец, следует упомянуть еще Птолемаиду — город, основанный для отлова слонов; поэтому он назывался официально «Птолемаида для слоновой охоты». Африканские слоны играли очень важную роль в армии Птолемеев, ибо те вели непрерывные войны с Селевкидами, в чьем распоряжении были слоны из Индии. Эти последние считались более боеспособными, чем африканские слоны, и в этом была причина того, что Птолеми старались компенсировать свою слабость в этом роде войск бóльшим количеством африканских слонов.

Особенное дарование Птолемей II проявил в административной и организаторской деятельности. Однако, если не было никакой другой возможности отстоять свои интересы против Селевкидов или против Антигонидов в Македонии, он не уклонялся и от военных столкновений. Война, как во времена Александра, считалась законным средством царей; она была в известной степени божьим судом, поскольку, по воззрениям людей того времени,

боги присуждали победу тому, кто ее заслуживал. В общем, при втором поколении эллинистических правителей не велось обширных завоевательных войн. Создавшееся после битвы при Курупедионе (281 г.) эллинистическое равновесие сил не было поставлено под сомнение последующими войнами. Однако можно быть уверенными в том, что причина этих «малых» войн в конечном счете также коренилась в державных устремлениях: речь шла о расширении границ, и прежде всего борьба шла за господство на море. Важнейшим военным орудием Птолемеев был флот: он появлялся везде, где надо было защищать власть Птолемеев. Среди выдающихся флотоводцев фигурирует царь Сидона Филокл, после него важнейшие морские экспедиции возглавляли в качестве навархов Калликрат и Патрокл. Эти люди были в большом почете у царя, а их имена увековечены в различных надписях.

В общем, Птолемей провел четыре большие войны: первой была Война за сирийское наследство (с 280 до 279 г.); за ней последовала 1-я Сирийская война (274—271 гг.), затем Хремонидова война (267—261?) и, наконец, почти непосредственно за ней, 2-я Сирийская война (260—253 гг.). Этот перечень показывает, что значительная часть времени правления Птолемея II падает на войны. Итак, четыре войны и, несмотря на это, никакого существенного изменения в эллинистическом равновесии! Птолемей II сумел уберечь свои владения; ни Селевкидам, ни Антигонидам не удалось оспорить у империи Птолемеев ведущее положение в мире эллинистических государств. К числу территориальных завоеваний Птолемея II в так называемой Войне за сирийское наследство надо отнести города Галикарнас, Минд, Кавн и Лиссу. Эти приобретения были сделаны за счет державы Селевкидов, пережившей при Антиохе I (281—261 гг.) на первых порах период некоторого упадка. Особенного внимания заслуживают земельные приобретения в Карию. Из этой области происходил, между прочим, знаменитый Аполлоний, сын Агреофонта, прославившийся как всемогущий диоикет при Птолемее II. Он известен прежде всего благодаря корреспонденции Зенона, которая была обнаружена в Фаюме и сообщила нам многочисленные подробности об экономической жизни птолемеевского времени (Зенон был управляющим личного имения Аполлония).

1-я Сирийская война (с 274 по 271 г.) была, по всей

вероятности, начата Птолемеем II, а именно на суше — вторжением в Северную Сирию, а на море — посылкой флота в Персидский залив. Однако египетская сухопутная армия уступала в силе войскам Антиоха I и поэтому была без особого труда вытеснена из Северной Сирии. Кроме того, египетский царь лишился важного для него Дамаска, который перешел от Птолемеев во владение Селевкидов. Опасность вторжения нависла уже непосредственно над самим Египтом, и тогда царь Птолемей с супругой отправились на восточную границу, чтобы лично проинспектировать укрепления вблизи Пелузии. Но опасность еще раз миновала: в Вавилонии вспыхнула эпидемия, и Антиох I вынужден был прекратить поход.

В этой 1-й Сирийской войне борьба снова шла за господство в Сирии, а в Хремонидовой войне сражались за талассократию в Восточном Средиземноморье. Противником Египта здесь был Антигон Гонат, сын и преемник Деметрия Полиоркета. Против македонского царя образовалась внушительная коалиция, к которой, помимо Птолемея II, примкнули прежде всего спартанцы и афиняне. Аттическое постановление недвусмысленно упоминает об инициативе, проявленной супругой-сестрой Птолемея II в создании коалиции. Это достойно внимания потому, что Арсиноя II, умершая в июле 270 г., не дожидаясь Хремонидовой войны, начавшаяся, по-видимому, в 267 г. (хронология здесь не совсем надежна). Но война эта, вероятно, готовилась давно; она была направлена против гегемонистского положения, достигнутого Антигоном Гонатом в Греции и в Эгеиде после смерти Пирра (272 г.). Все же больших успехов союзники не добились, напротив, Антигон вскоре доказал свое полное превосходство. Он располагал возможностью быстрее прибыть к месту военных действий, благодаря чему смог занять почти всю Аттику. Птолемеевский адмирал Патрокл вынужден был удовольствоваться оккупацией маленького островка у южной оконечности Аттики (этот остров позже стал называться «Укрепление Патрокла»). Кроме этого, египетским гарнизонам удалось удержать несколько крепостей в Аттике, но все это не имело решающего значения. Афиняне еще раз ввязались в войну, которая, в сущности, их мало касалась. На защиту города были мобилизованы даже эфебы — юношеские подразделения, но и это не изменило положения.

Антигон начал осаду города с моря и с суши. Афины должны были, вероятно, в 261 г. капитулировать. Для Птолемея II война была, безусловно, проиграна. По-видимому, она закончилась морской битвой при Косе, в которой Антигон одержал победу над флотом Птолемеев. Утверждения⁵ о том, что Птолемей II, очевидно, проводил такую политику, при которой главная тяжесть войны перекладывалась на плечи его союзников, несомненно справедливы, однако благодаря такой тактике создавалась преграда вмешательству Антигона в сферу интересов Птолемеевской державы — в Малую Азию и в Южную Эгеиду.

Вместе с тем Птолемей II несколько не был заинтересован в том, чтобы у эллинов сложилась своя сильная держава, например в виде крупного союзного объединения, ибо она, возможно, пошла бы своим собственным, независимым от империи Птолемеев и державы Антигона Гоната путем. Наконец, Птолемей II отнюдь не помышлял о том, чтобы бросить последние силы своей страны на уничтожение Антигона Гоната (если это вообще было возможно), ибо кем тогда можно было бы его заменить? Как бы ни рассматривать обстановку во время Хремонидовой войны, во всем снова обнаруживается идея эллинистического равновесия. Лишь в том случае, если бы оно подверглось серьезной опасности, птолемеевский Египет был бы готов рискнуть всеми своими силами и довести борьбу до конца. Хремонидова война не затрагивала непосредственно империю Птолемеев, она велась в районе, расположенном далеко от центра птолемеевской державы. Главную тяжесть войны несли эллины, призванные бороться за свою свободу, как будто бы от македонского царя этой свободе грозила большая опасность, чем от присутствия птолемеевских гарнизонов.

Однако неудачный исход Хремонидовой войны, без сомнения, нанес урон престижу Птолемея II и его империи. Это касается прежде всего положения в Греции, но также и господства на море, особенно если бы было точно установлено, что морская победа Антигона Гоната при Косе явилась завершением войны (надо учесть, что это морское сражение, возможно, следует отнести уже ко 2-й Сирийской войне).

2-я Сирийская война (с 260 до 253 г.) имела свою прелюдию. Правитель Пергама Эвмен I, сын Атала, вступил в конфликт с Селевкидом Антиохом II (261—

246). Но за Атталидом стоял Птолемей II. Он воспользовался этим конфликтом, чтобы овладеть городом Эфесом в Малой Азии; кажется, он сделал и другие приобретения на западном побережье Анатолии. В ответ на это снова была образована коалиция против Птолемеевой державы, в которую вошли Антиох II и Антигон Гонат. К ней же примкнул остров Родос. В Ионии в качестве вице-короля подвизался сын Птолемея II, но он переметнулся на сторону противников своего отца. Его союзником был фракийский кондотьер Тимарх, возвысившийся в Милете до положения тирана. Вообще с личностью сына Птолемея II, тоже Птолемея, связано много не разрешенных до сих пор проблем. Но со времени опубликования папирусов из Лабранды (местечко близ карийской Миласы) установлено, что царевич Птолемей отнюдь не погиб в 259 г., а скорее, дожил до вступления на престол своего брата, царя Птолемея III (246—221 гг.). Его кончина связана с началом 3-й Сирийской войны (246—241 гг.), которую еще называют по имени супруги Антиоха II (261—246 гг.) Лаодики — Лаодиковой войной. О том, какую позицию занимал царевич Птолемей по отношению к своему отцу Птолемею II в последние годы его правления, — источники молчат. Это весьма досадно, поскольку от нас тем самым остается скрытой целая глава семейной истории Птолемеев, которая определенно должна была оказать воздействие на внешнюю политику. Возможно, следует предположить, что царевич удержался в качестве самостоятельного династа в Эфесе, пользуясь при этом благоволением Селевкидов и Атталидов. Однако именно этот период является особенно темным в эллинистической истории, так что любые суждения здесь могут основываться лишь на предположениях.

О военных успехах Птолемея II во 2-й Сирийской войне (260—253 гг.) ничего не известно, за исключением, быть может, того, что ему удалось вывести из числа своих противников Антигона Гоната, заключив с ним сепаратный мир (в 255 г.). Этот мир не вызвал сколько-нибудь существенных политических перемен в районе Эгеиды (даже если исходить из того, что битва при Косе имела место между 260 и 255 гг., что, впрочем, маловероятно).

Другое морское сражение, состоявшееся у Андроса, и вовсе надо исключить из 2-й Сирийской войны, поскольку оно, скорее всего, произошло лишь в 245 г., не рань-

ше⁶. Примечательно, что в 254 г. в праздновании Птолемея в Александрии приняло участие торжественное посольство из пелопоннесского Аргоса. Но это представляется возможным лишь при условии, что между Птолемеем II и патроном Аргоса Антигоном⁷ царил мир, в противном случае последний вряд ли дал бы согласие на отъезд праздничного посольства в Египет. Должно быть, Птолемей по дипломатическим каналам разъяснил своему противнику, что дальнейшее продолжение войны идет на руку лишь третьему, а именно Селевкиду Антиоху II. Впрочем, сидевший на троне в Александрии прирожденный дипломат вскоре пришел к мирному соглашению и с Селевкидом: он дал в жены Антиоху II свою дочь Беренику, причем та получила от отца огромное приданое, в котором следует, пожалуй, усмотреть завуалированное возмещение военных убытков. Невесту сопровождал до Пелузии отец, затем, до границы Птолемеевской державы (вероятно, между Каламом и Триполем на финикийском побережье), диойкет, и здесь ее передали посланцам Селевкида.

Между тем еще раньше в селевкидском царском доме возникли серьезные осложнения: Антиох II развелся со своей супругой Лаодикой. Правда, она была по-царски вознаграждена обширными земельными владениями, но нанесенной обиды тем не менее не забыла. Этот конфликт стал причиной 3-й Сирийской, или Лаодиковой, войны (246—241 гг.).

В Киренаике во времена Птолемея II правил его сводный брат Магас, попытавшийся, однако, с помощью союза, заключенного с Селевкидами, освободиться от птолемеевской опеки. Взяв в жены дочь Антиоха I Апаму, он перешел во вражеский лагерь. Однако наступление из Киренаики на Египет не привело его к желанной цели: Магас не дошел до Александрии, он сумел достичь лишь Тапосируса, откуда должен был повернуть домой, поскольку в Киренаике вспыхнул мятеж его кельтских наемников. Правда, это восстание Магас подавил (предание гласит, что наемники были уничтожены на одном из островов у Себеннитского устья Нила), но от египетского предприятия он должен был окончательно отказаться (274 г.?).

Более двадцати лет сохранялись напряженные отношения между Магасом и Птолемеем II, и лишь к концу

своей жизни — он умер около 250 г. до н. э. — Магас, скрепя сердце, решился связать брачными узами свою красавицу-дочь Беренику⁸ с наследником трона Птолемеев, впоследствии Птолемеем III. Но этот план не нашел одобрения у его жены Апамы. Она выпросила себе помощь у македонянина Антигона Гоната, чтобы разгромить птолемеевскую группировку при своем дворе в Кирене. Антигон послал в Кирену своего брата Деметрия, по прозвищу Красивый, которого прочили в супруги Беренике. Предание повествует об ужасной истории убийства: Береника якобы при поддержке народа Кирены распорядилась убить своего македонского жениха в спальне собственной матери.

Следует ли приписать Беренике также гибель ее матери, наверное, навсегда останется тайной; все же не стоит упускать из виду явную противоположность интересов. В Кирене шла борьба за власть между приверженцами Антигонидов и сторонниками Птолемеев; последние при этом оказались сильнее, а Апама за попытку направить Киренское государство в фарватер политики Антигонидов или Селевкидов должна была поплатиться жизнью. Эта борьба за власть решилась в пользу Птолемеев, и свадьба Птолемея III и Береники Киренской была лишь заключительным аккордом.

Птолемеевская система государственного управления, к рассмотрению которой мы теперь обратимся, издавна стояла в центре внимания исследователей. Начиная с И. Г. Дройзена, который в свое время сравнил экономическую политику Птолемеев с меркантилизмом эпохи абсолютизма, и далее, вслед за исследованиями Вилькена, Ростовцева, Клер Прэо и многих других, регулярно появляются работы об экономике и управлении Египта. Хотя мнения ученых расходятся в частности, все же существует общая точка зрения, что мы имеем здесь дело с одной из управляемых сверху экономических систем. Несмотря на то что такая экономическая политика обнаружила удивительные успехи, она в конечном счете лишь содействовала упадку страны. В правление Птолемея II она достигла своего апогея. При этом сам правитель совместно со своими способными и изобретательными помощниками внес решающий вклад в распространение и углубление этой системы; каков его личный вклад, нам трудно судить, поскольку как раз о первых

годах правления Птолемея II до нас дошло мало материалов. Папирусные документы — совершенно неисчерпаемый источник для истории Птолемеев — появляются в изобилии лишь с 60-х годов III в., а до этого времени имеются лишь две-три разрозненных находки, вряд ли позволяющих построить какую-нибудь общую конструкцию.

Ведущую роль в жизни Египта играли переселившиеся туда македоняне и греки, между тем как местные феллахи должны были оставаться на подчиненном положении. Некоторое исключение составляли лишь немногие знатные египтяне, владевшие обширными землями в отдельных округах. Первые Птолемеи хорошо сознавали, кому они обязаны своей властью; своих любимцев, в первую очередь македонских офицеров и солдат, они щедро наделяли земельными владениями. Такие владения были разбросаны по всей стране, но их средоточие находилось в Фаюме. Эта область, первоначально называвшаяся *Limne*, т. е. «Озеро», была затем переименована по имени царицы Арсинои II в *Arsinoïtes nomós*, т. е. «Арсиноин округ».

Вообще солдаты были широко расселены по всей долине Нила. В пограничных укреплениях — в Элефантине на юге и в Пелузии на северо-востоке — были размещены сильные гарнизоны, состоявшие большей частью из наемников. За исключением главного города — Александрии, равнинная часть страны была разделена на ряд округов — *номов*, количество которых обычно равнялось 42, время от времени это число менялось. Во главе отдельного округа в эпоху фараонов стоял *номарх* — «управляющий округом». Он был окружен целым штатом низших чиновников (обозначение «должностные лица» здесь, как и в других случаях, не подходит), которые должны были оказывать ему помощь.

Со времени завоевания Египта Александром Великим в стране паходились оккупационные войска во главе с македонскими офицерами, которые, естественно, не могли быть включены в общую систему управления. В этом отношении никаких существенных изменений и при Птолемеи II не произошло. В его время войска, поскольку они рекрутировались из македонян и чужеземцев (фракийцев, уроженцев Малой Азии, персов, иудеев), все еще стояли вне системы управления страной, но стратеги —

высшие военачальники в отдельных округах — уже стремились принять на себя многие обязанности общего управления. В правление Птолемея III они были произведены в «окружные стратеги», причем им было передано право надзора за всем управлением в округе.

Естественно, что следствием этого явилась некоторая милитаризация административной системы, не принесшая, однако, особого вреда стране и ее жителям. Наоборот, результатом ее было соединение административной и исполнительной властей, весьма содействовавшее эффективности управления.

Наряду со стратегом в номе имелся эконо́м, который обязан был заботиться о финансах, и номарх, который должен был наблюдать за посевом и жатвой полевых культур, а также за их сдачей. В низших единицах управления — деревнях — распоряжались сельские старосты и сельские писцы; эти должности были переняты из системы управления страной при фараонах, поскольку без них нельзя было обойтись. Вообще система управления страной у Птолемеев была построена на основе системы, существовавшей при фараонах, но она была более эффективной; подданные находились под более строгим контролем, для них не было возможности уклониться от птолемеевского податного и налогового обложения. Совокупный земельный фонд страны принадлежал, как и во времена фараонов, царю, который был не только крупнейшим земельным собственником, но и самым богатым человеком во всем Египте. Из царской земли предоставлялись земельные участки фаворитам и солдатам. Велики были также земельные владения храмов, но царь умел ладить с могущественным жречеством, тесно связанным с культом местных богов. Правда, жрецов он поставил под присмотр своих чиновников, однако в делах культа он предоставлял им полную свободу.

Города Египта — в первую очередь Александрия и Птолемаида в Верхнем Египте — располагали собственной территорией, но каким образом управлялась эта последняя — нам почти неизвестно. Наиболее важным для царской казны был слой «царских крестьян», насчитывавший сотни тысяч. Урожай с их полей поступал сначала в местные амбары, а отсюда транспортировался по Нилу в большие зернохранилища Александрии. Царь вел бойкую торговлю зерном; хлеб вывозился и в Грецию, и в

Италию. От этой торговли царь получал колоссальные доходы, позволявшие ему содержать огромный флот и значительное войско. Ежегодный доход царя исчисляется одним поздним источником⁹ в 14 800 талантов серебра и 1 500 тыс. артабов зерна (одна артаба=55 л).

Нити управления экономической жизнью были сосредоточены в руках диоикета Аполлония в Александрии. Аполлоний — грек из Карии, был не только первым министром царя, но и крупным земельным собственником. Об этой стороне его деятельности нас информирует богатейшая корреспонденция, которую он вел с управляющим своего имения Зеноном. Вообще греки в эту эпоху перестали быть политическими деятелями, какими они являлись в классическое время. Они с большим успехом начали заниматься экономической деятельностью и именно в Египте существенно содействовали освоению страны и развитию торговли. Система, на службе которой они состояли, была, конечно, системой принудительной, от ее гнета не мог ускользнуть никто из служащих или крестьян. Если, например, кто-либо из царских крестьян не выполнял обязательных поставок, его без всякого снисхождения привлекали к ответу, он терял свой земельный участок (клер) и, кроме того, подвергался тюремному заключению. Не удивительно, что многие крестьяне и рабочие пытались избавиться от непосильных повинностей, укрываясь в храмах. При Птолемеи II, когда Египет переживал беспрецедентный экономический расцвет, такие явления были еще единичными, но они уже служили своего рода предупредительными сигналами, что не следует слишком перегибать палку.

Царь наравне с диоикетом проявлял чрезвычайный интерес к сельскому хозяйству. Он посещал работы по орошению в Фаюме и был счастлив, когда мог показать иностранным послам великолепие цветущих полей. Он также заботился как об улучшении разводимых в Египте сортов винограда, так и о доставке в страну различных иноземных растений и животных. Согласно преданию, он ввел в долину Нила в качестве вьючного животного верблюда.

Однако эта система имела и свои теневые стороны: обязательные сельскохозяйственные поставки — особенно в малоурожайные годы — должны были доводить крестьян до полного разорения. Ведь Птолемей II требо-

вал не десятины, как это издавна было принято на древнем Востоке, а постоянную долю, независимо от фактического урожая. Поэтому не следует удивляться, что из-за арендных договоров непрестанно раздавались громкие жалобы. Даже если в договоре все было тщательно оговорено, все равно могли возникать затруднения, поскольку арендаторы подчас просто не были в состоянии поставлять предписанное количество зерна¹⁰.

Вообще правительство было чрезвычайно изобретательным по части открытия все новых финансовых источников. Знаменитый указ 259/258 г. об *арбоига* (налоге на урожай) содержал также постановление относительно монополии на масло, обогатившей казну царя. Кроме масла, в стране были монополизированы еще многие другие продукты, как, например, соль, пряности, шерсть, дерево, конопля и в особенности папирус, вывозившийся из Египта во все страны мира, так как за границей он был вне конкуренции.

Банки также были монополизированными предприятиями, они являлись источником больших доходов, поскольку иностранные монеты обменивались по принудительному курсу. Специальной диаграммой (распоряжением) Птолемей II попытался добиться того, чтобы в его империи все виды иностранных монет в обязательном порядке подвергались обмену, с тем чтобы египетские монеты таким образом оставались единственными, имеющими хождение. Трудно, однако, судить, насколько это распоряжение достигало своей цели.

В судебных процессах, где рассматривались дела о царских доходах, адвокатам было запрещено представлять сторону царских подданных. В случае, если по их вине царю был причинен материальный ущерб, защитники обязаны были выплатить двойную сумму штрафа, а кроме того, 10% от суммы причиненного ущерба, а если они осмеливались после этого еще раз выступать в каком-либо процессе в пользу обвиняемого, то сами подлежали аресту, а их имущество — конфискации в пользу короны¹¹. Царь был единственным гарантом права, никому не было позволено противоречить ему.

Вся система служила лишь тому, чтобы умножить царские доходы. Она была в высшей степени фискальной, потому что из всего без исключения извлекались доходы. Египтяне должны были выплачивать за свои

виноградники апомойру, составлявшую шестую часть урожая и предназначенную для содержания жрецов и храмов египетских богов. Птолемей II превратил эту апомойру в налог для отправления культа Арсиной II Филадельфы, которая к тому времени (259/258 г.) давно уже покинула этот мир. Ее культ вызвал дополнительные расходы, которые отныне должны были нести виноградаря. Удерживала ли часть апомойры царская казна, нам неизвестно. В. В. Тарн высказал мнение, что предписание царя имело следствием освобождение греческих крестьян от уплаты налогов для отправления культа местных египетских богов. Однако столь деликатным Птолемей II не был, он думал лишь о доходах, которые налоги приносили лично ему. А вносились ли они греками или египтянами, ему было совершенно безразлично.

Результатом монополизации экономики был рост цен. Так, цена на папирус повысилась более чем вдвое. Головокругительной высоты достигали и доходы от монополии на масло. Например, цена на масло из сезама повысилась на 70%, а на масло из тыквенных семечек — даже на 300%. Привозные масла также сильно поднялись в цене из-за налога на импорт, так что ни торговец, ни экспедитор этих продуктов не оправдывал своих расходов. А если кто-либо ввозил масло в долину Нила за свой счет, как это, например, делал диойкет Аполлоний, он должен был уплачивать высокий налог, примерно 12%, если же он еще и продавал это масло другому, то добавлялся огромный денежный штраф.

Не иначе обстояло дело с другими монополиями. Так, большую прибыль приносили царю рудники, каменоломни, добыча соли и соды. От улова рыбы он получал не менее 25% ее стоимости и столько же от сбора меда. В своих личных хозяйствах царь содержал огромные стада крупного рогатого скота, гусей и кур, выводились также новые породы, в связи с чем он выписывал экспертов из других стран.

Огромную прибыль приносила сдача налогов на откуп. Откупщики подвергались строгому контролю, и, надо думать, им, как правило, доставался не слишком большой доход, разве только они умудрялись вознаградить себя за счет подданных. Однако о противозаконных действиях откупщиков налогов в традиции упоминается очень редко. Они, прежде всего, должны были опасаться конфис-

кации своего состояния, сколоченного с большим трудом, а поэтому, как правило, избегали подвергаться риску, связанному с нечестными действиями, т. е. поступали не в пример публиканам в Римской республике, прославившимся своей алчностью.

Царь присваивал себе львиную долю доходов. Но было также, по-видимому, много зажиточных греков, наживших значительные состояния в противоположность египтянам, на чью долю выпадали лишь тяготы этой системы. Все египтяне были переписаны, и их обязали платить подушную подать, тогда как греки и прочие чужеземцы от этого налога были освобождены. Удивительно, что эта, в целом весьма несправедливая, система при Птолемеях II не вызывала никаких смут. Это можно объяснить тем, что коренные жители со времен фараонов привыкли к подневольному труду, и они, видимо, проявляли полное безразличие к тому, были ли новыми хозяевами Нильской долины их соотечественники или же македоняне и греки.

О рабах и рабстве при первых Птолемеях известно немного. По редким упоминаниям в документах можно заключить лишь, что царь проявлял заботу, чтобы ни один свободный не был вопреки закону продан в рабство. Возможно, что масса египтян, занятых на подневольных работах, делала излишним наличие в долине Нила большого числа рабов. В Александрии, правда, имелись невольники, которые использовались как домашние рабы, но это еще не дает основания для преувеличений, ставших правилом в современных исследованиях по рабству. Царские крестьяне были прикреплены к своим клочкам земли, они полностью лишались права свободно передвигаться, и, когда возникала нужда в людях, их без стеснения привлекали к принудительным работам по обслуживанию оросительных каналов. В этом проступает сущность системы, сохранившейся без изменений от эпохи фараонов до времени Птолемеев. Какими-либо гражданскими правами царские крестьяне не обладали, они должны были радоваться, если после сбора урожая в их распоряжении оставалось достаточно продуктов и зерна для собственных семей.

Иногда им приходилось также исполнять низшие функции в сельском управлении; почета от этого было мало, а ответственность была большая. Часто возникали

неприятности со строптивыми крестьянами, равно как и с надменными жрецами и заносчивыми окружными чиновниками, которые вели себя как маленькие тираны. Тягостным было также предоставление квартир для солдат. При этом, естественно, довольно часто доходило до ссор между хозяевами жилищ и расквартированными у них солдатами.

Но были и некоторые положительные явления. Так, любой подданный имел право и возможность обратиться с заявлением или жалобой непосредственно к царю в далекую Александрию. Такие заявления сохранились в большом количестве. Неизвестно лишь, действительно ли читал эти письма царь и сам ли он отвечал на них. Некоторые из этих писем доходили, пожалуй, только до царской канцелярии, а отсюда пересылались соответствующим властям. Постепенно должна была выработаться практика составления прошений «на имя царя», которые, однако, представлялись в канцелярию стратега или вообще в управление округа и ими же и рассматривались, что давало желанный выигрыш во времени, поскольку можно было избежать окольного движения документов через Александрию. Но это могло быть делом лишь позднейшего развития — Птолемей II, как и его отец, должен был во всяком случае проводить поистине гигантскую работу, если он с необходимой ответственностью относился к своим обязанностям. Если судить по различным указам и распоряжениям Птолемея II, то складывается впечатление, что этот правитель полностью сознавал свою ответственность. Благосклонность и справедливость в этих документах обнаруживаются все же не так уж часто, гораздо больше, пожалуй, — царского произвола, напоминающего в некоторых отношениях правление фараонов в эпоху Древнего Царства, когда не существовало еще сколько-нибудь сложившейся феодальной власти.

Историк не может не задать вопрос: много ли в этой слаженной системе следует приписать самому Птолемею II? Не перенял ли он ее в основном от своего предшественника? Основы державного положения Птолемеевского государства были заложены его отцом Птолемеем I. Располагал ли этот царь необходимым временем для того, чтобы заботиться о внутреннем устройстве страны, об управлении внешними владениями, о включении войска в общую систему и об использовании рабочей

силы коренного населения, нам неизвестно. Скорее всего нет, ибо напряженность отношений между эллинистическими государствами во времена диадохов лишь в очень редких случаях позволяла Птолемею I заниматься мирными делами. Совсем иначе мог действовать его преемник. Правда, он тоже должен был вести войны, но вдали от Египта. Его главный труд заключался во внутренней организации страны и империи, причем ему оказывали большую помощь многочисленные греки и македоняне. Птолемей II прежде всего открыл новые источники доходов и до предела довел эксплуатацию местного сельского населения. Результатом явилась такая государственная система, которая надежностью своих финансов далеко оставила позади все остальные эллинистические государства.

В юности Птолемей II получил хорошее воспитание; среди его учителей встречаются люди с прославленными именами: поэт и филолог Филит с острова Коса, его ученик Зенодот, первым осуществивший критическое издание Гомера, «физик» Стратон, возглавлявший одно время философскую школу перипатетиков в Афинах. Наличие гуманитарного образования у наследника престола подразумевается таким образом само собой. Но были ли эти люди в состоянии снабдить юного царевича необходимыми знаниями в области государственного управления? Это все же сомнительно.

О царской власти было много написано в эллинистическое время, сохранились даже два-три фрагмента от этих сочинений (между прочим, у так называемого Суды), но остается неясным, можно ли было по этим трудам научиться управлять государством. Тем не менее эти сочинения создавали необходимые духовные предпосылки для деятельности монарха и, в частности, выдвинули идею царя-благодетеля.

Иначе обстоит дело с трактатами, выпшедшими из школы Аристотеля. Так, имелось сочинение Феофраста об управлении полисами. Но если даже сочинения такого рода и были известны наследнику престола, то ведь в Египте все было иначе, и полисов здесь было только три: Александрия, Птолемаида в Верхнем Египте и древний Навкратис в дельте Нила, который, по-видимому, находился к тому времени в полном упадке. А откуда можно было получить указания по обращению с местным насе-

лением? Можно ли было следовать Аристотелю, будто бы советовавшему Александру обращаться с ними как тиран? Нет, конечно. Птолемеи должны были найти свой собственный путь, и греческая теория государства могла им здесь лишь очень немногим помочь.

Однако при своем дворе в Александрии Птолемей II располагал целой армией экспертов — специалистов по экономике, финансам, военному делу, флоту. Их имена нам неизвестны, но их можно было найти в эллинистическом мире без особого труда, ибо, пока условия жизни в Египте оставались на более высоком уровне, чем в греческой метрополии, в долину Нила вливался непрерывный поток эллинов, и среди этих людей были не только авантюристы, но и множество специалистов, находивших здесь отличное, соответствующее их способностям поле деятельности. К этому следует добавить еще ученых александрийского Музея, достигшего при Птолемее II большой славы. Как, собственно, выглядел этот Музей при Птолемее II? Это учреждение, единственное в своем роде во всем античном мире, давало приют большому числу ученых из всех грекоязычных стран. Организованный как культовое объединение с жрецом или настоятелем во главе, Музей являлся средоточием всей научной жизни Египта. Однако его значение выходило далеко за пределы этой страны, и ученые в Греции и в греческих городах Малой Азии считали приглашение прибыть в Александрию высокой честью для себя.

Разделенные на группы, которые можно было бы сравнить с отделениями современных академий, они имели возможность вести научные споры с людьми одних с ними взглядов и устремлений, равно как и собирать вокруг себя множество учеников. Естественно, что царь, предоставлявший им средства к жизни, рассматривал их как своих подданных, и есть анекдоты, демонстрирующие, с какой грубоватой прямоотой Птолемей II указывал им на это обстоятельство. Например, он имел обыкновение напоминать им, чтобы они занимались нужными, а не бесполезными делами, в чем обнаруживается постановка вопроса об обусловленном определенной целью исследовании.

Научные и личные заслуги исследователей Птолемей II умел вознаграждать по-царски. Так, согласно преданию, он уплатил своему учителю Стратону 80 талан-

тов — щедрый дар, делающий царю честь. Но были и примеры обратного: Деметрий Фалерский был смещен с поста главы Музея и выслан из Александрии в провинцию; еще хуже сложилась судьба другого грека — поэта Сотада, распустившего язык по поводу свадьбы между царственными братом и сестрой (см. выше, с. 145). Впрочем, Сотада к Музею, вне всякого сомнения, не принадлежал. Один злобный рифмоплет по имени Тимон сравнивал ученых Музея с экзотическими птицами в клетке.

К числу крупных знаменитостей в Александрии относились прежде всего поэты Феокрит из Сиракуз и Каллимах из Кирены. В то время как Феокрит с пафосом прославлял в своем «Энкомии Птолемею» могущество Птолемеевской державы, Каллимах писал гимны для празднеств в честь богов. Папирусные находки донесли до нас Diegeiseis, изложения содержания его стихов Aitia (причины), в которых обстоятельно, с большой ученостью трактовались самые разнообразные темы, среди них и италийские сюжеты. Свадьбу брата и сестры он прославил в особом эпосе, а когда царица покинула этот мир, он написал в ее честь поэму, ибо чувствовал себя обязанным царской чете и с признательностью это выразил. Свое знаменитейшее стихотворение «Локон Береники» он написал уже при Птолемеи III, в честь его свадьбы с дочерью Магаса Киренского Береникой (см. выше, с. 158).

Особенной гордостью Музея была библиотека. Как гласит предание, она уже при Деметрии Фалерском насчитывала свыше 200 тыс. папирусных свитков. Птолемей II якобы приобрел всю библиотеку Аристотеля, которую он вместе с другими книгами из Афин и Родоса приказал перевезти в Александрию. (Этому, правда, противоречит другое указание античной традиции о том, что книги Аристотеля вместе с библиотекой Феофраста сначала перешли в собственность Апелликона с Теоса, а затем в качестве военной добычи попали в руки Суллы.) Некоторые из директоров библиотеки были одновременно воспитателями наследников престола. Это относится к Зенодоту Эфесскому, а также к Аристарху, которому также было доверено воспитание юных Птолемеев¹².

Еще одна библиотека находилась в Сарапии, но только со времени Птолемея III, ибо фундамент Сарапии,

как показали вновь найденные документы, относящиеся к учреждению святилища, был заложен лишь в правление этого царя. Среди ученых Музея, занимавшихся естественнонаучными проблемами, особенно выделялся Эратосфен Киренский (приблизительно 285—205 гг. до н. э.). Он первый предпринял измерение земли, которое, принимая во внимание тогдашние возможности, дало вполне удовлетворительный результат. К числу приезжих ученых более позднего времени принадлежал также знаменитый математик и физик Архимед из Сиракуз, однако последний решил вернуться на родину, где был убит римскими солдатами при взятии ими города.

Когда в июле 270 г. умерла Арсиноя II, Птолемею II было 38 лет. Предание повествует о том, что у него было много любовниц. Перечень достаточно длинный: Белистиха, египтянка Дидима, Миртион, Мнесида, Клино и еще многие другие. Наиболее яркой была, пожалуй, Белистиха. Она утверждала, что происходит от аргосских Атридов (что отнюдь не соответствовало действительности). Как македонянка, она пользовалась при дворе в Александрии большим почетом. Ей воздвигли храм и учредили культ под именем Афродиты Белистихи. Похоже, что она заняла место Арсинои II. Когда в 268 г. ее парная упряжка одержала победу в Олимпии это событие было торжественно отпраздновано как в Греции, так и в Египте. Клино, в свою очередь, осмеливалась требовать, чтобы ее изображали с рогом изобилия — атрибутом богини плодородия, что, вероятно, делалось не без ведома ее царственного друга.

Некоторые из этих фавориток владели в Александрии роскошными дворцами, что никого не шокировало. Предание о Птолемею II гласит, что радости любви играли в его жизни большую роль, а современные историки, как, например, А. Бүше-Леклерк, даже говорят о царском гареме в Александрии. Это, может быть, и преувеличение, однако смерть его супруги и сестры в 270 г., бесспорно, явилась важной вехой в жизни царя. Он отбросил теперь все приличия, предался всецело удовольствиям, и прежде всего любви.

Античные источники не могут, впрочем, отметить какого-либо пренебрежения с его стороны к делам управления государством. С другой стороны, ни одна из его любовниц так и не приобрела значительного политическо-

го влияния в Александрии. Тем не менее заслуживает внимания тот факт, что в то время, когда этот одаренный правитель развлекался в столице, вдали от Александрии, войско и флот в непрерывных войнах расплачивались своей кровью. Несмотря на это, царь не подвергался никакой критике. Как властитель, он стоял так высоко над простыми смертными, что никто и не думал порицать его за частную жизнь. К тому же есть основания предположить, что государственный аппарат продолжал работать без каких бы то ни было срывов благодаря усилиям высокопоставленных чиновников, во главе которых еще раз следует упомянуть диойкета Аполлония. Он сотрудничал с Птолемеем II до конца его правления, но при его преемнике Птолемеи III Аполлоний сходит с исторической сцены и никто не знает, что с ним случилось. Вероятно, юный царь сослал его в пустыню, поскольку хотел окружить себя более молодыми советниками.

В целом правление Птолемея II является апогеем истории Птолемеев. Империя, укрепленная изнутри и извне, выдержала трудные испытания временем. В самом Египте чужеземцы и местное население по-прежнему жили порознь, но значительных раздоров все же не было — время для восстаний коренного населения еще не пришло. Сам правитель — олицетворение образованности и вместе с тем подлинное воплощение *savoir vivre* с полным правом вошел в историю как выдающаяся личность. Память о нем продолжала жить в Египте многие столетия, в особенности благодаря Музею, с основания которого началась новая эпоха античной науки.

VI

Антигон Гонат

(319—239 гг. до н. э.)

Образ македонского царя Антигона Гоната¹ неоднократно бывал предметом исторического рассмотрения. Особенно многим обязана наука англичанину Вильяму Вудторпу Тарну, написавшему об этом царе книгу, которую, без сомнения, можно отнести к числу самых значительных научных достижений в области истории эллинизма². Тарну великолепно удалось пробудить к новой жизни мир Антигона. Английский историк постарался прежде всего проследить истоки духовного развития царя и представить его мировоззрение и жизнь на основе стоической философии. Результатом оказался убедительный портрет Антигона Гоната, которого, несомненно, следует считать одной из самых выдающихся личностей эллинистической эпохи. Исследование Тарна тем более заслуживает внимания, что наши весьма фрагментарные источники сообщают очень мало обоснованных подробностей о жизни и деятельности Антигона. Но с этим связа-

на и известная спорность этой работы, которая, в том виде, как она есть, могла быть написана лишь исследователем, который был не только выдающимся историком, но и романистом. И притом историк В. В. Тарн в чем-то был духовно близок царю Антигону: оба отличались здравомыслием, лежащим в основе всего сделанного ими.

Жизнь Антигона Гоната охватывает целых 80 лет, с 319 до 239 г. до н. э. Когда Антигон был ребенком, диадохи боролись за империю Александра. Он перешагнул сорокалетний возраст, когда ему удалось занять македонский престол, и ему было восемьдесят, когда он покинул этот мир. В его жизни, со всеми ее взлетами и падениями, отражается, как в зеркале, история диадохов и эпигонов: развал империи Александра, затем образование эллинистических территориальных держав и их консолидация — процесс, которому Антигон в Македонии весьма активно содействовал.

Антигон родился в 319 г. (впрочем, нельзя совершенно исключить и 320 г.). Он был внуком Антигона Одноглазого, пытавшегося в то время утвердить свою власть в Передней Азии. Родители Антигона были очень неравной парой: в то время как его отцу Деметрию, позднее вошедшему в историю под именем Полиоркета, было всего 17 или, самое большее, 18 лет, мать Фила, дочь имперского регента Антипатра, перешагнула уже тридцатилетний возраст (она родилась около 350 г. или даже еще раньше). Этих, во многих отношениях столь непохожих людей свела вместе политика, и брак этот по вине Деметрия оказался несчастливym (см. выше, с 88).

Фила была в высшей степени образованной женщиной; она живо интересовалась политическими проблемами, которые, как передают, обсуждала со своим отцом Антипатром. Она всегда была готова прийти на помощь и по мере сил старалась облегчить участь обездоленных. На свою беду Деметрий мало слушался жены. Оба супруга не только по возрасту, но и по характеру были совершенно разными людьми, и Деметрий был не в состоянии оценить душевное богатство Филы. Но сын — Антигон Гонат — находился исключительно под влиянием матери. Лучшие ее качества, и прежде всего политическая мудрость и постоянство характера, обнаружились и в личности сына. Антигону посчастливилось, что свыше 30 лет он мог прибегать к советам матери. Ей, однако, не суж-

дено было дожить до его возвышения. К моменту своей смерти — Фила покончила с собой, видимо, в 287 г. — она была царицей без страны, без надежды на лучшее будущее, тем более что ей уже было, вероятно, за шестьдесят.

Судьба ее сестер была непамятного счастливее. Эвридика, жена Птолемея I, была вынуждена уступить первое место своей «придворной даме» Беренике, а трон в Александрии унаследовал после смерти отца сын Береники Птолемей II. Другая сестра, Никея, была замужем сначала за Пердиккой, а затем за Лисимахом; из ее детей Агафокл был убит, а Арсиноя I лишилась положения царицы Египта, где ее место заняла Арсиноя II (см. выше, с 144). Среди родичей и детей дочерей Антипатра также встречаются трагические фигуры: одни были убиты, другие подверглись изгнанию, а один из них — сын Эвридики Птолемей Керавн — навсегда запятнал свое имя убийством Селевка I.

Когда Антигону Гонату было 13 лет, его дед и отец приняли царские титулы. Это было в 306 г. до н. э. Империя Александра была уже чистой фикцией, поскольку другие диадохи также приняли царские титулы. В битве при Ипсе (301 г.) дед Антигона Гоната Антигон Одноглазый погиб, а отец с тех пор на протяжении многих лет вел жизнь царя без царства. Филе больше не было места при дворе Деметрия с тех пор, как там воцарилась Деидамия, но роль свою она еще до конца не сыграла. По желанию супруга Фила привезла в Малую Азию их дочь Стратонику, чтобы здесь выдать ее замуж за Селевка I. Когда в 298 г. умерла ее соперница Деидамия, Антигон Гонат смог, наконец, считать себя законным наследником, поскольку у Деметрия не было тогда других сыновей. Но, естественно, никто не знал, что может сулить будущее. События в Македонии — смерть брата Филы Кассандра и спор за его наследство — еще раз вынесли Деметрия на поверхность. В 294 г. он был провозглашен царем Македонии. Правление его продолжалось семь лет, вплоть до 287 г.

В период между 306 и 301 гг. Антигон Гонат имел возможность заложить основы своего весьма широкого образования. Он жил то в Афинах, то в Эретрии на Эвбее. Последняя была тогда тихим провинциальным захолустьем с большим, однако, историческим прошлым.

Наряду с Халкидой, где тогда обосновался македонский гарнизон, Эретрия относилась к центрам эллинистической культуры, в первую очередь благодаря личности Менедема — философа и воспитателя юношества, пользовавшегося большим почетом не только в своем городе: он входил также в коллегию пробулов, обязанностью которых было наблюдать за финансами и внешними сношениями города. Действуя в интересах родного города, Менедем в более позднее время предпринял несколько дипломатических миссий: его посылали и к Птолемею, и к Лисимаху, и к Деметрию — к последнему даже дважды, — и нет никаких сомнений, что он удачно и умело справлялся с возложенными на него поручениями. Менедем считал себя философом; его идеалом был, по-видимому, Сократ, и, так же как и тот, он не оставил потомству никаких сочинений.

В Эретрии вокруг Менедема образовался кружок поэтов и философов; самым знаменитым среди них стал позднее Арат из Сол, составитель «Феноменов». К этому дружескому кружку также принадлежал Ликофрон, сочинитель поэмы «Александра», в которой еще и сегодня для филологов много непонятого. Менедем, родившийся, вероятно, около 340 г. до н. э.³, был старше царевича Антигона примерно лет на двадцать, ученики относились к нему с большим почтением. Антигон любил Менедема и называл его своим учителем, о чем можно прочесть в «Жизнеописании Менедема» Диогена Лаэртского [кн. 2, гл. 141]. У Менедема Антигон нашел то, что искал: простоту, ясность и прежде всего правду, за которую тот безоговорочно выступал и как политик, и как философ. В личности Менедема объединились достоинства человека, умеющего отлично сочетать *vita activa* (деятельная жизнь) политика с *vita contemplativa* (созерцательная жизнь) философа. В этой принципиальной жизненной установке Антигон был совершенно согласен со своим учителем. Будучи уже царем, он также пытался сделать философские принципы руководящим началом своего поведения. Справедливо было отмечено⁴, что Антигон нашел в Менедеме характер, коренным образом отличавшийся от характера его родного отца. Молодому человеку был необходим образец для подражания. Деметрий не мог стать для него таковым, и тогда им стал Менедем.

Совсем другая атмосфера, нежели в Эретрии, царила в Афинах. В свое время этот город бросился в объятия Антигона Одноглазого и Деметрия (307 г. до н. э.), и македонский правитель Кассандр пытался отвоевать его. Дело дошло до четырехлетней войны (307—304 гг.), которая однако, ничего не изменила в политической обстановке в Афинах и Аттике.

В конце IV в. Афины все еще оставались средоточием эллинской духовной жизни. Здесь процветали философские школы — Академии и школа перипатетиков; наряду с ними в Афинах обосновались школа Эпикура, названная «Садом» (Kēpos), и школа Зенона из Кития, названная «Портиком» (Stoa). Каждый юноша, желавший получить образование, должен был находиться под сильным впечатлением того духовного богатства, которое могли предложить Афины; оставался лишь вопрос: к какому источнику знаний припасть.

Антигон решил в пользу Зенона, чьи строгие представления о долге полностью соответствовали его наклонностям. Возможно, что еще больше ему импонировал образ жизни этого человека из кипрского Кития, который скромно и неприхотливо жил в городе, всегда остававшимся для него чужим. Но именно этим и объясняется большой успех, выпавший на долю Зенона в Афинах. Жизнь и учение находились у него в полной гармонии. Когда Антигон преподносил ему подарки, Зенон, хотя и благодарил за ценные дары, но не придавал им особого значения — скорее рассматривал их как вещи, для него безразличные. Не стоило, полагал Зенон, выражать радость или страдание по такому поводу. В своих отношениях с царевичем Зенон полностью сохранял присущие ему достоинство и независимость. Так, по преданию, он однажды порицал Антигона за пьянство. Если Зенона, уже в бытность Антигона царем, просили содействовать какому-нибудь прошению, он будто бы наотрез отказывался, хотя, или как раз потому, что знал, что его просьбу царь безусловно выполнит.

Родство этих двух душ можно, пожалуй, обнаружить еще в одной области. Стоик Зенон учил, что для мудреца нет отечества; он отвергал полис с его институтами, народным собранием, буле и судами, он считал, что отечеством мудреца является весь мир и все люди — его граждане. Эти представления Зенона были диаметрально-

но противоположны учениям Платона и Аристотеля, для которых полис был верхом совершенства. В соответствии с этим мировоззрением Зенон упорно отказывался принимать участие в политической жизни своего времени. Ему казалось более важным сделать человека независимым от внешних влияний, невозмутимость души была для Зенона высшей целью.

Антигон, высоко ценивший Зенона, многому, по-видимому, научился у него. Они были удивительной парой: человек из Кития на Кипре, возможно, семитского происхождения, и сын Деметрия Полиоркета, которому с молодых лет предрекали славное будущее. Но Антигон не забыл учения Зенона, особенно чувство долга, которое его отличало, было следствием стоического воспитания. И если позднее Антигон обозначал царскую власть как «славную службу», то это также соответствовало стоическому учению. Во всей его жизни, богатой переменами, постоянно обнаруживается верность стоическим принципам.

Только в 287 г., в возрасте 32 лет, Антигон появился на политической арене. Его отец был занят тогда подготовкой широко задуманной экспедиции в Малую Азию, которую, однако, так и не удалось осуществить, так как соседи Македонии, царь Фракии Лисимах и царь молоссов Пирр, вторглись в страну с востока и с запада и вытеснили оттуда Деметрия. Антигону отец поручил надзор за его греческими владениями; он должен был заботиться о крепостях, македонских гарнизонах и их сторонниках в Элладе. Незавидное поручение! А когда отец Антигона Деметрий в 286 г. попал в плен к Селевку, его положение в Греции стало еще более затруднительным.

Имело ли вообще смысл выжидать в Элладе, после того как Македония казалась безвозвратно потерянной? Антигон великодушно предложил себя Селевку в качестве заложника за отца, но Селевк отклонил это предложение, ибо ни он сам, ни другие диадохи отнюдь не были заинтересованы в предоставлении Деметрию свободы. Сам Деметрий лучше понимал свое положение; он передал командирам своих войск в Греции послание: впредь считать его погибшим. Практически это послание (см. выше, с. 111) следует рассматривать как отречение Деметрия от престола, ибо владениями, которые еще

оставались у него в Элладе, мог управлять и Антигон. Но Антигон был отрезан от Македонии, и лишь после больших, имевших всемирно-историческое значение политических перемен, результатом которых были битва при Курупедионе, смерть Лисимаха и убийство Селевка, — а все это произошло в 281 г. — он снова смог питать надежды на македонскую корону.

Македония между тем не осталась без правителя. На ее троне только что утвердился Птолемей Керавн. Впрочем, обстановка в стране была малоустойчивой. Правда, из числа претендентов выбыл Пирр; он откликнулся на призыв о помощи города Тарента и отправился в Италию (см. выше, с. 125), причем Птолемей Керавн предоставил в его распоряжение войска для означенной экспедиции. Этих-то войск и будет недоставать Македонии, когда с севера к ее границам приблизятся племена кельтов.

А что происходило в Греции? Афины после битвы при Ипсе (301 г.) снова стали независимыми, и все попытки Антигона отвоевать этот город остались безуспешными. Не лучше обстояло дело со Спартой, ибо примечание Евсевия к 284/283 или 283/282 г.: *Antigonus cognomento Conatas Lacedaemonem obtinuit*, т. е. «Антигон подчинил своей власти спартанцев», — является очевидной ошибкой (быть может, здесь произошла путаница с Антигоном Досоном). Гарнизоны Антигона удерживали крепость Акрокоринф, Халкиду на Эвбее и Деметриаду в Фессалии. Кроме того, в Пелопоннесе оставалось несколько тиранов, которые стойко поддерживали дружбу с Антигоном. Напротив, тяжелой оказалась утрата очень важного порта Пирей; он был освобожден от македонского гарнизона афинянином Олимпиодором. Впрочем, точная дата этого события до сих пор не установлена. Осенью 281 г. Антигон, вероятно, потерпел поражение на море в столкновении с Птолемеем Керавном. На стороне его врага особенно отличились корабли из Гераклеи Понтийской⁵. Если намерением Антигона было опередить своего соперника, вторгшись в Македонию, то эту попытку надо считать провалившейся. Антигон должен был снова запастись терпением — годы его неудач еще не миновали.

Самым тяжелым годом для Антигона был, пожалуй, 279-й. Надежды на македонскую корону исчезли, в его

греческих владениях началось движение за свободу, и казалось трудным далее сдерживать эти стремления. И тут на первый план выступили кельты. Уже при жизни Александра Великого их можно было встретить на нижнем Дунае, а теперь они прокладывали себе путь на юг, с тем чтобы после долгих лет странствий приобрести новую родину. Первый удар пришлось испытать Македонии. Птолемей Керавн предложил кельтам бой, после того как с презрением отверг все их требования. Возглавляя испытанное в сражениях македонское войско, он уверовал в свое полное превосходство над северными варварами. Однако за эту свою заносчивость — передают, что он высокомерно отверг даже предложение о помощи царя дарданов, — Птолемей должен был жестоко поплатиться. Беспощадный македонский царь сам накликнул на себя гибель. Согласно традиции, слон, на котором якобы восседал Птолемей Керавн, был ранен, и царь попал в плен, где ему отрубили голову.

Это сражение с кельтами падает, вероятно, на первые месяцы 279 г. Македоняне потеряли царя; кельты подвергли страну ужасным опустошениям, и лишь укрепленные города предоставляли населению защиту от рыскавших повсюду варваров.

Македония нуждалась в сильной личности; страна бедствовала: один царь сменял другого. Сначала правил брат Птолемея Керавна по имени Мелеагр, который, однако, вскоре был свергнут из-за неспособности к управлению; за ним последовал Антипатр, племянник Кассандра, правивший всего 45 дней, — он исчез так же быстро, как и появился (позднее его можно было встретить при дворе в Александрии). Он был прозван Антипатром Этесием, т. е. Пассатным (как известно, пассатные ветры дуют в районе Греции лишь очень короткое время). Следующим в этом ряду правителей был некий Сосфен; он отказался принять царский титул и правил в звании стратега, в качестве своего рода «имперского главнокомандующего», однако был наголову разбит кельтом Бренном. После этого Сосфен уже не представлял для кельтов опасности. Совершая страшные грабежи, они прошли через всю Фессалию вплоть до Фермопил, повергая греков в ужас. Однако отважные этолийцы выступили со своим войском им навстречу, оправдав свою давнюю воинскую славу и в борьбе с северными захватчиками.

Антигон не принимал участия в отражении кельтов. У него были другие заботы, ибо как раз на 279 год приходится его столкновение с сыном Селевка I царем Антиохом I (281—261 гг.). Ведь Антиох I тоже имел виды на македонский трон. С этой целью он заключил союз с тираном Кассандрии Аполлодором. В свою очередь, с Антигоном заключили союз царь Вифинии Никомед I и Северная лига, к которой принадлежали большие морские города Византий и Гераклея Понтийская. Похоже, однако, что военное столкновение Антигона с Антиохом I продолжалось очень недолго. Был заключен мир, по которому Антиох I, по-видимому, отказался от Македонии, а Антигон, в свою очередь, от Малой Азии — наследия его отца и деда. Тем самым четко обозначились дальнейшие цели Антигона: он был заинтересован отныне только в Македонии. Вопрос, обладал ли Антигон каким-либо правом на корону в этой стране, видимо, не ставился. Его отец Деметрий, во всяком случае, овладел македонской короной вопреки всякому божескому и человеческому праву после того, как устранил со своего пути сына Кассандра (см. выше, с 106). Антигон, несмотря на свои 40 лет еще не женатый, счел выгодным укрепить связь с Антиохом I политическим браком. Речь шла о сестре Антиоха I Филе, дочери Селевка I и Стратоники. Антигон и Фила действительно стали супружеской парой, хотя свадьба состоялась, очевидно, лишь в 276 г.⁶, т. е. в то время, когда Антигон уже добился царской власти в Македонии.

В 278 г. еще не могло быть и речи о ликвидации кельтской опасности, ибо в этом году большой отряд варваров переправился через Геллеспонт. Кельтов позвал на помощь царь Вифинии Никомед I — монарх нуждался в них для борьбы с Антиохом I. В Анатолии кельты стали настоящим ужасом для греческих городов, пока наконец Антиоху I не удалось разбить их наголову (в так называемой Битве слонов) и поселить, вероятно в принудительном порядке, в Центральной Анатолии. Они стали называться теперь галатами, а их страна Галатией. Здесь они создали свою собственную культуру, отчетливо выделявшуюся на фоне древнеанатолийской и греческой. Они пользовались весьма большим спросом в качестве наемников, и их можно было с тех пор встретить во всех эллинистических армиях.

Другая группа кельтов продвинулась через Фракию на полуостров Галлиполи — так называемый Херсонес Фракийский. Целью их были греческие города, которые лишь с трудом смогли отбить натиск варваров, но здесь последние наконец потерпели крупное поражение. Вблизи города Лисимахии они были приостановлены Антигоном и в завязавшейся битве полностью уничтожены. Войско кельтов насчитывало якобы 18 тыс. человек. Рассказывают, что Антигон прибег к военной хитрости. Когда кельтские парламентары за день до сражения посетили лагерь Антигона, он пригласил их на пиршество и показал им все, что те желали видеть. Однако, после того как парламентары ушли, он велел лагерь полностью очистить, так что на следующий день кельты нашли его пустым. Но когда они вошли в лагерь, на них неожиданно напали солдаты Антигона и полностью их разгромили. Правда эта история или нет, мы не знаем, но она ярко демонстрирует превосходство Антигона.

В честь победы Антигона при Лисимахии (277 г. до н. э.) греческие города устроили большие празднества, проявив таким образом свою великую радость. Ведь впервые северные варвары оказались побежденными греческим оружием. Антигон прославился как избавитель от кельтской напасти. После многолетних страданий греки и македоняне снова смогли свободно вздохнуть. Кельты же в дальнейшем воздерживались от разбойничьих набегов, они осели теперь во внутренней Фракии. С этого времени до конца III в. до н. э. здесь существовала кельтская Тилисская держава — неприятный сосед для припонтийских греческих городов, однако спокойствие Македонии и Эллады варвары более не нарушали.

В Эретрии Менедем предложил в честь Антигона благодарственный адрес [Diog. Laert., II, 142], в котором к Антигону уже применяется царский титул и говорится, что он после победы над варварами возвратился на родину.

Вообще дословный текст приветствия во многих отношениях примечателен. Так, пребывание Антигона вне Македонии рассматривается до некоторой степени как изгнание. Менедем был мудрым человеком с весьма широкими связями в греческом мире. Его мнение разделяли многие другие, и вот уже Антигон из притеснителя греков стал их избавителем от кельтской угрозы.

Декрет из Эретрии опережал события, ибо даже после Лисимахии Антигон был всего лишь одним из многих претендентов, питавших надежды на македонский трон. Так, например, некий Арридей выдавал себя за сына злополучного царя Филиппа III Арридея (по другой версии, этот претендент называл себя не Арридеем, а Александром), затем был Птолемей, сын Лисимаха и Арсиной II, и, наконец, еще тиран Кассандрии Аполлодор — греческий или, что более вероятно, македонский кондотьер, которому историческая традиция приписывает невероятные жестокости. Он, очевидно, взял себе за образец свирепых сицилийских тиранов, но, как только Селевкид Антиох I лишил его своей поддержки, Аполлодор сошел на нет.

Правда, сам Антигон не смог овладеть крепкими стенами Кассандрии, но у него был друг Аминий, главарь пиратов, который усыпил бдительность гарнизона города (по-видимому, Аминий содействовал доставке провианта в крепость), а затем штурмом овладел его стенами. Так Кассандрия перешла под власть Антигона, вероятно не пожалевшего ни денег, ни посулов для привлечения пиратов на свою сторону.

Завоевание Кассандрии было поворотным пунктом в жизни Антигона. Отныне он рассматривал себя как царя македонян (следует, по-видимому, предположить, что он обеспечил себе одобрение со стороны македонского войскового собрания). Шел 276 год, анархии в Македонии был положен конец. Была также отвоевана Фессалия, а на севере царь пеонов Дропион вновь признал верховную власть македонского правителя.

Но одна трудность еще не была разрешена: продолжались разногласия Антигона с его соседом, царем Эпира Пирром. Антигон игнорировал призыв Пирра послать ему в Италию новые подкрепления, и, возвратившись в 275 г. из Тарента в Эпир, тот отомстил ему вторжением в западные районы Македонии. Он добился существенных успехов: не менее 2 тыс. солдат Антигона перешли на сторону Пирра, чье имя все еще обладало большой притягательной силой. И когда Пирр неожиданным нападением вызвал среди войска Антигона замешательство и беспорядок, Антигон должен был отказаться от неравной борьбы. С немногими верными людьми он бежал в Фессалонику, а Верхняя Македония была отдана Пирру.

Впрочем, кельтские наемники Пирра отличались такой недисциплинированностью, что не остановились даже перед разграблением гробниц македонских царей в Эгах.

В Фессалии власть Антигона также рухнула; здесь теперь безраздельно правил Пирр. Антигон смог удержать лишь Нижнюю Македонию и города на побережье; положение его было безнадежным, и, когда ему в 273 г. еще нанес поражение сын Пирра Птолемей, казалось, что настал его конец. Но царь Пирр распорядился иначе. Он оставил Антигона в покое и обратился к новым целям в Греции, где в Пелопоннесе он надеялся добиться решающего преимущества. Благодаря этой его греческой операции Антигон получил крайне необходимую передышку и, вероятно, уже к началу 272 г. восстановил контроль над Македонией и Фессалией.

Дальнейшее развитие событий определило намерение Антигона не дожидаться прибытия Пирра, а вести наступательную войну: он двинулся на Коринф, вследствие чего Пирр до известной степени оказался в тисках между Спартой и Антигоном. Во время уличных боев в Аргосе в войске Пирра ночью возникло страшное замешательство, во время которого эпирский царь, одержавший победу во многих сражениях, самым плачевным образом погиб (272 г. до н. э., см. с. 135). Смерть Пирра относится, без сомнения, к одному из основных поворотных пунктов в жизни Антигона. Молосский царь как в Македонии, так и в Греции чинил одни беспорядки. На Балканском полуострове, как в свое время в Италии и Сицилии, он также не создал ничего постоянного. Антигон отнесся к мертвому противнику с большим уважением. Сыну Пирра Гелену он позволил вернуться в Эпир; тело Пирра он распорядился сжечь, а прах со всеми почестями похоронить, по всей видимости, в Аргосе, в храме Деметры, которая как спасительница города Аргоса пользовалась большим почетом. Поведение Антигона завоевало ему сердца даже его прежних недругов.

После смерти Пирра Антигон оказался перед дилеммой: что стоит сохранить в Элладе, а от чего следует отказаться. Ведь ресурсы его страны — как людские, так и денежные — были недостаточны, чтобы держать под своим контролем всю Грецию от Фессалии до южной оконечности Пелопоннеса. На это обстоятельство македонский царь не закрывал глаза, но, с другой стороны,

он не мог без нужды ставить на карту все достигнутое в Элладе. И Антигон принял решение: Коринф с его считавшейся неприступной крепостью Акрокоринфом превратить в центр своей власти в Греции, сохранить сильные позиции в Пелопоннесе и позаботиться о соответствующей связи гарнизонов в Элладе с Македонией. В Коринфе был поставлен особый губернатор. Им стал Кратер, сын Кратера и Филы, сводный брат Антигона, на верность которого царь мог вполне рассчитывать. Действительно, Кратер был образцом преданного вассала, он чувствовал себя весьма обязанным Антигону и пунктуально исполнял все приказания царя. Он был генерал-губернатором македонских владений в Греции. В Пелопоннесе Антигон предпочел косвенную форму господства. В Аргосе, а также в некоторых других пелопоннесских общинах правили тираны, опиравшиеся в своих городах на македонскую партию. В случае опасности они, естественно, зависели от военной поддержки царя или его наместника. Это было, возможно, самое слабое место в державной системе Антигона.

Заслуживает внимания, что царь, хотя и был стойким и учеником Зенона, считал необходимым опираться здесь на систему, ни в какой мере не пользовавшуюся симпатией эллинов. Но нужда заставит пойти на все. Впрочем, система Антигона отлично функционировала на протяжении многих десятилетий, однако популярной власть македонян в Греции никогда не была: ни при Филиппе II, ни при Александре, ни, разумеется, при Кассандре, дяде Антигона. Хотя повсюду имелись македонские приверженцы, но по сравнению со всей массой свободолюбивых греков они определенно находились в меньшинстве, их власть держалась на острие македонского копья.

Против господства Антигона в Греции образовался союз, развязавший в Элладе Хремонидову войну (267—261 гг.?). Название это происходит от имени афинского политика Хремониды, по инициативе которого было принято решающее постановление афинского народа. Афины, Спарта и Птолемеяевская держава (при Птолемеи II) выступили совместно против македонского царя Антигона (см. выше, с. 154). Однако Антигон оказался сильнее своих противников; спартанский царь Арей пал на поле брани (265/264 г.), а Афины, тщетно понадевавшиеся на действительную помощь Птолемеяевской державы, за-

ключили с Антигоном сепаратный мир (вероятно, осенью 262 г.).

Затем афиняне снова возобновили борьбу с Македонией — по каким причинам, неизвестно. Так или иначе, видимо, в 261 г. они должны были окончательно капитулировать, после чего македонский гарнизон вошел в крепость на холме Музея. Аттические архонты были смещены, их заменили назначенные Антигоном чиновники и прежде всего македонский губернатор. Кроме того, македонские офицеры занимали теперь в Афинах должности стратегов и гиппархов, что обеспечивало влияние царя на управление городом. Это означало на какое-то время конец свободы великого города. Афины слишком понадеялись на своих союзников, в первую очередь на Птолемея II, и теперь должны были расплачиваться за свою политическую ошибку.

А что случилось с Пиреем — этой жизненной артерией Афин? В весьма кратком фрагменте из труда греческого философа Филодема о Пирее ничего не говорится. Однако гавань эта имела настолько большое значение, что из молчания традиции надо, пожалуй, сделать вывод, что Пирей к окончанию войны уже находился в руках македонян⁷. Если это так, то Афины отныне оказались полностью во власти последних. В Афинах и в Аттике теперь, несомненно, имелась македонская партия, которая держала даря в курсе всех важных событий. Впрочем, несколько лет спустя политические условия для Афин улучшились: Антигон мог позволить себе несколько отпустить вожжи.

Заключительным актом войны было, пожалуй, морское сражение у Коса, о котором известно, что победителем из него вышел Антигон. Но относилось ли это сражение к Хремонидовой войне — все еще не выяснено. Как бы то ни было, эта победа на море доказывает, что Македония не была больше чисто сухопутной державой. Антигон мог отважиться на то, чтобы оспаривать у Птолемеев морское господство в Эгейде — неважно, было ли это в Хремонидовой войне или только во 2-й Сирийской. Велико было впечатление, которое произвела в Афинах одержанная Антигоном морская победа. Об этом свидетельствует анекдот, рассказывающий о поведении жившего в Афинах философа Аркесилая. В то время как все приносили царю Антигону поздравления, один лишь Ар-

кесилай хранил молчание и тем самым выразил свою скорбь по поводу происшедшего⁸.

Конец Хремонидовой войны был вершиной достижений македонского правителя, но мир и безопасность сохранялись недолго, ибо уже в 260 г. началась новая война, так называемая 2-я Сирийская, между Птолемеем II, с одной стороны, и Селевкидом Антиохом II, Антигоном Гонатом и их союзниками — с другой. По этому случаю — и, несомненно, с согласия селевкидского правителя — македонский царь вмешался в дела Кирены. Однако Деметрию Красивому, сводному брату Антигона, не сопутствовала удача: по побуждению Береники, впоследствии супруги Птолемея III, он был убит в Кирене, что явилось тяжким ударом для приверженцев Македонии, оказавшихся изгнанными из Кирены (см. с. 158). Антигон поставил в данном случае не на ту карту, но поправил дело сепаратным миром, заключенным, вероятно, в 255 г., с Птолемеем II.

Во 2-й Сирийской войне Македония почти ничего не выиграла. Лишь Селевкиды смогли выйти из войны более сильными, да еще, может быть, родосцы, которым было на руку ослабление птолемеевского могущества на море.

В это время в Греции случилось нечто совершенно неожиданное: Александр, сын Кратера и его преемник в качестве вице-короля в Коринфе, отпал от Антигона. Вероятно, он совершил это, поддавшись внешнему влиянию. Если это так, то он мог рассчитывать лишь на поддержку Птолемея II. Однако источники ничего об этом не сообщают, так что приходится ограничиваться предположениями. Во всяком случае, Александр вряд ли решился бы выступить против Антигона, если бы не был уверен в поддержке со стороны. Так или иначе, для македонского царя это был крайне тяжелый удар: сначала явное вероломство близкого родственника, которому он полностью доверял, а затем еще и потеря Коринфа и Эвбеи! Македонские бастионы в Пелопоннесе были по сути уже недостижимы, и тираны оказались в весьма незавидном положении, ибо пока не могли рассчитывать на поддержку Антигона. К сожалению, хронология здесь ненадежна. Все же, вероятнее всего, Александр изменил Антигону в 252 г., но не исключено, что это произошло и в начале сороковых годов.

Как следовало поступить Антигону? На помощь ему очень кстати пришел случай. В 245 г. якобы от яда умер Александр. Антигон сразу же усмотрел здесь для себя шанс на успех: он сумел убедить вдову — ее звали Никея — выйти замуж за наследника македонского престола Деметрия; впоследствии это был царь Деметрий II, правивший с 239 до 230 или 229 г. Благодаря этому браку македонская корона вернула владения в Средней Греции. А то, что Никея была на несколько лет старше Деметрия (она родилась около 280 г., между тем как Деметрий, наверное, появился на свет не ранее 275 г.), не играло никакой роли. Вдобавок Никея была женщиной энергичной и с характером, ибо, когда с большой пышностью была отпразднована свадьба, она все еще не желала отдавать ключи от цитадели Акрокоринфа. Антигону пришлось дожидаться удобного момента, чтобы во время пребывания Никеи в театре обеспечить себе доступ в крепость. Но этим все было решено, ибо остров Эвбею, важное связующее звено между Фессалией и Пелопоннесом, Антигон вернул себе еще ранее.

Деметрий вступал уже во второй брак — его первой женой была Стратоника, сестра Антиоха II. Этот первый брак относился, по-видимому, приблизительно к 255 г., а была ли Стратоника еще жива ко времени заключения брака Деметрия с Никеей — неизвестно. Вообще период между 260 и 250 гг. насчитывает много белых пятен, и, если в будущем надписи, папирусы и монеты не сообщат нам новых сведений, это положение не изменится.

Уже в почтенном возрасте Антигон должен был вести против Птолемеев еще одну войну — так называемую 3-ю Сирийскую, причем на этот раз также в союзе с Селевкидами (246—241 гг.). Апогеем военных столкновений в Эгеиде стало морское сражение у Андроса. Антигон, которого источники называют «стариком», одержал в этой битве решительную победу над противником (вероятно, в 245 г.). Вступление Антигона в эту войну произошло в очень удачный для него момент: власть Птолемея III в Передней Азии рухнула, просуществовав лишь несколько месяцев. Казалось, наступила пора отбросить Птолемеев, захвативших ряд опорных пунктов в Малой Азии и Фракии, обратно к их границам. Морской победой у Андроса Антигон Гонат добился столь же значительного успеха, как и возвращением Коринфа. Если подумать, что Анти-

гону в 245 г. было уже 74 года, можно удивиться энергии и силе его духа и тела. Он, очевидно, оставался гибким и решительным до самой глубокой старости.

Уже к концу 50-х годов III в. до н. э. в Греции намечалось изменение политического климата. Если раньше Эллада была игрушкой в руках эллинистических великих держав и в первую очередь яблоком раздора между Лагидами и Антигонидами, то теперь в политическую игру включались новые силы. Это были греческие союзные государства этолийцев и ахейцев, подчинившие своему влиянию обширные части Средней Греции и Пелопоннеса. Они особенно соперничали с Македонией. Этолийцы со времени их победы над кельтами (279 г.) пользовались в Элладе большими симпатиями, хотя этолийский народ, обосновавшийся на окраинах греческого мира, лишь в малой степени был причастен к достижениям греческой культуры.

В свою очередь, ахейцы нашли в Арате Сикионском замечательного государственного деятеля и руководителя, которому Ахейский союз обязан своим политическим возвышением. Кто же был этот Арат? Сын Клиния, родившийся в Сикионе в 271/270 г., выросший в семье, оппозиционно настроенной к тирании (Клиний стал жертвой тирании, когда Арат был еще ребенком), Арат всегда чувствовал себя поборником идеалов гражданской свободы. К тому же он смотрел далеко за пределы стен своего родного города. Чтобы освободить его от тиранов, он установил связь с Птолемеем II и Антигоном Гонатом. Первый даже предоставил ему значительную сумму денег, с помощью которой можно было удовлетворить требования сикионских изгнанников. Решающим переломом явилось присоединение в 251 г. Сикиона к Ахейскому союзу после освобождения его от тирании. Тогда союз еще отнюдь не был мощной организацией, он охватывал лишь несколько маленьких городов Северного Пелопоннеса. Но взоры союзного собрания были устремлены на Арата, поскольку он не только импозантной внешностью, но и своим подкупающим нравом и дипломатическими способностями выделялся среди всех других политиков. Поэтому его непрерывно избирали стратегом, т. е. «президентом» Ахейского союза: сначала в 245 г., затем в 243-м, а в общем не меньше 16 раз, причем последний раз — в 213 г., в год его смерти.

На протяжении многих лет Арат стоял во главе этого объединения и вместе с ним пережил и его политические взлеты, и падения. Так как Ахейский союз не мог отстаивать себя как самостоятельная величина в политической игре великих держав, то оставалось лишь примкнуть к одной из них — к государству Птолемеев или к Македонии. И действительно, в проводимой им политике Арат в основном руководствовался этим принципом, применяя его с большой виртуозностью.

Но интересы Ахейского союза и Антигона Гоната были в основе своей несовместимы, ибо там, где властвовали поддерживаемые Македонией тираны, нельзя было найти и следа гражданской свободы, как ее себе представляли Арат и его приверженцы. Занимая во второй раз должность стратега, Арат в 243 г. нанес тяжелый удар македонскому господству в Элладе: в мирное время, без объявления войны, в сопровождении небольшой группы решительных приверженцев он овладел Коринфом и крепостью Акрокоринфом. Это была дерзкая операция, вызвавшая во всем греческом мире сенсацию и даже восхищение. Вместе с гаванью Лехеем Коринф был включен в Ахейский союз, за ним вскоре последовали другие общины — Мегары, Эпидавр и Трезен. Ахейский союз получил теперь новый центр; из имевшего лишь локальное значение объединения он вырос в силу, которую никто более не мог игнорировать.

Не удивительно, что авторитет Арата необычайно возрос, тогда как в Македонии царили разочарование и замешательство. О том, чтобы отвоевать Коринф, пока нечего было и думать. Коринф — город и крепость — был занят мощным ахейским гарнизоном, а этот последний, чтобы обезопасить себя от неожиданных нападений, помимо всего прочего использовал сторожевых собак.

Антигон находился в затруднительном положении. Он должен был примириться с потерей города, сколь болезненной она для него ни была. Антигон Гонат и Арат были на редкость неравной парой: царь — старец, которому исполнилось 75 лет, между тем как Арату было только 27. Никто не знал, каких неожиданностей можно было ожидать от Арата в будущем. Так или иначе, Антигон, сознававший опасность дальнейшего расширения Ахейского союза, оказался вынужденным искать союзников. Он нашел их в лице этолийцев и Этолийского союза.

Правда, этот последний доставлял монарху в Средней Греции много хлопот, однако этолийцы враждовали с ахейцами, и это было основным побуждением, заставившим их перейти на сторону Македонии. Казалось, что дело снова дойдет до конфронтации с империей Птолемеев, ибо ахейцы назначили царя Птолемея III (246—221 гг.) почетным главнокомандующим их сухопутных и морских сил. Правительство в Александрии решилось поддержать ахейцев — оно было против усиления Антигона в Греции. Когда в 241 г. этолийцы появились на Пелопоннесском полуострове, Арат отказался встретиться с ними в открытом бою. Он предпочел отступить, хотя это и вызвало неудовольствие его соотечественников, горевших желанием помериться силами с этолийцами. Арата обвинили даже в трусости. Но он лишь выжидал удобного момента и дождался его: неожиданно напав на этолийцев у местечка Пеллены, он нанес им весьма чувствительный урон. Правда, этолийцы разграбили Пеллену. В целом, однако, ни этолийцы, ни македонский царь не добились в борьбе с ахейцами решающего успеха, и потому мир, заключенный в 241 г. всеми тремя воевавшими государствами, не был неожиданностью. Антигон не мог тогда рассчитывать на быстрое решение спора, он должен был примириться с развитием событий, а оно не было для него благоприятным. Быть может, как полагает В. В. Тарн⁹, у него хватило бы сил нанести ахейцам поражение, но таким путем он не заполучил бы обратно Коринфа, в чем и заключалась главная задача, и даже при длительной осаде города исход нельзя было предусмотреть.

Но без Коринфа македонская система господства в Греции была лишена настоящего центра, хотя города Аргос и Мегалополь по-прежнему сохраняли верность Антигону. Эта ситуация привела к политическому равновесию в Пелопоннесе, ни одна из двух партий не могла добиться полной победы над другой. При таком положении дел можно, пожалуй, упрекнуть Антигона Гоната в отсутствии последовательности его политического курса: он остановился на полпути и предоставил будущему решать затянувшийся спор. Но, возможно, он был занят другими, еще более важными заботами? У Македонии была на севере растянутая, открытая граница, которую неоднократно нарушали являвшиеся с севера кочевые племена. Не слышно было, однако, чтобы Антигон про-

явил особое рвение в борьбе с этой опасностью, — напротив, для него важнее всего была греческая политика.

240 год был годом мира в средиземноморском регионе. На востоке, как и на западе, приступили к залечиванию ран, нанесенных большими войнами. На западе подошла к концу 24-летняя борьба римлян и карфагенян в 1-й Пунической войне за обладание Сицилией, на востоке помирились друг с другом Птолеми и Селевкиды, и лишь в Элладе царило обманчивое спокойствие, которое в любой момент могло снова превратиться в открытую войну. Ключ к этому находился в руках Арата, он все же стремился, не считаясь с соседями, расширить влияние руководимого им Ахейского союза. Он даже не отступил перед нападением на Афины (первое вторжение в Аттику было в 242 г., а второе — в 240 г.).

Антигон не ввязывался в войны бездумно, ибо по природе не был великим полководцем и стратегом; он любил науку и охотно предавался бы беседам с друзьями-единомышленниками, если бы не стечение обстоятельств того времени. Он не забывал, какое глубокое удовлетворение приносило ему некогда занятие философскими и этическими проблемами в Эретрии и Афинах под руководством Зенона из Кития. Мы не знаем, думал ли Антигон когда-нибудь превратить город македонских царей Пеллу в столицу муз, как это сделали с Александрией первые Птолеми. Так или иначе, ему было кому подражать. Ведь уже царь Архелай (413—399 гг.) пригласил поэта Эврипида к своему дворцу в Македонию, где тот и написал своих «Вакханок». При Филиппе II греческие ученые были воспитателями Александра — сначала Анаксимен из Лампсака, а затем Аристотель, которому суждено было позднее стать звездой первой величины в мире науки. Правда, когда он был при дворе в Пелле, этого никто еще не мог знать, но все же слава приглашения греческого ученого в Македонию принадлежит царю Филиппу II, хотя Демосфен в своих речах и заклеймил его как величайшего врага греческой культуры. Разумеется, Аргеады были не слишком высокого мнения о философии, и если Аристотель и пытался приобщить своего питомца Александра к философии, то от этого было мало толку — разве только общее глубокое уважение к духовной жизни греков, особенно к поэмам Гомера, которые произвели на Александра сильнейшее впечатление и про-

будили в нем желание сравняться с великими героями греческой старины. У Гомера, с которым он познакомился благодаря Аристотелю, Александр нашел то, что искал: восторг перед великими воинами, в первую очередь перед Ахиллом и Патроклом, которым он пытался подражать. При этом не следует упускать из виду, что в античности не существовало четкой границы между мифом и историей. То, что рассказывалось в новеллах о богах и героях, считалось исторически достоверным, и, если кто из смертных совершал что-либо сверхчеловеческое, его приравнивали к богам.

Ничего подобного не происходило с Антигоном! Конечно, у него были свои боги-покровители. На одной монете (серебряной тетрадрахме) имеется изображение Антигона с рогами — атрибутами бога Пана, наводившего ужас на своих врагов. Эта монета с Паном имеет большое историческое значение, ибо возможно, что на ней сохранился портрет (он был бы тогда единственным) царя Антигона. Но в целом это было — в сравнении, скажем, с обожествлением Птолемеев при их жизни — весьма скромной претензией. Она никого не могла шокировать, и если македонский царь распорядился изобразить себя в виде бога Пана, то это была только попытка подчеркнуть свою близость к богам.

Кстати, уже при бракосочетании Антигона с Филой поэт Арат из Сол написал гимн в честь бога Пана, чем, очевидно, заслужил одобрение царя. Арат был крупным поэтом и соперничал с Каллимахом. Его дидактическая поэма «Феномены» нашла большой отклик во всем образованном мире, хотя материал был взят весьма своеобразный и доступный для понимания только научным кругам. Кто не разбирался в метеорологии, для того «Феномены» оставались книгой за семью печатями, однако именно ученые поэмы пользовались большим успехом у читающей публики эпохи эллинизма, и было, наверное, симптоматичным, что сын Друза Германик перевел эту поэму на латинский язык.

Примечательна также свобода передвижения тогдашних поэтов: пробыв некоторое время в Македонии, Арат отправился ко двору Селевкидов, к Антиоху I, а затем снова вернулся в Пеллу, где и умер. По-видимому, эллинистические монархи состязались в выражении благожелательности поэтам из-за славы прослыть покровителями

муз, и ни при дворе в Пелле, ни в Антиохии-на-Оронте не могли отказать себе в удовольствии вступить в соревнование с Александрией. Естественно, царская семья стояла в центре внимания поэтов.

В одном позднем источнике говорится о поэмах, посвященных Антигону, и эпиграммах на царицу Филу. Антигон и Арат были знакомы, вероятно, еще со времени пребывания царя в Афинах. Если верить преданию, то именно Антигон побудил поэта переложить на стихи главный труд Эвдокса из Кизика «Феномены» (или «Зеркало»). Успех превзошел все ожидания, повсюду слышались слова похвалы. Арат своими «Небесными явлениями», очевидно, коснулся темы, интересовавшей весь мир; его произведение стало античным «бестселлером».

Антигон с удовольствием переселился бы в Пеллу своего учителя Зенона из Кития, но тот никак не мог решиться на то, чтобы оставить Афины. В Афинах у него было большое поле деятельности, в Пелле же он попал бы в суету придворной жизни, а кто, как Зенон, выше всего ценил духовную и материальную независимость, не мог променять свою свободу на обеспеченность. И что было делать в Пелле философу, который, правда, написал трактат об идеальном государстве, но отверг в нем любые связи с полисом? Для практической политики это сочинение не могло идти в расчет, да и о воспитании в юношестве отвечающих интересам государства убеждений в нем также не говорилось ни слова. Антигону все это было известно, но привязанность и любовь к учителю заставили его без колебаний отправить Зенону приглашение. Тот вместо себя послал в Македонию своего соотечественника и ученика Персея из Кития, однако выбор его в данном случае оказался неудачным. Хотя царь высоко ценил Персея и даже поручил ему воспитание своего сына Галкионея (о старшем сыне, наследнике Деметрии, в этой связи ничего не упоминается), философ не играл ведущей роли в Пелле. Правда, Персей написал сочинение «О царстве», но важнее для него были радости от пиршеств — недаром он написал также «Диалоги о пирушках».

Царь Антигон, как всякий македонянин, не отвергал радостей застолья и особенно отличался по части возлияний, как когда-то Филипп II и Александр. Для стойков пирушки сами по себе не были чем-то неприемлемым, но

они относили их к числу так называемых *adiáphota* (безразличное), ибо для воспитания характера развлечения такого рода не имели никакого значения. Однако, если бы кто-либо из учеников Зенона стал находить особенное удовольствие в этих пирах, он бы его никогда не одобрил.

У Персея при македонском дворе был соперник, который как личность совершенно его затмевал. Этим человеком был Бион из Борисфена, который хотя и причислял себя к философам, но в действительности был не оригинальным мыслителем, а лишь популяризатором. Он разъезжал по всему греческому миру, стремясь своими речами и выступлениями оказывать воздействие на людей и побуждать их жить разумной жизнью. Сам он происходил из народных низов: его отец, вольноотпущенник, был торговцем рыбой, а мать будто бы была гетерой. Об отце его рассказывали, что он за контрабанду был продан в рабство, а сам Бион в юном возрасте попал в дом ритор. Последнему понравился смывленный юноша; он приобщил его к искусству красноречия и в конце концов оставил ему все свое состояние.

Бион учился у лучших учителей в Афинах, при этом для него не играла никакой роли их принадлежность к разным школам. Это, безусловно, свидетельствует о духовной независимости Биона. Он не стыдился своего происхождения, более того, гордился им и высказал это даже царю Антигону. Бион, должно быть, был мастером слова; его речи распространялись также в письменном виде и находили многочисленных читателей. Они носили, как выразился Ганс фон Арним, сатирико-полемический характер и были направлены против многообразных проявлений человеческой глупости. Впрочем, из Пеллы Бион снова переехал в Афины. Умер он в страшной нищете в Халкиде на Эвбее. Как сообщает традиция, Антигон вспомнил о нем и облегчил его последние дни, послав ему двух рабов. Своим острым языком Бион нажил себе много врагов, отплативших ему тем, что распространяли о его жизни самые невероятные рассказы. Так, передавали, что Бион перед смертью прибег к помощи амулетов, хотя было известно, что он всю свою жизнь боролся с суевериями, но возможно, что как раз этот анекдот не является абсолютной выдумкой. Подобное же рассказывали о Перикле, когда он лежал на смертном одре.

В фразеологии Биона и в высказываниях царя Антигона можно было установить известную согласованность¹⁰. Царь, очевидно, многое почерпнул у Биона. Но, быть может, проще предположить, что эти две личности сближали общие мысли и чувства. Такое толкование вполне объясняло бы симпатии Антигона к неотесанному «философу».

Временно в Пелле находился еще один человек, также обративший на себя внимание современников. Это был Тимон из Флиунта, позднее прозванный «силлографом». Тимон был странным гостем на этой земле. Он потерял один глаз и поначалу занимался ремеслом маляра. Его учителями в философии были скептики Стильпон из Мегар и Пиррон из Элиды. Подобно Пиррону, Тимон также придерживался того убеждения, что человеку отказано в правильном понимании вещей. Отсюда вытекала для него необходимость быть сдержанным в суждениях: лишь тот, кто пришел к такому убеждению, может добиться истинного душевного мира, он будет свободен от страстей, от заблуждений и от силы традиции, которой подчинены все другие люди. Его пребывание в македонской столице было, очевидно, недолгим. Передают, что он был дружен с этолийским поэтом Александром и помогал ему при сочинении трагедий. В течение своей жизни Тимон как будто бы заработал немало денег, что сделало для него возможным без забот провести остаток своих дней в Афинах. Его скепсис и полная свобода от иллюзий будто бы импонировали царю Антигону, однако о личных отношениях между царем и Тимоном ничего не известно.

В своих поздних стихах, силлах, Тимон разносил в пух и прах философов, включая Зенона, которого, по-видимому, терпеть не мог. В его стихах изображено даже посещение умерших философов в подземном царстве. Учителем здесь для него явился Ксенофан из Колофона (ок. 570—470 гг. до н. э.), которого Тимон, должно быть, очень ценил. Невольно возникает вопрос, какие мысли возникали у Антигона при чтении Тимоновых стихов!

Антигон снискал себе славу тем, что история и историки были в большом почете при его дворе. Среди его родственников были известные историки: Марсий из Пеллы, сводный брат его деда Антигона, составитель истории Македонии, и Антипатр, его дед со стороны матери, знаменитый регент, написавший историю иллирийских войн

царя Пердикки III (365—359 гг.). К младшему поколению историков относился сводный брат Антигона Кратер. По-видимому, он идентичен историку с тем же именем, который списал с камней аттические постановления. Это была очень ценная история Аттики, написанная на документальном материале, от которой, к сожалению, до наших дней дошло лишь несколько фрагментов. Но гораздо большим было значение Гиеронима из Кардии, друга Эвмена Кардийского, а позднее, после смерти последнего (317/316 г.), друга Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета. От этого последнего он перешел на службу к Антигону Гонату. Как передают, Гиероним дожил до глубокой старости (якобы до 104 лет). Будучи уже в преклонном возрасте, он написал исторический труд о диадохах и эпигонах, который, по-видимому, заканчивался смертью Пирра (272 г.). Это произведение в значительной степени повлияло на освещение традицией пятидесятилетнего периода после смерти Александра, а наши знания военной истории времени диадохов без Гиеронима были бы вообще невозможны.

Правда, в античной традиции сохранились лишь немногие фрагменты, подписанные его именем, но и этого достаточно, чтобы выявить свойственные ему качества: любовь к истине, компетентность в военных делах и справедливое отношение как к сильным личностям, так и к слабым. Эти достоинства Гиеронима, должно быть, признавал и Антигон. Он многие годы находился с ним в дружеских отношениях, и если соответствует истине, будто он адресовал Гиерониму письма (или какое-то сочинение), то это также свидетельствует о большом уважении царя к историку.

В. В. Тарн считал, что исторический труд Гиеронима, сохранись он в целости, с полным основанием мог бы быть поставлен в один ряд с трудами Фукидида и Полибия¹¹. Разумеется, это лишь гипотеза, в подтверждение истинности которой при нынешнем положении вещей нельзя привести доказательств. С другой стороны, если литератор времени Римской империи, грек Павсаний, упрекнул Гиеронима в субъективном отношении к Антигону, то в этом также может быть доля правды. Сердцем Гиероним, во всяком случае, был на стороне Антигона, и это, безусловно, должно было отразиться в его историческом труде.

В отличие от своего отца Деметрия Полпюркета, отношения которого с женщинами были любимой темой моралистов-современников, Антигон был женат только один раз — на дочери Селевка I Филе. К моменту свадьбы Антигону было 43 года, а его супруга, наверное, была моложе лет на 20. От этого брака родился наследник престола Деметрий. Другой сын, Галкионей (или Алкионей), должен был быть намного старше Деметрия, он родился от связи Антигона с афинянкой по имени Демо. Современный Антигону историк (Птолемей из Мегалополя) называет Демо гетерой. Соответствовало ли это действительности или нет, но Галкионей был особенно мил и дорог своему отцу; с 273 г. он занимал ряд важных постов. Его жизнь, однако, была коротка. Галкионей родился, вероятно, около 290 г. и еще в расцвете лет пал в бою, сражаясь рядом с отцом, возможно, во время Хремонидовой войны (согласно Белоху). Если это верно, то он даже не достиг тридцатилетнего возраста. По поводу престолонаследия не было никаких споров, поскольку остался лишь один наследник — Деметрий. Мог ли Галкионей вообще в этом отношении идти в расчет — на этот вопрос трудно ответить.

Античная традиция сохранила об Антигоне довольно много анекдотов. Насколько они, однако, достоверны, является спорным. К тому же некоторые из этих анекдотов, возможно, относятся к деду Антигона — Антигону Одноглазому. Для Антигона Гоната, во всяком случае, характерны слова, с которыми он будто бы обратился к какому-то рифмоплету, именовавшему его богом: «Раб, которому приходится заботиться о ночном горшке царя, держится на этот счет другого мнения». Это была грубая отповедь, которой лояльно настроенный поэт вовсе не заслужил, поскольку божественность эллинистических царей в других местах, как, например, в Египте, стояла вне сомнений, но Антигон и знать ничего не желал об этом.

Столь же примечательна другая история. Во время осады Антигоном какого-то города к нему явился философ с предложением прочесть ему трактат о справедливости. Это совершенно вывело из равновесия обычно столь снисходительного царя. В негодовании он ответил философу: «Как могло тебе прийти в голову желание читать мне проповедь о справедливости и благе моих ближ-

них, когда ты застаешь меня как раз в момент осады города, принадлежащего этим ближним?»¹². Можно предположить, что здесь идет речь об эпизоде из осады города Кассандрии, но это, естественно, не доказано. Был ли Антигон циником? В. В. Тарн полагал, что подобное суждение было бы поверхностным, и он, безусловно, прав. Однако практика и теория были для Антигона двумя различными вещами, и он не мог простить философу столь неуместного вмешательства в ведение военных действий. Война была войной, а философия — философией, — никто не знал этого лучше, чем сам Антигон.

Возникает вопрос, а как Антигон судил о своей царской власти? Писатель II в. н. э. Элиан рассказывает, что своему сыну, притеснявшему своих подданных и проявившему к ним заносчивость, Антигон сказал: «Разве ты не знаешь, что наша царская власть есть славное служение»? Греческое слово *douleia* следует истолковать здесь как «служение», а не как «повинность» — последнее не подошло бы в данной связи. Речь идет о «служении», приносящем славу, и таким образом слово это трактуется в смысле философии стоиков. Отец и сын олицетворяют здесь два различных мнения: сын — что все подданные должны служить правителю, а отец — что царь обязан оказывать услуги своим подданным. Между тем как другие эллинистические правители рассматривали свою страну как свою собственность, по примеру, поданному когда-то великими сицилийскими тиранами. Антигон подчеркивает не права царей, а их обязанности, учение же об обязанностях и было зерном стоической философии. Благодаря таким представлениям Антигон неизмеримо возвышается над остальными эллинистическими монархами, жизнь которых не всегда соответствовала этическим принципам античной концепции правителя.

За свою восьмидесятилетнюю жизнь Антигон Гонат знал взлеты и падения невиданных масштабов. Царская власть в Македонии далась ему непросто, и, когда он ее наконец добился, проблемы внутренней политики потребовали всего его внимания. На политическом поприще он не всегда был удачлив, успехи чередовались с неудачами, особенно многочисленные трудности создало для Антигона и его власти в Элладе возвышение Ахейского союза. Однако если Македония в середине III в. до н. э. заняла ведущее положение среди эллинистических государств,

то это было личной заслугой царя, поднявшего Македонию из глубокой пропасти снова на должную высоту. Это достижение следует оценить тем более высоко, что Антигону не благоприятствовали ни законность власти, ни помощь сильных соседей и друзей.

Победа в 277 г. над кельтами при Лисимахии (см. выше, с. 180) открыла ему сердца его соотечественников и эллинов, а имя его повсюду стали произносить с величайшим уважением. Политика сдерживания, характерная для его дальнейших действий, завоевала ему новых друзей и приверженцев. Благодаря связям со школой стоиков в Афинах Антигон располагал превосходной «прессой». Стоики видели в нем своего единомышленника на троне, который, будучи царем, открыто признавал себя стойком и не считал ниже своего достоинства вести с ними споры о справедливости и добре, хотя, разумеется, не во время военных действий. С его смертью в 239 г. в Македонии кончилась эпоха, всецело отмеченная определяющим воздействием личности Антигона.

VII

Клеомен III, царь Спарты

(260—220/219 гг. до н. э.)

Рассказать историю спартанского царя, который сорока лет от роду добровольно ушел из жизни, было бы нетрудно, не будь эта жизнь переплетена с важными внутренними реформами в Спарте и с историей двух больших эллинистических государств — Птолемеев в Египте и Антигонидов в Македонии.

Спартанское государство было затронуто лишь вскользь переворотами, связанными с жизнью и деятельностью Александра. Лакедемоняне ценой немалых жертв все же сохранили независимость. Правда, они были разгромлены Антипатром в битве при Мегалополе (331 г.); но была ли Спарта включена в Коринфский союз — остается неясным. Лучше эту проблему вообще не затрагивать. Позднее Пирр сделал попытку вторгнуться в Спарту, но это его предприятие осталось лишь незначительным событием, а после того как в 272 г. царь молоссов погиб в Аргосе, опасность окончательно миновала.

Напротив, Антигон Гонат никогда не пытался подчинить Спарту — у него было достаточно хлопот, чтобы сохранить в своем лагере пелопоннесских союзников. Поэтому Спарта с ее внутренними проблемами, по существу, осталась предоставленной самой себе. Ее участие под руководством царя Арея II в Хремонидовой войне закончилось крупным поражением и гибелью царя. Это было единственной попыткой Спарты включиться в большую политику эллинистических держав, и вряд ли можно сомневаться в том, что здесь на заднем плане стояли политика и деньги Птолемеев.

Однако политическая ситуация в Спарте прежде всего определялась социальными обострениями, вытекавшими из неравного распределения земельной собственности. Время, когда политика спартацев решалась согласованными действиями царей, эфоров и апеллы — народного собрания, состоявшего из полноправных граждан, — это время давно миновало. Земельная собственность и осуществление политических прав составляли прерогативу очень немногих, и, кроме того, среди земельных собственников было немало женщин, которые, естественно, не участвовали в политической жизни. Из сказанного можно себе представить, до какого низкого уровня упала военная мощь спартацев. От прежней военной славы лакедемонян также почти ничего не осталось. Страна дошла до того, что лишь безотлагательные меры могли привести к какой-то перемене.

Первая крупная попытка реформ связана с именем предшественника Клеомена — царя Агиса IV. Ситуация, которую Агис застал при своем вступлении в управление государством в 245 г., была прямо-таки удручающей. В Лакедемоне имелось всего 700 полноправных граждан-спартиатов, и из них лишь 100 владели клерами — земельными участками. О принципиальном равенстве граждан при таких обстоятельствах вообще не могло быть и речи. Равным образом осталась только тень и от спартанской системы государственного воспитания — агогé. Богатые вели жизнь, полную роскоши и удовольствий, а остальные жили в нищете. Каких-либо возможностей экспансии для спартанского государства не существовало. Мессения была давно потеряна (уже во времена Эпамипонда, т. е. более чем 100 лет назад), и все попытки снова подчинить эту область и ее жителей, которые ранее использовались

в качестве рабов (илотов), были безнадежны. В III в. до н. э. в Спарте вообще отказались от попыток вернуть Мессению.

Агис IV, сын Эвдамида II, усмотрел в земельной реформе последнее средство преобразования спартанского государства. Он посягал таким образом на самые устои спартанского государственного порядка, но у него не было другого выбора, ибо никто из богатых землевладельцев не соглашался по доброй воле отказаться от части своей земельной собственности. Впрочем, это почти не отличалось от того, как повели себя сто лет спустя римские сенаторы, когда Гракхи предприняли аграрную реформу в Италии.

В Спартанском государстве было два царя: один из дома Агиадов и один — из дома Эврипontiдов. Агис был Эврипontiдом, а его соправитель Леонид — Агиадом. Но этот последний относился к аграрной реформе в высшей степени отрицательно. Еще было пять эфоров, имевших большое влияние на политическую жизнь страны. Без согласия эфората реформы в Спарте были невозможны, и поэтому нет ничего удивительного в том, что Агис приложил усилия к тому, чтобы хотя бы часть эфоров перетянуть на свою сторону. Но добился он успеха лишь у одного — Лисандра, расположенного к нему с детских лет.

Предложенная Агисом реформа была радикального свойства. Вся земля в долине Эвроты должна была быть предоставлена в распоряжение полноправных граждан Спарты, что составило бы всего 4500 земельных наделов (клеров). Число полноправных граждан следовало пополнить периеками («окрест живущими») и людьми других категорий и таким образом довести до нужного количества. Остальную землю намерены были поделить на 15 тыс. клеров и предоставить их в распоряжение периеков. Сам царь Агис подал хороший пример, высвободив большую часть своих собственных земель для земельной реформы. Кроме того, он пожертвовал на общее дело 600 талантов, которые, вероятно, должны были служить оборотным капиталом.

Планы царя встретили сильное сопротивление. Агис в конце концов не видел другого выхода, как стать на путь насилия: эфоры были изгнаны за пределы страны, царь Леонид, чья позиция оставалась неопределенной, также должен был удалиться на чужбину — в Тегею. Однако в

своим бывшем приверженце Агесилае после его избрания в эфоры Агис нашел врага, решительно сопротивлявшегося реформе. Попытку реформы следовало рассматривать как уже провалившуюся, когда противникам Агиса удалось арестовать его в Спарте. На поспешно устроенном суде он был приговорен к смерти и казнен. Мать и бабка царя разделили его судьбу (осень 241 г.). Таков был конец спартанской земельной реформы при Агисе IV. Царь слишком недооценил силы оппозиции и прежде всего упустил из виду, что для осуществления своих планов он должен был заручиться поддержкой эфората. Вообще Агис хотел сразу слишком многого — в этом отношении он походил на Гракхов, в особенности на Гая Гракха. Точно так же, как Гракхи 100 лет спустя, Агис недооценил консервативные силы и традицию. А его противники не видели другого пути, кроме как убрать с дороги царя-реформатора, учинив над ним судебную расправу. И в этом отношении события в Риме во времена Гракхов представляют полную параллель.

Клеомен III принял тяжелое наследство, когда он в возрасте примерно 25 лет взошел на трон в Спарте. Шел 235 год до н. э. Клеомен был Агиадом — его отцом был царь Леонид II, изгнанный Агисом IV, мать звали Кратесиклея. Клеомен был очевидцем предпринятой Агисом IV попытки реформы. Своеобразный поворот судьбы свел его с вдовой Агиса IV Агиатидой. Он должен был еще в 241 г. по приказу своего отца, царя Леонида II, жениться на ней. Леонид, у которого на совести была смерть Агиса, разделял ответственность за этот брак с Клеоменом. Остается, однако, неясным, на что он при этом надеялся. Возможно, он хотел завладеть богатым состоянием вдовствующей царицы, ибо она и в самом деле была дочерью одного из самых богатых людей в Спарте — Гишиппа.

Агиатида пользовалась славой самой красивой женщины Греции. На своего юного супруга Клеомена она влияла абсолютно в духе Агиса. В юности Клеомен слушал популярного философа Сфера из Борисфена. Ученик Зенона из Кития, Сфер предпринял как-то поездку в Спарту и встретился здесь с царевичем. Говорят, что Сфер оценил высокие духовные задатки Клеомена, в особенности его мужественную манеру держаться и необузданное честолюбие.

В самом деле, Клеомен был убежден, что в Спарте все надо менять; он был прежде всего огорчен тем, что у граждан Спарты, занимающих руководящие должности, слишком мало политического сознания, зато более чем достаточно корыстолюбия. Это стало ему абсолютно ясно, когда он в 235 г. пришел к власти на смену умершему царю Леониду II. Поначалу, однако, Клеомен был совершенно беспомощен перед лицом развивающихся событий, поскольку эфорат ограничивал его деятельность. Как сообщает Плутарх, Клеомен будто бы обратился к одному из своих старших друзей Ксенару с просьбой рассказать ему поподробнее о предпринятой Агисом попытке реформы и о причинах ее провала. Сначала Ксенар пошел навстречу желанию юного царя, но, когда он заметил, что тот жаждет узнать все больше, отдалился от него и упрекнул друга в безрассудстве. Но мало-помалу Клеомен узнал достаточно и уже не позволял сбить себя с толку в своих намерениях. Вообще он с большой энергией осуществлял все, за что брался. Он якобы даже развязал войну, чтобы, наконец, иметь возможность претворить свои планы в жизнь.

Политическая обстановка в Пелопоннесе к тому времени коренным образом изменилась в связи с действиями Арата Сикионского; последний, будучи президентом (стратегом) Ахейского союза, добивался ведущего положения его на полуострове. Противниками Арата в Пелопоннесе были спартанцы, элейцы и аркадяне. С последними Арат затеял столкновение и опустошил их страну. О лакедемонянах Арат был не очень высокого мнения, а на их юного царя смотрел свысока, поскольку тот был еще совершенно неопытен.

Впрочем, войну начали спартанцы, захватившие священный округ Афины в Бельбине (Бельмина). Это местечко лежало на пути из Спарты в Мегалополь и было предметом спора между лакедемонянами и мегалополитами. В качестве ответной меры Арат выступил против Тегеи и Орхомена — о Бельбине же он не заботился. Цель этого предприятия не была, однако, достигнута: друзья Арата в Тегее и Орхомене оказались предателями. Арат хотел сохранить свое предприятие в тайне, но Клеомен якобы написал ему ироническое письмо, в котором намекал на неудачный поход. Арат же ответил, что до него дошло, будто спартанцы укрепляют Бельбину и он

поспешит воспрепятствовать этому. Клеомен, в свою очередь, спросил его: для чего ему нужны факелы и приставные лестницы?

Согласно преданию, спартанский изгнанник по имени Дамократ сказал Арату, чтобы он поторопился, если намерен предпринять что-либо против Спарты «прежде, чем у этого юного петуха вырастут шпоры» [Плут., Клеом. 4, 3]. Эти рассказы вряд ли исторически достоверны, их единственной целью было ярче охарактеризовать главных действующих лиц: Арата и Клеомена; здесь противостояли друг другу опыт на одной стороне и дерзкая отвага — на другой.

Эти события падают на 229 г., но война между ахейцами и лакедемонянами не кончилась на этом. В 228 г. при Паллантии дело дошло бы до крупного сражения, если бы этому не воспрепятствовал Арат. Когда в 227 г. Арат стал теснить элейцев, Клеомен поспешил им на помощь и неожиданным нападением разгромил ахейцев у горы Ликей (сегодняшняя Диафорти, на юго-востоке от Андритсены). Между тем как среди греков все еще ходили слухи о гибели Арата, этот «мертвец» обрушился на город Мантинею, очевидно застигнутый врасплох.

Клеомен, попавший из-за успехов Арата в затруднительное положение, решил вернуть обратно на родину из ссылки в Мессене брата убитого царя Агиса — Архидама. Последний был Эврипонтидом и принадлежал, таким образом, к другому царскому дому. С помощью этого возвращенного из изгнания Эврипontiда Клеомен хотел создать противовес власти эфората. Однако эфоры сорвали его план: они схватили вернувшегося на родину Архидама и, не долго думая, убили его.

Между тем война между Спартой и Ахейским союзом продолжалась. Клеомен занял Левктры, одну из крепостей города Мегалополя. Здесь, наконец, состоялось решительное сражение, в котором с одной стороны сражались спартанцы, а с другой — мегалополиты под водительством Лидиада. Клеомен вышел победителем, одолев также и ахейцев, которые пришли на помощь мегалополитам. Лидиад пал в битве; Клеомен, прежде чем выдать его тело мегалополитам, распорядился завернуть его в пурпурный плащ и возложить ему на голову венок. Лидиад был раньше тираном в городе Мегалополе, но вернул гражданам свободу и присоединил город к Ахейскому сою-

зу. Согласно Полибию [II, 51, 3], битва произошла при местечке Ладокии.

Спарта к этому времени созрела для государственного переворота. После предпринятой им экспедиции в Аркадию Клеомен с отрядом наемников двинулся назад в Спарту. Здесь вечером, во время совместной трапезы, эфоры подверглись неожиданному нападению и были перебиты вооруженными солдатами; лишь одному из эфоров, хотя он и был ранен, удалось убежать и скрыться в храме Фобоса (Страха). При этом нападении погибли еще десять спартанцев, пришедших на помощь эфорам.

На следующий день Клеомен опубликовал список, содержащий перечень восьмидесяти граждан, которые должны были отправиться в изгнание. Кроме того, были удалены все служебные кресла эфоров, за исключением одного, на котором отныне восседал сам царь, ставший единоличным правителем Спарты (зима 227/226 г.). Как передают, цели своих реформ Клеомен раскрыл в речи, которую он держал в Спарте перед народом на следующий день после переворота. Они состояли в возвращении к конституции Ликурга (или к тому, что под этим тогда понимали), в отмене эфората, в земельной реформе, ликвидации долгов и усилении военной мощи государства, причем в состав государственной общины должны были быть приняты также чужеземцы. В качестве врагов Спарты Клеомен назвал иллирийцев и этолийцев — об ахейцах, напротив, в речи не было ни слова.

Земельная реформа началась с того, что Клеомен и его друзья предоставили свои земли в распоряжение государства. Земля была поделена на парцеллы; некоторое количество участков было оставлено для изгнанников. Клеомен дал обещание возвратить их на родину, как только положение нормализуется. Гражданская община была пополнена периеками, с их помощью оказалось возможным выставить войско в 4 тыс. гоплитов (до того приходилось довольствоваться гораздо меньшим числом). Гоплиты были вооружены сариссами по образцу македонских педзетеров. Вновь была введена агогэ — спартанская система государственного воспитания. В наставлении юношества царю оказывал помощь Сфер из Борисфена, который тогда, как передают, находился в Спарте. Наконец, Клеомен взял себе в качестве царя-соправителя своего брата Эвклида. Таким образом, Спарта впервые за свою

историю получила двух царей из одного и того же дома — из дома Агиадов.

Клеомен чувствовал себя вполне уверенно. Этим, в частности, можно объяснить его поступок, когда после набега на область Мегалополя он силой заставил труппу Дионисиевых технитов (актеров) дать для него представление. Он велел во вражеской стране соорудить театр, а для победителя в состязании между технитами назначил приз в 40 мин. В течение целого дня он наблюдал, как актеры делали все, что было в их силах, чтобы заслужить награду. Плутарх полагает, что царь не испытывал никакого интереса к этой постановке, он хотел лишь показать своим врагам, что может потешаться над ними. Плутарх добавляет, что до того времени, в отличие от всех других греческих и македонских армий, одни лишь спартанцы не возили за собой ни жонглеров, ни танцовщиц, ни арфисток. Во время своих походов они предавались иным, исключительно лаконским удовольствиям, состоящим прежде всего в беседе и упражнении в лаконском красноречии.

В остальном Клеомен является у Плутарха образцом царя. В частной жизни он полностью отказался от всякой роскоши, был доступен любым посетителям и имел обыкновение часами беседовать с теми, кто нуждался в его поддержке. Его дом не знал ни привратника, ни приемной; письменным прошениям он не придавал никакого значения. Среди его окружения не видно было никого в пурпуре, жилище его было лишено всякой помпезности. Для своих близких он являлся образцом разумности и скромности, и именно эти качества шли ему на пользу в отношениях с греками. Изображение Плутарха ясно дает понять, что Клеомен был далек от эллинистической концепции царской власти, — то, что он осуществлял и представлял напоказ в Спарте, было типично патриархальным царством.

При приеме друзей и чужеземных послов также соблюдалась большая простота; никого не принуждали пить, и царь сам развлекал гостей беседами и рассказами. Он был полностью лишен тщеславия и не требовал от людей за пожалования и подарки особых услуг. Клеомен считал это недостойным царя и имел обыкновение говорить, что друзей приобретают общением и беседами, вызывающими доверие и доставляющими удовольствие.

Между тем война против ахейцев все еще не была закончена. Военная удача сопутствовала теперь Клеомену, и при Диме в Ахайе ахейцы потерпели поистине сокрушительное поражение. Номинально они находились тогда под командованием стратега Гипербата, но на самом деле их вождем был сам Арат. Чаша весов отчетливо клонилась в сторону лакедемонян, и, казалось, не было больше сомнений, кто в ближайшее время добьется господства в Пелопоннесе. Во всяком случае, Клеомен теперь уже совершенно открыто добивался гегемонии. Но это означало бы конец самостоятельного существования Ахейского союза. Положение ахейцев было в тот момент настолько тяжелым, что они выразили готовность начать переговоры. Клеомен, однако, отсутствовал при этих переговорах, так как после одного форсированного марша напился холодной воды и тяжело заболел. При этом он потерял не только много крови, но даже способность говорить, так что не мог участвовать в переговорах и должен был отправиться обратно в Спарту.

Хотя борьба за гегемонию в Пелопоннесе носила локальный характер, за ней на заднем плане стояли великие эллинистические державы, в первую очередь Македония, находившаяся тогда под управлением Антигона Досона (с 230 или 229 до 222/221 г.). Плутарх [Клеом., 16, 3] винит Арата в том, что он совершил роковой шаг и отдал Пелопоннес во власть тех самых македонян, которых он когда-то, взяв Коринф (в 243 г.), оттуда изгнал. Впрочем, об Арате говорили, что в своих «Воспоминаниях» он наговорил много нелестного об Антигоне Досоне не взирая на то, что вступил с ним в тесный контакт.

В 225 г. Клеомену удалось подчинить своей власти, помимо нескольких небольших городков, крупный центр Аргос. Город должен был дать заложников и принять в свои стены спартанский гарнизон. Это случилось, когда в Аргосе праздновались Немей, т. е. в разгар лета, в июле месяце. И с этого момента традиция оставляет нас на целых два года в полном неведении и возобновляет свое повествование лишь с появления македонян в Пелопоннесе в августе 223 г.

Арату наступление Клеомена доставило много хлопот. Города Клеоны и Флиунт перешли на сторону Клеомена, и Арат считал теперь крайне необходимым удержать на своей стороне граждан Коринфа, однако эти последние с

большой поспешностью отправили послов в Аргос, чтобы установить контакт со спартанским царем. В своих «Воспоминаниях» Арат замечает, что коринфяне при этом загнали даже всех своих лошадей, но это, разумеется, гротескное преувеличение, свидетельствующее тем не менее, как сильно был раздражен Арат отпадением коринфян. Впрочем, традиция указывает, что Клеомен неоднократно пытался привлечь Арата на свою сторону; он даже предложил выплачивать ему ежегодные субсидии, притом в двойном размере по сравнению с теми суммами, которые Арату выплачивал Птолемей III.

Между тем до передачи Клеомену крепости Акрокоринфа дело так и не дошло, и царь должен был малопомалу готовиться к тому, чтобы воспрепятствовать двигавшемуся с севера македонскому войску вторгнуться в Пелопоннес и вмешаться в борьбу за Акрокоринф. Спартанский царь с юга перешел через горный хребет Герании на Истме и укрепил линию так называемых Ослиных холмов, чтобы перехватить здесь македонян и вовлечь их в чреватое для них большими потерями сражение вокруг укреплений. И действительно, македонский царь Антигон Досон попал в трудное положение: продовольственные припасы стали иссякать, а идти на прорыв через силу было невозможно. Попытка македонян пробиться в тыл спартамцам через гавань Лехей также окончилась неудачей, поскольку спартамцы не дали себя провести обманным маневром. Но в тот момент, когда Антигон Досон стал помышлять о переброске своих солдат в Сикион морским путем, у Клеомена возникли осложнения с Аргосом: граждане (или какая-то их часть) были разочарованы тем, что Клеомен не аннулировал долгов. Теперь Клеомен оказался в затруднении. Он послал в Аргос своего отчима Мегистоноя, но тот потерпел со своими воинами под стенами города поражение и сам пал в схватке. Спартанский гарнизон вынужден был ограничиться ролью праздного наблюдателя за битвой. Он, правда, удержался в городе, но обстановка стала настолько тяжелой, что воины гарнизона отправили царю Клеомену послание с просьбой незамедлительно прийти им на помощь.

После этого Клеомен оставил свои укрепленные позиции у Ослиных холмов и поспешил в Аргос. Здесь он смог через тоннель под цитаделью установить связь со спартанским гарнизоном. Он даже сумел подчинить свое-

му контролю часть города и с помощью своих критских лучников очистить улицы от врага. Однако, когда Клеомен увидел, как македонская фаланга, соблюдая исключительный порядок, спускается с холма к городу в то время, как македонская конница уже стала просачиваться в город, он собрал свое войско и отступил. Коринф и Аргос были теперь для него потеряны.

Македоняне неотступно следовали за ним по пути в Аркадию. Но неудачи Клеомена на этом еще не кончились. Вблизи Тегей ему передали известие о смерти жены, к которой он был привязан всем сердцем. Плутарх сообщает, что Клеомен даже в своих успешных походах никогда не выдерживал до конца, а всегда спешил досрочно вернуться в Спарту, к любимой жене. Тем не менее, несмотря на глубокую скорбь, Клеомен вел себя достойно и мужественно: он не стал облачаться в траурные одежды; он не забыл также передать своим воинам необходимые приказания и сам позаботился о безопасности города Тегей.

Вторжение македонян при царе Антигоне Досоне в Пелопоннес означало одновременно поворотный пункт в политике державы Антигонидов. Между тем как македоняне стали оказывать поддержку Ахейскому союзу, египетский правитель Птолемей III (246—221 гг.) перешел на сторону Клеомена. Однако в качестве залога верности Клеомена заключенному соглашению он потребовал в заложники его мать и детей. Рассказывают, что Клеомен долго не мог решиться заговорить с матерью о требовании Птолемея. Наконец он все же собрался с духом и изложил ей суть дела. На это его мать будто бы сказала: «Если это и было тем делом, которое ты мне хотел изложить, но не находил для этого мужества, то я отвечу тебе: дай мне скорее взойти на корабль и отправь мое тело туда, где оно будет более всего полезно спартанцам, прежде чем погибнет здесь от старости».

Это рассказывает Плутарх в «Жизнеописании Клеомена» [гл. 22, 3—4]. Однако не может быть никаких сомнений на счет того, что этот анекдот взят из исторического труда Филарха, находившего большое удовольствие в драматических повествованиях такого рода. Он полностью придумал эту сцену, ибо никто не мог присутствовать при разговоре царя с матерью. И если мать Клеомена в взволнованных словах при прощании на мысе Тенар будто бы

заклинала своего сына и царя оказаться достойным Спарты, потому что, как она говорила, «только это находится в нашей власти, а не конечный успех, который следует рассматривать как дар богов», — то, хотя эти слова и соответствуют представлениям эллинов, их нельзя рассматривать как достоверные. Передают далее, что из Египта мать уговаривала сына вести такую политику, которая была бы выгодна Спарте, а на нее, на мать, не обращать ни малейшего внимания.

С господством спартанцев над обширными областями Пелопоннеса было покончено — полуостров, вплоть до границ самой Спарты, контролировал теперь македонский царь. Находясь в трудном положении, Клеомен обратился к крайним средствам: он распорядился отпустить на волю всех илотов, которые были в состоянии внести за себя пять аттических мин. Полученные таким образом деньги, очевидно, были использованы на вооружение, поскольку субсидии Птолемея III были далеко не достаточны. Освобождение илотов принесло Клеомену будто бы всего 500 талантов. При условии, что все отпущенные на волю илоты смогли внести требуемую сумму, число их должно было составить 6 тыс. человек. Из них всего 2 тыс. были вооружены по македонскому образцу; они должны были стать противовесом македонским «белым щитам», бывшим, по-видимому, привилегированной частью наподобие «серебряных щитов» времени диадохов. Остальные должны были сначала пройти обучение. Возможно, что для них не хватало соответствующего вооружения.

За этим последовало нападение спартанцев на город Мегалополь. Операция была в высшей степени ловко устроена: ее замаскировали под вторжение в область Аргоса и поэтому застали жителей Мегалополя врасплох. Передовому отряду спартанцев внезапным налетом удалось занять часть городской стены; под другую часть стены воины подвели подкоп, так что Клеомену, следовавшему с главными силами, было нетрудно проникнуть в город.

В Мегалополе царило полное замешательство, но, хотя защищать город было невозможно, большая часть жителей вместе со своими женами и детьми сумела уйти в Мессену. Тысяча горожан была взята в плен, среди них — два известных политика — Лисандрид и Феарид. Их привели к Клеомену. Передают, что их речи произвели на царя

такое впечатление, что он решил возвратить город его жителям при условии, что они откажутся от союза с ахейцами и станут его друзьями и союзниками. Но спартанскому царю нашелся в Мегалополе энергичный и целеустремленный противник. Это был Филомен, который позднее принял руководство Ахейским союзом. Он сорвал соглашение с Клеоменом тем, что изгнал Лисандрида и Феарида из Мессении. Клеомен будто бы был этим так раздражен, что отдал приказ разграбить Мегалополь. Статуи и картины из этого города он велел отправить в Спарту, а большую часть городских построек предал разрушению. Однако спартанский царь не мог и помышлять о том, чтобы удержать надолго этот город, поскольку он не в силах был противостоять объединенным войскам Антигона Досона и ахейцев. Ахейцы же собрали в Эгии союзное собрание, но решение о ведении войны против спартанцев так и не было принято; в это время, к величайшему замешательству присутствующих, было получено известие о разрушении города Мегалополя.

Показательно для смелости Клеомена, что он теперь предпринял рейд в область Аргоса. В этом городе Антигон Досон разбил свои зимние квартиры, но в его распоряжении не было достаточно войск, чтобы помешать спартамцам опустошать земли аргивян. Когда Антигон направился в Тегею — якобы для того, чтобы оттуда вторгнуться в Лаконию, — Клеомен ловко уклонился от встречи с ним и снова появился под стенами города Аргоса. На этот раз спартанцы показали, на что способны: они опустошили земельные угодья, с особым рвением уничтожали посевы зерновых, палками прибывая колосья к земле. Солдаты находили удовольствие в этом варварском занятии. Плутарх замечает, что они занимались разрушением в известной степени ради развлечения. Однако, когда они вздумали предать огню находившийся за пределами городских стен гимнасий Килларабис, Клеомен запретил им это.

Тем временем Антигон Досон со своими войсками спешил обратно в Аргос. Но Клеомен чувствовал себя настолько уверенным, что через вестника потребовал ключи от Гереона, ссылаясь на желание совершить здесь жертвоприношение. Разумеется, ключей он не получил, но это не помешало ему исполнить задуманное перед закрытыми дверьми.

Сцена перед Гереоном, имевшая место в 222 г., показывает нам Клеомена на вершине его успехов. Он вышел победителем из столкновений с войсками македонян и ахейцев и причинил значительный материальный урон городам Мегалополю и Аргосу. Но сражения в открытом поле он благоразумно старался избегать. Здесь риск был для него слишком велик, он скорее рассчитывал достигнуть цели, применяя стратегию изматывания противника. Особенно он надеялся на то, что ахейцы утратят интерес к войне, из которой они не могут выйти победителями, и что Антигон Досон, ничего не добившись, вынужден будет вернуться в Македонию.

В самом деле, пришли в движение племена у северных границ Македонии, варварские народности постоянно нарушали пределы государства; старые враги македонян — иллирийцы также двинулись со своими войсками в Македонию, так что все более настоятельно требовалось присутствие в стране царя Антигона. Посланцы к нему были уже в пути, когда в Пелопоннесе противники делали приготовления к решающему сражению: летом 222 г. состоялась битва при Селласии (к северу от Спарты).

Если Клеомен, вопреки своему прежнему поведению, все же решился на эту битву, то побудили его к этому прежде всего два соображения: во-первых, стали иссякать денежные средства, поскольку Птолемей III отвернулся от него и прекратил выплату субсидий, так что Клеомен не знал, чем он будет расплачиваться со своими наемниками и воинами гражданского ополчения, во-вторых, враг угрожал городу Спарте, а если бы Спарта пала, то войне и без того пришел бы конец.

О битве при Селласии мы располагаем подробным повествованием, вышедшим из-под пера Полибия [История, II, 65—69]. Оно дополняется сообщениями в «Жизнеописании Клеомена» Плутарха [гл. 28], но давно уже доказано, что Плутарх здесь не очень компетентен, скорее следует придерживаться Полибия, который в общем и целом правильно судит о событии, и, наверное, сам посетил место сражения¹. Битва разыгралась к западу и к востоку от реки Эвунт (нынешняя Келефина), примерно в 10 км к северу от Спарты. Клеомен распорядился занять холмы по обе стороны дороги. Это были возвышенности Олимп (к востоку от реки) и Эвас (к западу от дороги и реки).

Антигон со своими македонянами неизбежно должен был натолкнуться на эту преграду, если он намеревался пробиться к Спарте,— задача, усложнявшаяся еще тем, что Клеомен усилил свои позиции на холмах цепью полевых укреплений.

Однако позиция спартанцев не была абсолютно неприступной — ее можно было обойти, особенно с запада². Вследствие этого все сводилось к тому, чтобы зорко наблюдать за движениями неприятеля и на каждое изменение его тактического плана ответить соответствующим встречным маневром. Весьма существенным отрицательным моментом для Клеомена оказалось то, что он сильно уступал неприятелю по численности воинов: он располагал лишь 20 тыс. человек. Силы противника, т. е. все войско Ахейского союза и фаланга македонян, насчитывали 28 тыс. пехотинцев и 1200 всадников. Кроме того, в лице царя Антигона Досона они располагали весьма осмотрительным полководцем, а в лице Филопемена из Мегалополя — человеком, который в решающий момент взял инициативу в свои руки.

Клеомен распорядился занять возвышенность Эвас, значение которой для него было очевидно, особым отрядом под командованием своего брата Эвклида. Но тут и начались для спартанцев все неприятности, ибо как раз здесь, на левом крыле, они были потеснены прежде всего иллирийцами и их отступление с возвышенности Эвас очень скоро приняло катастрофический характер.

У Плутарха можно прочесть, что Клеомен не упустил из виду необходимость тщательной рекогносцировки местности и поручил это начальнику своей тайной полиции Дамотелу (ему некогда было доверено наблюдение за илотами), но тот был подкуплен противной стороной и не сообщил ничего подозрительного. Насколько это сообщение достоверно, трудно сказать, но, так или иначе, потеря горы Эвас, где пал смертью храбрых брат спартанского царя Эвклид, поставила Клеомена в весьма затруднительное положение. Теперь у него оставались только две возможности: немедленное отступление по дороге в Спарту или же рывок вперед и решающее сражение со стоявшей здесь македонской фалангой. Клеомен решил на второй вариант, что является еще одним подтверждением его необычайного мужества. Он велел убрать заграждения и ринулся в открытый бой против македонян.

Это была неравная борьба, и спартанцы вскоре оказались вытесненными из своих укреплений. Основная масса их обратилась после этого в бегство, македоняне начали их преследовать, и таким образом сражение у горы Олимп было Клеоменом также проиграно. Сам царь вскочил на коня и ускакал в Спарту. Поражение сопровождалось для спартанцев тяжелыми людскими потерями. Согласно Плутарху, который здесь, наверное, опирается на Филарха, из 6 тыс. спартанцев на поле брани осталось не менее 5800. Цифра, безусловно, преувеличена, но это ничего не меняет в факте, что с поля боя не вернулся цвет спартанской молодежи; кроме того, погибло множество наемников, которые, будучи привлечены славой Клеомена, выступили с ним в поход.

Битва при Селласии летом 222 г. явилась поворотным пунктом в истории Греции. Если Клеомен надеялся добиться гегемонии в Пелопоннесе, а может быть, даже и во всей Греции, то это его заветное желание оказалось иллюзией. Ведущая роль перешла к македонянам во главе с царем Антигоном Досоном и к союзной с ним Ахейской лиге. При этом под главенством Македонии в Греции снова возникла союзная организация, выходившая по своему значению далеко за пределы местного значения и являвшаяся важным орудием власти в руках македонского царя. Победа Антигона Досона и ахейцев означала одновременно и поражение Птолемея III, который, поддавшись советам мудрых политиков в Александрии, уже незадолго до битвы при Селласии предоставил Клеомена его судьбе. Он прекратил выплату субсидий и таким образом дал понять, что несколько не заинтересован в конфронтации с македонским царем. Из подобного рода столкновения Птолемей вряд ли вышел бы победителем.

Драматическая сцена, разыгравшаяся в Спарте по возвращении потерпевшего поражение Клеомена, описывается Плутархом — видимо, по Филарху — следующим образом: несчастный царь, вступив в свой дом, отклонил предложенное ему питье. Не сняв в себя доспехов, он в полном вооружении прислонился к колонне и после короткого отдыха продолжил свое бегство в Гифей, морскую гавань Лакедемона. Из Гифея путь был продолжен на кораблях дальше в Египет, ибо здесь, где уже находились в качестве заложников его мать и его дети, царь надеялся найти убежище. В этом месте Филарх снова вставил ис-

торию, которая должна была служить прелюдией к описанию событий в Египте: на маленьком островке Эгиалия (т. е. Эгия) возле северного побережья Крита один из спартанцев по имени Ферикион обратился к Клеомену с предложением лучше уж покориться македонскому царю Антигону, чем плыть в Египет, ибо ничуть не позорно для спартанских царей служить потомкам Филиппа и Александра. Клеомен, однако, отклонил это, сделанное с лучшими намерениями предложение, после чего Ферикион тут же, на морском берегу, покончил с собой. Эта весьма впечатляющая история, вероятно, относится к разряду легенд, но она предвосхищает не менее драматические события в Египте.

В Александрии Клеомен со своими спутниками вступил на египетскую землю. Здесь он нашел дружеский прием. Птолемей III стал выплачивать ему годовое содержание в размере 24 талантов. Кроме того, он будто бы обещал снова посадить его на трон в Спарте. Клеомен вел в Александрии приличествующую его званию жизнь. Он собрал вокруг себя группу спартанцев-изгнанников и надеялся на скорое возвращение на родину. Однако политическая обстановка перечеркнула все его расчеты. Сначала Сосибия, всемогущему министру Птолемея III, показалось несвоевременным способствовать возвращению спартанского царя на родину, так как в Египте опасались, вероятно с полным основанием, трудностей в отношениях с македонянами, поскольку от доброй воли последних зависело существование птолемеевских владений в Эгее и Малой Азии. Не стоило из-за Клеомена провоцировать с Антигонидами конфликт, исход которого нельзя было предвидеть. Вдобавок, умер Птолемей III — возможно, еще в 222 г., но скорее всего в феврале 221 г. От его преемника Птолемея IV мало чего можно было ожидать. Он полностью находился под влиянием своих советников и женщин, среди которых его любовница Агафоклея и ее мать Энанфа полностью подчинили его своей воле. Вскоре после восшествия его на престол в Александрии начались убийства царских родичей. Среди прочих жертвами стали мать царя Береника и его младший брат Магас. Клеомен будто бы был поставлен в известность о заговоре против Магаса и даже поручился Сосибии за надежность наемников, и в первую очередь за пелопоннесцев, но эти сведения кажутся маловероятными. Если даже

верно, что Сосибий осведомлялся у Клеомена о надежности наемников, то это, наверное, не имело ничего общего с заговором.

Развязка была ускорена письмом, которое, по преданию, отправил царю Птолемею IV некий мессенец Никагор. Античные источники указывают, что Никагор был послушным орудием в руках всемогущего Сосибия. Последний сумел обмануть Клеомена и таким образом вызвал его гибель. Рассказывают, что Клеомен, прогуливаясь возле гавани в Александрии, оказался свидетелем прибытия Никагора, — впрочем, эта сцена также могла быть выдумана Филархом ради большей драматичности. В упомянутом письме Никагора речь шла якобы о том, что Клеомен отважится на восстание, если царь Птолемей IV не отправит его с необходимым снаряжением на родину. Это будто бы и послужило поводом к тому, что спартанский царь был интернирован и к нему была представлена вооруженная охрана.

Когда Птолемей IV на время отлучился в Каноп, Клеомен воспользовался этим, чтобы освободиться из-под ареста. Охране он сумел внушить, что царь Египта собирается его освободить. И в то время как стражники предавались пьяному разгулу, Клеомену удалось незаметно покинуть место заключения. Его сопровождали друзья и сыновья, прибывшие в Александрию еще до него. Клеомен и его спутники были вооружены — в руках у них были кинжалы. На улице им навстречу ехал на колеснице, запряженной четверкой лошадей, начальник гарнизона Птолемей. Лакедемоняне стащили его с колесницы и посадили под стражу (согласно Плутарху [Клеом., 37, 1], они его будто бы даже убили, что, однако, кажется маловероятным).

Спартанцы начали призывать народ к борьбе за свободу, но на александрийцев это не произвело никакого впечатления — они остались совершенно безучастными; скорее всего им вообще было непонятно, какую свободу имеют в виду лакедемоняне. Попытка маленького отряда овладеть цитаделью Александрии окончилась провалом, так как караульный офицер не дал себя захватить врасплох. В общей неразберихе спартанцы остались одни; игра была для них проиграна, и тогда они решили покончить с собой; умирали они мужественно, как истинные спартанцы. Это случилось в Александрии зимой 220/219 г.

Этот эпизод подвергся Филархом художественной обработке, однако его переложение вряд ли можно рассматривать как исторически достоверное, и потому оно не заслуживает того, чтобы его здесь воспроизводить. Так или иначе, египетский царь Птолемей IV самым страшным образом отомстил матери и сыновьям Клеомена за неудавшееся выступление последнего. Тело Клеомена, согласно все той же версии, было публично распято, но затем вокруг трупа стали происходить — по изображению Филарха — странные явления и чудеса, которые с удивлением воспринимались суеверной толпой.

Побег Клеомена из заключения лишь с двенадцатью провожатыми следует признать актом отчаяния. Клеомен был убежден, что в Египте никто больше не придет ему на помощь, и что меньше всего этой помощи можно было ожидать от царя Птолемея IV, которого он давно раскусил. Одинокая смерть Клеомена и его соратников была заключительным аккордом политического развития, ответственность за которое следует возложить не только на объективно сложившиеся обстоятельства, но и на самого царя Клеомена.

Редко, чтобы царь столь роковым образом не понимал характера своей эпохи, как Клеомен. Неоспоримой остается его заслуга в проведении давно уже напрашивавшейся земельной реформы в Лакедемонне. Но Клеомен позорно запятнал эту реформу беззаконием — устранение эфоров было достигнуто злодейским убийством, которого никто не мог одобрить. Восстановление царской власти также было весьма относительным, ибо то, во что превратил ее Клеомен, нельзя обозначить иначе, как диктатура, — форма власти, до тех пор совершенно чуждая спартамцам. Для своих внешнеполитических претензий Клеомен также не располагал достаточными средствами; он зависел от поддержки Птолемеев, и, когда те отвернулись от него — еще до битвы при Селласии, — с Клеоменом было покончено. Можно признавать его достижения в качестве полководца и политика (Полибий, например, высоко оценивал Клеомена, хотя тот и был врагом Ахейского союза), однако ему недоставало понимания того, что Спарта не была более в состоянии соперничать с крупными эллинистическими государствами, и в частности с вновь усилившейся при Антигоне Досоне Македонией. В державно-политическом отношении Клеомен ориентировался на прош-

лое, и здесь лежит ключ к пониманию его неудач и гибели.

Тем не менее для историков — как древнего, так и нового времени — Клеомен остается притягательной фигурой. Плутарх сопоставил царя вместе с его предшественником — другим спартанским царем-реформатором Агисом — с обоими Гракхами и еще раз подчеркнул это сопоставление в особом синкрисисе. Но реформаторская деятельность была лишь одной стороной его натуры. Сверх этого Клеомен был выдающимся воином и полководцем, в послужном списке которого был целый ряд блестящих успехов. Правда, в битве при Селласии, где перед ним стоял вопрос «быть или не быть», он был не совсем на высоте в своих распоряжениях, и, наверное, не случайно, что благоволящая к нему традиция пытается приписать причину поражения ошибкам его подчиненных. Однако это не затрагивает существа дела. Ведь Клеомен стоял перед выбором: отдать Спарту без боя неприятелю или попытаться счастья в решающем сражении. Он выбрал последнее и потерпел поражение.

Его поведение в Александрии также не во всем было удачным. Версия, будто бы он каким-то образом был вовлечен в заговор против Магаса, маловероятна, но побег из заключения был актом отчаяния, приведшим к гибели не только его самого, но и его спутников. Его жизнь кончилась трагедией, в которой в конечном счете виновен был он сам. Спарта теперь перешла в разряд государств третьего или даже четвертого ранга. Она полностью потеряла свое международное значение, а последующая попытка спартанского тирана Набиса еще раз сделать Спарту ведущей державой, по крайней мере в Пелопоннесе, была сведена на нет вмешательством римлян (194 г.). И на этот раз против Ахейского союза выступил спарта-нец, но Союз был поддержан римлянами, так что исход этого столкновения с самого начала не вызывал сомнений. Спарта полностью сошла с политической арены, и даже появление тирана Эврикла, дружившего с Августом, ничего в этом отношении не изменило. Интересно, однако, отметить, что при Эврикле продолжало существовать староспартанское воспитание (агогэ), а вместе с ним и спартанская конституция, эфорат, народное собрание (апелла) и совет старейшин (герусия), но все это было лишь тенью прошлого.

VIII

Антиох III Великий

(243 или 242—187 гг. до н. э.)

Жизнь селевкидского царя Антиоха III падает на эпоху, богатую переменами. Когда он родился, империя Селевкидов грозила развалиться на две части, и вызвано это было происками дяди Антиоха — Антиоха Гиеракса. Когда же Антиох III в возрасте 55 или 56 лет умер, мир совершенно изменился: конфронтация между Антиохом III и римлянами окончилась в конце 190 г. (или в начале следующего года) при Магнесии, у горы Сипила, полным поражением селевкидского царя. Держава Селевкидов лишилась всех анатолийских областей. Она была отброшена далеко на восток и отрезана от истоков эллинизма. Между вступлением Антиоха в управление державой в 223 г. — ему было тогда примерно двадцать лет — и его кончиной при попытке взыскать принудительный заем в одном из святилищ Элимаиды лежит период правления в 36 лет, насыщенный множеством событий, успехов и неудач. Упомянем здесь хотя бы о войнах с Птолемеями

из-за Келесирии и о большом походе, позволившем царю продвинуться через Верхние сатрапии к границам Индии.

В античных источниках царь предстает в своеобразном двойном свете. В то время как историк Полибий высказывается о нем весьма справедливо, хотя и не причисляет его к самым великим правителям, другие судят о нем гораздо сдержанней. В особенности римская историография видела в Антиохе типично восточного владыку, которого нельзя было и сравнивать с героическими фигурами времени Римской республики, с такими личностями, как П. Корнелий Сципион и Т. Квинций Фламиний. Но истина состоит в том, что Антиоха трудно понять и еще труднее оценить по достоинству, пользуясь масштабами западного историописания. Хотя он и был правителем македонского происхождения и неустанно подчеркивал это перед всем миром, но вместе с тем он своим поведением, несомненно, отдал дань Востоку, и прежде всего это проявилось в восточной надменности и произволе.

Правление Антиоха III означало в истории Селевкидской державы сначала крутой подъем, а к концу — столь же резкий упадок. Антиоху III было не по силам бороться с римлянами, и война с ними окончилась для Селевкидского государства утратой положения великой державы (188 г.). Впрочем, окончательную черту под распадом этого государства подвел лишь 124 года спустя, в 64 г. до н. э., римский полководец Помпей.

Противоречивость натуры Антиоха проявляется каждый раз в решительные моменты его жизни; многие поступки царя трудно понять, а некоторые принимавшиеся им важные решения, пожалуй, навсегда останутся загадкой. Поэтому нет ничего удивительного, если в наши дни не нашелся историограф, который был бы в состоянии подobaющим образом изобразить дела и личность Антиоха III. Впрочем, о времени его правления до битвы при Магнесии имеется исследование Хатто Г. Шмитта¹, которое разъяснило многие проблемы, а многие другие приблизило к решению. Заслуги этого царя не ограничиваются, однако, только войнами, позволившими ему значительно расширить пределы своей державы, столь же важными были, как это впервые подчеркнула новейшая наука, его достижения в области внутренней политики. Антиох коренным образом реформировал Селевкидскую державу. Огромное государство, в котором, как некогда

в империи Ахеменидов, проявлялись сильные центробежные тенденции — как на Востоке, так и на Западе, — он снова объединил в единое целое; он значительно повысил военную мощь государства и содействовал новому расцвету экономики. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы охарактеризовать его как правителя, намного превосходившего средний уровень эллинистических царей, так что современники с полным правом присвоили ему почетный титул «Великий».

Антиох III был младшим сыном Селевка II, правившего с 246 до 225 г., и Лаодики II, сестры Ахея Младшего. Его предшественником на троне был его старший брат Селевк III (правил с 225 до 223 г.). Первые годы жизни Антиоха падают еще на время 2-й Сирийской войны, так называемой Лаодиковой (246—241 гг.). Эта война подвергла тяжкому испытанию державу и династию Селевкидов. Дед Антиоха III, Антиох II, — он правил с 261 до 246 г. — расстался со своей первой женой, дочерью Ахея Старшего, Лаодикой I и женился на дочери Птолемея II Беренике. Но Лаодика оказалась необычайно энергичной женщиной и не смирилась с унижением. Скончавшийся летом 246 г. в Эфесе Антиох II назначил престолонаследником своего сына от первого брака Селевка II и таким образом аннулировал ранее официально подтвержденное право на наследование его маленького сына от второй супруги. Птолемеяевская принцесса решила теперь по совету своих честолюбивых друзей отстоять силой оружия право своего ребенка на престол. Поддержал ее в этом ее брат Птолемей III, тем временем вступивший на трон в Александрии.

Однако при дворе Селевкидов в Антиохии-на-Оронте имелась группа приверженцев Лаодики, и ее стараниями развитие событий получило совсем другое направление: Береника и ее маленький сын стали жертвами злодейского убийства. О впечатлении, произведенном на Птолемея III этим известием при его вступлении в Антиохию, свидетельствует изданный этим царем манифест — очень ценный документ, дошедший на папирусе до нашего времени. Он отражает официальную птолемеевскую версию событий. Впрочем, завоевания, сделанные Птолемеем III в Селевкидской державе, в первую очередь в Сирии и Месопотамии, вскоре снова были им утрачены. Хотя египетская пропаганда и выставляет Птолемея III

великим царем-завоевателем, ее версия исторически совершенно неприемлема. В общем, селевкидские наместники вступились за наследственную династию, а не за сомнительные права Птолемея III. Хотя мирный договор 241 г. и передал Птолемею III во владение небольшой анклав — приморский город Селевкию в Пиерии, но в остальном пограничная линия в Сирии не изменилась. Юг — Келесирия — был птолемеевским, север — так называемая Селевкида — остался за Селевкидами.

Пожалуй, еще печальнее была картина на востоке Селевкидской державы. Здесь наместник Бактрии Диодот вышел из имперского подчинения (около 250 г.). При этом он сумел опереться на многочисленные македонские военные колонии (катекии), которые со времени Александра служили в Бактрии подлинными бастионами македонского и эллинского владычества над местным населением. Отделение Бактрии было весьма тяжелым ударом для эллинизма в Передней Азии, поскольку государство Диодота ориентировалось на Восток, на Индию. Впрочем, у него тоже были свои проблемы, и прежде всего оно находилось под угрозой наступления восточных кочевых народов. В довершение невзгод из состава империи вышли также Парфия и Гиркания (на южном побережье Каспийского моря). Сначала сатрап Парфии Андрагор попытался стать независимым, а затем явился иранский кочевой народ парнов; они основали собственное государство во главе с царем Аршаком (греческое Арсак) — Парфянское царство, как оно стало называться теперь по имени местности. Парфянская эра началась 1 нисана (апрель) 247 г.

Еще раньше перс Ариарат основал собственное государство в Малой Азии, в Каппадокии (около 260 г.), так что власть Селевкидов в Анатолии также была сильно ограничена. К этому добавлялось существование независимых государств Вифинии и Понта, расположенных на побережье Черного моря. Из них Понт находился под властью иранского княжеского рода, в котором часто повторялось имя Митридат (см. ниже, с. 292).

В довершение неудач дядя Антиоха III, Антиох Гиеракс, при поддержке его матери Лаодики выкроил для себя в селевкидской части Анатолии государство, которым он управлял из Сард, не обращая никакого внимания на правящего царя Селевка II. Правда, номинально

Антиох Гиеракс был соправителем своего старшего брата, но в действительности Антиох правил здесь совершенно самостоятельно, хотя у него и были трудности с воинственными галатами и правителями Пергама. Правление Антиоха Гиеракса продолжалось примерно четырнадцать лет — с 242 до 228/227 г. до н. э. Попытка Селевка II лишить его власти в Анатолии окончилась неудачей. Сидевший в Антиохии царь не имел в Малой Азии никаких союзников; напротив, Антиох Гиеракс сумел нанести ему при Анкире решительное поражение, причем Антиох на этот раз мог опереться на поддержку галатов. Это событие имело место, вероятно, около 239 г. Распространилась молва о гибели Селевка II, и его брат — тот самый, который разгромил его на поле боя, — будто бы больше всех скорбел о нем.

С этого времени задачей каждого правителя из династии Селевкидов должно было стать стремление восстановить порядок в Анатолии. Однако это не удалось ни Селевку II, ни его преемнику Селевку III. Когда этот последний вознамерился начать поход против правителя Пергама Аттала I, который после гибели Антиоха Гиеракса во Фракии сумел подчинить своей власти почти всю некогда принадлежавшую Селевкидам территорию Малой Азии, он предательски был убит, процарствовав лишь очень недолго (225—223 гг.). В этом убийстве снова якобы был замешан галат — некий Апатурий. Положение державы и династии Селевкидов было прямо-таки отчаянным. Лишь сильная рука могла навести порядок в создавшемся хаосе, и надежды в этом отношении возлагались единственно на тогда еще, видимо, не достигшего даже 20 лет Антиоха III, которого войско провозгласило преемником Селевка III, его старшего брата. Антиох находился тогда в восточной части империи, по всей вероятности, в качестве вице-короля Верхних сатрапий. Соправителем своего брата он, однако, по данным вавилонских клинописных табличек, не был.

В своем окружении Антиох имел советника — карийца Гермия. Этот человек, вне всякого сомнения, ответствен за все первые решения юного монарха. Впрочем, они свидетельствуют о выдающемся практическом уме и превосходном понимании того, что было необходимо для управления обширной империей. Ведь в течение последних десятилетий перед 223 г. обнаружилось, что лишь разум-

ная децентрализация может способствовать решению проблем, вызванных огромным размером и большой растянутостью границ империи. Надо было попытаться подтянуть администрацию, найти на востоке и западе новые формы управления, отыскать более эффективные средства, чем те, которые находились в распоряжении центрального правительства в Антиохии-на-Оронте.

О большом интеллекте юного правителя свидетельствует и то, что он обратился к решению этих проблем сразу же после восшествия на престол. Восстановление власти Селевкидов в Малой Азии он доверил своему двоюродному брату Ахею — тот должен был оттеснить правителя Пергама в пределы его наследственных владений. Восточные области вместе с их ядром — сатрапией Мидией — Антиох передал мидийскому сатрапу Молону. Последний был назначен своего рода вице-королем восточных сатрапий, т. е. снова был учрежден пост генерал-губернатора Верхних сатрапий, созданный еще во времена диадохов. Децентрализация была жизненно необходимой для империи, но как система она могла функционировать лишь в том случае, если бы удалось поставить на важнейшие посты надежных людей. Однако именно в этом вопросе Гермий — или кто-либо другой, ответственный за эти предложения, — допустил крупные просчеты. Какой бы похвалы ни заслуживали решения юного царя, в оценке людей он серьезно ошибался, возможно, он чересчур полагался на мнение Гермия. Как Ахей, так и Молон использовали предоставленные им полномочия к собственной выгоде, совершенно пренебрегая интересами государства.

Удивительным в этих условиях было то, что, невзирая на большие трудности в Малой Азии, Антиох III отважился на поход против Египта, где тогда еще правил Птолемей III (246 г. — конец 222 или начало 221 г.). План египетской войны, несомненно, дело рук Гермия. Уже давно оккупация Келесирии Птолемеем I была как бельмо на глазу Селевкидов. Теперь селевкидское правительство, желая изменить положение, попыталось осуществить свои требования силой оружия. В этот момент пришло известие, что вице-король Верхних сатрапий Молон и его брат, сатрап Персиды Александр, изменили царю. Оба властителя последовали примеру Диодота и Андрагора, причем они отнюдь не собирались удовлетво-

ваться Верхними сатрапиями, а планировали вторгнуться в центральные области империи, в Месопотамию и Вавилонию, чтобы создать здесь центр своей державы, из которого они могли бы угрожать Северной Сирии — Селевкиде. Но вместо того чтобы бросить на мятежников все имеющиеся силы, селевкидский придворный совет по предложению канцлера Гермия решил отправить против восставших лишь небольшую часть войск под командованием стратегов Ксенона и Феодота.

Восстание Молона началось, по-видимому, летом 222 г., а ответные меры едва ли могли быть приняты ранее осени того же года. В разгар приготовлений к походу в Египет и одновременно против восставших сатрапов Антиох отпраздновал свою свадьбу с дочерью понтийского царя Митридата II Лаодикой. Царь Антиох находился тогда в Селевкии-у-Зевгмы на Евфрате. Сюда наварх Диогнет доставил ему принцессу из далекого Понта. Можно предположить, что ей пришлось перенести длительное путешествие по морю и по суше, начавшееся с побережья Черного моря, затем путь лежал через Анатолийские горы, после чего ее доставили в одну из сирийских гаваней, а отсюда снова по суше — уже в Селевкию-у-Зевгмы. Свадьба была отпразднована с общепринятой на Востоке роскошью. Затем юный царь со своей супругой и свитой снова направился в столицу империи Антиохию-на-Оронт, чтобы отсюда руководить военными операциями.

Посылка стратегов Ксенона и Феодота была неудачной, поскольку они оказались бессильны против Молона. Последний вторгся в Междуречье и занял район Аполлониатиды. Однако его главным бастионом, как и прежде, оставалась мидийская сатрапия — она была оплотом македонян в Передней Азии. Между тем царь Антиох по-прежнему придерживался своего плана похода в Египет. Поэтому подавление мятежного Молона он поручил теперь Ксенету, назначенному «полномочным стратегом». Однако наступление на Южную Сирию, на которое как царь, так и его советники возлагали весьма большие надежды, застопорилось у Герры, между Ливаном и Антиливаном. Птолемеевский стратег Феодот занял все важнейшие пункты, так что здесь для Антиоха возможность прохода была полностью исключена.

Только теперь селевкидский государственный совет решил — притом вопреки намерению Гермия — реко-

мендовать царю начать борьбу против мятежника Молона. И так уже было упущено слишком много времени — шли уже первые месяцы 220 года. Но теперь все разрешилось очень быстро: Молон был побежден, и царь в Селевкии-на-Тигре занялся наведением порядка в восточных областях, не преминув до того подвергнуть мятежников жесточайшим наказаниям. Предвидя неизбежное, Молон покончил с собой. Его труп был пригвожден к кресту в Мидии. Царь нашел даже время на поход против властителя Мидии-Атропатены — Артабазана, симпатизировавшего бунтовщикам, — впрочем, у него очевидно, не было иного выбора. Под водительством юного царя селевкидское войско одержало крупные победы в походах и сражениях в Междуречье, а также при переходе через горы Загроса. Антиох III, таким образом, достойно продолжил традиции своих предков.

Между тем среди окружения царя образовалась оппозиция против канцлера Гермия, перешедшая в конце концов в настоящий заговор, о котором будто бы был осведомлен и сам царь. Во главе заговорщиков стоял врач Аполлофан. Однажды во время утренней прогулки царя заговорщикам удалось разлучить Гермия с монархом и с его друзьями и заколоть канцлера кинжалами. После этого столичная чернь набросилась на его жену и детей, которых также лишили жизни.

Убийство Гермия, вне всякого сомнения, является темным пятном в биографии царя Антиоха. Монарх хотел наконец управлять самостоятельно. К советам своего врача Аполлофана он также, кажется, прислушивался очень недолго. После смерти Гермия о политике Антиоха III следует судить с иных позиций: за все, что отныне (с осени 220 г.) свершалось или упускалось, царь сам несет ответственность. Не приходится сомневаться, что Гермий был груб, необычайно честолюбив и чрезмерно властолюбив, однако юного царя он никогда не вводил в заблуждение и не обманывал, все, что он предпринимал, шло на пользу государству и его правителю. За убийство верного слуги царя и его державу позднее ждала жестокая расплата².

В то время как Антиох вынашивал план похода против Египта, он был встревожен дурными вестями из Малой Азии. Его двоюродный брат Ахей провозгласил себя в Анатолии независимым правителем и установил связи с

Египтом. В этот момент Антиох добился первых значительных успехов в войне с Египтом: с помощью предательства в руки селевкидского царя попала морская крепость Селевкия в Пиерии — птолемеевский анклав в районе Северной Сирии. Впрочем, после взятия этого важного портового города Антиох выказал большую умеренность: свободному населению (числом будто бы до 60 тыс.) он гарантировал личную безопасность, вернул бежавших из города горожан и возвратил им их имущество.

В это время произошло событие, которого никто не мог ожидать и которое превзошло самые невероятные надежды царя: птолемеевский генерал-губернатор Сирии и Финикии Феодот дал знать царю Антиоху, что он готов передать ему портовые города Птолемаиду и Тир. Феодот считал, что его суверен недостаточно его ценит, и потому принял решение перейти на другую сторону. Антиох, однако, не воспользовался должным образом этим обстоятельством, напротив, когда речь зашла о том, чтобы развивать наступление до самых границ Египта, он обнаружил недостаточную решимость. Его противник, царь Птолемей IV, был настолько слаб, что Антиох, безусловно, мог добиться полного успеха.

Равным образом оказалось, что и на дипломатическом поприще Антиох не был в состоянии противостоять продуманной и хитрой политике первого министра Птолемея IV Сосибия. Между Селевкией в Пиерии, которую Антиох избрал своей главной квартирой, и Александрией шел оживленный обмен посольствами, причем Антиох неоднократно ссылаясь на то, что Южная Сирия была предоставлена по решению диадохов его предку Селевку I. Впрочем, Антиох использовал историческую аргументацию и в более позднее время, особенно при переговорах с римлянами (см. ниже, с. 238). Возможно, оба монарха пришли бы к какому-нибудь компромиссу, однако, так как Птолемей IV пожелал включить в договор также и малоазийского правителя Ахея, Антиох решил, что на это условие он никак не может согласиться, если не хочет навсегда отказаться от притязаний на анатолийские области Селевкидов.

По истечении четырехмесячного перемирия борьба за Келесирию возобновилась. Селевкидский царь снова сумел добиться значительных успехов. Несколько высших офицеров из противного лагеря перешли на его сторону и

среди них — Птолемей, сын Фрасея, назначенный позднее Антиохом генерал-губернатором в Келесирии и Финикии. Весной 218 г. война возобновилась. Антиох, переживавший в Птолемаиде, двинулся со своим войском на юг, и у Рафии (Телль-Рифах) состоялось решающее сражение (217 г. до н. э.).

Оба войска под личным командованием своих царей в течение пяти дней стояли друг против друга, затем они выстроились в боевом порядке. Мы располагаем об этом весьма подробным рассказом Полибия, в котором отражена также расстановка сил [V, 82]. Оба эллинистических государства мобилизовали для этого столкновения цвет своего войска. Это произошло в то самое время, когда на западе Средиземноморья, в Италии, столкнулись лицом к лицу пунийцы и римляне, причем первыми командовал Ганнибал (битва при Тразименском озере, 217 г.).

Ядро войска составляли как на селевкидской стороне, так и на птолемеевской вооруженные по македонскому образцу фаланги пехотинцев; к этому добавлялись многочисленные отряды наемников и на обеих сторонах — большое количество слонов. Птолемей IV ввел в бой в общей сложности 73 слона, Антиох — всего 60, но меньшее количество слонов у селевкидского царя более или менее компенсировалось лучшими боевыми качествами индийских слонов по сравнению с африканскими. Помимо этого, на обеих сторонах воевали критские наемники, пользовавшиеся славой отличных пращников и лучников.

Исход битвы при Рафии принес Антиоху страшное разочарование. Правда, на правом фланге он добился существенного превосходства над египтянами, но оно было утрачено, как только центр египетского войска под личным водительством Птолемея IV перешел в решительное наступление и погнался перед собой войска царя Антиоха.

Полибий, называющий Антиоха «юным и неопытным» [V, 85, 11], возлагает вину за поражение в первую очередь на самого царя. Судьбу сражения, как было сказано, решила фаланга Птолемея, в которой особенно отличились коренные египтяне. Они здесь впервые появляются как важная составная часть птолемеевского войска. Неужели, однако, египетский царь не был в состоянии мобилизовать достаточное количество македонян и наемников? Этого мы не знаем, но в одном можно

быть уверенным: эта победа сильно повысила самосознание египтян.

Потери Антиоха были очень велики. Он недосчитался почти 10 тыс. пехотинцев и более 3 тыс. всадников, тогда как египтяне потеряли якобы всего лишь 1500 пехотинцев и примерно 700 всадников. Однако к сообщениям о потерях египтян следует отнестись с известной осторожностью, поскольку они явно происходят из дружественного Птолемею источника и потому не могут быть абсолютно достоверными.

В дополнение к указаниям Полибия о битве при Рафии есть еще один интересный египетский источник — трехязычная надпись, найденная в 1924 г. в Пифоме (Телль-эль-Маскутах). Она содержит декрет египетских жрецов — участников собрания, состоявшегося в Мемфисе. Надпись датирована 15 ноября 217 г. до н. э. Сообразно с этим битва при Рафии должна была состояться 22 июня 217 г. После победы Птолемей IV посетил различные святилища в Келесирии и в конце концов начал продвигаться в глубь селевкидской территории, пока ответным ударом сирийцев не был принужден к отступлению. 12 октября того же года он возвратился в Египет; весь поход, начиная с выступления царя из Египта, продолжался всего четыре месяца!

Поражение лишило его противника Антиоха всех надежд, так что тот был рад теперь, что добился у Птолемея IV перемирия на год. За этим перемирием позднее последовало заключение между обоими правителями договора о мире и дружбе. Антиох очень спешил, ибо давно уже пришла пора рассчитаться с Ахеем, который создал в Малой Азии независимую державу. Он даже принял царский титул и таким образом поставил себя на одну ступень с Антиохом III. Однако Антиох никогда не признавал за ним царского титула и, напротив, видел в Ахее, своем двоюродном брате, лишь соперника и узурпатора, которого следовало устранить любым способом.

Операция против Ахея была подготовлена союзом, заключенным между Антиохом III и пергамским царем Атталом I. Ахей вскоре оказался оттесненным в Сарды, а после того, как он вынужден был оставить самый город, продолжал защищаться в крепости — цитадели города. В нем все еще теплилась надежда на помощь извне.

В особенности он рассчитывал на поддержку Птолемея IV. Однако положение его становилось безнадежным, и в конце концов хитростью критянина Болида он был захвачен в плен: его обманули, обещав доставить в Эфес, где он был бы в безопасности. Мятежник предстал перед Антиохом. Тот будто бы сначала молча рассматривал Ахея, брошенного связанным у его ног, затем царя охватила жалость, и он якобы пролил горькие слезы над пленником. В царском синедрионе (государственном совете) шли долгие споры, но никто не произнес в защиту Ахея ни единого слова. Он был приговорен к смертной казни: ему отрубили голову, руки и ноги, а тело мятежника было повешено в ослиной шкуре и выставлено напоказ. Когда наконец жена Ахея, дочь понтийского царя Митридата Лаодика, сдала победителю цитадель Сард, с распрями в Малой Азии было покончено. Военные операции в Анатолии заняли немногим более двух лет (с 216 до 213 г.).

Уже в 212 г. начался поход Антиоха III в Верхние сатрапии. Во время этой кампании царь продвинулся далеко за пределы своей державы на восток и вступил в контакт с индийским царем Софагасеном. Эта экспедиция, вызвавшая к царю Антиоху безграничное восхищение всего греческого мира, была предпринята в то время, когда на Западе карфагеняне и римляне в затяжной войне оспаривали друг у друга господство. Военный поход Антиоха продолжался в общей сложности восемь лет — с 212 до 205/204 г. до н. э. Новейшие ученые правы, когда они подчеркивают, что такое широкомасштабное предприятие не могло быть предпринято без детально разработанного плана. Антиох должен был иметь конкретный замысел, который он, однако, в зависимости от обстоятельств мог изменить. В целом эта операция является, вне всякого сомнения, выдающимся достижением, блестяще характеризующим самого царя, его военных и политических советников, а также его войско. Очень жаль, что античное предание освещает этот поход более чем скудно, хотя оно и дает возможность восстановить его в главных чертах.

Поход начался наступлением на царя Армении Ксеркса (212 г. до н. э.). После того как в руки Антиоха попала расположенная между Евфратом и Тигром столица Армении Армосата (называемая также Арсамосатой),

Ксеркс прекратил сопротивление и покорился Селевкиду. Антиох оставил его во владении Арменией, но обязал выплачивать дань и поставлять лошадей и мулов. В жены ему была дапа сестра Антиоха III Антиохида (в одном более позднем источнике — у Иоанна Малалы — можно прочитать, что Антиохида впоследствии убила своего супруга, причем сделала это по подстрекательству родного брата, но соответствует ли это действительности — неизвестно).

После временной остановки в Месопотамии и Персиде начался поход в Верхние сатрапии. Антиох прошел через Каспийские ворота и столкнулся с парфянами, царем которых был тогда Арсак III. Через Гекатомпил войско проследовало дальше в Гирканию, где развернулись жестокие бои из-за городка Сирикса. Пострадали греческие жители города — они все были перебиты парфянами. Однако Арсак III оказался в конце концов в столь трудном положении, что заключил мир и союз с Антиохом (209 г.). Селевкидское войско двинулось теперь в Бактрию. Здесь правил грек из Магнесии по имени Эвфидем, свергнувший в свое время Диодота. В битве у реки Ария (Хери-Руд) блестяще отличился сам царь Антиох, выказав хладнокровие и понимание обстановки.

После подчинения областей Арианы, Маргианы и Дрангианы дело дошло до схватки с бактрийским царем Эвфидемом. Последний был поставлен своим противником в такое затруднительное положение, что стал просить Антиоха принять во внимание, что по ту сторону восточных границ стоят гигантские орды кочевников, готовые уничтожить греческие города Бактрии. Перед лицом этой опасности Антиох также проявил готовность к миру, и в конце концов был заключен союзный договор. Эвфидем, принятый в качестве вассального властелина в состав Селевкидской державы, получил возможность и впредь носить царский титул.

Покончив с этим, Антиох перевалил со своим войском через покрытый снегом массив Гиндукуша и через долину Кабула достиг области государства Маурьев. Царя Ашоки, который в греческих надписях называется Пиодасс, тогда уже не было в живых, и в области Кабула правил Софагазен. Он признал верховную власть Антиоха и предоставил в его распоряжение некоторое количество слонов. Таким образом, Антиохом была достигнута

крайняя восточная точка его маршрута (206 г.), и теперь через Арахозию, Карманию и Персиду он решил вернуться обратно в Вавилонию. Подчинив своей власти также геррейцев и совершив морскую экспедицию на остров Тилос (Бахрейн), он возвратился наконец в Селевкию-на-Тигре.

Гигантский круг был замкнут — шел 205/204 год. Антиох принял теперь титул «Великий царь» (*basileus mégas*), который когда-то носили цари персов Ахемениды. Этим титулом он хотел показать, что обладает царством особого рода, под покровом которого нашел себе место целый ряд вассальных царей. Отныне он стал называться «Антиохом Великим». Это был типичный почетный титул, который другому великому деятелю — Александру — мир пожаловал лишь после его смерти³. Так или иначе, эллинистический мир имел в лице Антиоха царя, занимавшего, безусловно, первое место среди тогдашних эллинистических монархов. В общественном мнении его личность стояла гораздо выше спорной фигуры Птолемея IV (221—204). Равным образом и македонский царь Филипп V (221—179 гг.) не мог предьявить дел, которые можно было бы сравнить с деяниями Антиоха. После долгого периода упадка Антиох III привел державу к новому расцвету. Существенным результатом его анабасиса было то, что селевкидские сатрапии оказались в окружении вассальных государств, верность которых царю зависела, разумеется, от его военной силы⁴.

Спрашивается теперь, как организовал Антиох державу, простиравшуюся от Геллеспонта до границ Индии? Селевкидский монарх предпринял для этого некоторую децентрализацию, подчинив как области в Малой Азии, так и Верхние сатрапии в целом особым наместникам, т. е. генерал-губернаторам. Резиденции их были в Сардах и в Селевкии-на-Тигре. Обе эти метрополии пользовались преимуществами перед другими городами благодаря своему положению на скрещении важных коммуникаций. В остальном система управления Селевкидской державы отличалась сильно развитой милитаризацией. Наместниками отдельных провинций (сатрапий) были стратеги, объединявшие в своих руках военные и гражданские полномочия. Это, однако, приводило к концентрации управления, в которой в более ранние времена в Селевкидской державе ощущался недостаток. В помощь стратегам на-

значались уполномоченные по финансам. В сатрапиях по ту сторону Евфрата положение было несколько иным: здесь, как и во времена персидских Ахеменидов, правили сатрапы. До некоторой степени они были вице-королями в подчиненных им областях и обладали всей полнотой военной и гражданской власти. Вследствие всего этого для Селевкидской державы была характерна двуликость, ей был присущ своего рода административно-политический дуализм.

Не следует наконец забывать и о вассальных царях в Армении, в Бактрии и в пограничных районах с Индией. Действительно, было нелегко сохранить единство империи, состоящей из столь различных по характеру составных частей, тем более что огромные расстояния предъявляли большие требования к администрации и военному делу. Центром державы по-прежнему была Северная Сирия — Селевкида. Здесь находилась столица империи Антиохия-на-Оронте, а поблизости от нее — большие метрополии Селевкия, Лаодикия и Апамея. Они были не только важными центрами торговли и деловой жизни, но и местопребыванием больших гарнизонов и стоянками флота, основной базой которого была приморская Селевкия. Войско отчасти состояло все еще из македонян, хотя их число с течением времени и сократилось; к этому добавлялись контингенты воинственных народов Анатолии и Ирана. К основному ядру войска относились также наемники, набранные прежде всего в греческом мире, а также на его окраинах, как, например, во Фракии. По пестроте состава войско Селевкидов не знало себе равных: помимо вооруженной по македонскому образцу фаланги в нем были представлены почти все народы Передней Азии. Но особое значение придавали Селевкиды боевым слонам, которые в сражениях, как правило, вводились в действие на флангах.

Для того чтобы империя обладала своего рода духовным центром, в Антиохии уделялось особенное внимание отправлению культа правителя. Здесь получали божеские почести не только основатель династии Селевк I, но и последующие правители, и даже правящий царь и царица были включены в орбиту этого культа. Достиг ли монарх манифестациями такого рода желанной цели — другой вопрос, но не подлежит сомнению, что его отношение к учреждению царского культа было исключительно серь-

езным и что услужливые наместники и прочие царские чиновники ревностно содействовали развитию этого культа. Официальный культ правителя был обязателен для всех подданных империи независимо от их положения и от того, к какой народности они принадлежали.

От этого культа следует отличать городской культ правителя. Последний был обязан своим возникновением инициативе общин, которые желали выказать свою признательность царю за его благодеяния, проявленные им как во время войны, так и во время мира. В особенности старались угодить царю большие греческие метрополии на западе Малой Азии, и потому почетные декреты в честь правящего царя являются абсолютно безошибочным барометром настроений в этих городах, которые номинально считались союзниками царя, но оставались ими лишь до тех пор, пока авторитет царской власти был неколебим. В этом случае полисы в большой степени зависели от повелений властителя и указаний его представителей.

Помимо всего прочего царь располагал огромными земельными владениями. Из них при случае выделялись участки большего или меньшего размера и передавались в собственность фаворитам, которые, таким образом, подобно персидским сатрапам, могли выступать в роли землевладельцев. В Сардах находился земельный реестр для всей Селевкидской Малой Азии — здесь велся точный учет дарениям и пожалованиям царской земли. Царицы также располагали крупной земельной собственностью, как это было, например, в случае с бабкой Антиоха III Лаодикой. У нее были владения не только в Вавилонии, но и в Анатолии, и они, естественно, приносили ей значительные доходы. Земли обрабатывались крестьянами, прикрепленными к наделам и едва зарабатывавшими своим трудом на ежедневное пропитание.

Антиох III смотрел на себя как на наследника прав своего предка Селевка I. Эту свою позицию он неоднократно отстаивал перед иноземными правителями. Но в действительности он перенял также ряд важных черт у древнеперсидских царей — Ахеменидов; это отразилось также в его титуле «Великий царь». Его обращение с парфянским царем Арсаком III и правителем Бактрии Эвфидемом также восходит к персидским традициям. Среди его советников македоняне и греки, естественно,

занимали высшие места, но он привлек к своему двору и нескольких знатных иранцев, а его брачная политика, которой он виртуозно манипулировал, охватывала, в частности, и царей иранской крови. Так, среди его зятьев появился, например, царь Каппадокий Ариарат IV (195 г.).

Империя Селевкидов была македонской державой, поэтому в источниках она при случае обозначается как *regnum Macedonicum* (Македонское царство). Однако не одни лишь македоняне составляли господствующий слой — наряду с ними имелись иранцы, которые тоже достигали высокого положения. Без их помощи нельзя было обойтись в управлении империей. В этом отношении Антиох, пожалуй, ближе всего подошел к идеалу Александра Великого, хотя он и не мог сравниться со своим великим кумиром в гениальности. После анабасиса Антиоха, к концу III в. до н. э., держава Селевкидов была самой обширной и самой могущественной во всей Передней Азии. Для ее полного закругления недоставало лишь Келесирии, все еще удерживавшейся Птолемеями, и проливов, в особенности Геллеспонта, откуда можно было достичь Фракии, которая когда-то принадлежала основателю династии Селевку I, победившему фракийского царя Лисимаха при Курупедионе (281 г.).

За обладание Келесирией и Геллеспонтом Антиох III провел две войны. Первую войну — против Египта — он смог завершить блестящей победой, другую, в которой борьба шла за обладание проливами и Фракией, он проиграл, потому что здесь на его пути в качестве противников встали римляне. Это поражение было началом упадка державы и династии Селевкидов.

В эллинистической истории большую роль сыграл договор о разделе империи Птолемеев, заключенный Антиохом с Филиппом V Македонским, вероятно, в 203/202 г. Этот договор, в историчности которого едва ли можно сомневаться, мог появиться лишь в результате ослабления Птолемеевской державы. В 204 г. умер Птолемей IV Филопатор, его преемник Птолемей V Эпифан был еще маленьким ребенком. По-видимому, именно Филипп V Македонский побудил Селевкида попытаться еще раз осуществить свои планы насчет Келесирии, тогда как сам Филипп сохранял за собой свободу действий во Фракии и в западной Малой Азии. Союзники, видимо, намеревались сначала занять окраинные области Птолемеев, т. е.

их владения в Эгеиде, в Западной Анатолии (на побережье) и, может быть, еще Киренаику. Если бы это удалось, то предполагалось захватить также сердце державы — Египет. Антиох заключил тем самым неплохую сделку, ибо ему совершенно недвусмысленно была обещана Келесирия, которой он уже давно мечтал завладеть.

Военные действия начались весной 202 г. Антиох III вторгся в Келесирию, в то время как македонский царь обратился к захвату птолемеевских владений в Пропонтиде (Мраморное море). На первых порах все шло согласно желаниям союзников; лишь город Газа оказал Антиоху незначительное сопротивление, которое было быстро сломлено (летом или осенью 201 г.). Зимой того же года Селевкида постигла неудача по вине птолемеевского стратега Скопаса, решившего овладеть Иудеей. Антиох находился в тот момент в Малой Азии, где он вел войну против пергамского правителя Аттала I. Вернувшись в Сирию, Антиох разбил птолемеевское войско у святилища Пана (Панеон) близ истоков Иордана (200 г.). Почти вся Палестина досталась Селевкиду, покорились также иудеи; они были щедро вознаграждены, после того как выдали царю птолемеевский гарнизон, находившийся в Иерусалимской цитадели. Антиох пожаловал иудейскому народу особый статут, которым были определены права и свободы иудеев. Этот статут составлял отныне великую хартию иудеев при Селевкидах; он просуществовал до тех пор, пока Селевкиды удерживали власть в Иудее, т. е. до выступления Маккавеев. Несколько лет спустя между империей Селевкидов и державой Птолемеев был заключен договор о мире и союзе, скрепленный обручением селевкидской царевны Клеопатры (первой с таким именем) с юным царем Птолемеем V Эпифаном (впрочем, вероятно, лишь в 196 г.).

197 год был отмечен новым большим предприятием Антиоха: он отправил сухопутное войско в Малую Азию, а сам стал во главе флота, чтобы с его помощью подчинить своей власти города Анатолийского побережья — от Киликии до Геллеспонта. Нельзя было выбрать лучшего момента для этого: со стороны Птолемеев бояться было нечего, а у македонского союзника Антиоха — Филиппа V — была в разгаре война с римлянами. Было, разумеется, маловероятно, чтобы Антиох поспешил на помощь своему союзнику в Македонию — у него были другие

заботы. Римляне, правда, опасались совместного выступления обеих великих эллинистических держав, но Антиох и не думал вмешиваться в войну, которая его пока не касалась.

Однако тут уже родосцы не пожелали мириться с неограниченным расширением селевкидской власти на Анатолийском побережье и стали угрожать царю войной. А затем при Киноскефалах (197 г.) римлянами наголову был разгромлен Филипп — событие, которое полностью изменило расстановку сил. Впервые Антиох должен был принять к сведению растущую угрозу со стороны римлян, хотя эти последние все еще были далеко и поначалу заняты урегулированием обстановки после окончания войны в Греции. В общем Антиох мог вписать в свой актив значительные успехи в Малой Азии: начиная с Киликсии, царь вновь подчинил своей власти целый ряд городов. Перечень здесь длинный: Патара, Ксанф, Иас, Миласа, Траллы, Гераклея у Латма, Милет, Эфес, Колофон, Илион, Абидос и другие. Их принудили подчиниться отчасти силой, отчасти дипломатическим путем. Это было значительным расширением державы, что немало льстило самолюбию Антиоха.

Разумеется, появление селевкидского царя в Западной Малой Азии заставило задуматься не одних лишь родосцев и пергамцев, действиями Антиоха начали интересоваться также римляне — они опасались вторжения царя во Фракию и даже в Македонию, что непременно должно было привести к военному столкновению. Поэтому не удивительно, что римский полководец Т. Квинкций Фламинин велел передать царю Антиоху, чтобы он вернул свободу автономным городам, а также всем городам, которые до того были македонскими или птолемеевскими, но прежде всего он предупредил царя, чтобы тот не вступал с войском в Европу.

На Истмийских играх 196 г. Фламинин провозгласил свободу эллинов, поскольку они до сих пор находились под господством македонян. Это возвешение свободы эллинам оказало также свое воздействие на греков Малой Азии. Город Смирна стал первым, воздвигшим храм *dea Roma* (богине РOME) (195 г.). Отношения Антиоха с римлянами были омрачены еще и тем, что царь игнорировал все их предупреждения. Напротив, он велел вновь отстроить на фракийском Херсонесе (Галлиполи)

древнюю разрушенную столицу Фракийского царства Лисимахию. При этом он дал понять римлянам, что он по праву претендует на владение Фракией, что это право восходит еще к его предку Селевку I.

Зиму 196/195 г. Антиох провел в своей сирийской резиденции Антиохии, но, как только позволило время года, он снова вернулся на фракийский Херсонес, а оттуда предпринял несколько демонстративных экспедиций против фракийцев. Он хотел этим дать понять, что не позволит оспаривать у себя власть над проливами. Кстати, незадолго до этого он принял в Эфесе злейшего врага римлян — пунийца Ганнибала — и оказал ему высокие почести, так что поведение селевкидского царя было равносильно нанесению преднамеренного оскорбления римлянам. Это имело место в 195 г. Тогда Антиох был уже убежден в неизбежности конфликта с римлянами, хотя и старался еще дипломатическими средствами отсрочить открытую войну. Начался обмен посольствами, но позиции сторон так ожесточились, что компромисс был уже невозможен.

Впрочем, надо признать, что Антиох подготавливал войну весьма методично. Прежде всего, он установил контакт с карфагенянами, но эти последние отнеслись к его предложениям весьма холодно — они были не в состоянии увлечься проектами селевкидского царя. Между тем Антиох решил использовать в своих интересах и династические браки: царь Каппадокии Ариарат IV получил руку дочери Антиоха III Антиохиды, а в Рафии, в том самом месте, где Антиох более 20 лет назад потерпел свое самое крупное поражение, была отпразднована свадьба его дочери Клеопатры с Птолемеем V. По отношению к этому своему зятю Антиох выказал исключительную щедрость: он передал дочери доходы от нескольких городов Келесирии, Иудеи и Финикии, однако территориальный суверенитет селевкидского царя остался неизменным.

Тем временем снова наступила зима (194/193 г.). Неустойчивое положение в Анатолии требовало срочного возвращения царя в Малую Азию. Чтобы не простаивало войско, Антиох предпринял военный поход в суровую Писидию, где его противниками были воинственные сельги. Одновременно продолжались дипломатические переговоры с римлянами, но уже чувствовалась неизбежность кризиса во взаимоотношениях, и никто не мог предсказать, как долго еще сохранится мир (193 г.). Римляне

отправили к царю посольство во главе с П. Виллием. Антиох вел переговоры одновременно в Эфесе — здесь при помощи своего друга Минниона — и в Риме, однако сколько-нибудь ощутимых результатов так и не было достигнуто, поскольку взгляды переговаривающихся сторон нельзя было свести к одному знаменателю. В этот момент в спор включились этолийцы. Они потребовали от Антиоха, чтобы он поднял в Греции борьбу против римлян. Царя хотели убедить в том, что он с легкостью найдет в Греции союзников. Но Антиох откликнулся на этот призыв лишь в следующем, 192-м году, после того как Этолийский союз обратился к нему еще раз с настоятельным призывом. Передают, что Ганнибал во время своего пребывания в Эфесе советовал царю напасть на римлян в их собственной стране, в Италии, но от этого плана Антиох в 192 г. окончательно отказался, так как давно уже осознал, что для столь глобального предприятия он не подготовлен надлежащим образом ни на суше, ни на море. Вообще, селевкидский царь не относился к людям, готовым идти на большой риск, он был скорее приверженцем ограниченных наступательных действий, поскольку он не мог отказаться от связи со своими ресурсами в Передней Азии.

В начале 192 г. Антиох перешел в Грецию. Его силы были не слишком велики — они насчитывали всего 10 тыс. пехотинцев, 500 всадников и шесть слонов. Как в древности, так и в новое время Антиоха порицали за эти недостаточные вооруженные силы, однако незначительная численность войска может быть, по крайней мере частично, объяснена трудностью пополнения, которое могло осуществляться лишь при непрерывной связи с тыловыми ресурсами селевкидской империи. Во всяком случае, сам Антиох, должно быть, был убежден в эффективности предпринимаемого им похода. Этолийцы назначили его полномочным стратегом своего союза, что, по-видимому, должно было обозначать своего рода почетное командование над вооруженными силами Этолийского союза.

Высадка была произведена в Деметриаде, в Фессалии; место для начала будущих операций было выбрано неплохо, поскольку оно предоставляло все возможности для действий как на севере, так и на юге Греции. Однако дела в Греции продвигались не так, как хотелось, и, хотя население некоторых областей, как, например, элейцы и

эпироты, а в конце концов даже беотийцы, бросилось в объятия селевкидского царя, остальные, и притом большинство эллинских общин, знать ничего не желали об Антиохе, поскольку они не доверяли ему и испытывали страх перед римлянами. К тому же большое значение имело то, что Антиох не смог противопоставить никакого убедительного лозунга римской пропаганде, которая во весь голос ратовала за свободу эллинов по эту и по ту сторону Эгейды. Да и что мог он предложить грекам?

Ганнибал держался того взгляда, что первоочередной задачей является склонить к заключению союза македонского царя Филиппа V, но здесь Антиоха постигла полная неудача, вину за которую он должен был приписать только самому себе. А дело было в том, что селевкидский царь распорядился захоронить в гигантском кургане все еще лежавшие без погребения на поле боя у Киноскефал трупы македонян — акция, которая будто бы совершенно вывела из себя Филиппа V. Последний вступил в контакт с римским пропретором М. Бебием и заявил о своей готовности участвовать в действиях против Антиоха. Греческая операция была для селевкидского царя, таким образом, с самого начала обречена на провал.

Вообще в поведении Антиоха многое остается загадочным, и исследователям даже в будущем вряд ли удастся полностью постичь намерения царя. Как, в самом деле, объяснить, что после нескольких первоначальных успехов в Фессалии Антиох отправился в Халкиду на Эвбее и здесь — уже в возрасте 52 лет — вступил в брак с дочерью богатого горожанина (ее звали, как и остров, Эвбея)? Заключение этого брака вызвало по отношению к Антиоху упреки многочисленных критиков античного и нового времени, да и на самом деле — эта женитьба, как и последовавшая зимовка его войск в Халкиде на рубеже 192—191 гг., вряд ли имеет под собой рациональные основания. Дело было не в том, что юная гречанка не была достаточно знатного происхождения — на это в древности почти никто не обращал внимания, — а в том, что, по всей вероятности, была еще жива законная супруга царя — Лаодика. Это подтверждается тем, что еще в 177 г. ее имя появляется на одной греческой надписи из Суз. Полибий [XX, 8] обвиняет царя еще в том, что тот находил чересчур много радости в вине. А это, продолжает историк, в сочетании с неожиданной свадьбой удерживало се-

левкидского властителя от необходимой подготовки для будущих предприятий — серьезный упрек, на который трудно что-либо возразить.

Между тем римляне усилили свои позиции высадкой войска под командованием Мания Ацилия Глабриона, и летом следующего года (191 г.) Антиох потерпел поражение при Фермопилах. В сопровождении остатков своего разбитого войска царь снова направился в Халкиду, откуда он, не мешкая, переправился в Эфес. Греческая авантюра нашла, таким образом, летом 191 г. столь же скорый, как и бесславный для Антиоха конец. Самоуверенности Антиоха был тем самым нанесен тяжкий удар, от которого царь никогда полностью уже не мог оправиться.

Со времени этих событий в Греции от прежнего величия Антиоха осталась лишь тень, и даже друзьям, желавшим ему добра, не удавалось вновь его ободрить. Некоторое время царь пробыл в Эфесе, а затем, избавившись от своей летаргии, начал вооружаться для морской войны с римлянами, чей флот теперь появился в водах Эгейды. Но и на море Антиох терпел одни лишь поражения. В них оказался запутан и Ганнибал, чьи способности, безусловно, нашли бы лучшее применение в войне на суше. Антиох был так подавлен, что неоднократно предлагал римлянам мир, но те теперь не соглашались: они твердо решили напасть на царя на его собственной территории. Когда римское войско под командованием Сципионов появилось в Малой Азии, Антиох снова стал заверять римлян в своей готовности заключить с ними мир. Однако, поскольку римляне теперь потребовали уступки всей расположенной по эту сторону Тавра селевкидской области, Антиох снова сник и от отчаяния предоставил оружию решить судьбу своей империи.

Битва состоялась зимой 190/189 г. (в последние недели 190 или в первые недели следующего года) при Магнесии у горы Сипила. Она завершилась полным разгромом Антиоха. Поразительно то, что римляне со своим 30-тысячным войском оказались все же по сравнению со своим противником в значительном меньшинстве, ибо войско Антиоха насчитывало в общей сложности 60 тыс. человек, но эта цифра, возможно, преувеличена. Царь стянул войска со всей своей державы. Ядро армии образовывала, как когда-то при Рафии, вооруженная по маке-

донскому образцу фаланга, в бой были брошены также слоны и боевые колесницы.

В распоряжении римлян было всего два легиона с соответствующими вспомогательными отрядами. Африканских слонов они поставили позади фронта, поскольку те не могли равняться с индийскими слонами Антиоха. На правом крыле у римлян стояла конница под командой пергамского царя Эвмена II. Именно здесь и начались все несчастья Антиоха. Водители боевых колесниц были перестреляны неприятельскими лучниками, и все левое крыло Антиоха было затем растоптано конницей во главе с Эвменом II в результате блестящей кавалерийской атаки.

На другом фланге Антиох прорвался до самого римского лагеря, однако овладеть им он не смог, поскольку тот был хорошо укреплен и охраняем, а в центре оказывала сопротивление только македонская фаланга, но и она была зажата со всех сторон, и Антиох с правого крыла не смог ей ничем помочь. Когда ему наконец удалось направиться к своему войску, занимавшему центр, здесь уже все было кончено. Лагерь также оказался в руках римлян. Войско Антиоха распалось — практически его больше не существовало; все, кто еще уцелел, обратились в бегство, и к этому потоку примкнул и царь. Ночью ему удалось достичь Сард; отсюда он поспешил дальше в Апамею во Фригии, а оттуда через горы Тавра в Сирию. С потерей всей Малой Азии он уже смирился.

Лишь после долгих раздумий пошел Антиох на это решающее сражение — им владело чувство, что ему не по плечу бороться с римлянами. Это чувство и в будущем его уже не оставляло. К военному превосходству римлян добавлялись еще их дипломатия и пропаганда, повсюду побуждавшие к борьбе противников селевкидского царя. Пропагандистское оружие этого последнего, напротив, было лишено убедительности, его лозунги не производили впечатления, и меньше всего они оказывали воздействие на эллинов по обе стороны Эгейского моря.

Друзья серьезно порицали Антиоха за его поведение. Они упрекали его в том, что он чересчур поспешно ушел из фракийского Херсонеса и таким образом расчистил римлянам путь в Малую Азию еще до решающих столкновений в Европе. Диспозиция войск в битве при Магнезии, по их мнению, также была весьма неудачна: он обрек

на верную гибель цвет своего войска — македонскую фалангу, — между тем как на другие, лишь незадолго до того сформированные контингенты войск возлагал совершенно необоснованные надежды, хотя они во всех отношениях сильно уступали римлянам.

В этих упреках, вне всякого сомнения, есть доля истины, однако в них не учитывается, что Антиоху в его прежних кампаниях приходилось иметь дело с противниками, которые в военном отношении были намного слабее его. Военная тактика римлян, у которой уже были на счету большие успехи в борьбе против Ганнибала (у Замы, 202 г.) и против Филиппа V (у Киноскефал, 197 г.), была ему незнакома, иначе не могло бы случиться, чтобы атака конницы Эвмена II имела столь губительные последствия. Однако, как сказано ошибку следует искать прежде всего в области психологии: Антиох III, чьим идеалом был Александр Великий, столкнулся здесь с совершенно чуждым ему миром, понять который он был не в состоянии. Правда, среди окружения царя был целый ряд ярких личностей — здесь достаточно будет упомянуть о пунийце Ганнибале или вице-короле Малой Азии Зевксиде, — но эти люди не могли добиться признания в военном совете, ибо в конечном счете все решала воля Великого царя, а этот последний был одержим нереальными прожектами, пока наконец в Элладе ему не пришлось столкнуться с суровой действительностью, сломившей волю царя, и не было человека, который был бы в состоянии возродить ее.

Как для Пруссии битва при Иене и Ауэрштедте в 1806 г., так и для Селевкидской империи битва при Магнесии имела катастрофические последствия. Целый ряд городов — и среди них Фиатира, Магнесия у Сипила, а также Сарды — открыли свои ворота победителям; им последовали Траллы, Магнесия-на-Меандре и Эфес. Все они ориентировались теперь на восходящее с Запада новое светило. Одним ударом была потеряна вся селевкидская Анатолия. Повсюду римлян принимали с радостью — прокламации о свободе эллинов начали оказывать свое воздействие на греческие города, и время селевкидского господства многим представлялось теперь лишь далеким сновидением.

Предъявленные римлянами условия были в высшей степени суровы и даже унижительны для царя: все земли,

которыми Антиох владел по обе стороны Геллеспонта, вплоть до Тавра, должны были быть им освобождены; кроме того, он должен был уплатить в возмещение военных расходов круглую сумму в 15 тыс. талантов; далее, от него требовали выдачи ряда лиц, которые, как это было в случае с Ганнибалом, находясь в лагере Антиоха, могли чинить неприятности римлянам. В окончательном виде мирный договор был составлен в Апамее, во Фригии, в 188 г. в присутствии комиссии из 10 римских представителей и пергамского царя Эвмена II. Он претерпел ряд изменений, которые следует рассматривать как уточнения первоначальных римских требований. В территориальных статьях договора, правда, ничего не было изменено: Антиох оказался вытесненным из Малой Азии, его держава начиналась отныне с южных предгорий Тавра. Римляне потребовали в качестве возмещения убытков 12 тыс. талантов серебром, из которых ежегодно надо было уплачивать по 1000 талантов; кроме того, 350 талантов серебром получал Эвмен, к этому добавлялись поставки зерна римлянам и Пергаму. Флот и подразделения слонов Антиоха подлежали расформированию; царю было оставлено, очевидно для несения сторожевой службы, только 10 кораблей, но для их плаванья на западе была установлена граница, а именно по Сарпедонскому мысу в Киликии. Римляне настаивали на выдаче Ганнибала, этолийца Фоанта и некоторых других лиц, которых они намеревались покарать, поскольку они повсюду были известны как враги римского народа. Несчастный этолиец и в самом деле был выдан, но римский сенат неожиданно пощадил его, так что Фоант снова смог заниматься политической деятельностью в своем отечестве. Иначе было с Ганнибалом. Он был своевременно предупрежден Антиохом и сумел скрыться на остров Крит. Антиох проявил себя по отношению к Ганнибалу весьма благородно: он считал своим долгом взять под защиту великого пунийского полководца и остался ему верен также тогда, когда тот попал в беду. Впрочем, всего пять лет спустя (в 183 г.) в Вифинии Ганнибал, приняв яд, покончил с собой, чтобы не попасть в руки римлян.

Таковы были важнейшие условия Апамейского мира, продиктованные римлянами царю Антиоху III летом 188 г. С великодержавным положением Селевкидского государства было покончено на все времена. Несмотря на это, Ан-

тиох III все еще располагал рядом богатых провинций, хотя некоторые вассальные князья отвернулись от него после поражения и избрали собственный путь. Это относится, в частности, к Армении. Здесь стратеги Антиоха Артаксий и Зариадрис сделали совершенно самостоятельными: с 188 г. они, провозгласив себя царями, правили страной, которая, хотя и была разделена на два царства, в течение некоторого времени смогла таким образом сохранять свою независимость.

Однако со времени Апамейского мира Селевкидская держава страдала от хронического безденежья. Казна была пуста, и репарации, выплачиваемые римлянам, ложились на нее тяжким бременем. Антиох III и поплатился жизнью при попытке найти новые источники доходов. Рассказывали, что он хотел ограбить храм Бела в Сузиане (Элимаида) и во время этой затеи был убит возмущившимися местными жителями (4 июля [?] 187 г.). По-видимому, мы имеем здесь дело с одним из нередких в эллинистическое время случаев принудительного займа у святилища — с акцией, закончившейся, вероятно, лишь по вине самого царя столь трагически. Преемником Антиоха III стал его сын Селевк IV, правивший со 187 до 175 г. до н. э. Об этом царе вряд ли можно сообщить что-либо важное — разве только то, что он прилагал все усилия, чтобы удовлетворять требования римлян.

Антиох III был женат дважды, первый раз (в 222 г.) на Лаодике, дочери понтийского царя Митридата II. Второй раз — на Эвбее, дочери Клеоптолема из Халкиды (192 г.). От первого брака у него было несколько сыновей и дочерей. Старший сын, также названный Антиохом, родился в 220 г. Когда Антиох III отправился в поход в Верхние сатрапии, он был назначен соправителем отца. Первое упоминание об этом датируется 27 марта 210 г., последнее — 5 апреля 192 г. Иными словами, царевичу было всего десять лет, когда он был провозглашен соправителем с титулом царя. Зимой 196/195 г. Антиох-сын женился на своей родной сестре Лаодике. В 193 г. царь назначил его генерал-губернатором Верхних сатрапий. Это был очень большой пост, на который он, однако, так и не успел вступить, поскольку уже в том же году неожиданно умер. Слух, что его отравил собственный отец, несомненно, злостный вымысел. Можно только сожалеть, что к этой версии, по-видимому, отнесся с доверием даже

такой историк, как Полибий. Юный наследник престола, ушедший из жизни 27 лет от роду, был настоящим Селевкидом, и, как такового, его высоко оценивает Ливий [XXXV, 15,2], который здесь определенно восходит к Полибию. Смерть одаренного и энергичного наследника была тяжелой утратой для державы и династии Антиоха.

Его вторым сыном был позднейший Селевк IV Филопатор, родившийся после 220 и умерший в 175 г. Для него и была отстроена заново древняя Лисимахия. Повидимому, он должен был занять место отца в Европе. Это произошло в 196 г., и еще пять лет спустя засвидетельствовано его присутствие в этом районе. Он также был женат на некоей Лаодике, и можно предположить, что речь здесь идет о вдове его старшего брата. Намного моложе был третий сын — впоследствии Антиох IV Эпифан, вошедший в историю своими столкновениями с Маккавеями. Он правил в качестве преемника своего старшего брата со 175 до 164 (?) г. Его жена также носила имя Лаодика, — возможно, что это была одна и та же бывшая жена двух старших братьев, но никакой уверенности в правильности этого предположения нет. Примечательно, что Антиох IV также погиб при посягательстве на сокровища храма в Элимаиде.

Дочерей Антиоха III звали Лаодика, Антиохида и Клеопатра. К ним нужно добавить еще одну, которая была предназначена в жены Эвмену II Пергамскому, — ее имя, однако, неизвестно. Самой знаменитой из них была, пожалуй, Клеопатра, родоначальница последующих Птолемеев благодаря ее замужеству с Птолемеем V Эпифаном. Оба супруга, впрочем, при бракосочетании находились еще в детском возрасте: Птолемею было 16, а Клеопатре всего лишь 11 лет! Клеопатра, прозванная в Египте «Сириянкой», проявила себя в дальнейшем весьма энергичной правительницей. После смерти своего супруга (180 г. до н. э.) она вместе со своим старшим сыном Птолемеем VI Филометором еще в течение четырех лет управляла Птолемеевской державой, которая, впрочем, именно тогда переживала глубокий упадок.

Античная историография относилась к памяти Антиоха III не очень благосклонно. Все же не следует упускать из виду, что именно этот царь после долгих лет упадка еще раз поднял державу Селевкидов на вершину процветания, в особенности своим походом в Верхние сатрапии.

И не его вина, что римская политика «освобождения», начатая Т. Квинкцием Фламинином, подорвала основы селевкидского господства в Малой Азии. Если же Антиох III воспротивился этому, то кто решится его за это упрекнуть? Однако для борьбы с римлянами не на жизнь, а на смерть он не был достаточно подготовлен ни идейно, ни материально, да и его истинные интересы лежали не столько на Западе, сколько на Востоке, где он многого добился. Война в Греции была для него лишь одной из его многочисленных экспедиций, которую он прервал, как только неудача стала очевидной. Он также отказался от селевкидской Малой Азии, когда проиграл битву при Магнезии. Однако при крушении своих больших надежд он сохранил царское достоинство. Попад в беду, он оставался верен друзьям; нам неизвестно ни одного случая вероломства или коварства с его стороны. Смерть Гермия, по-видимому, не следует вменять только ему в вину. И если позднейшая традиция утверждает, что он будто бы погубил царя Мидии Атропатены Ксеркса, то это документально не подтверждено. В юности он слишком полагался на своих советников, а они не всегда направляли действия царя в его интересах. Ему было чуждо чувство страха; как при Рафии, так и при Магнезии он сражался в первых рядах. Однако он не считал эти поражения столь серьезными, чтобы искать смерти на поле боя; в обоих случаях он смог спастись, при Магнезии, впрочем, лишь с большим трудом. Он погиб в Элимаиде при акции, недостойной царя. Однако нужда не знает закона, и требования римлян надо было выполнять. Как бы то ни было, Антиох был выдающимся правителем, и имя «Великий» он носил с полным правом. Его, вне всякого сомнения, можно отнести к числу величайших эллинистических царей — лишь римляне положили предел его величию.

IX

Филипп V, царь македонян

(238—179 гг. до н. э.)

История царя Филиппа V (он правил с 222/221 до 179 г.) в значительной степени совпадает с историей македонского народа в период римской экспансии, начавшейся с 1-й Иллирийской войны (229 г.), когда римляне впервые решили вмешаться в дела восточного побережья Адриатического моря. С этого момента над Македонией навис Дамоклов меч римской интервенции. Положение обострилось еще и потому, что Македония в силу необходимости оказалась втянутой во внутренние дела Греции. Союзническая война (220—217 гг.) подвергла тяжкому испытанию структуру эллинской симмахии, протектором которой был македонский царь. Вступление Филиппа V на стороне Ганнибала во 2-ю Пуническую войну (215 г.) означало поворотный пункт в македонской внешней политике, однако силы македонян были недостаточны, чтобы они могли оказать карфагенянам действенную поддержку. И окончательно судьба Македонии была решена на поле боя при Киноскефалах во 2-й Македонской войне

(200—197 гг.). Победителем стал римлянин Т. Квинкий Фламинин, большой друг эллинов. Последующие годы, вплоть до смерти Филиппа (179 г.), являются лишь эпилогом большой драмы. Никаких дел всемирно-исторического значения Филипп в эти десятилетия уже не мог совершить — он целиком зависел от приказаний могущественных римлян.

Филипп V был сыном царя Деметрия II и Фтии, которую называли также Хрисейдой. Он появился на свет в 238 г., т. е. год спустя после смерти своего деда, великого царя Антигона Гоната. Фтия была эпирской царевной — ее отцом был Александр, а дедом — Пирр. Ее матерью была Олимпиада, сводная сестра эпирского царя. Связь с эпирским царским домом не имела, однако, никакого значения в жизни Филиппа, поскольку монархия в Эпире была уничтожена революцией в 233 г. Тогда, в Амбракии, погибла родственница Филиппа Деидамия.

Правление Деметрия II характеризуется, в сущности, беспрерывными войнами, и в борьбе с дарданами на северной границе Македонии царь, должно быть, и погиб (в 229 или уже в 230 г.). Его сыну и наследнику Филиппу было тогда только восемь лет. Правление перешло в руки его дяди Антигона Досона, приходившегося двоюродным братом Деметрию II. Антигон Досон управлял Македонией с 230 (или 229) до 222/221 г. до н. э. сначала (по-видимому, в течение трех лет) как стратег, а затем, по воле македонского войскового собрания, в качестве царя. Он взял себе в жены мать Филиппа, вдову Деметрия II.

Для Македонии это было в высшей степени критическое время, но энергия Антигона Досона (прозвище означает, по-видимому, «тот, кто вернет власть») проявила себя в этих обстоятельствах с самой лучшей стороны. Он не только отбросил от северной границы дарданов, но и предпринял — для многих совершенно неожиданно — морскую экспедицию в Карию (в 227 г.), где он сумел приобрести ряд территорий, унаследованных впоследствии Филиппом V. Но самым важным было учреждение в 224 г. большой эллинской симмахии, совместно с которой Антигон выступил против возглавляемых царем Клеоменом III спартанцев. При Селласии (июль 222 г.) победу одержали македоняне и союзные с ними ахейцы. Сам Антигон Досон несколько месяцев спустя умер — в конце

222 или в начале следующего года. Причиной смерти в античных источниках называют туберкулез.

Ранняя смерть Антигона была тяжелым ударом для царской семьи. Единственному престолонаследнику — Филиппу было всего 16 лет. До сих пор он не принимал значительного участия в политической жизни, но в пользу дальновидности Антигона говорит то, что он зимой 222/221 г. отправил юного царевича в Элладу с целью установить контакт с главой Ахейского союза Аратом. Миссия Филиппа имела важное значение, ибо на тесное сотрудничество в эллинской симмахии можно было рассчитывать лишь в том случае, если бы македоняне и ахейцы выступали заодно. Помимо этого Антигон оставил своего рода политическое завещание. В нем он назначал в помощь юному Филиппу коронный совет. Полибий [IV, 87, 8] сообщает имена членов этого совета. Это были Апеллес, о должности которого ничего не известно, предводитель пельтастов (легковооруженных) Леонтий, глава государственной канцелярии Мегалей, генерал-губернатор македонских владений в Пелопоннесе Таврион и министр двора Александр. Из этих пяти сановников Филипп больше всего ценил Леонтия и Мегалея. Мнения остальных не спрашивали, ибо Филипп с самого начала желал править один или, самое большее, с помощью своих друзей, за что его и порицает Полибий: юный царь будто бы очень скоро обнаружил признаки недомыслия и алчности. Естественно, что тем самым изложение Полибия приобретает неблагоприятную для Филиппа окраску и поэтому его следует воспринимать лишь критически.

Начало правления Филиппа V падает на время, характеризующееся существенными переменами в эллинистических государствах. В империи Селевкидов незадолго до того (в 223 г.) на трон вступил Антиох III, а в Египте закончил свой жизненный путь Птолемей III Эвергет (по-видимому, в первые недели 221 г.). Его преемник Птолемей IV Филопатор отнюдь не был выдающимся правителем — во всяком случае, политические дела он передоверил своему фавориту Сосибия, обладавшему качествами крупного государственного деятеля.

У Филиппа же было достаточно своих забот. В первую очередь они касались его отношений с греческими государствами. В Элладе снова начались военные столкновения между этолийцами и ахейцами. Ахейский союз был

важным членом основанной Антигоном Досоном эллинской симмахии — объединения, куда входили почти все значительные эллинские государства и племена, а именно: наряду с ахейцами также беотийцы, фокидяне, акарнаны, фессалийцы и даже эпироты. Но и этолийцы выросли в значительную силу в Средней Греции, в частности, они удерживали ведущее положение в Дельфах и в Дельфийской амфикистии, которая полностью зависела от них. Вообще этолийцев побаивались из-за их разбойничьих нападений как на море, так и на суше. Страх перед ними побуждал многие греческие государства заключать с ними договора об асии, чтобы обезопасить себя от их разбойничьих набегов. Яблоком раздора между ахейцами и этолийцами была прежде всего область Мессении, жители которой не могли решиться на присоединение ни к той, ни к другой стороне. Аналогично обстояли дела и в Лакедемоне. Здесь шла борьба между друзьями македонян и приверженцами этолийцев. Короче говоря, обстановка в Пелопоннесе дошла до всеобщего брожения, и никто не мог предугадать, что принесет будущее.

В Македонии с тревогой наблюдали за развитием событий в Элладе, но предел выжидательной политике был положен лишь тогда, когда в смуты вмешались еще и иллирийские пираты под водительством династа Деметрия Фаросского. Царь Филипп направился в Коринф, главный опорный пункт македонского владычества в Греции, чтобы взять руководство действиями в свои руки. Со Спартой справились быстро, но объявление войны этолийцам летом 220 г. было решением, последствия которого тогда еще нельзя было предусмотреть. За этим объявлением войны, несомненно, стоял глава Ахейского союза Арат, сумевший направить действия юного царя в нужном для себя направлении.

Не удивительно, что во время своего выступления перед ахейским союзным собранием в Эгии Филипп заслужил горячее одобрение. Как правитель он был совершенно в духе ахейцев. Однако не все шло по желанию союзников. В Спарте верх взяла этолийская партия, а во время пребывания Филиппа в Эпире — он осаждал там крепость Амбрак — этолийцы под водительством Скопаса предприняли вторжение в Македонию. При этом они разграбили город Дион, известный своим святилищем Зевса. Портики святилища были уничтожены огнем, а скульп-

турные изображения македонских царей разбиты (лето 219 г.). Вообще, для Союзнической войны характерны были с обеих сторон грабительские набеги. Так, этолийцы причинили большой ущерб святилищу Зевса Додонского в Эпире (осень 219 г.).

В эти же недели и месяцы в войну была втянута также Иллирия. На этот раз римляне обратились против Деметрия Фаросского. Его быстроходные корабли — лембы — наносили торговле римлян и италиков в Адриатике большой ущерб. Но Деметрию Фаросскому было не по плечу бороться с римлянами, и он удалился в Македонию, где его весьма дружелюбно принял царь Филипп. Римляне же распространили свою власть на города Фарос и Дималл, чем они сильно приблизились к Македонии и во всяком случае заняли прочные позиции на восточном побережье Адриатического моря (219 г.).

Разумеется, Филиппу действия римлян пришлось не по вкусу, но он не видел никакой возможности пресечь их и потому на первых порах должен был смириться с присутствием неприятеля, вторгшегося с противоположной стороны Адриатики. Лучше складывались дела у Филиппа в Греции: в Пелопоннесе македоняне добились легкой победы, в частности над элейцами. При этом македоняне тоже обратились к грабежам и уводили все, что попадало в их руки, — людей и их добро; особенно тяжело пострадала богатая область Элида, в не меньшей степени Трифилия, которую, кроме того, принудили к вступлению в эллинскую симмахию. Пелопоннесский поход завершился большим успехом Филиппа. Сам царь зарекомендовал себя способным стратегом. Во время осад он неоднократно подвергался опасностям и давал своим воинам замечательный пример храбрости. Даже обычно весьма критически настроенный Полибий на этот раз не жалеет похвал. Он отмечает в царе присутствие духа, отличную память и обходительность, восхищается его царским воспитанием, энергией, а кроме того, его способностью действовать и смелостью на войне [IV, 77, 2—3]. Это суждение Полибия особенно ценно, так как в нем ярко проступают положительные стороны характера царя. И в ряде других мест Полибий указывает на личное участие юного правителя в военных действиях, как, например, при захвате городка Алифиры [V, 78, 8 и сл.]. Не удивительно, что к царю повсюду относились с ува-

жением и восхищением. Филиппу было тогда всего 20 лет (зима 219/218 г.), но он уже проявил себя достойным наследником своих выдающихся предшественников на македонском троне.

Лето 218 г. было отмечено морской экспедицией на остров Кефалления, но здесь военная удача изменила македонскому царю, ибо ему не удалось покорить город Палы и осаду пришлось снять. Таким образом, не была достигнута поставленная цель — покончить с морским разбоем жителей Кефаллении. Мало славы принесло также нападение македонян — и снова под личным водительством молодого царя — на город Ферм в Этолии. Этот город был центром Этолийского союза. Он не был укреплен и изобилдовал храмами и портиками. Здесь македоняне дали волю своей ярости; они решили отомстить этолийцам за разрушение Диона и явно преуспели в этом. По всему Ферму можно было видеть низвергнутые статуи, так что македоняне не остались в долгу у этолийцев (лето 218 г.).

Полибий был преисполнен возмущения поведением Филиппа, которое в самом деле противоречило как божеским, так и человеческим законам греков, однако он считает, что действия царя следует объяснить влиянием на него Деметрия Фаросского, но в пользу этой версии не приводится никаких убедительных доказательств [Polyb., VII, 14, 3].

Между тем в лагере македонян начались трения. Образовались две партии: одна держала сторону Арата и Ахейского союза, другая действовала против них. Произошел раскол также в среде высокопоставленных сановников македонского царя. В то время как министр царского двора Александр и генерал-губернатор Пелопоннеса Таврион выступали за Арата, Апеллес, Леонтий и Мегалей заняли противоположную позицию. По-видимому, царь сначала не мог решиться на то, чтобы открыто заявить о своей позиции; сначала он был скорее против Арата, но, когда во время праздника с жертвоприношениями противники Арата набросились на него с грубой бранью и оскорблениями и дело дошло до открытого скандала, юный царь, которому только что исполнилось 20 лет, не мог больше ограничиваться ролью молчаливого наблюдателя. Он велел арестовать Мегалея и некоего Кринона, впрочем, первый вскоре снова был отпущен на свободу. Несколько

позже в Коринфе начались волнения среди македонских войск, ответственность за которые несли Леонтий и Мегалей. Царь снова был вынужден вмешаться, но он еще воздерживался от принятия жестких мер, и только бегство Мегалея в Фивы заставило его изменить свою позицию: Леонтий и Апеллес по приказу царя были казнены, а Мегалей, попавший в безвыходное положение, покончил жизнь самоубийством в Фивах.

Эти события бросают мрачную тень на ближайшее окружение македонского царя, который, очевидно, не сумел сгладить противоречивые интересы сторон. В частности, ему так и не удалось добиться примирения между приверженцами Ахейского союза и их противниками из числа друзей самого монарха. Историком трудно избавиться от подозрения, что здесь — и притом именно со стороны ахейцев, т. е. Арата, — не обошлось без основательного подкупа, ибо иначе было бы немыслимо сочувствие высокопоставленных македонских сановников делу Арата.

Между тем Союзническая война стала совершенно невыносимым бременем для Греции. Прекратилась всякая деловая жизнь, никто не был застрахован от нападений, грабежей и контрибуций. Филипп, который понял, что война не принесет ему решающей победы, был готов на приемлемых условиях заключить мир. Но надежда на мир появилась лишь тогда, когда посредниками выступили внешние силы — сначала Родос и Хиос, а затем также Византий и царь Птолемей IV Филопатор.

Греки давно уже устали от этой войны, ибо, хотя и нельзя было отметить крупных сражений, потери в людях были велики. Одним лишь элейцам после двух военных столкновений пришлось оплакивать не менее 600 убитых и 280 пленных¹, а в других участвовавших в войне государствах картина была, видимо, еще более удручающей. В Греции в то время уже не было избытка в людях, тем более что многие эллины зарабатывали свой хлеб в качестве наемников за пределами своей страны.

Во время пребывания царя на Истме, где он любовался Немейскими играми, поступило неожиданное сообщение: Ганнибал наголову разбил римлян у Тразименского озера. Это было первое большое сражение в ходе 2-й Пунической войны летом 217 г. Деметрий Фаросский решил, что пробил его час, и настойчиво стал уговаривать

юного царя направиться в Иллирию и, смотря по обстоятельствам, также вступить в войну против римлян на территории Италии. Разумеется, это были всего лишь мечты, которым, как известно, никогда не суждено было осуществиться. Но Филипп был буквально заморожен широтой открывавшихся перед ним перспектив. Разве не был он отпрыском рода Филиппа II и Александра Великого² и разве его долг не состоял в том, чтобы подражать им? Так как этолийцы тоже не были более заинтересованы в войне, принесшей им лишь тяжелые потери и никаких выгод, то осенью 217 г. представители воюющих сторон собрались на мирный конгресс в Навпакте, в Коринфском заливе (нынешний Лепанто).

Территориальные приобретения Филиппа были очень скромны, поскольку в основу соглашения был положен *status quo*. За македонским царем признавалось владение Закинфом и Трифилией. Впрочем, война никому не принесла выгоды. Большие пространства плодородных пахотных и садовых земель в Пелопоннесе находились в запустении, а варварские разрушения, учиненные этолийцами в Македонии, долго еще оставались в памяти эллинов устрашающим примером. Они были признаком растущего огрубения нравов и исчезновения прежней веры в богов. На мирном конгрессе в Навпакте — а это был последний мир, заключенный только между греками и македонянами, без вмешательства римлян, — этолиец Агелай произнес памятную речь, с которой в основных чертах можно еще и сегодня ознакомиться у Полибия [V, 103, 9]. Эта речь содержала страстный призыв к эллинам, а еще больше к царю Филиппу Македонскому. Он обязан, говорил Агелай, заботиться о защите родственных ему греков и не допускать никакого влияния на греческие дела со стороны западных держав, ибо если хотя бы однажды тучи с запада сгустятся над Грецией, то будет покончено с эллинским самоопределением и нельзя будет уже по собственному усмотрению вести войну и заключать мир.

Мы не знаем, откуда Полибий узнал об этой речи, но несомненно одно — она в большой степени соответствовала помыслам и чувствам греков того времени. Большой агон в Элладе (впрочем, он был проведен не очень агональным способом) подошел теперь к концу. Однако по ту сторону Адриатики находились римляне, которые в

217 г. — еще не состоялась битва при Каннах (216 г.) — должны были напрячь все свои силы для отражения пунийцев под водительством Ганнибала. В Навпакте еще никто не знал, как закончится вооруженное столкновение между Римом и Карфагеном. Не знал этого и Филипп, готовившийся теперь возвратиться на свою родину, чтобы оттуда выступить против иллирийца Скердилаида. Последний с запада вторгся в македонскую область Пелагонию, причем не исключено, что он действовал по прямому побуждению римлян, так как их иллирийский протекторат должен был обеспечить ему определенную поддержку.

Разногласие между Филиппом и Скердилаидом было достаточно взрывоопасным именно потому, что здесь мог быть затронут римский протекторат в Иллирии, распространившийся на прибрежные области к югу от Лисса вплоть до района к северу от Финики. Филипп никогда не мог примириться с этим протекторатом, ибо он представлял до некоторой степени обширный плацдарм для римских операций к востоку от Адриатики.

Большой бедой было то, что Филипп не располагал сколько-нибудь значительным военным флотом, каким, например, владел еще Антигон Гонат во время борьбы за морское господство в Эгеиде. Македонских финансов было недостаточно, чтобы наряду с большим сухопутным войском содержать еще соразмерный с ним флот. Помимо денег, недоставало также морского персонала, каким, например, располагали Птолемеи. Примечательно, что Филипп немедленно отказался от морской экспедиции против Скердилаида (она должна была начаться с Кефалении), как только пришло известие, что римляне будто бы направили военную эскадру из Лилибея (в Сицилии) в сторону Иллирии. Разведывательная служба Филиппа оказалась в данном случае совершенно несостоятельной, ибо римляне смогли тогда отрядить для действий в Иллирии всего-навсего десять кораблей. Но Филипп тотчас оставил начатое предприятие (лето 216 г.), что свидетельствовало о его страхе перед римлянами. Решение это, однако, было ошибочным, ибо несколько позже — все еще в то же лето — на далеких полях Апулии состоялась битва при Каннах, в которой Ганнибал одержал убедительную победу над римлянами. Казалось, что могло быть естественнее для македонского царя в этих условиях, чем

намерение установить связь с великим пунийским полководцем, находившимся тогда на вершине своей славы?

Филипп действительно отправил посольство в лагерь Ганнибала. Но тут произошел неприятный для македонян инцидент. Посланец царя Филиппа афинянин Ксенофан, находясь уже в Италии, попал в руки римлян, которые оказались настолько великодушными, что снова отпустили Ксенофана на свободу. Нам неизвестно, узнали ли римляне о цели его миссии. Мы равным образом не уверены в том, случилось ли это событие по прибытии посланца в Италию или уже на обратном пути, однако все это можно оставить без внимания, ибо точно установлено, что между Филиппом V и Ганнибалом был заключен договор. Этот союз двух властителей имел всемирно-историческое значение. Впервые две державы двусторонним пактом о взаимопомощи обязались совместно вести войну против римлян и только совместно заключать мир.

В договор были включены также союзники македонского царя, в частности члены Эллинского союза. Римский протекторат в Иллирии должен был прекратить свое существование. Впрочем, вряд ли подлежит сомнению, что эта область была поставлена под верховную власть македонского царя. Договор в том виде, как он передан у Полибия, предусматривал раздел сфер интересов или районов боевых действий, однако его эффективность зависела от того, как скоро карфагенянам удастся окончательно победить римлян³. Кстати, то, что можно вычитать у Ливия [XXIII, 23, 10] и у некоторых его позднейших интерпретаторов (Аппиан, Зонара) — будто бы Ганнибал обещал по окончании войны в Италии переправиться в Грецию и здесь прийти на помощь Филиппу, — совершенно немыслимо, ибо как мог Филипп желать вмешательства карфагенян в дела Эллады?! Но, как бы то ни было, для Рима договор между карфагенянами и македонским царем представлял поначалу большую опасность, особенно после проигрыша римлянами сражения при Каннах.

Тем не менее в Риме собрались с силами и отправили в Адриатическое море эскадру под командованием претора М. Валерия Левина. Этой акцией Рим дал своим иллирийским подданным понять, что не бросит их на произвол судьбы. А они, в свою очередь, меньше всего были заинтересованы в том, чтобы менять римский протекторат на господство македонского царя. Поэтому в Иллирии все

осталось по-старому, тем более что Филипп не мог соперничать с римлянами на море, а Ганнибалу вполне хватало дел на италийской территории. Без активной поддержки эллинской симмахии Филипп мог добиться лишь немногого, но греки не выказали склонности к тому, чтобы подвергать себя опасности в предприятиях Филиппа против иллирийцев и римлян, — позиция, которую можно понять, тем более что Союзническая война уже до предела истощила силы эллинов.

Что оставалось делать Филиппу? Без греков и их флота нельзя было рассчитывать на успех в борьбе против римлян — стало быть, приходилось туже натянуть поводья. Если до сих пор, особенно под влиянием Арата, Филипп по возможности шел навстречу эллинам, то теперь его поведение в корне изменилось. Как правильно подчеркнул Бенедикт Низе⁴, вытеснить римлян из Иллирии стало для македонского монарха буквально вопросом жизни. Они были для него в высшей степени неприятными соседями, да и греческое сопротивление македонскому царю находило поддержку в первую очередь у римлян, утвердившихся в Иллирии.

Противоположность интересов Филиппа и греков нашла выражение в одном печальном событии: в Мессении вспыхнули волнения, в которые оказался замешан также Филипп. При этом были перебиты высшие государственные магистраты-архонты и до 200 граждан — сторонников олигархического курса. На следующий день после этой резни, в которой был повинен и Филипп, к македонскому царю явились в качестве посланцев Ахейского союза два Арата — отец и сын. Арат Младший не мог сдержать своего возмущения и осыпал царя градом упреков. Филипп же, не ответив ему ни единым словом, направился со своими друзьями на холм Ифомат, чтобы принести здесь жертву Зевсу. Царь, однако, не последовал совету Деметрия Фаросского захватить акрополь Мессены (подобного рода налет лишил бы его последних симпатий в Пелопоннесе). Тем не менее между Филиппом и ахейцами возник столь глубокий раскол, который уже нельзя было преодолеть (зима 215 г.).

1-я Македонская война продолжалась целых десять лет, с 215 до 205 г. до н. э. В целом она не изменила положения в Элладе. Надежды македонского царя не сбылись, и отчасти виноват в этом был сам Филипп. К тому

же он позволил себе вступить в любовную связь в доме Арата с невесткой последнего, супругой Арата Младшего. Подобное поведение царя было уже полным глумлением над хорошим тоном и прежде всего над законом гостеприимства. Филипп даже взял Поликратию — так звали молодую женщину — с собой в Македонию.

Это абсолютно бестактное поведение тяжело дискредитировало царя в глазах всех греков. И если кое-кто из новейших исследователей (К. Ю. Белох)⁵ высказывает предположение, что Поликратия происходила скорее всего из Аргоса, что она стала законной супругой царя и матерью престолонаследника Персея, то это не только совершенно невероятно, но и никак не подтверждается источниками. Известным оправданием царя как здесь, так и в некоторых других случаях может служить лишь то, что ему было всего 24 года. Когда Арат Старший, который был его союзником на протяжении многих лет, умер от болезни (зимой 214/213 г.), то по всей Элладе стали поговаривать о яде, который будто бы дал ему стратег Таврион, управлявший македонскими владениями в Пелопоннесе. Но эта версия является, безусловно, злостным вымыслом, хотя Полибий и отнесся к ней с доверием. Так как Арат Младший, потрясенный похищением своей супруги, вскоре тоже умер, ситуация в Эллинском союзе стала критической — никто не мог предсказать, что произойдет в будущем.

Тем не менее в зоне иллирийского протектората римлян Филипп мог отметить ряд примечательных успехов. Атинтаны и парфины перешли в лагерь македонян, а захват царем Филиппом города Лисса означал дальнейшее усиление его державного положения (213 г.). Однако в следующем году в Греции произошли большие изменения: этолийцы, до сих пор выжидавшие, на чью сторону перекинется военная удача, заключили с римлянами договор и выступили вместе с ними против Филиппа.

Этот союзный договор благодаря счастливой случайности был обнаружен на одной надписи из Тирреона⁶. Он свидетельствует о большой предупредительности римлян к этолийцам, — обстоятельство, которое находит достаточное объяснение, учитывая трудное положение римлян. Впрочем, этот договор был ратифицирован в Риме лишь два года спустя, в 210 г. Причины этому следует искать в принципиальных сомнениях римского сената насчет целе-

сообразности вмешательства в запутанные дела Греции, ибо никому не дано было знать, как конкретно будут развиваться здесь события. Но нужда заставит пойти на все, и поэтому в Риме согласились вступить в союз с этолийцами, хотя и по эту и по ту сторону Адриатического моря он должен был вызывать мало симпатий.

Кроме этолийцев в войну, которая все более распространялась, вступили и другие государства, в частности сторону римлян приняли пергамский царь Аттал I (211 г.), а также элейцы, мессеняне и лакедемоняне, между тем как ахейцы, уже из одной только давней вражды к этолийцам, выступили на стороне Филиппа, не предоставив, правда, больших военных контингентов. Однако Филиппа трудно было назвать желательным союзником: он постоянно давал волю своим прихотям. Так, к примеру, сообщается⁷, что в 209 г. во время пребывания в Аргосе (тогда как раз праздновали Немей) македонский царь снял с себя свои царские эмблемы — диадему и пурпуровый плащ — и смешался с толпой народа, но лишь с единственной целью — предаться разгулу. Полибий говорит, что ни одна женщина, будь то вдова или замужняя, не была застрахована от его преследований. Под надуманными предложениями царь мог вызвать к себе отца или брата своей жертвы и надругаться над ними. Хотя этот рассказ и воспринимается как злостное измышление, он настолько хорошо подкреплён доказательствами, что не даёт повода к сомнениям, даже несмотря на то, что в основе его лежит ахейская, неблагоприятная для царя, традиция. Было ли все это пропагандой или нет, во всяком случае, в обращении со своими эллинскими союзниками царь придерживался не очень удачного курса, и его так часто восхваляемая общительность имела, по-видимому, и свои теневые стороны.

Операции, осуществлявшиеся с 208 до 205 г., с военно-исторической точки зрения не имели особого значения. Заслуживает внимания лишь то, что Филипп должен был напрячь все силы, чтобы удержать свои опорные пункты на вытянутом в длину острове Эвбее, поскольку им угрожал флот римлян и Аттала I. В 206 г. Филипп добился заключения мира с этолийцами — мира, приемлемого для обеих сторон. Этолийцы были разочарованы римской военной помощью. Они едва ли не одни несли тяготы войны на суше, и, кроме того, их земля подверглась

страшным опустошениям. Так, между прочим, македоняне еще раз напали на город Ферм. Поскольку в договор о мире были включены члены Эллинского союза, Греция вновь обрела покой, а Филипп развязал себе руки для наступления на иллирийские владения римлян, которые, впрочем, также устали от этой войны. У них не было никакого желания использовать далее в Греции свои военные силы, поскольку те безотлагательно требовались для войны с Ганнибалом.

В 205 г. при посредничестве эпиротов в Финике (в Эпире) был заключен мир. Территориально в Иллирии не произошло больших изменений; можно лишь предположить, что атинтаны и парфины остались на стороне македонян. Перечень примкнувших к миру правителей и государств уточняет состав обеих выступавших в этой войне группировок: к числу союзников Филиппа принадлежали вифинский царь Прусий, ахейцы, беотийцы, акарнаны и эпироты; в качестве римских союзников в договор внесены Аттал I Пергамский, Плеврат Иллирийский, Набис Лакедемонский, элейцы и мессеняне. О карфагенянах в договоре не сказано ни слова. Очевидно, стороны, заключавшие договор, не считали нужным упоминать карфагенян, так что последние остались вне договора.

Мир, заключенный в Финике, оставил в Греции все по-старому: ни Филипп, ни этолийцы, ни ахейцы не могли записать на свой счет какие-нибудь существенные приобретения. Кто, подобно Ф. В. Волбенку⁸, рассматривает этот мир как триумф царя Филиппа, заблуждается. Хотя царю, вопреки всем усилиям противников, удалось удержать свои владения, его позиция не стала сильнее, а о триумфе и вовсе не могло быть и речи, тем более что ему не пришлось иметь дело с основными силами римлян. Что касается римлян, то они оставили Элладу такой же, какой она была до их вступления. Тем не менее они были единственными, кто извлек из этой войны значительную выгоду: был разрушен альянс между Филиппом и Ганнибалом, и Рим таким образом был освобожден от грозившей ему большой опасности. Используя весьма ограниченные средства, сенат довел войну в Греции до конца, однако в Риме не забыли, что Филипп объединился с Ганнибалом, причем в период, когда судьба войны в Италии висела на волоске.

Когда стороны в Финике обменялись документами о заключении мира, Филиппу было 33 года; приблизительно столько же было его великому кумиру Александру в конце его короткой жизни. Положение в эллинистических государствах характеризовалось в этот момент двумя факторами: в 205/204 г. правитель Селевкидской державы Антиох III завершил свой поход в Верхние сатрапии (см. выше, с. 232), а в Египте умер, вероятно в 204 г., Птолемей IV Филопатор. Его преемник Птолемей V, по прозвищу Эпифан, был еще ребенком. Ввиду этого в 203/202 г., по-видимому, по инициативе македонского правителя возник план раздела Птолемеевской державы между Антиохом III и Филиппом V. Этот договор о разделе явился нарушением всякого права; речь шла попросту о разбойничьем соглашении. Он имел важные последствия — 2-я римско-македонская война (с 200 до 197 г.) в конечном счете также была результатом этого договора. Во всяком случае, он подверг эллинистическую систему равновесия тяжкому испытанию.

Без флота можно было добиться очень немногого. Поэтому в 203 г. в Македонии заложили новый флот, и этим Филипп продолжил традицию своего деда Антигона Гоната, добившегося с помощью флота морского господства в Эгейде. Вообще Филипп отличался глубоким пониманием технических проблем. Так, например, в 208 г. он ввел систему огневых сигналов, с помощью которых ему могли быть переданы важные сообщения из самых отдаленных районов его державы. Но ближайшая задача состояла в том, чтобы быстрым вторжением поставить под македонский контроль проливы. В город Лисимахию на полуострове Галлиполи был введен македонский гарнизон. Калхедон и Перинф также были вынуждены присоединиться к Филиппу. Наконец, совместно с вифинским царем Прусием Филипп осадил город Киос в Пропонтиде (Мраморное море). В том же 202 г. он покорил остров Фасос. Эти завоевания привели Филиппа к конфликту не только с этолийцами, но прежде всего с родосцами, не желавшими терпеть власть македонского царя в проливах. В 201 г. дело дошло до настоящей войны, в которой на стороне противников Филиппа выступил также Аттал I Пергамский. Однако в морском бою при Ладе союзники потерпели поражение.

Вслед за этим Филипп вторгся на суше в Пергамское

царство, где им были произведены страшные опустошения, во время которых пострадал знаменитый Никефорий с его храмами и портиками, — акция, не принесшая, впрочем, македонскому царю симпатий греков.

Летом 201 г. в водах Хиоса состоялось решающее морское сражение, в котором победителями вышли родосцы, оказавшиеся достойными своей прежней славы и сражавшиеся с замечательным мужеством. Напротив, Аттал I лишь с трудом смог спасти свою жизнь. Так или иначе, после этого поражения на море Филипп снова перенес свои военные операции на материк, в Карию, где у него был союзник в лице династа Олимпиха. Здесь македонский царь мог продолжить политику захватов, которую начал при вторжении в Карию в 227 г. его предшественник на троне Антигон Досон⁹.

Однако в Карию не все шло согласно желанию Филиппа, и в конце концов он даже оказался блокированным родосцами в гавани Баргилии. Правда, когда положение стало совсем отчаянным, ему удалось прорвать блокаду и морским путем возвратиться в Македонию (весна 200 г.)

Но тем временем обстановка в мире изменилась. Рим и Карфаген завершили 2-ю Пуническую войну, и уже осенью 201 г. в далекий путь в Рим отправились послы из Родоса и Пергама. Они хотели изложить здесь свои жалобы на Филиппа V и побудить римлян к вмешательству в конфликт с Македонией. Однако всерьез римляне занялись этим делом лишь тогда, когда Филипп сумел добиться новых успехов во Фракии и когда Афины в начале 200 г. по всей форме объявили македонскому царю войну¹⁰. Теперь комиции тоже высказались за войну (июль 200 г.), и М. Эмилий Лепид посетил македонского царя в его лагере под Абидосом на Геллеспонте, чтобы передать ему требования сената, включавшие, как и следовало ожидать, прекращение войны против греков (под ними понимались в первую очередь афиняне), возвращение завоеванных территорий в Малой Азии и учреждение нейтрального третейского суда для решения споров между Филиппом V и Атталом I.

Под стенами осажденного Филиппом Абидоса разыгралась знаменательная сцена. Филипп заявил, что не он, а родосцы и пергамцы являются нападающей стороной. На это Лепид возразил: «А афиняне, жители Хиоса, а теперь и жители Абидоса — они тоже совершили на тебя

нападение?» На это Филипп не смог ответить ничего другого, как то, что он прощает юному римскому послу его речь, и притом, как он заметил, по трем причинам: во-первых, потому, что тот еще молод и неопытен, во-вторых, потому, что он — самый красивый из людей своего времени, и, в-третьих, потому, что он римлянин. К этому Филипп еще добавил: «Более всего я бы хотел, чтобы римляне не нарушали договоров (под этим подразумевался мир, заключенный в Финике) и не вели с нами войны. Если они все же начнут с нами воевать, то мы с помощью богов будем мужественно защищаться»¹¹. Это были весьма смелые слова, они могут быть поняты лишь в том случае, если учесть большое чувство собственного достоинства македонского монарха.

В операциях 2-й Македонской войны (200—197 гг.) Филипп в общем проявил себя способным полководцем. Но в качестве государственного деятеля он оказался не на должной высоте, ибо для него, безусловно, было очень важно обзавестись сильными союзниками. Здесь прежде всего в расчет мог бы идти селевкидский царь Антиох III, однако контакты между двумя монархами ни к чему не привели, тем более что селевкидский правитель был занят завоеванием Келесирии (см. выше, с. 236).

Филипп имел большое преимущество по сравнению с римлянами — возможностью действовать по внутренним направлениям, между тем как римлянам оставалось лишь наступать любой ценой. Успехи римлян были поначалу весьма незначительны. Хроника за 200 и 199 гг. не отмечает никаких решающих сражений между римлянами и македонянами. Вопреки всем ожиданиям, Филипп неплохо защищался от римлян, однако на море он должен был уступить перед объединенным флотом родосцев, пергамцев и римлян. Тяжким ударом для македонского царя было вступление в войну на стороне римлян этолийцев (приблизительно в сентябре 199 г.). Этим была создана угроза позициям Филиппа в Средней Греции и особенно в Фессалии.

Резкий поворот в войне обозначился в 198 г., когда весной верховное командование у римлян принял Т. Квинций Фламиний. Хорошо известный как филэллин, он проявил себя и на поле боя достойным противником Филиппа. Уже в июне 198 г. царь был вынужден оставить заградительные позиции возле Антигонии у реки Аоя

(к юго-востоку от Валоны). Как Фессалия, так и Македония оказались теперь в опасности — над ними нависла угроза прямого вторжения врага. Отступая через Мецово и Зигийский перевал в Фессалию, Филипп беспощадно предавал огню города, деревни и поселки, а жителей приуждал покидать свои селения. Все, что они не могли взять с собой, отдавалось на разграбление солдатам. Эти суровые военные меры глубоко запечатлелись в сознании современников, они бросили тень на облик царя и омрачили память о нем.

В довершение неудач, обрушившихся на Филиппа, в октябре 198 г. в лагерь римлян перешел также Ахейский союз. Несколько недель спустя царь предложил начать переговоры о мире. Они имели место в маленьком локрийском местечке Никее. Царь поспешил туда на корабле из Деметриады; среди сопровождавших его людей находились также представители союзных с ним эллинов. Римский главнокомандующий Т. Квинций Фламинин также появился с многочисленной свитой, среди которой находился даже один царь (Аминандр из Атамании), а кроме того, представители ахейцев, этолийцев и родосцев. При встрече произошел занятный инцидент: Филипп решительно отказался покинуть корабль и вступить на землю¹². Фламинин спросил его, не боится ли он кого-либо. На это Филипп ответил: «Я не боюсь никого, кроме богов, но я не доверяю большинству присутствующих, в особенности же этолийцам». Эти слова Филиппа получили широкую известность.

Вообще же Филипп сумел держаться перед посланцами Этолийского союза с такой находчивостью и иронией, что Фламинин якобы получил огромное удовольствие от развернувшейся оживленной дискуссии. Однако в целом конференция в Никее была неудачей для македонского царя: он должен был освободить укрепленные пункты в Локриде, а окончательное решение было предоставлено римскому сенату. Последний обратился к посланцам Филиппа с вопросом, полномочны ли они отказаться от трех македонских укреплений в Греции (речь шла о Коринфе, Халкиде и Деметриаде). Когда послы ответили отрицательно, их тут же отправили домой.

Для решающей кампании в Македонии теперь мобилизовали все, что еще было возможно. В войско были призваны даже подростки без какой-либо военной подготовки,

равно как и ветераны, давно уволенные со службы. Македонские войска концентрировались вблизи Диона; они насчитывали до 25 тыс. пехотинцев и 2 тыс. всадников, по большей части македонского происхождения, но наряду с ними имелись также контингенты фракийских и иллирийских войск и на вербованные за большие деньги наемники.

Войско двинулось походом из Диона в Ларису в Фессалии. В области Фер у Киноскефал («Собачьи головы» — по форме холмов) дело дошло до решающего сражения. Все началось с обычного встречного боя, и ни римским, ни македонским командованием не было предусмотрено, что сражение примет такой размах. Местность была окутана туманом, появившимся после сильной грозы. В начале боя Филипп оказался победителем, однако, когда Фламиний привел в порядок свои ряды и повел их на врага, македонский царь вынужден был отступить, особенно когда римляне ввели на правом фланге слонов, против которых македоняне оказались бессильны. В рядах обратившихся в бегство врагов римляне произвели страшные опустошения: на поле боя погибло будто бы до восьми тыс. македонян, а пять тыс. попали в римский плен. Потери римлян исчислялись якобы в 700 человек. Битва произошла в горной местности Мавровуни в июне 197 г.

Поражение Филиппа при Киноскефалах сравнивалось (например, М. Олло) с поражением прусской армии при Иене и Ауэрштедте. Действительно, оба сражения и их последствия имеют много сходства. При Киноскефалах, так же как и при Иене, победу одержала новая военная техника: манипулярная тактика римлян доказала свое превосходство над тактикой македонской фаланги. Нельзя было упрекнуть ни македонян, ни пруссаков в том, что они почивали на лаврах, но теми и другими плохо командовали, их передвижения во время боя не были надлежащим образом скоординированы, так что никакая храбрость не могла помочь.

Македонский царь признавал, что на карту поставлено все, однако он выпустил из рук руководство действиями — ход боя диктовал его противник Фламиний, точно так же, как это сделали в двойном сражении 14 октября 1806 г. Наполеон и Даву. Бенедикт Низе справедливо заметил: «Царь дал увлечь себя настолько, что повел фалангу неподготовленной на врага, в местности, которую

предварительно не обследовал, и потому проиграл и битву, и кампанию»¹³.

Во время поспешного бегства Филипп распорядился в Ларисе сжечь все важные документы, чтобы они не попали в руки римлян. Он немедленно стал добиваться перемирия, которое ему тут же — к большому неудовольствию этолийцев — было предоставлено. Римляне не были заинтересованы в полном уничтожении Македонии, поскольку существование этого государства было необходимо для отражения натиска северных народов. При переговорах в Ларисе Филипп заявил, что надо все предоставить на усмотрение сената, чем и обезвредил происки своих противников в Элладе. Сенат ввиду растущей угрозы со стороны Антиоха III (см. выше, с. 236 и сл.) постарался как можно быстрее заключить мир с македонским царем. Последний должен был отказаться от своих греческих и малоазиатских владений (в Карию), он должен был выдать свой военный флот и выплатить тысячу талантов в возмещение военных убытков. К этому добавлялось обязательство действовать на войне совместно с римлянами. Тем самым Македония превращалась в вассальное государство, зависимое от Рима. Македонская монархия выбывала из круга великих эллинистических держав. Отныне ее главной задачей становилось отражение надвигавшихся с севера народов, все настойчивее ломившихся в ворота Македонии.

Сам Филипп рассматривал свое поражение как низвержение с высоты прежнего своего положения в глубочайшую бездну. Не было ничего удивительного в том, что в его характере именно с этих пор стали появляться черты, прежде ему чуждые. Его решения отныне были лишены твердости и противоречивы, а хуже всего было то, что он стал проявлять вероломство и жестокость в отношении своих друзей. Это по праву ставила ему в вину современная историография.

Мирный договор, заключенный с Римом, царь выполнял вполне лояльно. Когда по просьбе этолийцев Антиох III переправился в Грецию, Филипп отказался сотрудничать с ним. Напротив, весной 191 г. он действовал в Фессалии на стороне римлян. При этом монарх лелеял в душе надежду на осуществление некоторых территориальных приобретений в Элладе. И действительно, римский сенат показал себя с лучшей стороны: сын Филиппа Деметрий, находившийся в качестве заложника в Риме, был

отпущен домой (ноябрь 191 г.), а летом следующего года римляне освободили царя от уплаты контрибуции. Они были заняты теперь борьбой с Антиохом III и изо всех сил старались продемонстрировать подчеркнуто дружеское отношение к македонскому царю.

Ситуация изменилась после битвы при Магнесии (190 или 189 г.), когда Филипп должен был вернуть свои приобретения в Атамании, а его жалобы в Рим были безуспешны. В 187 г. царь предпринял поход во Фракию, подчинил города Энос и Маронею и оказался тем самым в опасной близости от проливов. В сущности, он предпринял эту операцию, чтобы опередить здесь пергамского правителя Эвмена II.

Примечательны его внутренние реформы в Македонии, приведшие к значительному повышению доходов государства [Liv., XXXIX, 24, 2]. Признаком экономического подъема являются также монеты, многочисленные выпуски которых были предприняты в эти годы. Были также сделаны попытки решить демографическую проблему: Филипп придавал большое значение тому, чтобы македонские семьи были многодетными, и увеличил население своей страны, переселив большое количество фракийцев из пограничных районов внутрь Македонии.

Но начались новые неприятности с греками, и при встрече с римской комиссией в Темпе в 185 г. Филипп будто бы произнес знаменитые слова: «не в последний же раз закатилось солнце» (*non omnium dierum solem occidis*). Слова эти, впрочем, являются стихом Феокрита. Во Фракии царь также должен был по приказу римлян отступить и вывести свои гарнизоны из городов, что привело к страшному преступлению. По инициативе Филиппа в Маронее фракийскими наемниками были перебиты все его противники — акция, которая была использована римлянами, чтобы еще раз унижить царя. Они потребовали от него выдачи ответственных за избиение в Маронее, однако Филипп сумел вызволить главного виновника — стратега Ономаста. Другой стратег, по имени Кассандр, должен был отправиться в Рим, однако по пути туда стал жертвой якобы подстроенного Филиппом отравления [Polyb., XXII, 14, 5].

Вообще симпатиям царя по отношению к римлянам — если таковые действительно когда-либо имелись — пришел конец. Он был раздражен политикой римлян, кото-

рые всячески вредили ему и оказывали услуги врагам Македонии — эллинам и царю Эвмену II. Чтобы скрыть свои вооружения от римской инспекции, Филипп перенес их внутрь страны, и туда же были переселены жители прибрежных городов. Македонянам была не по душе эта мера, и они осыпали проклятиями деспотичного монарха. Говорили, что он предавал казни многих своих советников, если они более не соответствовали его требованиям. А теперь он дошел до того, что стал преследовать членов их семей, — мера, о которой раньше в Македонии не имели понятия. Еще и сейчас можно прочесть у Ливия [XL, 4, 2], как жестоко преследовал Филипп потомков фессалийца Геродика, и в частности его дочь Феоксену. Последняя вместе с детьми собиралась отплыть из Халкидики на Эвбею, когда к ним приблизился корабль береговой охраны с намерением взять беглецов под стражу. Однако Феоксена, чтобы избежать этого, покончила с собой, предварительно умертвив всех своих детей. Возможно, что мы имеем здесь дело с враждебной Филиппу традицией. И все же не приходится сомневаться, что эти или подобного рода события бросали тень на репутацию царя.

В 181 г. монарх предпринял поход во Фракию. После очень трудного подъема он добрался до вершины горы Гема. Рассказывали, что с этой вершины (вероятно, это был Дунакс) можно было обозреть Адриатическое и Черное моря, Дунай и даже Альпы. Но в тот день, когда Филипп на вершине горы приносил жертвы Гелиосу и Зевсу, о подобной перспективе не могло быть и речи, ибо, невзирая на середину лета, вершина была окутана облаками и туманом. С фракийской политикой царя были тесно связаны контакты, установленные им с бастарнами, которые жили тогда к северу от устья Дуная. Они нужны были ему как противовес дарданам, непрестанно беспокоившим северные границы его царства. Но использовать бастарнов — народ, по всей видимости, кельтского происхождения — в военных целях так и не пришлось, ибо в царской семье начались трения. Они возникли из-за соперничества сыновей Филиппа Персея и Деметрия, из которых последний сумел подружиться с Т. Квинкцием Фламинином. Во время смотра войск между обоими царевичами дело дошло до публичного скандала. Персей подал царю жалобу на брата, а Филипп велел рассмотреть эту жалобу специальному суду. Ничего подозрительного не

было установлено. Однако Персей не успокоился до тех пор, пока не погубил своего брата. Уликой послужило подложное письмо Т. Квинкция Фламинина, доставленное македонскими послами из Рима.

Царь теперь согласился на устранение Деметрия, и царевич был поручен надзору стратега Пеонии Дидаса; последний велел дать ему яд, а затем, чтобы ускорить смерть, распорядился удушить его в спальном покое одеялами. Филипп якобы впоследствии очень сожалел о происшедшем. Послы, которые привезли письмо из Рима, были привлечены к ответу, и один из них, Филокл, был даже казнен, тогда как другому, Апеллесу, удалось скрыться. Все это омрачило отношение царя к престолонаследнику Персею. Филипп будто бы в конце жизни даже собирался передать корону не Персею, а племяннику Антигона Досона Антигону, сыну Эхекрата. Но этому намерению, если оно вообще существовало, не суждено было сбыться, потому что осенью 179 г. царь в возрасте 59 лет скончался в Амфиполе. Придворный врач Каллиген счел необходимым немедленно уведомить об этом царевича Персея. Таким образом, смена правления произошла без каких-либо осложнений. Единственным пострадавшим оказался Антигон, сын Эхекрата: он был тут же устранен, поскольку его существование казалось новому правителю опасным.

Таков был конец жизни царя Филиппа V, на протяжении 42 лет направлявшего судьбы македонского государства. Противоречивый характер Филиппа не позволяет современному историку вписать его имя среди великих фигур эллинистической эпохи. Он был образованным человеком, хорошо владевшим словом, но ему не хватало твердости и энергии, качеств, без которых не может обойтись ни один правитель. В политике он — если рассматривать все в целом — также был мало удачлив. Правда, не следует упускать из виду, что в Греции он принял такое наследие, которое нельзя было надолго удержать.

У Филиппа было много врагов как внутри, так и вне его государства; равным образом и взаимоотношения с сыновьями были не самыми лучшими. Полибий определяет его политику по отношению к грекам как безусловно предосудительную. В особенности он упрекает царя в том, что тот нередко достигал своих целей лишь с помощью лжи и обмана. Это обвинение, возможно, в какой-то сте-

пени правильно, но абсолютно ошибочным является другое утверждение Полибия, что царь в последние годы жизни планировал новую войну с целью отмщения римлянам. Вернее будет считать, что Филипп хотел свою страну и державу снова видеть сильной, и нельзя не согласиться, что ему это до некоторой степени удалось.

Английский историк Ф. В. Волбенк отстаивает мнение, что свидетельства Полибия о последних годах жизни царя относятся к слабейшим разделам его труда, однако другие историки справедливо подчеркивают, что и в данном случае изложение Полибия, поскольку оно опирается на факты, заслуживает полного доверия¹⁴. А факты показывают нам человека противоречивой натуры, который своим поведением ставил в тупик как друзей, так и врагов. Историк не сможет отказать Филиппу в уважении ввиду его стойкости в несчастье, но ни в политике, ни в личной жизни царь не знал угрызений совести, и именно этим он нажил себе много противников.

Резко отрицательно характеризует его в своей «Римской истории» Теодор Моммзен¹⁵, который хотя и признает ряд положительных черт в характере царя, но тем не менее считает, что Филипп был одной из самых преступных натур, каких породило то «бесцеремонное время». Для него не было в жизни ничего святого, он следовал правилу, что абсолютный монарх не связан никаким обещанием и никакими принципами. Все это, возможно, верно, однако не следует забывать, что Филипп в течение 42 лет своего правления постоянно сталкивался с большими трудностями. Сначала Союзническая война, затем обе Македонские войны и, наконец, последствия битвы при Киноскефалах! Никто не станет оправдывать его поведение при захвате Ферма, Киоса и Маронеи — здесь Филипп, несомненно, вышел за пределы допустимого. Но он жил, пользуясь выражением Моммзена, в «бесцеремонное время», для которого ничто не было свято. И личность Филиппа следует рассматривать и оценивать исключительно на этом фоне.

Управляемая им Македония не была похожа на прежнюю. Его подданные уже не придерживались старинных взглядов, а честность и верность царю не были больше естественными качествами. Филипп жил в эпоху, коренным образом отличавшуюся от эпохи его деда Антигона Гоната. Лишь философ, каким был дед царя, мог бы при-

мириться с ударами судьбы. Филипп же не был философом, он был импульсивным человеком, чьи действия подчас определялись прямо-таки иррациональными побуждениями.

Любовь и ненависть играли важную роль в его жизни, в частности и любовь к женщинам, которых он с юных лет искал и находил. Он не был тем человеком, какой был нужен его государству в то кризисное время, но он был — если оценивать его в целом — правителем, умевшим отстаивать свое достоинство как перед эллинами, так и перед римлянами. Он был личностью, которая значительно возвышалась над средним уровнем, однако, столкнувшись с серьезными проблемами, не всегда была в состоянии успешно их разрешить. Если он в конечном счете потерпел крушение, то в этом была не только его вина. Сильнее Филиппа оказалась судьба, Тюхе, которая вела с ним жестокую игру. Надо было быть сверхчеловеком, чтобы ее укротить.

О его семье многого не скажешь, неизвестно даже, кто была его законная супруга. Белох считал царицей Поликратию, но это всего лишь предположение (см. выше, с. 259). Преемник Филиппа Персей происходил от его первого брака (он родился в 213/212 г. до н. э.), а от второго брака, заключенного около 209 г., родились еще два сына — Деметрий и Филипп, но кто была их мать, мы не знаем. Кроме того, Филипп имел еще двух дочерей, из которых одна стала женой фракийского князя Тереса, а другая — вифинского царя Прусия II. Этот последний брак был заключен уже после смерти Филиппа.

X

Эвмен II, царь Пергама

(около 221—159 гг. до н. э.)

В западной части Малой Азии, в области Мисии, там, где Каик устремляется к Эгейскому морю, на крутой возвышенности расположен город Пергам (нынешний Бергама). Между тем как Нижний город простирается по равнине, Средний — поднимается на 130-метровый холм, увенчанный возведенным на узком плато Верхним городом. Пергам, ставший известным всему миру благодаря немецким раскопкам, начатым в 1878 г. Гуманом и Конце и продолженным различными экспедициями вплоть до наших дней, был на протяжении примерно 150 лет, приблизительно с 280 до 133 г., столицей и резиденцией державы Атталидов. Затем город и держава перешли во владение римлян. Под их властью Пергам со своим знаменитым святилищем бога врачевания Асклепия во II в. до н. э. еще раз достиг большого расцвета. Особенно прославился большой Пергамский алтарь, памятник побед царя Эвмена, выставленный в Пергамском музее в Берлине.

Основателем династии был Филетер, сын Аттала. По имени его отца и называют пергамскую династию Атталидами. Фракийский царь Лисимах назначил Филетера хранителем его военной казны, сложенной на скалистом акрополе Пергама. Было это, по всей видимости, вскоре после битвы при Ипсе (301 г.), но точная дата неизвестна.

Филетер происходил из города Тиоса на побережье Понта, его мать Боа была пафлагонкой, отец — Аттал, судя по имени, был, очевидно, македонского происхождения. Оба родителя принадлежали к знатым семьям. Версия Павсания [I, 8, 1], что Филетер будто бы был евнухом, является, очевидно, злостной клеветой, совершенно напрасно принимаемой во внимание современными исследователями.

Родословная Атталидов примечательна в ряде отношений. Время правления этой семьи охватывает полтора столетия и распределяется между шестью правителями. Большинство из них могли похвастаться долгой жизнью и долгим правлением, единственным исключением является последний Атталид — Аттал III (правил со 138 до 133 г.). Дважды власть унаследовалась племянниками, поскольку правившие династы умирали бездетными. Наследником Филетера (правил самостоятельно примерно с 283, а умер в 263 г.) был его племянник Эвмен I (правил с 263 до 241 г.), ему наследовал на троне, снова племянник, Аттал I (правил с 241 до 197 г.). Этот Аттал первым установил контакт с римлянами. После его смерти трон наследовали сыновья, сначала Эвмен II (правил со 197 до 159 г.), а затем Аттал II (со 159 до 138 г.).

Все правители, за исключением последнего, Аттала III, были выдающимися личностями, испытанными как на войне, так и во время мира. Аттал I и его сын Эвмен II были также великими почитателями искусств и наук. При них Пергам вырос в центр духовной жизни Малой Азии и соперничал в этом отношении с Александрией и Родосом. Велики были достижения обоих Атталидов в развитии изобразительного искусства и архитектуры. Это их заслуга, что Пергам со своим акрополем стал типичным эллинистическим царским городом, нашедшим восторженных почитателей во всем мире.

Эвмен II (правил со 197 до 159 г.) был сыном Аттала I и Аполлониды. Его мать происходила из семьи бога-

того гражданина города Кизика. Аполлонида не только пользовалась любовью супруга и детей, но и вызывала восхищение и уважение своих подданных. Память о ней долго была жива в Пергаме. Супруга (умер в 197 г.) она пережила на несколько десятилетий. Эвмен II был женат на каппадокийской принцессе по имени Стратоника. У этой женщины была удивительная судьба, ибо она была замужем не менее четырех раз: дважды за Эвменом II и дважды за его братом Атталом II! Но это уже связано с политической историей государства Атталидов, к которой мы еще вернемся.

Эвмену было примерно 24 года, когда он занял престол. Время, пока он был престолонаследником, т. е. с 221 до 197 г., было периодом войн и нестабильности. В Сардах, главном городе селевкидской Малой Азии, самостоятельным и независимым царем был двоюродный брат Антиоха III Ахей, однако вследствие предательства он попал в руки Антиоху и подвергся мучительной казни (213 г. до н. э.). Напрасно он возлагал надежды на египетскую помощь. Власть Селевкидов в Средней и Южной Анатолии была полностью восстановлена, а на должность вице-короля был назначен заслуженный генерал Антиоха Зевксид.

Аттал I в промежутке между 228/227 и 223 гг. распространил власть своего дома на всю селевкидскую территорию между Эгейдой и Тавром. Однако это продолжалось лишь короткое время, ибо Ахей снова заставил его отойти к своим границам, так что владения Аттала I оказались ограничены Пергамом с его ближайшей округой и городами Фиатирой и Накрасой. Даже доступ к Эгейскому морю был для него закрыт. Тем не менее в ходе кампании 218 г. Атталу I удалось снова подчинить своей власти область Эолиду, а кроме того, города Теос и Колофон. С тех пор эти общины оставались под властью Атталидов. Но Пергам все еще был маленьким государством, хотя его правитель и носил царский титул (Аттал I принял его после первых побед, одержанных над галатами в 241/240 г.). По сравнению с Селевкидами Аттал I был лишь одним из мелких династов, каких можно было найти повсюду в Анатолии. Эти династии по большей части старались дружить с более могущественными властителями, в первую очередь с Селевкидами, когда тем удалось осуществить свои притязания на власть в Малой Азии.

Решительный поворот в политике Аттала I произошел в 211 г., когда он примкнул к союзу римлян и этолийцев против македонского царя Филиппа V. С этих пор пергамские Атталиды оставались верными последователями римлян, и не случайно Пергам стал базой для римского политического вмешательства в Малой Азии. В 211/210 г. Аттал I за 30 талантов приобрел у этолийцев расположенный напротив аттического побережья остров Эгину. Этот остров был важной военно-морской базой в первой римско-македонской войне, да и позднее Атталиды крепко держались за Эгину. Остров был местопребыванием специального губернатора, носившего титул эпистата. С этолийцами Аттал поддерживал очень тесные отношения. Так, в 208 г. он даже был избран почетным председателем Этолийского союза. В мирном договоре, заключенном в Финике (205 г.), Аттал появляется среди прочих *adscripti*, т. е. среди тех, кто был включен в мирный договор. Эвмену II было тогда приблизительно 16 лет, но неизвестно, занимал ли он уже тогда командную должность в войске или на флоте. Зато его отец Аттал зарекомендовал себя в войне с Филиппом V умелым флотоводцем.

В 200 г. Аттал появляется в Афинах. Жители города были в таком восторге от его посещения, что даже учредили новую филу, названную Атталидой. Пользуясь поддержкой Аттала и римлян, Афины в том же году рискнули даже объявить войну царю Филиппу V. Во 2-й римско-македонской войне (200—197 гг.) Аттал сохранил верность римлянам, а они в награду за это отдали ему остров Андрос (199 г.), который под властью Пергама пережил период большого подъема. Вообще, Аттал очень старался приобрести дружбу эллинов. Так, к примеру, он преподнес в дар городу Сикиону в Пелопоннесе 10 тыс. медимнов пшеницы. Но вот в Фивах произошел инцидент, имевший далеко идущие последствия. Во время встречи, на которую его пригласил римский полководец Т. Квинций Фламиний, Аттал I хотел взять слово, но с ним случился удар, он упал, лишившись дара речи. Сначала его оставили в Фивах, но затем, очевидно по его собственному желанию, перевезли в Пергам. Здесь, по-видимому осенью 197 г., он и скончался в возрасте 72 лет. Он правил в течение 44 лет и оставил после себя в лице 24-летнего Эвмена преемника, для которого он, Аттал, всегда был образцом человека и властителя.

Справедливо сказал У. Вилькен¹, что своим заступничеством за греческие государства, подвергшиеся нападению Филиппа V, своей верностью дружбе с римлянами и, не в последнюю очередь, разумным использованием своих неисчерпаемых запасов золота Аттал возвысил свое государство до уровня великой эллинистической державы, ставшей существенным фактором последующего развития эллинистического мира. Среди властителей того времени он особенно выделялся как покровитель искусств и наук. Его окружение составляли философы, историки, математики, из которых самыми знаменитыми были Антигон из Кариста (на Эвбее) и Аполлоний из Перги: Антигон — как специалист по литейному делу и одновременно писатель, а Аполлоний — как теоретик конических сечений.

Помимо всего прочего Аттал был образцовым отцом и супругом; со своими четырьмя сыновьями он жил в полном согласии. Благодаря принятию царского титула он встал вровень с Селевкидами, а также с другими царями в Малой Азии. Тем самым он придал своему государству то надлежащее обрамление, которое Пергам своими успехами как на войне, так и в мирное время давно уже заслужил. Впрочем, Аттал, как и его современник Гieron II Сиракузский, рассматривал город Пергам и всю страну как свое личное владение и свободу граждан Пергама уважал лишь постольку, поскольку они не противились его воле правителя. Это чисто патримониальное представление о власти соответствовало сущности эллинистического царства как на Востоке, так и на Западе. Однако в качестве патриархального правителя он чувствовал себя обязанным заботиться о благе своих подданных, и последующие поколения вынуждены засвидетельствовать, что он отдал все силы на благо государства и его населения, чем послужил своим сыновьям, и в особенности престолонаследнику Эвмену II, выдающимся примером, который ко многому обязывал этого последнего.

Несмотря на слабое здоровье, Эвмен II был человеком большой энергии и столь же большой работоспособности. Историк Полибий в некрологе царю подчеркивает его особенные достоинства [XXXII, 8]: хотя физические возможности Эвмена были невелики, в силе духа он не уступал никому из своих современников, а в знании искусств и наук он был более велик и знаменит, чем другие. От своего отца он унаследовал государство, которое

ограничивалось лишь двумя-тремя маленькими и незначительными городами. Отталкиваясь от этой основы, он своим разумом, трудом и энергией создал настоящую державу. Он был прославлен за свою щедрость к греческим городам, причем Полибий особо подчеркивает его заботы, проявленные по отношению к нуждающемуся населению. Три его брата оказывали ему постоянную помощь как словом, так и делом, и это обстоятельство Полибий также выделяет как редчайшее явление для того времени.

Полибий, бывший младшим современником Эвмена, естественно, передает здесь впечатление, которое царь произвел в греческом мире. В отличие от Филиппа V Македонского Эвмен II действительно старался завоевать симпатии греков. Об этом свидетельствуют многочисленные сооружения, воздвигнутые им в Афинах, Дельфах и других местах. Но одного этого было бы еще недостаточно, чтобы объяснить его славу среди эллинов. Сюда следует присовокупить заслуги царя в борьбе с малоазийскими галатами, которые были весьма опасными соседями для греческих городов западной оконечности Анатолии. Эвмен II окончательно устранил эту опасность, и города ионийских греков восприняли это с великой радостью. Несмотря на слабое здоровье, Эвмен как полководец и воин значительно возвышался над средним уровнем; он много сделал для реорганизации пергамского войска, и не в последнюю очередь благодаря привлечению эфебов (вероятно, по аттическому образцу) к предварительной военной подготовке. В конечном счете он превратил карликовое Пергамское государство в самую большую территориальную державу Анатолии,— процесс, требовавший глубокого проникновения в суть обстановки и организаторского таланта. Эти успехи тем более примечательны, что они были достигнуты человеком, как было уже сказано, слабым физическим сил и шаткого здоровья.

Из 2-й Римско-македонской войны пергамцы вышли, присоединив к своему государству острова Эгину и Андрос (см. выше, с. 276). Комиссия римского сената присудила Эвмену еще Орей и Эретрию на Эвбее, однако с этим не согласился Фламиний, поскольку передача этих двух городов чужеземному суверену могла скомпрометировать его политику «освобождения». Тем не менее Эвмен участвовал в войне против спартанского тирана Набиса, который, ввиду превосходства своих противников, при-

нужден был в конце концов покориться (195 г.). Эвмен принимал участие и в последующей войне против того же Набиса (192 г.).

Между тем назревало новое важное решение. В так называемой Антиоховой войне как селевкидский царь Антиох III, так и римляне стремились обеспечить себе союз с Эвменом. Мнения по этому поводу в царском доме разделились. Как передают, братья царя Аттал и Филетер высказались в поддержку Антиоха, однако царь, к своему счастью, не прислушался к ним и решил выступить на стороне римлян. Это решение не лишено было риска, так как на первых порах Эвмен оказался в Малой Азии в полном одиночестве.

В последующей войне против Антиоха III в Элладе Эвмен не совершил особых подвигов, его войска использовались преимущественно для охранной службы, в частности, в крепости Халкида на Эвбее. Когда же римляне под командованием Л. Сципиона переправились через Геллеспонт, Эвмен оказался рядом и предложил римским полководцам воспользоваться пергамским флотом. Однако решающее значение имело участие пергамского царя в битве при Магнесии (190/189 г.). Эвмен и его брат Аттал стояли со своей конницей на правом фланге римлян. Их стремительная атака обратила неприятеля в бегство и по существу решила исход всей битвы.

По окончании вооруженной борьбы Эвмен высказался в пользу благоразумного и умеренного обращения с неприятелем. Он даже отправился — впервые в своей жизни — в далекое путешествие в Рим, где выступил прежде всего конкурентом родосцев, к расширению владений которых на материке он относился крайне недоброжелательно. В Риме аргументы царя произвели впечатление на сенат: для римского сената было очень важно иметь надежного союзника в Малой Азии, но вместе с тем римляне не были заинтересованы в усилении Эвмена, им было важно удержать его в известной зависимости, чтобы лишить его во внешней политике свободы действий.

Тем не менее вопреки ожиданиям территориальный выигрыш пергамского властителя оказался велик: римляне уступили ему всю Малую Азию вплоть до подножия Тавра, принадлежавшую до тех пор Селевкидам. Спорным, правда, оставалось владение Памфилией. Похоже, однако, что западная часть области отошла к Эвмену,

между тем как города, расположенные в восточной части, были объявлены свободными. Равным образом были переданы Эвмену и те города, которые до сих пор были данниками Антиоха III. Из них поименно были названы Магнесия у горы Сипила и Тельмес. Последний — пергамский анклав на территории родосцев — был особенно важен как портовый город. В качестве плацдарма по ту сторону Геллеспонта к Эвмену перешел на европейском материке Херсонес Фракийский (Галлиполи). Главным городом здесь была Лисимахия, которую Антиох III в предыдущие годы отстроил как резиденцию сына. Римляне намеренно передали надзор за проливами пергамскому правителю. Они были убеждены, что он сумеет управлять Херсонесом в их духе. Часть этих владений была выторгована Эвменом при его посещении Рима, остальное присудила ему комиссия римского сената, продиктовавшая в Апамее во Фригии селевкидскому царю окончательные условия мира (188 г.).

В то время как Эвмен отстаивал в Риме свои интересы, римский полководец Гн. Манлий Вольсон предпринял поход против галатов, который завершился решающим успехом римлян. Радостное настроение охватило также и Пергам; ведь галаты непрестанно донимали греческие города Малой Азии, в том числе и Пергам, своими набегами и грабежами. В походе римлян принимали участие также братья Эвмена Аттал и Афинея (189 г.). Галатам строго наказали, чтобы они держались в пределах своей области и не совершали никаких набегов. Однако и в последующее время они не давали покоя, так что пергамцы вынуждены были повторять карательные экспедиции против них.

Мир в Апамее (188 г.) явился важной вехой в развитии государства Атталидов. Благодаря щедрости римлян их территория сильно увеличилась. Если до этого ведущую роль в Анатолии играли Селевкиды, то отныне их место занял пергамский царь. Настало время продемонстрировать достигнутые успехи всему миру. И действительно, вскоре после 188 года, отмеченного столь важными событиями, в городе Пергаме начинается бурное строительство, и прежде всего в Верхнем городе, который теперь благодаря возводимым архитектурным памятникам, складам и казармам превращается в царскую резиденцию новейшего типа. Царь тратил на строительные работы

много денег, но он был умелым калькулятором, да и контрибуция, которую ему должен был выплатить Антиох, а также доходы от налогов во вновь приобретенных областях облегчали выполнение намеченной программы. Центром строительных работ в Пергаме стал священный участок Афины на Акрополе. Здесь были выставлены посвященные дары в память об отдельных походах, они должны были показать в нужном свете всему миру власть и дела царя. Недоставало лишь специальных посвящений в память победы при Магнесии, где, как было сказано, Эвмен сыграл исключительно важную роль.

Большой Пергамский алтарь, строительство которого было начато, по-видимому, около 180 г. до н. э., покоился на фундаменте площадью 34 на 36 метров и имел четыре больших яруса. С запада на платформу с алтарем для жертвоприношений вела парадная лестница. Верхняя часть сооружения была окружена портиком в ионическом стиле, а с запада этот портик несколько отступал и оставлял свободным место для жертвенного алтаря. Стены сооружения украшал монументальный скульптурный фриз: фигуры, высеченные из камня, изображали борьбу богов и гигантов, между тем как малый фриз на внутренних стенах алтарного дворика представлял сцены из сказаний о Телефе.

Для завершения этого огромного сооружения понадобилось, несомненно, много времени — согласно А. Шоберу, не меньше четверти века, срок, который кажется в настоящем случае вполне оправданным. Использованные для изображения на фризе мифологические сюжеты чрезвычайно богаты: представлены многочисленные фигуры в териоморфной форме, наряду с ними изображены змеи и морские чудовища, причем отнюдь не для всех изображений можно предложить убедительные истолкования. На все еще изобилующей пробелами ленте фриза удалось выявить до 56 изображений богов и не менее 64 гигантов, причем среди богов представлены столь редкие фигуры, как «богиня ночи» и созвездия ночного неба, изображенные на северной стороне фриза и противостоящие дневным светилам на южной стороне. Особенное внимание привлекла, естественно, «богиня ночи», рядом с которой находятся Мойры и Керы (если, конечно, правильно предложенное истолкование). Большую роль во всем этом сыграла фантазия художников, прежде всего при изобра-

жении дракона и тритона, которому придали облик чудовищного гибрида.

Вряд ли подлежит сомнению, что проект большого фризa выполнен по предварительно изготовленным эскизам. В качестве первоначального автора называют прежде всего Клеанфа из Асса, сочинившего среди прочего труд о гигантах. Клеанф был таким же видным стойком, как и Кратет из Малла, который подвизался в Пергамской библиотеке и здесь написал свои *Sphairopoia* («Создание сфер»), ученую и даже мудреную книгу, нашедшую, очевидно, именно поэтому в древности многочисленных читателей.

На время правления Эвмена II падает, по-видимому, и сооружение библиотеки. Она была украшена множеством изображений поэтов и историков. Среди них были представлены Гомер, Геродот, Алкей из Митилены и трагик Тимофей Милетский. Вообще, Пергамская библиотека принадлежит к числу тех древних строений, конструкция которых известна нам во всех деталях². В возведении архитектурных памятников участвовали также представители пергамской знати, и в первую очередь Меноген, сын Менофанта. Его инициативе мы обязаны возникновением нескольких монументов; кроме того, он воздвиг не менее семи бронзовых статуй. Так как надписи на пьедесталах сохранились, то мы знаем, что здесь стояли статуи царей Аттала I и Эвмена II, цариц Аполлониды и Стратоники, а также царских братьев Аттала, Филетера и Афинея. Все в целом должно было, по-видимому, выражать приверженность Меногена династии Атталидов. Эти бронзовые статуи утрачены, зато сохранилась колоссальная голова, которая, очевидно, принадлежала статуе Аттала I. Как выглядел Эвмен II, показывает изображение на монете³. Здесь представлено худое лицо с впалыми щеками, покатым лбом и тонким орлиным носом — красноречивое подтверждение литературного описания болезненной внешности этого правителя.

Хотя мир в Апамее (188 г.) и означал конец войны между римлянами и Антиохом III, в Малой Азии он привел к новым конфликтам. Огромное увеличение пергамской территории было бельмом на глазу других династий и царей в Анатолии, в особенности это относилось к Прусию I Вифинскому, симпатии которого были на стороне македонского царя Филиппа V. В лице Ганнибала

Прусий располагал ценным военным советником, однако, несмотря на это, военная удача в пергамо-вифинском конфликте оказалась на стороне Эвмена.

Яблоком раздора между двумя государствами была область Фригии Эпиктеты. В борьбу в конце концов вмешались римляне, отправившие специальное посольство во главе с Т. Квинкцием Фламинином. Ганнибал оказался загнанным в угол и покончил жизнь самоубийством (183 г.). Приобретение района Фригии Эпиктеты было важным для Эвмена II постольку, поскольку он таким образом впервые получал непосредственный доступ в Галатию, которая теперь была поставлена под прямое управление Эвмена. В одном тельмесском постановлении упоминается о победе Эвмена (который здесь называется «спасителем» и «благодетелем») над Прусием, Ортиагоном и прочими их союзниками⁴. Ортиагон был царем толистоагиев, одного из трех галльских племен в Малой Азии; очевидно, он предводительствовал над всеми галатами. Повидимому, галаты тогда окончательно попали под верховную власть Эвмена. Тем самым он вошел в прямое территориальное соприкосновение с царем Понта Фарнаком.

Этот правитель пользуется весьма дурной славой в греческой традиции. Полибий называет его самым вероломным царем из всех, каких он знал. Между ним и Эвменом дело вскоре дошло до военного столкновения, которое длилось с 183 до 179 г. В эту войну оказались втянутыми целый ряд династов, территории которых были расположены между Пропонтидой (Мраморное море) и Армянским нагорьем. У Эвмена нашлись союзники в лице Прусия II Вифинского, пафлагонского династа Морзия и царя Каппадокии Ариарата. Римляне также попытались вмешаться посредством ряда посольств, однако они мало чего добились. Мир наступил лишь тогда, когда Эвмен поставил понтийского правителя в безвыходное положение. По мирному договору Фарнак должен был принять на себя обязательство никогда более не вступать на галатскую землю. Его соглашения с галатами были аннулированы. Галатия была отныне прочно привязана к Пергамской державе. В войске Атталидов с этих пор встречаются среди прочих и галаты, прославившиеся как отличные воины.

Если Эвмен II находился в натянутых отношениях уже с македонским царем Филиппом V, то при преемни-

ке Филиппа Персее (179—168 гг.) эти отношения не стали лучше — напротив того, они еще более ухудшились. Пергамский царь не упускал ни одной возможности, чтобы очернить македонского правителя в глазах всего света. Так, зимой 173/72 г. Эвмен снова съездил в Рим, чтобы обратить внимание на усиленную подготовку македонского царя к войне. То, что Эвмен II высказал в своей речи в сенате, вряд ли могло быть новостью для римлян, и, как уже справедливо было указано, воспроизведенная у Ливия [XLII, 10 и сл.] речь Эвмена (если она вообще достоверна) преследовала лишь одну цель — подтвердить уже известные факты, и прежде всего более четко обрисовать характер самого Эвмена. Сенат знал, кого имел в лице Эвмена, поэтому почестей и знаков внимания было оказано царю в Риме столько, что они возбудили недовольство Катона Старшего. Он ехидно заметил, что царь по природе своей — плотоядное животное; этим он, по-видимому, хотел сказать, что Эвмену нельзя доверять ни на йоту.

На обратном пути в Пергам на царя в Дельфах было совершено покушение, едва не стоившее ему жизни. Убийцы скатили на него с высоты два огромных камня, которые попали в царя, один — в голову, а другой — в плечо. Многочисленные друзья и сопровождающие бросились бежать, и лишь этолиец Панталеонт позаботился о раненом. Хотя царь не был мертв, но надежд, что он останется в живых, было мало. На следующий день его на корабле перевезли в Коринф, а оттуда на Эгину, но к нему никого не допускали, и потому в Малой Азии распространился слух, что он скончался.

Брат Эвмена Аттал, как и многие другие, поверил этим слухам. Вместе со Стратоникой, супругой Эвмена, и комендантом пергамского акрополя он обсудил создавшееся положение — ведь он считался бесспорным наследником старшего брата. Ситуация в Пергаме была неясной, никто не знал, что теперь произойдет. Античные источники (Диодор и Плутарх) рассказывают, что Аттал женился на царице Стратонике и что он возложил на себя знак царского достоинства — диадему. Эти сведения не являются чем-то невероятным, а инициатива Аттала кажется вполне достоверной. Передают, далее, что Эвмен по возвращении в Пергам упрекнул брата в чрезмерной поспешности, но свое отношение к нему не изменил. Само

собой разумеется, что этот вновь заключенный брак был аннулирован, и Стратоника во второй раз стала женой Эвмена II.

Кое-кто из современных исследователей считает возможным заключить на основании надписи, найденной в Херсонесе Фракийском, что Эвмена II успели тогда даже обожествить⁵, но это предположение ошибочное. До этого места история с принятием власти Атталом производит впечатление вполне достоверной, равным образом не вызывает сомнения заключение брака между ним и Стратоникой. Иначе обстоит дело со слухом, что в этом, по всей видимости, лишь очень кратковременном браке с Атталом Стратоника зачала сына — впоследствии Аттала III, который был последним пергамским царем. Позднее Эвмен II недвусмысленно признал этого сына своим. Однако если считаться с упомянутым, пусть даже очень недолгим, браком Стратоники и Аттала, то отцовство в данном случае никогда, пожалуй, не будет установлено с точностью.

Современному историку отказано в возможности проникнуть в тайны семейной истории Атталидов. Впрочем, Бенедикт Низе справедливо заметил⁶, что об этом событии не следует судить в соответствии с нашими современными представлениями. Люди древнего мира, и прежде всего цари, могли придерживаться здесь совсем иных взглядов. Династические браки заключались не по любви — в основном они служили продолжению царского рода, и забота о наследнике непрестанно побуждала эллинистических царей подыскивать себе других женщин, если нельзя было ждать потомства от царицы. Сохранение династии стояло выше всех других соображений, а вспышка открытых разногласий в Пергаме могла бы оказаться пагубной для правящего дома, поскольку никто не мог знать, во что они выльются. Это, несомненно, и было причиной, почему Эвмен вскоре помирился со своим братом. А благодаря признанию Эвменом новорожденного сына — позднейшего Аттала III — будущее династии казалось обеспеченным. То, что этот Аттал окажется изменчивой натурой и личностью, недостойной восседать на троне, — это ни Эвмен II, ни его брат Аттал не могли ни знать, ни предвидеть. Как известно, при Аттале III Пергамское государство было предназначено по завещанию римлянам (133 г.), которые, однако, смогли вступить во владение

им лишь после длительного противоборства с Аристони-ком, якобы незаконнорожденным сыном Эвмена II.

Покушение в Дельфах явилось в известной степени прелюдией к 3-й македонской войне (171—168 гг.) — войне римлян и их союзников против македонского царя Персея, в котором каждый видел истинного инициатора покушения. В этой войне пергамцы снова остались верны римлянам. Эвмен II с экспедиционным корпусом отправился в Халкиду на Эвбее — важную стратегическую базу в Греции. Пергамские контингенты принимали участие в сражениях при Калликоне и Фаланне (171 г.). Однако сотрудничество с римлянами проходило не без трений: Эвмен почувствовал дурное отношение к себе со стороны консула Кв. Марция Филиппа, и это привело к длительным размолвкам между союзниками. Из этого попытался извлечь для себя выгоду Персей, вступивший в переговоры с Эвменом. Рассказывали даже, что Эвмен за свое посредничество между Персеем и римлянами запросил для себя большие комиссионные (будто бы 1500 талантов), но из этого ничего не вышло из-за нежелания Персея предоставить требуемую сумму. Эвмен же оказался скомпрометированным в глазах римлян, поскольку эти переговоры не остались в тайне. Так, во всяком случае, рассказывает Полибий [XXIX, 4—9], получивший якобы эти сведения от друзей Персея. Насколько все это правда, сказать трудно, но несомненно одно: Эвмен своим поведением восстановил против себя римлян. Новейшие исследователи относятся к указанию Полибия скептически, но попытка посредничества со стороны Эвмена, во всяком случае, была вполне возможна. Следствием этого явилось некоторое осложнение отношений между Римом и Эвменом, и последний не был в этом совершенно неповинен.

В дальнейшем Эвмен продолжал участвовать в войне, в особенности на море, но без крупных успехов. В решающем сражении при Пидне (168 г.) он участия не принимал, однако передал римскому сенату свои поздравления. Но самое тяжелое царю еще предстояло пережить. Едва он вернулся домой из Эллады, как разразилось грандиозное восстание галатов (168 г.), поставившее его временно в столь трудное положение, что он должен был обратиться за помощью к римлянам. В Риме начали плести интригу, пытаясь противопоставить царю Эвмену его брата Аттала. Однако Эвмен в высшей степени ловко обез-

вредил эти происки, обнадежив своего брата возможностью престолонаследия.

Между тем галаты под водительством Соловеттия проникли в западную часть Пергамского царства, и Эвмену II пришлось испытать горечь поражения; сам он лишь чудом спасся от преследовавших его галатов. Так как он был человеком слабого здоровья, то велел нести себя в носилках, но тут его настигли галаты, которые в самый последний момент упустили свою жертву, ибо предполагали здесь военную хитрость и подозревали, что поблизости скрываются пергамские воины. Эта история не случайно, конечно, включена в реестр военных хитростей у Полиена (писателя времени Марка Аврелия и Люция Вера). Но правдив ли этот анекдот или нет, — в любом случае он раскрывает опасное положение, в котором оказался Эвмен из-за нападения галатов.

Впрочем, восстание галатов произошло не совсем неожиданно. Можно даже предполагать, что они нашли определенную поддержку у римлян. Как показали интриги с братом царя Атталом, в римском сенате к руководству пришли люди, полагавшие, что, после того как Македония пала и была разделена на четыре бессильных республики, в помощи Пергамского царства более нет нужды. В конце концов сенат по просьбе Атталы изъяснил готовность отправить в Малую Азию специальное посольство. Когда весной 167 г. оно вступило на землю Анатолии, Эвмен и галаты все еще вели между собой вооруженную борьбу. Галаты расположились лагерем в Синнаде, а Эвмен II разбил свою главную квартиру в Сардах. Римское посредничество не привело ни к чему, и, вероятно, это объяснялось тем, что римляне менее всего были заинтересованы в завершении войны в пользу Эвмена. Во всяком случае, глава римского посольства П. Лициний должен был действовать согласно инструкции сената. Даже Полибий [XXX, 3, 8] намекает на это.

Эвмен II снова отправился в Рим. Он надеялся своим личным присутствием унять раздражение против него в Риме, поскольку придавал большое значение нормальным отношениям с римлянами. Когда зимой 167/166 г. он уже высадился в Брундизии, сенат направил ему предписание безотлагательно покинуть Италию: в Риме вообще не желают больше видеть никаких царей, после того как Прусий II Вифинский совершенно неподобающим образом

унизил себя в глазах сената. Высокомерное поведение римского сената, которое может быть понято лишь на фоне триумфа римского оружия над Македонией, дало повод к крайне бесцеремонному обращению с союзником, который не раз оказывал римлянам дружеские услуги.

Поскольку Эвмен уже не мог рассчитывать на римскую помощь, он сам выступил с большим наемным войском против галатов. Решающее сражение во Фригии завершилось победой царя, которому во всем помогал его брат Аттал. Народ галатов снова попал под власть пергамских царей (166 г.)⁷. С этого времени галаты окончательно утихомирились. И действительно, они более не осмеливались ни на какие вторжения в культурные греческие области на западе Малой Азии. Велика была радость ионийских греков. Они спешили принести пергамскому правителю подобающую благодарность и даже поставили ему золотую статую (расходы царь взял на себя). Она была воздвигнута по желанию Эвмена в Милете. Высокие почести были ему оказаны также в Сардах и Пергаме. И когда после победы над галатами возобновились работы по сооружению большого Пергамского алтаря, каждый должен был усмотреть в борьбе богов и гигантов символ победы культуры над варварством, воплотившимся в грубых галатах. Изъявления чувств греческих городов были тем более приятны пергамскому царю, что римляне отнюдь не склонны были приветствовать его успехи в Малой Азии. Когда в 164 г. в Малой Азии появилось римское посольство, его глава Г. Сульпиций Гал велел объявить, что каждому отныне позволено приносить жалобы на царя. Римлянин будто бы лично в течение десяти дней принимал эти жалобы в гимнасии в Сардах. Однако обнаружилось не так уж много компрометирующего материала, и это свидетельствовало о том, что подданные не видели особых оснований критиковать правление Эвмена. Со своей стороны Эвмен старался завоевать симпатии греков, в особенности родосцев. Он не только поставлял им зерно, но и обещал сверх того украсить белым мрамором их театр. Но дошло ли дело до этого, мы не знаем, ибо уже в 159 г. Эвмен II умер в возрасте 62 лет после 38-летнего правления.

У своих подданных Эвмен оставил по себе прекрасную память. В высшей степени хвалили его отношения к братьям. Он будто бы говорил: «Когда мои братья отно-

сятся ко мне как к царю, я веду себя по отношению к ним как брат. Когда же они обращаются со мной как с братом, я веду себя как царь». Однако если это высказывание соответствует истине, то оно может служить свидетельством того, что Эвмен сознавал свое особенное положение также перед братьями. Хотя Эвмен вынужден был участвовать в нескольких войнах, он всегда считал своей обязанностью покровительствовать искусствам и наукам. Город Пергам он украсил целым рядом величественных сооружений, он сделал ценные посвятельные дары, построил библиотеки, воздвиг Никефорий. Это великолепное сооружение было посвящено Афине Никефоре, которую царь почитал как свою покровительницу. По образцу священных игр в Элладе Эвмен учредил в честь этой богини специальные агоны.

Всеми своими действиями он выражал уважение к эллинской культуре. Подобно Птолемеям он окружал себя учеными, историками и мастерами изобразительного искусства. Он великолепно владел греческим языком, хотя восходящие к нему надписи показывают тяжело-весный азианский стиль, который тогда был в моде. В сравнении, например, со стилем Полибия они (если только их составление действительно следует приписать этому правителю) отличаются не столько точностью выражения, сколько богатством слов. Однако потомки никогда не забывали, что он возвел Пергам и Пергамское государство на высокую ступень процветания и спас греков Малой Азии от страшной опасности со стороны галатов.

XI

Митридат VI Евпатор, царь Понта

(132—63 гг. до н. э.)

В античной традиции, односторонне освещающей события в духе римлян, портрет понтийского царя Митридата¹ Евпатора представлен весьма мрачно. Однако не следует забывать, что наряду с лузитанином Вириатом и германцем Арминием Митридат относился к числу величайших врагов римского народа. Риму пришлось вести против него три войны, и только в третьей «рейхс-маршалу» Помпею удалось сокрушить Митридата. Вообще противоборство с римской мировой державой стало судьбой понтийского царя. Жизнь его пестра и многогранна, но, по существу, этот царь принадлежал миру Переднего Востока, на который он сам и в политической и в административной сфере наложил отпечаток своей личности. Между миром Передней Азии и миром западных римлян лежала глубокая пропасть, и нет ничего удивительного в том, что римская историография, представленная прежде всего Саллюстием, не воздала должное

понтийскому царю. А так как противоположное направление вообще никем не представлено, то занять правильную позицию по отношению к Митридату весьма трудно, ибо нельзя ожидать, чтобы его злейшие враги хоть в какой-то степени отнеслись к нему справедливо. К счастью, большая часть событий точно установлена, а кроме того, известны некоторые подробности из личной жизни царя — они рисуют Митридата человеком большой силы воли и, пожалуй, еще большей беспощадности. В жизни не было для него ничего святого. Главным стимулом его действий и стремлений была совершенно неприкрытая ненависть к римлянам, которым он никогда не мог простить, что они вторглись в сферу его интересов в Передней Азии.

Митридат происходил из княжеского иранского рода, возводившего свою родословную к одному из шести главных сподвижников персидского царя Дария I. Представители этой семьи прослеживаются в источниках на службе персидских «великих царей» с конца V в. до н. э. Первым здесь является, по-видимому, Ариобарзан, сын Митридата, преемник Фарнабаза в качестве сатрапа геллеспонтской Фригии. Этот Ариобарзан был весьма своеобразным правителем, провозгласившим себя независимым от персидского «великого царя». Но он стал жертвой интриг собственного сына и в наказание за свое отпадение был распят на кресте (362 г.). Его сын, которого звали Митридат, в более поздний период стал союзником Эвмена из Кардии, а после гибели последнего его можно встретить в окружении Антигона Одноглазого. Поскольку, однако, Антигон боялся его перехода в лагерь противников, он в 302 г. без лишних церемоний распорядился его устранить. Сын этого Митридата, носивший то же имя, стал основателем Понтийского государства, раскинувшегося по северному краю Анатолии (в северной части Каппадокии, в области так называемого Понта). При этом под власть понтийских владык попали также различные греческие города на побережье Черного моря. Митридат Основатель уже примерно с 280 г. носил царский титул, благодаря чему он встал в один ряд с эллинистическими монархами.

В области Понта обитало малоазийское население, но в стране было также много персов, и именно они занимали ключевые позиции в управлении. Благодаря контак-

там с эллинами на побережье Черного моря страна и ее население получили доступ к греческой культуре, которая, впрочем, никогда не могла пустить глубокие корни во внутренних областях Понта. Однако правители хорошо сознавали, чем они обязаны грекам. Цари знали греческий язык и привлекали в свою страну многих эллинов, поскольку те были совершенно незаменимы в делах управления и экономического развития государства. Традиция называет для III и II столетий до н. э. всего пять правителей, которые с переменным успехом осуществляли власть над этой страной, граничившей на западе с Вифинией, на востоке — с Арменией, а на юге — с Великой Каппадокией. Первым из них был уже названный Митридат I Ктист («Основатель»). Ему наследовал в 266 г. его сын Ариобарзан, затем последовали цари Митридат II (правил примерно с 250 до 220 г.), Митридат III (приблизительно с 220 до 190 г.), Фарнак (примерно со 190 до 170 г.), Митридат IV Филопатор Филадельф (примерно со 170 до 150 г.) и, наконец, Митридат V Эвергет (примерно со 150 до 120 г.).

Из этих шести понтийских царей более всего известен Фарнак. Он захватил торговый город Синопу (183 г.) и вел войну против целого ряда малоазийских династов, пока, наконец, ввиду категорического римского требования ему не пришлось пойти на мир (179 г.). В личности Фарнака проступает уже многое, с чем мы встречаемся позднее у Митридата VI. В жизни и делах этого монарха уже обозначилась тенденция к конфликту, которая впоследствии получила свое развитие в отношениях между Римом и Понтийским царством. Фарнак был дедом, а Митридат V отцом великого Митридата. Митридат V пал жертвой заговора в собственном дворце в Синопе. По его завещанию, управление должна была осуществлять его вдова вместе с обоими еще малолетними сыновьями — распоряжение, которое оказалось малоудачным. Очевидно, оно явилось своего рода компромиссом, если только это завещание вообще было подлинным. Эти события падают на 120 г. до н. э. Римская власть в провинции Азии на западном краю Анатолии тогда уже достаточно стабилизировалась, и не было ничего удивительного в том, что за событиями в Понтийском царстве из Рима наблюдали с пристальным вниманием.

Митридату Евпатору было 12 лет, когда умер его отец.

У него был младший брат, тоже Митридат по прозвищу Хрест («Добрый»), а кроме того, пять сестер. Из них Лаодика была замужем за каппадокийским царем Ариаратом, а позднее за Никомедом III Вифинским; вторая сестра стала супругой самого Митридата, а о трех остальных — их звали Роксана, Статира и Ниса — нам более ничего не известно. По линии матери Митридат мог возводить свою родословную к Селевкидам: его мать была дочерью Антиоха IV Эпифана, правителя, вошедшего в историю благодаря распре с Маккавеями.

Как это часто бывает с великими людьми, предание и на этот раз сообщает нам много чудесного о юности Митридата. Так, рассказывали, что в его колыбель ударила молния, так что даже загорелись пеленки младенца. Его рождение и восшествие на престол ставили в связь с появлением комет. Рассказы такого рода относились к обычному арсеналу эллинистического историописания, и в повествованиях о Митридате без них, естественно, также не обошлось. Митридат, который родился и вырос в Синопе, греческом городе на Черноморском побережье, уже в ранней юности вошел в соприкосновение с истоками эллинской образованности. Однако он совершенно осознанно держался иранских традиций своего дома, в особенности маздаизма, которому был верен всю свою жизнь. Его отношения с матерью, селевкидской принцессой Лаодикой, подверглись тяжкому испытанию уже в его молодые годы, ибо Митридат обоснованно или необоснованно, это трудно сказать, опасался за свою жизнь и потому удалился в горы Париадра. Здесь он вел жизнь изгнанника, предавался радостям охоты и воспользовался возможностью, подвергая себя всевозможным лишениям, закалить свое тело до такой степени, что позднее ему уже не были страшны ни холод, ни зной. Пребывание его в горах будто бы длилось семь лет. Это было трудное время для царского сына, выросшего в богатстве и роскоши при дворе в Синопе.

Митридату было 20 лет, когда он пришел к власти. Как ему это удалось — неизвестно. Свою мать Лаодику Митридат, по одной версии, убил, а по другой — будто бы удовлетворился тем, что обезвредил ее, заключив в темницу, где она и погибла. Вскоре юный властитель устранил и своего брата Митридата Хреста. По примеру, в конечном счете восходящему к Ахеменидам, он взял себе в

жены свою сестру Лаодику. Таково было начало его правления, продолжавшегося в общей сложности 48 лет, со 111 до 63 г. до н. э.

Понтийская держава Митридата простиралась по южному и восточному побережьям Черного моря (эллины называли его Понтом Эвксинским), от города Амастриды до расположенной на прибрежной равнине между Кавказскими горами Диоскуриады. Соседями Понта были Вифиния, Пафлагония, Каппадокия и Великая Армения, но из них лишь последняя играла определенную роль в международной политике. Великая Армения была типичным буферным государством между восточными областями Малой Азии и державой парфян. Прочие государства более или менее ориентировались на Рим, который после смерти последнего Атталида в 133 г. стал твердой ногой на землю Анатолии и уже никогда оттуда не уходил.

С незапамятных времен существовали тесные отношения между эллинскими городами Понтийской державы и греками Крымского полуострова, поэтому не следует удивляться, что город Херсонес (Севастополь), колония Гераклеи Понтийской, обратился с призывом о помощи к понтийскому царю. Митридат отправил в Крым своего верного полководца Диофанта, чтобы тот оказал помощь грекам полуострова против натиска скифов, наступавших из внутренних областей Крыма и из южнорусских степей (110 г.). Экспедиция Диофанта завершилась полным успехом: весь Крымский полуостров покорился власти царя, который благодаря этому прочно обосновался и на северном побережье Черного моря. Впрочем, борьба продолжалась несколько лет, и лишь в 107 г. до н. э. города Феодосия и Пантикапей (Керчь) перешли в руки понтийского царя, который отныне стал называться «царем Боспора Киммерийского и защитником Херсонеса» (под киммерийским Боспором здесь понимается Керченский пролив).

К северу от Черного моря Митридат завоевал целую державу, приобретшую для него особую важность благодаря существованию здесь греческих городов, но поистине неоценимы были для него открывшиеся теперь торговые связи с областями Южной России. Большие реки изобиловали рыбой, земли к северу от Крымского полуострова и Меотиды (Азовского моря) были настоящими житницами. Они приносили Митридату в виде ежегодной

дани 180 тыс. медимнов зерна и 200 талантов серебра. Митридат добился монопольного положения в торговле зерновыми культурами. Наряду с зерном из Египта и Сицилии поставки из Южной России находили прежде всего сбыт в Анатолии и в греческом мире. Кроме того, области Южной России располагали прямо-таки неисчерпаемыми людскими резервами, что было исключительно важно для комплектования армии понтийского царя. Особенно много служило в ней скифов, однако геты, язиги и роксоланы также поставляли контингенты. Из них язиги принадлежали к племенной группе сарматов, славившихся своей легкой кавалерией, этой предтечей казачьей конницы. Наконец, следует упомянуть еще бастарнов (они, вероятно, кельтского происхождения), которые жили в Бессарабии и благодаря своей высокой боеспособности очень ценились как союзники.

Тесные отношения были у Митридата и с эллинскими городами западнопонтийского побережья — с Истром, Томами, Одессом, Месембрией и Каллатидой. Это были значительные торговые республики; их противниками были геты, непрестанно опустошавшие их земли. Но и в Малой Азии царь сумел значительно расширить свои границы. Важнейшим приобретением здесь была Малая Армения, зажата как бы в тиски между Колхидой и Понтом. Эта страна — яблоко раздора между Понтом и Великой Арменией — была родиной искусных в ремеслах племен халибов и тибаренов; из них первые получили признание прежде всего из-за обработки железа. Благодаря аннексии Малой Армении Понтийское царство максимально продвинулось на восток, дойдя до Верхнего Евфрата.

Завоевания в Крыму, Колхиде и Малой Армении придали новый облик державе Митридата. С юга, востока и севера его государство охватывало теперь Черное море, а центром и столицей был город Синопа. Понтийский властитель украсил его роскошными постройками, от которых, однако, до нашего времени ничего не сохранилось. Области к северу от Черного моря были важны как поставщики зерна, а Малая Армения должна была стать опорой на случай войны, поэтому царь распорядился построить здесь многочисленные крепости — они должны были служить ему в качестве стратегических опорных пунктов. Кроме того, в них должны были храниться на-

копленные драгоценные металлы, которые в большом количестве обязаны были поставлять города Понтийской державы.

Для другого правителя создание этой черноморской державы означало бы достижение цели всей жизни, но Митридат был слишком молод, чтобы удовлетвориться этим. Уже давно он выбрал в качестве дальнейшего объекта своей беспокойной деятельности области, граничившие с Понтом на юге. Действительно, здесь сложилось положение, которое настоятельно требовало коренной перемены. Правда, римляне ввели новое государственное управление в части Малой Азии, некогда составлявшей Пергамское царство, однако местное население было глубоко разочаровано жестокостью римской администрации, занявшей место патриархального управления Атталидов, и особенно объединениями откупщиков, выжимавшими из страны колоссальные суммы. Правда, с другой стороны, в провинцию Азию притекало много римских капиталов, благодаря чему после длительного периода застоя оказалось возможным реорганизовать использование природных ресурсов страны. Вообще распространенное представление о своекорыстии римлян является отражением не всей действительности, а лишь ее части. Но кому хотелось платить налоги, к тому же еще римлянам, высокомерно взиравшим на местное население, состоявшее из греков и азиатов? Это отношение римлян изменилось лишь во времена Цицерона.

Чтобы ознакомиться с соседними областями, Митридат, как рассказывают, предпринял инкогнито поездку по римской провинции Азии и Вифинии. При нем было лишь несколько провожатых, и нетрудно догадаться, что его намерением было составить собственное представление о внутреннем положении этих областей. Посетил ли он также Пафлагонию, Галатию и Каппадокию — источники [Юстин, XXXVII, 3] не сообщают, но в принципе это вполне возможно. Ведь наиболее важной была, без сомнения, Каппадокия — государство, примыкавшее с юга к владениям Митридата. Эта страна испытала много бедствий с тех пор, как ее царь Ариарат V, являвшийся союзником римлян в войне с Аристоником, погиб в 130 г. в бою с врагами. Вдова Ариарата Ниса якобы устранила пятерых своих сыновей ради единоличного правления.

Кара настигла ее, когда с чужбины вернулся шестой сын, чтобы принять правление. Его царствование длилось примерно 15 лет (приблизительно со 125 до 141 г. до н. э.). Ариарат VI Эпифан погиб насильственной смертью от руки Гордия — видного каппадокийского магната. Его преемником стал еще несовершеннолетний сын Ариарат VII Филометор, однако управление целиком находилось в руках его матери Лаодики. Было очевидно, что ситуация, сложившаяся в Каппадокии, послужит поводом к вмешательству соседей. К этому добавлялось еще и то, что в Понте и Каппадокии обитало родственное население. Граница между обоими царствами казалась противостественной, и объединение этих двух государств отнюдь не выглядело утопией, а, напротив, представлялось политически вполне возможным, если бы нашелся решительный властитель. Однако уже тогда каждому благоразумному человеку было ясно, что территориальные изменения в Анатолии едва ли могут быть произведены без согласия римлян. Эти последние были судьями также и в династических спорах, которые без конца сотрясали малоазийские царства.

Как только Митридат вернулся из своей разведывательной поездки (по-видимому, в 108 г.), он немедленно привел в боевую готовность свое войско. Перед этим он распорядился казнить свою супругу Лаодику, которая была его родной сестрой: она якобы не только была ему неверна, но даже хотела отравить его. Действуя вместе со своим союзником, царем Вифинии Никомедом III, Митридат занял Пафлагонию, а затем Галатию. Обе области были поделены между двумя монархами. Отныне в них пробудилась алчность, и каждый устремил свой взор на поиски еще большей добычи. Ею стала для них Каппадокия, оказавшаяся беззащитной перед вражеским вторжением. Страна была занята сначала вифинцами, а затем, после их изгнания, — войском Митридата. Юного царя Ариарата VII Филометора привезли теперь снова в его столицу Мазаку. Ариарат приходился племянником понтийскому царю, однако он показался Митридату недостаточно уступчивым, и тогда у царя созрел план устранить юного правителя. Во время свидания, на которое Ариарат неосмотрительно согласился явиться, Митридат собственноручно заколол его, а на его место в качестве царя поставил одного из своих сыновей. Этому

сыну, однако, было всего восемь лет. Отныне его стали именовать Ариарат Эвсеб Филопатор, как если бы он был членом семьи Ариаратидов.

Между тем римляне послали в Малую Азию посольство, возглавляемое Марием, с наказом навести там порядок, но никто не прислушался к мнению послов. Митридат, во всяком случае, счел возможным оставить без внимания предупреждение римлян. Однако в Риме на этот раз не уступили. Шел 99 год до нашей эры. Сенат распорядился, чтобы как Никомед, так и Митридат вернули завоеванные земли и вывели свои войска из Пафлагонии и Каппадокии. Галатия в этой связи в античных источниках [Юстин, XXXVIII, 5, 6] не упоминается, но, возможно, она не названа здесь просто по недосмотру. Этот приказ явился тяжелым ударом для обоих царей, но при тогдашнем положении вещей они вынуждены были подчиниться требованиям римлян. Усилия Митридата оказались, таким образом, напрасными, и в 95 г. он стоял снова там, где находился перед началом своих захватнических действий.

В 91 г. в Италии разразилась Союзническая война — племена Средней Италии восстали против гегемонии римлян; последние оказались вскоре на грани поражения и должны были напрячь все свои силы, чтобы выстоять. Результат не преминул сказаться: война пошатнула престиж римлян во всем мире. В частности, и в Малой Азии она произвела эффект настоящего землетрясения. Но для Митридата Союзническая война в Италии разразилась слишком рано — он еще не успел закончить всех военных приготовлений. Несмотря на это, царь ухватился за возможность, представившуюся ему столь неожиданным образом. Он вмешался в споры из-за трона в Вифинии. Здесь царь Никомед IV должен был уступить власть какому-то бастарду по имени Сократ Хрест. Однако Никомед немедленно поспешил в Рим, а вместе с ним и царь Каппадокии Ариобарзан, который также должен был уступить власть другому (90 г. до н. э.)².

Тем временем римляне справились с самыми большими трудностями в Союзнической войне, и теперь они через своего посланца Мания Аквилля аннулировали распоряжения и действия Митридата. Свергнутый каппадокийский царь был восстановлен на престоле, между тем как вифинский правитель Сократ пал жертвой веро-

ломного убийства, инспирированного Митридатом. Уступчивость Митридата перед римлянами удивляла еще современников, но она станет понятна, если исходить из того, что царь не желал заслужить дурную славу правонарушителя в глазах всего мира. Однако, когда возвратившийся в свое царство Никомед IV совершил из Вифинии вторжение в Понтийское царство, терпению Митридата пришел конец. Он установил контакты с многочисленными властелинами Переднего Востока и даже с царями Египта и Сирии, а в своем тылу на восточной границе он располагал ценным союзником в лице своего зятя, армянского царя Тиграна. Кроме того, понтийский правитель широко использовал средства пропаганды, которая завоевывала для него симпатии не только жителей Малой Азии, но и всего греческого мира. Повсюду можно было обнаружить его эмиссаров, и не удивительно, что общественное мнение греков недвусмысленно приняло сторону Митридата.

В истории Митридатовых войн не следует упускать из виду, что царь и в политическом и в военном отношении превосходил своих противников лишь до тех пор, пока они были предоставлены самим себе. Когда же римляне наконец собрались с силами и послали войско в Малую Азию, то тут же обнаружилось, что отряды понтийского правителя ни по вооружению, ни по дисциплине не могут равняться с римскими. Но пока этот момент не наступил, Митридату приходилось иметь дело по преимуществу с наспех собранными провинциальными ополчениями, не выдерживавшими никакого сравнения с его собственным войском. Начало так называемой 1-й Митридатовой войны (89—85 гг.) отмечено поэтому непрерывной цепью римских поражений. Римское господство в Малой Азии развалилось как карточный домик. Были разбиты по меньшей мере четыре возглавляемые римлянами армии. Задержанного специальными посланцами Митридата в Митилене на Лесбосе проконсула Мания Аквилія протащили в цепях по городам Малой Азии, били розгами и в Пергаме замучили до смерти: передают, что ему будто бы влили в рот расплавленное золото. Греческие города Малой Азии отворяли Митридату свои ворота и считали себя счастливыми, что избавились от власти римлян. Наконец пал последний оплот римского владычества — город Стратоникия в Карии. За свое дру-

жесткое расположение к римлянам город этот жестоко поплатился, но тем не менее ему выпала и большая честь — выдать замуж за царя дочь одного из граждан по имени Монима. Но все это само по себе не было так уж важно; внушало опасение другое — то, что почти все без исключения греки с, так сказать, развевающими знаменами переходили в лагерь понтийского царя.

Разрыв с римлянами, однако, не был еще непоправим, когда Митридат ужасным преступлением уничтожил всякую возможность примирения с ними. Всем наместникам во вновь завоеванных провинциях, а также магистратам свободных городов он приказал в течение 30 дней после составления царского рескрипта уничтожить всех италиков любого состояния — свободных, вольноотпущенников и рабов, безразлично — мужчин, женщин или детей. Трупы умерщвленных запрещено было хоронить. Доносчикам были обещаны вознаграждения, а тем, кто предоставит убежище объявленному вне закона или позаботится о погребении убитого, грозило суровое наказание. Этот кровавый «Эфесский эдикт» стал началом чудовищной резни в провинции Азии. Приказ исполнялся пунктуально: осквернялись убежища, где пытались спастись италики; повсюду — в домах и на улицах — разыгрывались такие душераздирающие сцены убийств, каких не было даже в худшие времена Пелопоннесской войны. Объявленных вне закона убивали везде и всюду; по большей части они становились жертвами беснующейся толпы, многие были убиты даже у алтарей, других бросали в море. Иногда кое-где пробуждались гуманные чувства, но их заглушал кровавый приказ, и порывы сострадания были утоплены в крови. Никто не чувствовал себя в безопасности даже на островах у западного побережья Малой Азии, и только Родос оказался непоколебимым оплотом свободы и принял в свои стены многих беглецов-италиков.

Учиненное Митридатом жестокое избиение вошло в историю под названием «Эфесская вечерня» (88 г. до н. э.). По преданию, оно унесло 80 тыс. жертв. Если в одном из источников [Плут. Сулла, 24] указывается цифра в 150 тыс. убитых, то это — тенденциозное преувеличение. Но и 80 тыс. убитых — страшная цифра. Возникает вопрос, сознавал ли Митридат все общественно-политические последствия своего кровавого приказа? Не мог же он думать, что Рим оставит происшедшее без

внимания! Слишком много семей и в Риме, и в Италии понесли утраты, и «величие римского народа» (*maiestas populi Romani*) потерпело большой урон не только в Малой Азии, но и во всем мире. Кто мог еще довериться римлянам, раз они не сумели воспрепятствовать столь чудовищному злодеянию?!

Вне всяких сомнений, кровавый Эфесский эдикт следует рассматривать прежде всего как акт политический. Запугиванием и террором Митридат хотел перетянуть на свою сторону всех, кто еще колебался, и это ему в очень большой степени удалось. Однако было недостаточно упрочить свое господство в Малой Азии. Ведь и в Греции, насколько невероятным это ни выглядело, пробуждались определенные симпатии к понтийскому царю, подчеркивавшему свою роль борца за дело эллинов. Многие, естественно, зависело от позиции Афин. Здесь в качестве верховного стратега власть захватил философ-эпикурец Аристион. Друзья римлян были бессильны что-либо предпринять против него, и город вскоре открыто перешел в лагерь Митридата, тем более что появление в Эгейских водах Архелая вместе с понтийским флотом произвело на греков большое впечатление. Повсюду устраивали облавы на друзей римлян. Так, на маленьком острове Делосе понтийцы беспощадно истребили всех римлян вместе с италиками.

Сам Митридат, насколько мы знаем, никогда не показывался в Греции — он предоставил вести здесь войну своим генералам. На первых порах они смогли добиться значительных успехов, ибо почти вся Греция, за исключением Фессалии и Этолии, была потеряна для римлян; равным образом рухнуло римское господство и в Македонии. Это положение изменилось лишь в 87 г., когда весной на землю Греции ступил Сулла. Он высадился в Эпире и тотчас приступил к осаде Афин, которые, однако, попали в его руки лишь 1 марта 86 г. Впрочем, и после этого пришлось еще в течение длительного времени вести борьбу за занятый Архелаем Пирей. В результате обоих сражений на земле Беотии у Херонеи и Орхомена (86 г.) военное счастье окончательно перешло к римлянам. Несмотря на то что количественно войска Суллы уступали неприятелю, он остался победителем. Снова подтвердили свое превосходство римская дисциплина и стратегия Суллы. В частности, устройством рвов

и полевых укреплений Сулла создал непреодолимые трудности для действий понтийской конницы.

Снова встает вопрос: почему Митридат не явился лично во главе армии в Элладу? Объяснить это можно тем, что у него уже возникли трудности и в Малой Азии, ибо сюда явилось римское войско под командованием Л. Валерия Флакка, а затем — после его убийства в Никомедии — Г. Флавия Фимбрии, которое стало сильно теснить понтийского царя. В руки римлян попали уже города Илион и Пергам, а последний был главной резиденцией Митридата в Западной Малой Азии. Сулла, в свою очередь, уже после битвы при Орхомене установил контакт с понтийским полководцем Архелаем. Последовали предварительные переговоры в Делии (возможно, также в Авлиде). Обе стороны были готовы к заключению мира: Сулла потому, что желал вернуться в Италию, а Митридат, поскольку опасался дальнейших потерь, в особенности в Малой Азии.

Завершающие переговоры состоялись в 85 г. на малоазиатской земле, у городка Дардана, расположенного между Абидосом и Илионом, в Троаде. О происшедшей здесь встрече рассказывает сам Сулла. По его сообщению, выходит, что он и Митридат съехались на равнине, каждый с небольшой свитой. Митридат протянул Сулле для приветствия правую руку, на что Сулла намеренно не обратил внимания. Когда по настоянию Суллы царь начал держать речь — естественно, на греческом языке, которым оба владели, — Сулла перебил его, заметив, что о красноречии царя он хорошо информирован, но теперь должны обсуждаться факты. Затем Сулла перечислил преступления царя и потребовал от него ясного ответа, намерен ли он принять условия мира или нет. Когда Митридат ответил утвердительно, Сулла обнял его и вызвал из своей свиты обоих прогнанных понтийским царем правителей — Никомеда IV Вифинского и Ариобарзана Каппадокийского. Митридат приветствовал Никомеда, но отказался поздороваться с Ариобарзаном на том основании, что тот не был прирожденным властителем (в чем Митридат, по-видимому, был прав).

Относительно условий мира стороны пришли к соглашению уже на предварительных переговорах в Элладе, где они были оговорены между Суллой и Архелаем. В них предусматривалось следующее: во-первых, восста-

новление территориальных границ в том виде, как они существовали в 89 г., т. е. до начала войны. А это означало, что Рим получал обратно провинцию Азию, а Митридат должен был вернуть все захваченные им области, и прежде всего Пафлагонию и Каппадокию. Второе условие касалось возмещения военных расходов: Митридат обязался выплатить Риму 2 тыс. талантов. Третьим условием было предоставление Митридатом Сулле 70 военных кораблей, которые нужны были последнему для его возвращения в Италию. Четвертым пунктом предусматривалось возвращение пленных и перебежчиков. Пятое условие предусматривало амнистию для всех малоазийских греческих городов, перешедших в ходе войны на сторону понтийского царя. Наконец, Митридат был принят в число друзей и союзников римского народа.

Сколь бы разочаровывающими эти условия ни были для Митридата, ему все же удалось сохранить в неприкосновенности свою державу — Понтийское царство. Кроме того, Сулла игнорировал правило, согласно которому Рим до сих пор вел обычно переговоры лишь с поверженным врагом, а Митридат отнюдь еще не был сокрушен. Он скорее противостоял римскому полководцу как равноправный партнер, и никто не мог предвидеть, что принесет с собой будущее в Малой Азии. В особенности возникало сомнение, станет ли Митридат придерживаться Дарданского договора, если его к этому не принудят. Впрочем, от письменного составления договора стороны отказались, и таким образом, он представлял собой лишь личную сделку между двумя властителями.

Никто не станет отрицать, что Дарданский договор вызвал глубокий перелом в жизни Митридата. Впервые в лице Суллы ему встретился человек, олицетворявший «величие римского народа», хотя римский полководец и находился тогда в оппозиции к своему правительству в столице. Далеко идущие замыслы Митридата были отныне возвращены на почву реальных фактов. В частности, для него была теперь потеряна Европа, а кровопролития, учиненные в провинции Азии, оказались совершенно напрасными. В будущем необходимо было сконцентрировать все силы на укреплении Понтийской державы по обе стороны Черного моря, ибо она все еще оставалась самым значительным государством в Анатолии, а ее связи простирались вплоть до Южной России и даже еще дальше.

В год заключения Дарданского мира, т. е. в 85 г., Митридат был в расцвете своих сил — ему было тогда 47 лет. Что же он был за человек? Античные источники, по вполне понятным причинам, характеризуют его как заклятого врага римлян, однако не все, что можно вычитать у Саллюстия, Плутарха или Аппиана, является чистейшей правдой. Для своих современников Митридат был зловещей фигурой, человеком, по-видимому, с совершенно противоречивыми чертами характера: жестокость и мягкость, дружелюбие и враждебность, верность и коварство, великодушные и низость, культура и варварство — все это и многое другое уживалось в его душе. Но не только этим запечатлелся образ царя в памяти современников — он также резко выделялся среди окружающих его людей своими внешними данными: он обладал совершенно необычайной физической силой, был превосходным воином, всадником и колесничим, который мог потягаться даже с профессионалами в этой области. В еде и питье он мог побить, даже в пожилом возрасте, все рекорды, но, с другой стороны, он мог и отказаться от гурманства, если того требовали обстоятельства. Тогда он довольствовался самой простой пищей. Его изображения на монетах показывают нам удлинённый профиль, обрамлённый развевающимися волосами, как у Александра Великого. Лицо свидетельствует об уме и пылком темпераменте, оно излучает необычайную энергию и напоминает портреты Селевкидов, с которыми Митридат был связан родственными узами по материнской линии.

Царь прекрасно разбирался в людях. Он не имел себе равных в этом отношении среди государственных деятелей древности. Не только в выборе друзей и соратников, но и в обращении с врагами, и среди них в первую очередь с римлянами, Митридат умел сразу правильно оценить значение каждого из них; он с первого взгляда видел людей насквозь и умел использовать надлежащим образом любого, кто поступал к нему на службу. И в тяжелые для него времена друзья и слуги сохраняли ему верность; он всегда мог на них положиться, но и они имели в нем благодарного владыку, умевшего их достойно вознаградить за усердие. По своим высоким интеллектуальным качествам он был прямо предназначен для того, чтобы быть правителем. Он не избегал никаких трудностей и лишений, предпринимая дальние поездки для ознакомле-

ния с подвластной ему державой. При этом он в короткое время преодолевал очень большие расстояния на перекладных; многих лошадей он, очевидно, таким образом загонял насмерть. За способность быть вездесущим Митридат пользовался большой популярностью у своих подданных, но, с другой стороны, его и боялись, ибо он отличался прихотями, типичными для восточного деспота; своих подданных он рассматривал лишь как рабов, точно так же, как это было когда-то принято в Персидской державе Ахеменидов.

Для устрашения своих врагов он не пренебрегал никакими средствами. Вряд ли какой-либо другой античный властелин прибегал так часто к кинжалу и яду, как Митридат, не оставлявший безнаказанными даже самые незначительные проявления неверности. В этом отношении к нему нельзя подходить с мерками западной морали, равно как и в том, что он даже по отношению к членам собственной семьи проявлял жестокость, не имевшую аналогий в Передней Азии. Он отправил на тот свет своих сыновей Ариарата и Ксифара, причем первого из них он будто бы убил собственноручно, он не отступил даже перед убийством родной матери. Но разве все это не относилось к действиям, обычным на Востоке, как это видно, скажем, на примере дома Ахеменидов? Они дурно характеризуют Митридата как человека, но в них нет ничего необычайного, и их следует рассматривать на фоне нравов того времени.

Поражает большое количество языков, которыми владел царь. Он не только знал греческий и персидский, но и ориентировался во всех других языках, на которых говорили в Понтийском царстве (а их как будто бы было не менее 22 или даже 25), так что Митридат мог без переводчика разговаривать в своем войске с солдатами любого племени на их родном языке. Среди его друзей наибольшим почетом пользовались два грека: Диодор из Адрамиттия и Метродор из Скепсиса в Троаде. Диодор был страстным приверженцем Митридата; его обвиняли в том, что он будто бы велел перебить противников царя в своем родном городе, чтобы осуществить присоединение Адрамиттия к лагерю Митридата. Когда после Дарданского мира Диодор почувствовал, что в родном городе почва начала гореть у него под ногами, он поселился в Амасии на понтийском побережье (этот город был, между прочим,

родиной географа Страбона). Когда Митридата не стало и Понтийская держава перестала существовать, Диодор, отказавшись от пищи, умер голодной смертью, ибо страшился неизбежной расплаты за свое прошлое.

Метродор, в свою очередь, был в высшей степени многосторонним ученым; он был философом, ритором, историком и географом и прославился повсюду своими трудами. Благодаря этому он смог жениться на богатой женщине из Халкедона, что позволило Метродору вести совершенно независимый образ жизни. Но и он был заклятым врагом римлян, вследствие чего его прозвали «римляноненавистником». Ненависть к римлянам привела Метродора в лагерь понтийского царя, а тот воспользовался его способностями и назначил верховным судьей в своем государстве. Кроме того, Митридат пожаловал ему почетный титул «царского отца». Все это, однако, не мешало Митридату вынести Метродору смертный приговор, который, правда, не был приведен в исполнение. Этот указ, подписанный царем, римляне обнаружили в одном из архивов Понтийского царства.

Как и многие тираны древнего и нового времени, Митридат также был убежден, что окружен заговорщиками. Поэтому он с юных лет обратился к изучению ядовитых растений, а затем весьма умело применял смертоносные вещества против своих врагов. Так, передают, что царь убрал с дороги с помощью яда не только свою супругу и сестру Лаодику, но и своего сына Ариарата. И в рукоятке своей сабли он будто бы всегда хранил смертельную дозу какого-либо яда. Однако благодаря тому, что Митридат сам постоянно употреблял яды, его организм приобрел к ним иммунитет, так что сам он не мог покончить с собой таким путем. Впрочем, в основе его увлечения ядами лежала смесь псевдонауки с глубоким суеверием, как это было вообще свойственно тогдашней медицине, уделявшей большое внимание симпатическим средствам лечения. Изобретенное Митридатом противоядие готовилось, по сообщению Плиния Старшего [NH, XXIII, 8, 141], следующим образом: «Нужно взять два сухих ореха, две смоквы, двадцать листочков руты, растереть согласно предписанию и посыпать немного солью. Это средство, если его принять утром натощак, обезвреживает любой яд в течение целого дня».

Но менее всего можно было бы предположить в Мит-

ридите любовь к искусству, а между тем он был одним из крупнейших коллекционеров среди царей; особое влечение он питал к геммам, из которых составил большую коллекцию. Это собрание позднее в качестве военной добычи было перевезено Помпеем в Рим. Любовь к искусству Митридат унаследовал от своих предков, также проявлявших большой интерес к греческому искусству и художникам. Пристрастие Митридата к роскошной одежде, конским украшениям, драгоценному оружию, к золотым ложам, которыми пользовались во время пиршеств, к прочим изделиям из золота и драгоценных камней было известно во всем мире. Целые повозки, нагруженные подобными предметами, были отправлены в Рим после его падения; среди этих вещей были и такие исключительные редкости, как ложе, будто бы принадлежавшее Дарию Великому, и плащ Александра. В Капитолийском музее в Риме можно и сейчас любоваться знаменитой вазой, которую Митридат в знак своего особого благоволения подарил гимнасию евпатористов на Делосе. Это — великолепно сделанный бронзовый сосуд, свидетельствующий о высоком уровне торевтики в Понте — стране с богатыми залежами железа.

Резиденцией Митридата был древний город Синопа, но и в других городах у него были свои крепости и замки, как, например, в Амисе и Амасии. Здесь, в частности, находились гробницы древних царей, тогда как более поздние захоронения были перенесены в Синопу. При дворе Митридата толпились врачи, толкователи снов, евнухи, жрецы и секретари; все они жили в страхе перед своим господином, но служили ему ревностно и усердно, хотя не было недостатка и в проявлениях типично восточного фаворитизма. Наряду с многочисленными греками здесь встречались и римляне, которых война между Суллой и марианцами бросила в объятия понтийского царя. Наиболее значительными среди них были два офицера — Магий и Фанний.

Царь проявлял большую заботу о собственной жизни. Один античный историк [Aelian. Hist. animal., VII, 46] сообщает, что в передней его спальных покоев постоянно находились трое животных — конь, олень и бык, — чтобы предупреждать царя о приближающейся опасности. В действительности это, должно быть, была только легенда, однако обстановка отражена в ней очень точно.

К царскому двору принадлежал также гарем, в котором находилось много женщин греческого происхождения. Со своей фавориткой Монимой из Стратоники царь будто бы в течение долгого времени обменивался любовными письмами; эти письма якобы были обнаружены Помпеем. Совершенно легендарный характер носит история другой женщины, тоже гречанки, Стратоники. Рассказывают, что она была певицей, а ее отец сопровождал ее на цитре на пиру у понтийского царя. Последний отослал старика домой, а дочь оставил в своем гареме. Когда отец проснулся на следующее утро у себя дома, он увидел вокруг золотую и серебряную утварь и готовых прислуживать ему мальчиков и евнухов. Мир стал для него совершенно другим. А когда царь подарил ему еще большое имение, старик совершенно потерял рассудок. Он бежал по улицам и то и дело выкрикивал: «Все это, все это мое!» Этот рассказ напоминает о сказках 1001 ночи и рисует Митридата благодетелем своих друзей, которых он, словно по волшебству, поднимал из крайней бедности к вершинам роскоши и богатства. Но в душе понтийского властителя уживались совершенно разные чувства: любовь к эллинской культуре, ненависть ко всему римскому и вместе с тем приверженность к иранскому прошлому своего рода. Когда же он вынужден был принимать важные решения, то вызывал в памяти образ Александра Великого; он чтит его всей душой, хотя и не мог достичь его исключительности. В жизни и поступках Митридата, несомненно, обнаруживаются следы гениальности, но еще больше фанатизма — качества, которое царь определенно унаследовал от иранских предков и передал своим потомкам.

Вокруг царя группировались его «друзья»; они заседали в государственном совете, в котором обсуждались важнейшие вопросы управления и судопроизводства. В административной системе державы Митридата прослеживается принципиальное различие между провинциями старого Понтийского царства, с одной стороны, и вновь завоеванными областями — с другой. Районы Анатолии подразделялись на сатрапии, во главе которых стояли, по всей видимости, сатрапы. Заморские территории — земли у Боспора Киммерийского (Керченского пролива) и область Колхиды у восточных отрогов Кавказа — были подчинены особым наместникам. Их полномочия едва ли

отличались от полномочий сатрапов в Анатолии. Однако именно эти наместники непрерывно пытались сделаться независимыми от Митридата, — устремления, естественно, подавлявшиеся царем со всею строгостью. От свободы городских общин сохранилось при Митридате, по-видимому, немного, ибо в греческих городах Западной Малой Азии, равно как и в Понте, неоднократно встречаются военные губернаторы. Они не только командовали гарнизонами, но и держали под своим контролем всю городскую жизнь. На основании свидетельств Страбона, хорошо осведомленного в истории своей родины — Понта, высказывалось предположение, что Понтийская держава вместе с примыкающими к ней областями Пафлагонии, Каппадокии, Малой Армении и приморской территорией подразделялась на ряд округов, — согласно Т. Рейнаку, числом в общей сложности до двадцати пяти. Это положение, однако, весьма сомнительно, поскольку Страбон [XII, 544 и сл.] говорит вовсе не об административных округах, а лишь об исторических областях, которые отнюдь не были идентичны первым³. Разумеется, можно предположить, что Митридат организовал управление своей державой по эллинистическому образцу, но о подробностях нам мало что известно⁴.

Как бы то ни было, становым хребтом любой управленческой организации являются финансы. Что касается этой области, то надо признать, что Митридат ухитрился за все время своего правления располагать полной казной. Она пополнялась доходами от государственных имуществ, от податей и от военной добычи (последняя, так же как и в Риме, была важной статьёй доходов), которая в целом исчислялась в огромных суммах. Кроме того, правитель умел существенно повышать свои доходы за счет налогов. Понятно, что отчисления с имущества и военные налоги ложились весьма тяжелым бременем на подданных царя. После Митридата остались колоссальные государственные накопления, исчислявшиеся в 684 млн. сестерциев. Эта сумма дала возможность Помпею не только по-царски наградить своих офицеров и солдат, но и внести еще значительную сумму в римскую государственную казну.

Как и у других эллинистических правителей, расходы на войско и флот стояли у Митридата на первом месте. Царь якобы располагал войском, насчитывавшим до

300 тыс. человек. Таково было положение в 88 г., когда он находился на вершине своего могущества. Впоследствии Митридатово войско в количественном отношении сильно сократилось, да и в качественном отношении оно больше не было на прежней высоте. На заключительном этапе Митридат, как передают, вел войну лишь с 30 тыс. пехотинцев и приблизительно 3 тыс. всадников. От персидского времени остались в наследство серпоносные колесницы, которые хотя и внушали сильный страх неприятелю, однако решающего влияния на судьбу сражения никогда не оказывали; по существу, их место было уже не на поле боя, а в музее военной истории.

Иначе обстояло дело с флотом, творением рук самого царя. В лучшие времена он достигал внушительной цифры в 300 или даже 400 триер и пентер (трех- и пятипалубных кораблей). Они были снабжены бронированными носами и прекрасно, таким образом, приспособлены для тарана. На флоте служили в первую очередь греки из портовых городов Причерноморья, а позднее царь зачислял на свою службу также египетских, финикийских и киликийских мореходов. Этот флот был очень ценным военным орудием, на его счету были выдающиеся победы. Пожалуй, он мог бы добиться еще больших успехов, если бы Митридат подобно тому, как это делали персы во времена Ксеркса, не использовал корабли преимущественно для поддержки операций сухопутного войска. Поэтому его флот не мог следовать собственной стратегии на море.

В Дардане Митридат и Сулла отказались от составления письменного договора. Это упущение оказалось прочетом, имевшим отрицательные последствия прежде всего для понтийского царя. Сулла, собираясь в обратный путь в Италию, передал командование в Малой Азии Л. Личинию Мурене. Назначив этого последнего своим преемником, Сулла сделал отнюдь не лучший выбор, ибо у Мурены на уме было только одно — захватить возможно более богатую добычу, чтобы поправить собственное состояние. Поэтому без какой-либо причины он вторгся в Каппадокию, ибо слуху, что Митридат планирует новое нападение на провинцию Азию, тогда никто уже не мог поверить. Инициатором этого слуха был бывший военачальник понтийского царя Архелай, который поссорился с царем и тайком перебежал в лагерь Мурены. Но, когда Мурена отважился на вторжение в самый Понт — сердце

державы Митридата, чаша терпения переполнилась. Митридат неоднократно пытался восстановить мир, но каждый раз его намерение разбивалось о нежелание Мурены прислушиваться к чему бы то ни было. Что еще оставалось Митридату, как не встать на защиту своей державы и отбросить отряды Мурены во Фригию? Население его страны облегченно вздохнуло, когда оно оказалось избавленным от алчных солдат Мурены (82 г. до н. э.). Теперь наконец свое решительное слово сказал Сулла. Он приказал Мурене немедленно прекратить всякие враждебные действия. Так закончилась 2-я Митридатова война (83—81 гг.).

Митридат территориально ничего не потерял, а даже приобрел ряд пограничных земель в Каппадокии. Он по-прежнему стремился к тому, чтобы наконец заполучить в свои руки письменное изложение Дарданского договора, но переговоры в Риме так и не были доведены до конца, поскольку в 78 г. неожиданно умер Сулла. Незадолго до своей смерти он потребовал от Митридата возвращения каппадокийских приобретений. Митридат без колебаний подчинился этому требованию и таким образом продемонстрировал свою готовность к миру. Однако в Риме понтийские послы ничего больше не могли добиться и вынуждены были вернуться домой ни с чем.

Это неустойчивое положение таило в себе опасность нового взрыва. Рим испытывал страх перед Митридатом, а царь, в свою очередь, опасался римлян, которых он достаточно хорошо знал как захватчиков и нарушителей договоров. Между тем в Передней Азии произошла перемена, чреватая важными последствиями. Она проявилась в возвышении Армении при царе Тигране, приходившемся зятем Митридату. В конце 80-х годов эта держава начала осуществлять широкую экспансию. Поощряемый распадом Селевкидского государства, Тигран наложил руку на Северную Сирию, а позднее и на селевкидскую Киликию. Обе области были поставлены под управление армянина Магадата. Среди смут, царивших на Переднем Востоке в период между 83 и 69 гг., они могли наслаждаться драгоценным миром, лишь редко выпадавшим на долю жителей этих районов за всю их историю. Разросшаяся Армянская держава — ее столицей была Тигранокерта в Северной Месопотамии (вероятно, современный Маджафаркин) — была важным союзником Митридата.

Однако решающий конфликт с Римом вспыхнул не из-за Армении, а из-за Вифинии. Здесь в 74 г. умер царь Никомед IV. По примеру некоторых других эллинистических правителей, он по завещанию передал свое царство римлянам. Последние приняли наследство, не думая о том, что своим вторжением в Вифинию они затронут интересы соседей.

Завещание Никомеда IV и в древности, и в новое время вызывало много споров, в особенности потому, что в Вифинии у царя остался сын того же имени, который при нормальном положении вещей должен был бы унаследовать царство. Но этого Никомеда считали незаконнорожденным ребенком, не имеющим права на наследование. Обоснованно ли было это представление или нет — это особый вопрос, не поддающийся разрешению. Важнее было то, что римские откупщики налогов, словно коршуны, набросились на богатую Вифинию. Наместник провинции Азии Марк Юнк послал специального уполномоченного, чтобы по всей форме принять страну в римское владение. Перед Митридатом встал вопрос, как отнестись к этому изменению политической карты в Западной Малой Азии, да к тому же у его собственной западной границы. Он понимал, что как только римляне прочно вступят во владение прежним Вифинским царством, они смогут в любой момент перегородить торговые пути через Боспор; возможность использования этого морского пути для вывоза понтийского зерна целиком тогда будет зависеть от римлян. Этого Митридат никак не мог допустить. Однако, коль скоро обозначилось новое столкновение с римлянами, ему нужны были союзники, чтобы не пришлось вести эту борьбу в одиночку. Поэтому не удивительно, что он постарался установить связи с врагами римского народа, и в первую голову с Серторием, создавшим в Испании собственную державу. Но Серторий и Испания были слишком далеки, чтобы дело могло дойти до настоящего сотрудничества между ними и понтийским царем. Поэтому царь решил опередить римлян в Вифинии. Это ему удалось без особого труда — маленький римский отряд под командованием Аврелия Котты был полностью уничтожен у Халкедона (зима 74/73 г.).

Митридат, таким образом, снова появился в римской провинции Азии. Он выступал здесь как освободитель, утверждая, будто действует от имени Сертория. Однако

не все шло согласно его желанию: под стенами города Кизика, единственного, который остался верен римлянам, он потерпел поражение. Его противником был Л. Лициний Лукулл, для которого эта победа явилась началом его триумфальной карьеры. Когда римское войско затем двинулось в Понтийское царство, с Митридатом было покончено. При Кабуре он стал жертвой начавшейся в его лагере паники и чудом остался в живых. Он бежал на восток, в Армению, где Тигран предоставил ему убежище (72 г.). Перед этим, как истинный деспот, Митридат отдал приказ уничтожить всех своих жен, в том числе своих родных сестер, чтобы они не попали в руки римлян. При исполнении этого бесчеловечного приказа разыгрывались чудовищные сцены, не поддающиеся описанию. Впрочем, для многих женщин смерть отнюдь не была такой уж нежеланной. Они давно уже по горло были сыты жизнью в гареме и потому сами покончили жизнь самоубийством. Так, царская фаворитка Монима решила повеситься при помощи головной повязки, однако слабая лента порвалась, после чего ее будто бы прикончил один из евнухов. Варварская жестокость Митридата внушала ужас и отвращение уже современникам, и действительно, она не пристала правителю, непрерывно упрекавшему римлян в неверности и вероломстве. Но это была другая сторона его характера, доставлявшая немало хлопот его друзьям и подданным.

Армянский царь Тигран предоставил своему тестю в Армении крепость. Она находилась в болотистой местности и, очевидно, в других отношениях также представляла мало удобств. Митридат оставался в этой крепости не меньше 20 месяцев, с осени 71 до весны 69 г. Местность эта находилась в стороне от всего происходящего в мире; даже о событиях в его собственной стране, в Понте, Митридат получал не так уж много известий. Между тем в Понте римляне со своими осадными машинами двинулись на штурм расположенных здесь укрепленных городов, которые все без исключения мужественно оборонялись. Эллины в городах Амисе, Геракле, Амастриде, Амасии и Синопе отнюдь не были друзьями понтийского царя, но больше, чем его произвола, они боялись власти римлян; они слишком хорошо знали, что их свободам и привилегиям придет конец, как только римский наместник войдет в ворота их городов. Гераклея сопротивлялась

римским осадным машинам в течение почти двух лет, понтийская столица Синопа и родина Страбона Амасия пали лишь в 70-м году.

Всему этому Митридат, находясь в далекой Армении, никак не мог помешать. Но когда римляне повели наступление против Тиграна Армянского и нанесли ему при Тигранокерте решительное поражение, Митридат снова появился на горизонте. Он пришел к своему совершенно сломленному зятю и пытался вновь ободрить его. Однако Тигран был типичным восточным деспотом, он утратил все свое мужество и был лишь тенью прежнего великого Тиграна. Тем не менее Митридат не считал дело проигранным. Он организовал в Армении сопротивление римлянам, произвел многочисленные наборы в войско и призвал к оружию пылкую молодежь. Митридат пытался даже вовлечь парфян в войну против римлян. Но Армении спасло то, что римские солдаты перестали повиноваться своему полководцу Л. Лицинию Лукуллу, они решительно отказались идти дальше, и Лукулл был вынужден начать отход в богатые области Месопотамии — Мигдонию и Гордиену. Впрочем, на поле боя римляне повсюду оставались победителями, и Митридату также пришлось испытать боевую силу римских легионов, когда они продвигались к Артаксате (сентябрь 68 г.).

Тем временем до царя дошли известия о положении в Понте, пробудившие в нем большие надежды. В бывшем Понтийском царстве римляне высосали из населения все соки, так что не удивительно, что во многих местах вновь пробудились симпатии к Митридату. Многим теперь его деспотическая власть казалась более сносной, чем беспощадность римских завоевателей. Поэтому, когда Митридат выступил из Армении и перешел границы своего прежнего царства, население целыми толпами кинулось ему навстречу. В стране поднялось восстание против римских угнетателей, а когда Митридат вдобавок пообещал свободу рабам, движение уже нельзя было остановить, тем более что римляне потерпели ощутимое поражение в битве у Кабиры. В этом бою царь по своему обыкновению верхом на коне принимал участие в атаке, но был ранен и потому успехом нельзя было воспользоваться в полной мере. Однако римлянам уже был нанесен достаточно большой ущерб. Митридат отвоевал Малую Армению и восточную часть Понта, и, хотя в столкновениях с римскими

гарнизонами не все шло по желанию царя, римляне все же вынуждены были подбрасывать в Понт все новые и новые подкрепления.

Удача, казалось, еще раз сопутствовала Митридату, когда случился инцидент, который мог иметь для царя роковые последствия. При преследовании римского отряда, находившегося под командованием Триария, Митридат, который вырвался в первые ряды, получил глубокую рану в бедро. Она стала бы причиной смерти царя, если бы его лейбмедику Тимофею не удалось вовремя остановить кровотечение. При Газиуре (вблизи Зелы) римлянам снова пришлось испытать тяжкое поражение. Как передают, в общей сложности в бою пало 24 военных трибуна, 150 центурионов и 7 тыс. римских солдат (весна 67 г.); они остались лежать на поле боя непогребенными, и лишь Помпей три года спустя позаботился о том, чтобы павшие воины удостоились почетного погребения. Казалось, что враги больше не могут причинить Митридату никакого вреда; заговор, организованный против царя римским перебежчиком Аттидием, был раскрыт, и Аттидий, а также его сообщники были казнены. Впрочем, Митридат проявил необычайное великодушие: он отказался подвергнуть Аттидия мучительному допросу под пыткой, а вольноотпущенники римлянина и вовсе остались безнаказанными. Совсем другим показал себя царь по отношению к жителям Евпатории: город был подвергнут разрушению за то, что население без боя открыло городские ворота Лукуллу.

В 67 г. командование в войне с пиратами было передано Помпею, и положение сразу начало меняться. А когда в следующем году по предложению Г. Манилия Помпею было доверено вести войну против Митридата, наступил час решающей борьбы. Слава Помпея привлекала к нему отовсюду массу солдат, и не вызывало никакого сомнения, что на этот раз римляне намеревались полностью уничтожить Митридата и его державу. Поначалу царь искал спасения в том, что пытался вести против превосходящих сил римлян малую, но чреватую для них значительными потерями войну с целью измотать противника: совершались нападения на провиантские колонны, охотились за отставшими солдатами, с помощью кавалерийских разъездов царь наблюдал за передвижениями Помпея и беспокоил его внезапными нападениями,

вследствие чего римляне должны были вести себя с величайшей осмотрительностью. В конце концов Помпей удалось вблизи Евфрата окружить царя с остатками его войска и зажать в кольце укреплений. У осажденных начался голод, и многие стали его жертвами, пока наконец Митридат не решился на отчаянный шаг: под покровом ночи понтийцы оставили свой лагерь и в полной тишине двинулись через окружавшие их позиции римлян, которые, как всегда, оказались не столь уж непроходимыми, тем более что все происходило в кромешной тьме. Вылазка понтийцев осталась совершенно не замеченной римлянами, поскольку в лагере Митридата по-прежнему горели костры. По Плутарху, эта вылазка была осуществлена царем после сорокапятидневной блокады, а по другому источнику (Аппиан) царь будто бы пробыл в окружении 49 дней.

Как бы то ни было, это был героический поступок Митридата. Помпей, сумевший оценить этот подвиг по достоинству, велел изобразить все происшедшее на картине, которую он распорядился позднее пронести во время своего триумфального шествия по Риму. Однако в дальнейшем на Митридата снова обрушились неудачи. При отступлении к Евфрату — целью его, по-видимому, была Армения — во время прохождения через узкое ущелье понтийцы подверглись нападению римлян. Плотные ряды азиатов представляли для римского оружия удобную цель, а когда начались атаки легионов, дело Митридата было проиграно. Все построение смешалось, и на поле боя осталось более 10 тыс. убитыми. Так, во всяком случае, рассказывает историк Кассий Дион [XXXVI, 48—49]. Напротив, Аппиан [Mithr., 99—100] утверждает, что царь понес поражение потому, что пошел на чреватое для него большими потерями конное сражение. Всадники, пытавшиеся оседлать своих лошадей, якобы вызвали панику во всей войске, отчего оно разбежалось во все стороны. Возможно, что здесь сыграл роль случай, но в целом создается впечатление, что Митридату было не по плечу противостоять высокоразвитой военной технике римлян, которыми командовал Помпей. Успехи понтийского царя были в основном рассчитаны на внезапность, а чтобы защищаться от римлян, он должен был непрерывно становиться укрепленным лагерем, даже с риском быть осажденным и отрезанным от внешнего мира.

Война была проиграна. Царь, все еще в окружении своих телохранителей, пробирался окольными путями в горы, но его свита непрестанно таяла, так что под конец он якобы продолжал бегство лишь с двумя верными слугами и женщиной, переодетой в мужскую одежду, по имени Гипсикратия. Из Синории, расположенной недалеко от Евфрата, Митридат послал гонца к Тиграну, но этот трусливый правитель не желал больше знать его; передают, что он даже издал манифест, в котором обещал вознаграждение в 100 талантов тому, кто доставит ему голову Митридата. Поскольку путь на восток был для понтийского царя заказан, он волей-неволей двинулся на север. Несмотря на невыразимые трудности и лишения, он все же добрался до страны колхов на Кавказе. Сначала он остановился в Диоскуриаде. Когда снова пришла весна — а это был уже 65-й год, — царь предпринял истинне легендарный поход вдоль северо-восточного побережья Черного моря и, преодолев величайшие препятствия и опасности, прибыл в Фанагорию. Здесь, в Боспорском царстве, правил его сын Махар. Последний, однако, успел отречься от своего отца и теперь был смертельно напуган его прибытием. Народ же еще раз подпал под обаяние личности Митридата и толпами покидал Махара, так что тот оказался в совершенно безвыходном положении и покончил с собой, заколовшись мечом. А Митридат — в последний раз в своей жизни — снова обрел твердую почву под ногами (65 г.).

Между тем римское войско дошло под командованием Помпея почти до побережья Каспийского моря. Тут, однако, оно повернуло назад и обратилось к завоеванию многочисленных крепостей в Понтийском царстве. При этом в различных местах в руки римлян попали огромные суммы денег. В Синории Митридат оставил свою дочь Дрипетину. Когда крепость пала, ее комендант евнух Менофил убил Дрипетину, а затем и сам покончил с собой. В подобного рода ужасных сценах не было недостатка и в других городах. Они свидетельствуют о варварстве народа, для которого страх смерти перестал существовать.

О гибели царя Митридата мы располагаем подробным рассказом в историческом труде Аппиана, составленном около 160 г. н. э. Этот рассказ находится в той части его «Римской истории», которая специально посвящена Митридату [Mithr., 109 и сл.]. В Боспорском царстве,

где в Пантикапее (Керчи) Митридат создал себе укрепленный центр, понтийский царь занялся новыми вооружениями; они якобы предназначались для военного похода, направленного в конечном счете против Италии. Намерением Митридата было двинуться вдоль северного побережья Черного моря, подняться вверх по Дунаю и затем, перевалив через Альпы, вторгнуться с севера в Италию. Однако этот план кажется столь фантастичным, что у новейших исследователей он находит мало доверия, да и на самом деле, его, видимо, следует отнести к разряду легенд, наподобие рассказов о последних замыслах Цезаря, который будто бы собирался от Каспийского моря через Южную Россию и земли германцев и кельтов вернуться в Италию. Но если сам Митридат и мог верить в осуществление такого предприятия, то едва ли он был в состоянии столь обширный план довести до успешного завершения — слишком велики были для этого трудности и препятствия. И если Теодор Рейнак заявляет: «Кто знает, не постигла ли бы Рим уже тогда судьба, уготованная ему пять столетий спустя Аларихом, Гейзерихом и Тотилой?» — то на это можно лишь заметить, что фантазия сыграла здесь злую шутку с обычно столь критически мыслящим ученым. Мнимые последние планы Митридата имели столь же мало общего с реальной политикой, как и так называемые последние проекты Цезаря. Они лишь показывают, что современники считали такие проекты вполне осуществимыми.

Вернее, очевидно, следующее: обширные военные приготовления Митридата, явившиеся непосильным бременем для жителей Боспорского государства, стали в конечном счете началом его конца. Эти вооружения вызвали глубокое и все возрастающее беспокойство населения. Царь заметил начинающееся волнение лишь тогда, когда было уже слишком поздно. Дело в том, что Митридат несколько недель страдал от рожистого воспаления на лице и потому почти совершенно утратил связь с внешним миром. И тут пришла роковая весть, что отпал город Фанагория; активную роль при этом сыграл в качестве коменданта города Кастор, впоследствии видный родосский историк. Примеру Фанагории немедленно последовали города Феодосия, Нимфей и Херсонес, и только в своей столице Пантикапее, среди своего войска, царь чувствовал себя еще в безопасности. Однако любимый сын

престарелого царя Фарнак не захотел больше ждать, и Митридат должен был со стен городской цитадели наблюдать за событиями, в возможность которых он за несколько дней до того никогда бы не поверил. На его глазах Фарнак был коронован на царство; так как не было наготове диадемы, ему якобы повязали вокруг головы пурпурную ленту, которую раздобыли в одном из храмов.

Митридат сделал последнюю попытку через посредников переубедить своего сына, но его даже не удостоили ответа. Тогда он понял, что на карту поставлена его жизнь, и так как он опасался, что его выдадут римлянам, а те заставят его украсить собою их триумфальное шествие в Риме, он принял последнее решение. Покорившись судьбе, он отпустил немногих друзей, которые сохраняли ему верность. Он велел им вместе с телохранителями отправиться к новому царю, а затем извлек из эфеса своей сабли смертоносный яд, который всегда носил при себе. В этот последний час при нем находились две его дочери — Митридатида и Нисса; совсем еще юными они были обручены с царями Египта и Кипра. Они настояли на том, чтобы принять яд раньше отца. В то время как на дочерей яд подействовал немедленно, старый царь напрасно ждал смерти: он слишком приучил себя к яду, и теперь тот не представлял для него опасности. Тогда Митридат приказал кельтскому офицеру из своей охраны по имени Битойт (в других источниках он называется Биток) прикончить его. Кельт повиновался; обнажив меч, он пронзил им царя. Согласно Аппиану, Митридату было тогда 68 или 69 лет; из них он правил 57 лет — необычайно долгий срок, выпадавший на долю лишь очень немногим правителям⁵.

В заключительном слове, которое Аппиан посвящает Митридату [Mithr., 112], мы читаем о его великих делах, о его телесной крепости, о его незаурядных умственных способностях и его отношении к врагам и друзьям. Особенно подчеркивается его невероятная жестокость к членам собственной семьи, с которыми он и на самом деле обращался как с рабами. В том, что понтийский царь был исключительной личностью, не сомневались уже в древности, но спрашивается, можно ли его причислить к действительно великим правителям? Вряд ли можно ответить на этот вопрос положительно, ибо для действительно

выдающегося правителя ему не хватало очень многого, и прежде всего следует помнить, что он не создал ничего прочного. Его государство — Понтийская держава — было творением, отмеченным с самого начала печатью недолговечности. Тот, кто подобно Митридату брался сплотить в одно государственное целое обширные области Анатолии и далекие территории по ту сторону Черного моря — Крым, земли по Азовскому морю, а также труднодоступную Колхиду у отрогов Кавказа, — должен был непременно понимать, что это государство сможет существовать лишь до тех пор, пока не будет угрозы извне. В конечном счете лишь личность самого основателя сплачивала воедино это государство. В различных подчиненных ему областях и у многочисленных населявших их народов не существовало никакого общего политического сознания, и едва ли могла идти речь об их глубокой преданности понтийскому царю и его дому. За ним шли, пока он был удачлив в осуществлении своих замыслов, но в беде у него оставалось мало друзей. Вообще это государство могло держаться лишь постольку, поскольку оно опиралось на ум и творческую энергию эллинов. Митридат слишком хорошо сознавал это, его усилия привлечь к себе греков Малой Азии были вполне естественны и понятны. Он придавал большое значение тому, чтобы они видели в нем освободителя, но греки очень скоро распознавали, что господство римлян они обменяли не на свободу, а на тиранию.

С другой стороны, сам Митридат сильно недооценил римлян. Возможно, что причиной могла послужить неверная информация, полученная от римских перебежчиков. И все же ничто не может оправдать легкомыслия правителя, прямо-таки вызвавшего римлян на военные действия. Между тем Рим не мог долго мириться с злоупотреблениями Митридата, поскольку это подрывало бы всякое доверие к римскому авторитету в Малой Азии. Царь не понял, что Дарданский договор (85 г.) явился результатом временных трудностей Суллы, которому не терпелось поскорее вернуться в Италию, чтобы разделаться там со своими противниками. Митридат не мог постичь римский образ мышления; когда Серторий из далекой Испании уступал понтийскому царю захваченные этим последним области в Анатолии (за исключением провинции Азии), то это ровным счетом ничего не зна-

чило, ибо Серторий никак не мог повлиять на решения римского сената. Не может быть двух мнений: перспективы римской политики Митридата были совершенно ошибочны, и то, что он неуклонно, до самого конца, придерживался этой ошибочной оценки, стало существенным фактором его гибели. Что же касается его последних планов, предусматривавших вторжение в Италию, то здесь нет нужды говорить об этом — все необходимое было уже сказано в другом месте (см. выше, с. 318).

Надо ли заключить, что все в жизни Митридата было заблуждением? Нет, подобное утверждение было бы неправильным; просто та задача, которую он поставил перед собой, превосходила силы его государства, и из-за этого несоответствия он и потерпел крушение. Весьма показательно, что царь и на Переднем Востоке не имел никаких надежных союзников; даже его зять Тигран Армянский примкнул к римлянам, совершенно не считаясь с Митридатом. И наконец, своим авантюрным бегством в Пантикапей он сам исключил себя из мировой политики. То, что произошло после этого, было всего лишь эпилогом большой драмы, которая неизбежно должна была закончиться гибелью понтийского царя.

XII

Клеопатра VII, царица Египта

(70/69—30 гг. до н. э.)

Жизнь Клеопатры, последней македонской царицы Египта, падает на необычайно бурное время. Оно характеризуется множеством событий первостепенной важности. Когда Клеопатра родилась, Помпей — всего лишь 36 лет от роду и, стало быть, по римским понятиям слишком рано — был в первый раз назначен консулом. Когда ей было 10 лет, в Риме был заключен первый триумвират между Помпеем, Цезарем и Крассом, который подрубил под самый корень *res publica libera* — свободную республику. Приблизительно 20 лет от роду, в 49 г. до н. э., Клеопатра стала свидетельницей начала гражданской войны между Помпеем и Цезарем. А еще 10 лет спустя, уже на пороге своего тридцатилетия, ей пришлось пережить тяжелое испытание, когда ее оставил Антоний, чтобы жениться на сестре Октавиана Октавии. И наконец, когда Клеопатре исполнилось 40 лет, римские легионы под командованием Октавиана вступили в Александрию и положили конец независимости Египта. Это случилось

после того, как разыгравшаяся 2 сентября 31 г. до н. э. морская битва при Акциуме завершилась решительной победой Октавиана и поражением великого покровителя Клеопатры Антония.

За свою жизнь она сумела завоевать любовь и симпатии двух великих людей — Цезаря и Антония. Первый пал жертвой подлого заговора в Риме, второй потерпел поражение в борьбе за власть со своим противником Октавианом и в своем падении увлек за собой и Клеопатру. Пропаганда Октавиана не устала поносить египетскую царицу и изображать ее заклятым врагом римлян. Но последующие поколения совершенно справедливо не переняли этой отрицательной характеристики Клеопатры, скорее, наоборот, в последней царице из дома Птолемеев они видели и видят личность, которая не только оказалась вполне достойной своих предшественников на троне, но даже еще превзошла их. Ведь именно Клеопатра направляла политику Египта в то изменчивое время и благодаря своей связи с Антонием она смогла придать родной стране еще раз большое политическое значение.

Со смертью Клеопатры со сцены сошла последняя из великих эллинистических держав, хотя египетская цивилизация продолжала жить еще целые столетия, а вместе с нею и память о царице, которая покончила жизнь самоубийством, чтобы не идти пленницей в триумфальном шествии Октавиана.

Имя Клеопатра неоднократно засвидетельствовано в истории македонских династий. Оно, очевидно, означало «славная своим отцом». Это имя носила дочь Филиппа II и сестра Александра Великого. В доме Птолемеев оно появляется благодаря селевкидской принцессе, дочери Антиоха III Клеопатре I (см. выше, с. 236), выданной замуж за Птолемея V, прозванного Эпифаном (правил с 204 до 180 г. до н. э.). Среди их детей была дочь с тем же именем. Это — Клеопатра II, которая была замужем сначала за своим старшим братом Птолемеем VI Филометором (правил со 180 до 145 г.), а после его смерти — за своим младшим братом Птолемеем VIII Эвергетом II (правил со 145 до 116 г.). От брака с Птолемеем VI у нее была дочь Клеопатра III, а от второго брака — по крайней мере три дочери, получившие то же имя: Клеопатра IV, Клеопатра Трифена и Клеопатра Селена. Клеопатра V,

в свою очередь, была дочерью Птолемея IX по прозвищу Сотер (II). Клеопатра VI (тоже с модным тогда прозвищем Трифена, что означает «Великолепная») происходила, так же как и ее знаменитая сестра Клеопатра VII, от брака Птолемея XII Нового Диониса (прозванного также Авлетом) и его сестры Клеопатры V. Родственные отношения в семье поздних Птолемеев отличаются целым рядом браков между братьями и сестрами. Впрочем, браки эти примечательны тем, что о каких-либо проявлениях вырождения в династии Лагидов — во всяком случае, насколько об этом можно судить в настоящее время — не может быть и речи. И менее всего это относится к женским членам царской семьи, которые все без исключения были выдающимися по своему уму женщинами и правительницами.

Какова же была обстановка в Египте около 70/69 г. до н. э.? Держава Птолемеев еще существовала, но ее лучшие времена давно были позади. Государство это и возглавлявшая его династия находились теперь в сфере влияния восточной римской политики, а Египет стал объектом державных устремлений крупных политических деятелей Рима. Первым здесь надо назвать Помпея, намеревавшегося тогда принять наследство Л. Лициния Лукулла на Востоке. Закон Габиния (67 г.) передал ему верховное командование в войне с пиратами, а закон Манлия (66 г.) — еще и верховную власть в войне против заклятого врага римлян Митридата. Опираясь на свои обширные полномочия, Помпей многого добился в Малой Азии и Сирии и создал огромную клиентелу. С основанием в 64/63 г. до н. э. из остатков рухнувшего государства Селевкидов провинции Сирии римская держава вплотную подошла к восточной границе Египта и теперь, если бы понадобилось, могла зажать Египет в тиски с двух сторон — отсюда и с запада, со стороны Киренаики (римская провинция с 74 г.). Время присоединения к Риму долины Нила казалось близким, и если этот процесс задержался более чем на 30 лет, то это, по крайней мере частично, заслуга Клеопатры, которая, как бы там ни было, в течение 21 года владела двойной короной египетских фараонов (51—30 г. до н. э.).

Отцом Клеопатры был Птолемей XII Новый Дионис, правивший с 80 до 51 г. до н. э., но с довольно большим перерывом, когда он находился в изгнании в Риме (58—

55 гг.). Об этом Птолемею можно сообщить мало хорошего. Современниками он был прозван Авлетом, т. е. «Флейтистом». Прозвище это он получил, потому что с удовольствием аккомпанировал на флейте во время выступлений хоров. Ранее исследователи считали Птолемея XII незаконнорожденным ребенком, однако многое все же говорит за то, что он был законным сыном Птолемея IX Сотера II.

Правление Птолемея XII приходится на весьма безрадостный для Египта период. Государство давно уже утратило бывшее политическое значение, повсюду в стране ширилось движение сопротивления коренного населения. Вследствие притеснений со стороны высокомерных чиновников, а также из-за постоянных неурожаев непрерывно возникали волнения, имевшие самые пагубные последствия и приведшие страну в бедственное положение. В 58 г. Птолемей XII оказался даже вынужден в связи с разразившимся восстанием покинуть свою страну и столицу Александрию. Сначала он остановился на Родосе, где засвидетельствовал свое почтение Катону Младшему, а затем через Афины направился в Рим. Здесь он попытался установить связи с могущественными нобилиями, чтобы добиться своего восстановления на троне в Александрии.

Есть все основания предполагать, что царя сопровождала в этой поездке его одиннадцатилетняя дочь Клеопатра. Это было ее первое путешествие за границу, и впечатления, полученные ею как в Афинах, так и в Риме, остались у нее на всю жизнь. В Риме она стала свидетельницей борьбы римских политических группировок за командование в египетском походе. Во главе войска, которое должно было позаботиться о восстановлении Птолемея XII на троне в Александрии, каждая партия хотела видеть своего вождя — соответственно Помпея или Красса (Цезарь тогда был в Галлии). 6 февраля 56 г. этот жгучий вопрос был поставлен на обсуждение в народном собрании. Народный трибун П. Клодий, выступая в собрании, умышленно драматизировал ситуацию, чтобы разжечь страсти толпы. Клодий так выразил суть дела: «Кто хочет, чтобы его послали в Александрию? Помпей! А кого вы хотите послать в Александрию? Красса!» Но на этот раз еще не настало время для решения этой проблемы, так как никто не пожелал уступить другому

жирный кусок. Таким образом, отправка Птолемея XII на родину была отложена, и он должен был еще некоторое время остаться в Риме. Однако щедро раздаваемое им золото постепенно оказывало свое воздействие, и в следующем, 55 году дело наконец сдвинулось с места. Царю достаточно долго пришлось ждать и унижаться. Но вот наместник Сирии А. Габиний получил приказ вернуть Птолемея в его страну, за Габинием же стоял Помпей. Восстановление у власти стоило Птолемею XII немало денег: передают, что он пообещал Габинию колоссальную сумму, якобы в 10 тыс. талантов. Разумеется, он смог выплатить ее лишь тогда, когда снова стал распоряжаться царскими доходами в Египте.

При вступлении армии римлян в Египет в первый раз отличился Антоний. Неожиданным налетом он вместе со своими всадниками подчинил римской власти город и крепость Пелузий. Римскому войску был теперь открыт свободный путь. Легионы без задержки двинулись на Александрию, и Птолемей XII снова смог принять бразды правления. Эти события приходятся на начало 55 г. до н. э. (вероятно, на февраль или март этого года). Клеопатре было 15 лет, когда она в свите своего отца снова вступила на землю египетской столицы. Несмотря на юные годы, она уже познала изменчивость судьбы, а то, что теперь пришлось пережить в Александрии, должно было глубоко запасть ей в память. Ее отец, который не мог забыть своего изгнания, не долго думая, распорядился казнить сестру Клеопатры Беренику IV, так как последняя уступила желанию александрийцев и в отсутствие отца дала согласие на коронование ее на царство в Египте. Отец ей этого не простил; в ее поведении он усмотрел оскорбление царского величия, лично направленное против него. Такие понятия, как пощада и прощение, для Птолемея XII не существовали; он был убежден, что здесь необходимы решительные меры, чтобы подобного рода события впредь не повторялись.

До сих пор ни слова не было сказано о матери Клеопатры VII. Вероятно, Клеопатра была дочерью Клеопатры V Трифены. Ее мать умерла уже в 69 г. (возможно, только в следующем, 68 году). Так как рождение Клеопатры VII приходится на самое начало 69-го, а может быть, даже на конец предыдущего года, то эти даты вполне совместимы. Вообще, в античной литературе нигде

нет ни малейшего намека на то, что мать Клеопатры VII не принадлежала к царскому дому. Беспощадность отца, не отступившего перед казнью своей собственной дочери Береники IV, не преминула, как уже было сказано, произвести глубокое впечатление на Клеопатру. Она поняла, что история — в частности и история дома Птолемеев — пишется кровью. Она также осознала, что любое средство оправдано, если хочешь удержать власть в своих руках.

У Клеопатры было пять братьев и сестер, но они все происходили от другой матери. Это были старшие сестры: Клеопатра VI Трифена (умерла в 57 г.) и Береника IV, о печальном конце которой уже упоминалось; далее, два младших брата, Птолемей XIII (родился около 61 г.) и Птолемей XIV (родился около 58 г.), и еще сестра Арсиноя IV, которая тоже была на несколько лет моложе ее. Эту сестру также ожидала печальная судьба. Во время неурядиц, связанных с Александрийской войной (см. ниже, с. 335 и сл.) она была провозглашена царицей Египта. Позднее Цезарь увез ее с собой, а в 41 г. она была убита в Эфесе по приказу Антония, ибо Клеопатра видела в ней опасную соперницу. Однако, касаясь этих событий, мы опережаем историю более чем на десятилетие.

Отец Клеопатры Птолемей XII умер в 51 г. до н. э. Его жизнь была преисполнена превратностей. Удачи и неудачи попеременно то возносили его, то пригибали к самой земле. Он был человеком, абсолютно лишенным щепетильности; в нем нельзя было обнаружить и следов того, что зовется моралью, зато ему были присущи в избытке жестокость и неумолимость даже по отношению к собственным отпрыскам. Этим он не выделялся на фоне других эллинистических монархов, но ему недоставало гениальности, присущей, например, Митридату Понтийскому, который далеко превосходил его своей беспощадностью.

Птолемей XII неплохо распорядился своим царством. Согласно его последней воле, править в Египте должен был его, тогда еще десятилетний, сын Птолемей XIII вместе со своей сестрой Клеопатрой VII, которая была почти вдвое старше его. Таким образом, предусматривалось совместное правление: оба правителя должны были иметь равную долю власти. Однако царь Птолемей XII не мог не догадываться о том, что юный принц будет

лишь игрушкой в руках своей энергичной сестры. Несмотря на это, он считал такое распоряжение целесообразным. Ведь в Египте было традицией, чтобы правили мужчины, а женщины, находясь на троне, по возможности меньше появлялись на публике. Насколько велика была зависимость Птолемеев от Рима, обнаруживается в том, что завещатель по всей форме просил римский народ позаботиться об исполнении его завещания. Это был разумный ход со стороны царя. Он давно уже оценил значение времени и понял, что в Египте в будущем не может быть никаких изменений без согласия Рима. Возможно, что царь за несколько месяцев до своей кончины назначил обоих старших детей — Клеопатру VII и Птолемея XIII — своими соправителями, чтобы таким образом гарантировать переход короны к своим наследникам, но утверждать это с абсолютной уверенностью все же нельзя. В принципе такая акция со стороны Птолемея XII не исключена, ибо династическая преемственность власти была для него столь важна, что он не мог доверить ее судьбу случайности.

Но что, собственно, известно о личности юной Клеопатры? Своими женскими чарами она, должно быть, с юности притягивала к себе мужчин, если только верно известие, что Антоний был совершенно пленен ею, когда он в 55 г. вместе с Габинием появился в Александрии. Безусловной красавицей юная Клеопатра не была — это подтверждают ее изображения на монетах. Они рисуют нам хотя и правильное, но, скорее, характерное, чем красивое, лицо, с чрезмерно длинным, загнутым книзу носом, — лицо, свидетельствующее о силе и решительности. Во всяком случае, Клеопатра не сочла необходимым стилизовать свое изображение на монетах — она хотела быть такой, какой в действительности казалась людям своего времени. У Плутарха [Антоний, 27] можно прочитать по этому поводу следующее: «Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу (буквально — „оставлял свое жало“). Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраиваю-

щийся на любой лад — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидянами, парфянами. Говорят, что она изучила и многие иные языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский». Плутарх, жизнь которого приходится на время Римской империи (приблизительно 46—127 гг. н. э.), очевидно, почерпнул эти данные из современного источника, возможно, например, у лейб-медика Клеопатры по имени Олимп. Впрочем, хорошо знал царицу и Кв. Деллий, друг Антония, а позднее друг Октавиана, однако мы не знаем, оставил ли он какие-либо записи о ней.

При вступлении в управление Клеопатра столкнулась с крайне тяжелым положением в стране. Но она, вне всякого сомнения, обладала большим умом и потому знала, что благосостояние страны основывается прежде всего на трудоспособности местного населения, которую необходимо было снова активизировать. Главное внимание следовало обратить на должную обработку полей, но на пути решения этой задачи вставали большие трудности, вызванные, по крайней мере частично, слабыми разливами Нила (48 и 42 годы были отмечены исключительно низким уровнем воды). Клеопатра, безусловно, понимала эти задачи, однако к управлению страной она не испытывала особого желания. Ей было чуждо стремление трудиться во имя своего народа — этим должен был заниматься опекунский совет, назначенный ей в помощь отцом.

Главой правительства был тогда евнух Потин. Но и от него мало что можно было ожидать, потому что основная его задача состояла в том, чтобы ублажать римлян, выколачивавших из Египта огромные доходы. Свидетельством беспомощности правительства является папирусный документ¹, в котором содержится требование ко всем скупщикам зерновых и бобовых в Среднем Египте, чтобы они под страхом смерти все зерно и все бобовые везли только в Александрию, очевидно во избежание там голодных бунтов. Если грозились применять столь строгие наказания, то положение в стране действительно должно было быть безотрадным. Но ответственным за все был, как мы сказали, Потин. От юной царицы, которой было

всего около 20 лет, трудно было ожидать более глубокого понимания необходимости непреклонной правительственной деятельности. Клеопатра и ее брат Птолемей XIII были правителями Египта лишь по форме: они фигурировали в заголовках документов, каждый в Египте знал этих правителей, но они не управляли, а наслаждались привилегиями своего почти божественного положения и расточали время в пустых дворцовых церемониях и празднествах.

Контрастом блестящего птолемеевского двора в Александрии было положение в сельской местности. Население давно уже утратило веру в справедливость, многие крестьяне проявляли недовольство, администрация была поражена коррупцией, а жречество лишь ревностно оберегало свои привилегии. Кругом можно было видеть невозделанные поля, крестьяне скрывались в храмовых убежищах в ожидании лучших времен. В 50-е годы I в. до н. э., еще до вступления в управление Клеопатры, в стране вспыхнуло восстание, распространившееся на значительную часть Среднего Египта — на округа Гераклеополя, Оксириинха, а также Арсинои (сегодняшний Фаюм). Власти, как это часто бывало, оказались беспомощными перед этими событиями, и не удивительно, если и при Клеопатре VII пришлось использовать войска в Гераклеопольском округе, чтобы образумить тамошнее население². Кстати, весьма примечательно появление обозначения *spreiga* для воинского подразделения; по-видимому, здесь может идти речь лишь о римских войсках (*spreiga* = манипул), которые были расквартированы в стране со времен Габиния (55 г.). Разумеется, при этом не следует думать о природных римлянах или италиках; речь идет скорее о солдатах — выходцах с Востока, подобных тем, которых позднее в избытке можно было обнаружить в легионах Антония. Однако правительство не ограничивалось подавлением восстаний. Мы располагаем указом царя и царицы, т. е. Птолемея XIII и его сестры Клеопатры VII, от 49/48 г. до н. э.³ В этом документе известной части населения, а именно обладателям охранных грамот, гарантируется свобода личного передвижения, чтобы они могли заниматься экономической деятельностью на благо страны. Все эти распоряжения представлены лишь двумя-тремя случайно дошедшими до нашего времени документами, однако они свиде-

тельствуют о том, каким тяжелым стало экономическое положение Египта при Клеопатре VII.

Не удивительно, что совместное правление двух столь различных по возрасту представителей династии Птолемеев вскоре привело к трениям. Оба находились под влиянием своих советников, а эти последние преследовали разные цели. При дворе в Александрии образовались две противоположные партии, пытавшиеся оспаривать друг у друга первенство. Большая доля вины за все ложится здесь на Клеопатру. Она совершенно подавила своего младшего брата и отстранила его от какого бы то ни было участия в делах управления, хотя в завещании их отца недвусмысленно было предписано обратное⁴. Сначала царица, очевидно, вообще правила одна, но это, по-видимому, продолжалось лишь очень недолго, поскольку в одном документе, датированном 27 октября 50 г. до н. э.⁵, в прескрипте появляется имя юного царя, притом подчеркнуто на первом месте, перед именем царицы. За этой переменной угадывается рука Птолемея.

Когда весной или летом 49 г. в Александрии находился сын Помпея Магна Гн. Помпей — в ту пору уже началась гражданская война в Риме между Помпеем и Цезарем, и Помпей Магн переправился в Грецию, — он встретился в египетской столице с обоими представителями птолемеической династии. Но когда Плутарх [«Антоний», 25, 4] сообщает о любовной связи молодого Помпея и царицы, то это не более как клевета, точно так же как и указание Аппиана [BC, V, 8], согласно которому Клеопатра будто бы уже в 55 г. вступила в любовную связь с М. Антонием. Эти сообщения изобретены тогдашней скандальной хроникой, однако они показывают, что Клеопатру считали способной на все. На самом деле она вряд ли могла быть столь неосмотрительной, чтобы, вступив в связь с Гн. Помпеем, недвусмысленно оказаться на стороне противников Цезаря. Ведь тогда никто еще не знал, какое развитие получит великое противоборство двух могущественнейших политических лидеров Рима, а до битвы при Фарсале (летом 48 г.) было еще далеко.

Засвидетельствованное в 49 г. совместное правление брата и сестры продолжалось, очевидно, недолго; за два-три месяца до прибытия Цезаря в Александрию (1 октября или, по Юлианскому календарю, 27 июля 48 г.) Клеопатре снова пришлось уйти в изгнание, которое,

по-видимому, падает на лето 48 г. (по измененному календарю). Возможно, что она удалась в Фивы, однако указанию сирийца Иоанна Малалы⁶ не следует слишком доверять, поскольку этот историк, который жил в VI в. н. э., многого не понимал, а кое-что превратно истолковывал.

Признание Птолемея XIII помпеянским антисенатом в Фессалониках было решающим событием и в жизни Клеопатры. Оно относится к концу 49 г. до н. э. и имело значение постольку, поскольку законное римское правительство совершенно недвусмысленно высказалось в пользу юного Птолемея. А Клеопатра? Ее положение было, мягко говоря, неопределенно: победу одержала противная группировка, к которой нужно отнести не только Потина, но и Ахиллу и Феодота, греческого риторы с Хиоса. Какими мыслями мог руководствоваться при этом великий Помпей? Он намеренно игнорировал завещание Птолемея XII, которое по вполне понятным причинам не предусматривало единоличного правления его сына Птолемея XIII. Однако Помпей полагал, что необходимо приноровиться к политической ситуации в Египте, ибо эта страна была очень важна для республиканцев и ее ресурсы имели большое значение для предстоящей решающей борьбы с Цезарем.

Спрашивается, как должна была отнестись к решению великого Помпея Клеопатра? Не толкнуло ли оно ее невольно на сторону другой партии — партии Цезаря? Но в конце 49 г. Цезарь был еще далеко. Он занял Италию, затем отправился в Испанию, а в конце 49 г. собирал свои войска в Южной Италии для предстоящей решающей борьбы в Греции. У него были совсем другие заботы и не было времени беспокоиться из-за внутренних событий в Египте.

А затем разразилась Фарсальская битва (9 августа 48 г.). Помпей, вопреки всем ожиданиям, потерпел катастрофическое поражение. Его поведение в этом сражении свидетельствует о том, что он был сломлен — это была лишь тень прежнего Помпея. Великий полководец поднялся на случайно проходивший мимо корабль римского негоцианта и через Амфиполь и Лесбос направился в Пелузий. Явившуюся было мысль обратиться за помощью к парфянам он тут же отбросил, и вполне обоснованно, ибо соглашение с заклятым врагом Рима (напомним о

поражении Красса при Каррах в 53 г.) полностью дискредитировало бы его в глазах всех римлян. Согласно традиции, роковой совет направиться в Египет дал Феофан Митиленский, друг и историограф Помпея. Птолемей XIII был связан с Помпеем отношениями гостеприимства, и потому надеялись, что царь не оставит на произвол судьбы потерпевшего поражение римлянина.

Как, однако, обстояло дело в долине Нила? Здесь все еще не был закончен династический спор. Клеопатра отправилась в Сирию; по-видимому, следует предположить, что она была изгнана из Египта. В Сирии она рядом с наборов сколотила войско, при поддержке которого рассчитывала вернуть себе трон. Птолемей XIII ожидал ее вторжения у восточной границы Египта; он стоял у Касийского мыса, а напротив разбили лагерь отряды его сестры.

Здесь и разыгралась страшная трагедия. Сюда прибыл бежавший на корабле Помпей. Хотя друзья отговаривали его, он все-таки сошел на берег, и бывший римский военный трибун Л. Септимий и центурион Сальвий закололи его мечами. Помпей погиб 28 сентября 48 г. до н. э., за день до своего пятидесятивосьмилетия. Убийство это, вне всякого сомнения, лежит на совести советников Птолемея XIII Потина, Ахиллы и Феодота. Всего два дня спустя в Александрии высадился Цезарь (1 октября 48 г.) и узнал о смерти своего великого противника. Цезарь вступил в город как римский консул, с фасциями, — жест, воспринятый александрийцами как публичное оскорбление, ибо римскому магистрату не следовало нести фасции там, где кончалось *dominium populi romani* — господство римского народа, Египет же, несмотря на свою зависимость от Рима, номинально был свободной страной — он подчинялся своим собственным законам, а не законам римлян. Однако Цезарь просто не обратил на это никакого внимания. Он игнорировал также вспыхнувшее в городе волнение, хотя прекрасно знал, что это был ответ на его поведение.

Когда царь Птолемей XIII вернулся в столицу, настало время уладить династический спор между ним и его сестрой Клеопатрой. В ту пору Цезарь уже начал переговоры с Клеопатрой; ей было позволено возвратиться в Александрию. При помощи авантюристической проделки царице удалось проникнуть в укрепленный дворец к

Цезарю. Ее друг, сицилийский грек Аполлодор, помог ей сесть в маленькую лодку, где она велела упрятать себя в большой мешок для белья. Таким образом, никем не замеченная, она пробралась со стороны моря в царский дворец, который Цезарь сделал своей резиденцией.

Возникает вопрос, была ли эта затея предусмотрена самим Цезарем? Так предполагает Жером Каркопино⁷, но это его предположение, как и многие другие гипотезы остроумного французского историка, ничем — ровным счетом ничем — не подтверждено, ибо существенным элементом этой авантюры Клеопатры было то, что она должна была остаться тайной для всего мира, в том числе и римлян. Клеопатра сумела тронуть сердце Цезаря. Она бросилась к его ногам и умоляла его позволить ей участвовать в управлении Египтом, так как имела на это полное право, поскольку так распорядился в своем завещании ее отец. Передают, что царица будто бы назвала истинным виновником постигшего ее несчастья евнуха Шотина и потребовала от Цезаря его казни. Помимо этого, она якобы привела еще и другие аргументы. Таково, во всяком случае, мнение Лукана⁸, который в конечном счете, видимо, опирается на Ливия. Римскому полководцу было тогда уже 52 года, Клеопатре же не было и двадцати двух. Ей не стоило особого труда пленить Цезаря, который был более чем вдвое старше ее, и тот, как многие мужчины до и после него, не устоял перед чарами египтянки. Отныне он был не только ее великим патроном, но и ее любовником, который, по выражению Корнеманна⁹, охотно дал себя убедить в праве царицы на власть в Египте.

На следующее утро в Александрии произошла бурная сцена: когда Цезарь вызвал юного брата Клеопатры Птолемея XIII, чтобы помирить его с сестрой, самообладанию юного царя — ему было всего 13 лет — пришел конец. Он даже не стал слушать слова Цезаря, а ринулся из дворца и закричал толпившемуся в ожидании народу, что его предали. При этом он сорвал с головы знак своего царского достоинства — диадему. Толпа начала угрожать Цезарю, однако римлянину удалось еще раз утихомирить александрийцев. В сопровождении обоих представителей птолемеевской династии Цезарь появился на публике и огласил завещание Птолемея XII. Затем он по всей форме подтвердил право обоих — брата и сестры — на власть

в Египте и право следующей родственной пары — Арсиной и Птолемея XIV — на остров Кипр. То, что названный остров за 10 лет до того уже был включен в римскую державу, Цезаря нисколько не волновало; возможно, он был того мнения, что эта уступка римской территории оправдана временными затруднениями, в которых он оказался. И если даже он так не думал, то все равно, очевидно, он не считал вопрос о Кипре важным: остров расположен далеко, пусть Птолемеи сами думают, как им решить эту проблему, и вообще, как гласит пословица, поживем — увидим... В своих сочинениях Цезарь благо-разумно обходит молчанием эту уступку, и это привело даже к тому, что некоторые современные историки (В. Юдейх) сообщение о Кипре не принимают всерьез. Однако поступать так значило бы совершить грубую ошибку, ибо передача Кипра двум младшим родичам Клеопатры подтверждается тем фактом, что в 43 г. на острове засвидетельствован птолемеевский губернатор (стратег) по имени Серапион. И это представляется решающим для суждения по вопросу о Кипре.

Но проблема примирения Клеопатры с ее братом Птолемеем XIII все еще не была решена удовлетворительным образом: оставался еще евнух Потин, державший в своих руках все нити управления и внутренней политики. Своего действительного противника Потин, естественно, видел в Цезаре, и ему было важно удалить его из страны. Традиция сообщает о предпринятой Потинем попытке отравить Цезаря, но это, несомненно, легенда, ибо Цезарь слишком хорошо знал, насколько недоброжелателен к нему Потин, и потому, безусловно, принял соответствующие меры предосторожности. Вместе со своим другом Ахиллой Потин хотел двинуть на Александрию птолеме-евское войско, стоявшее у Касийского мыса на берегу Сирбонийского озера, с тем чтобы напасть на Цезаря и уничтожить его. Но Цезаря оповестили об этом замысле Потина, и он распорядился казнить евнуха¹⁰.

Получив известие о подходе египетского войска, Цезарь попытался через двух посланцев, Диоскурида и Серапиона, вступить в переговоры с главнокомандующим птолемеевской армией стратегом Ахиллой. Однако ожесточение в противном лагере достигло уже столь высокого накала, что Ахилла попросту велел убить одного из посланцев, а другой своевременно обратился в бегство.

Без особого труда Ахилла сумел овладеть столицей. Цезарь пытался защищаться в дворцовом квартале; ему удалось занять остров Фарос, благодаря чему он сохранил связь с морем. Но в целом положение Цезаря и находившейся при нем во дворце Клеопатры было исключительно тяжелым; птолемеевские войска обладали подавляющим численным превосходством, и если бы Цезарь не получил подкреплений, ему грозила бы гибель. Оба — Цезарь и Клеопатра — стали бы жертвами народного гнева, если бы египетскому командующему Ахилле удалось захватить их.

Таково было начало Александрийской войны, разразившейся приблизительно в середине ноября 48 г. до н. э. Закончилась она в конце марта следующего года; стало быть, она все-таки затянулась на четыре с половиной месяца. Ход военных действий подробно отражен в сочинении под названием «*Bellum Alexandrinum*» («Александрийская война»). Хотя оно включено в «*Corpus Caesarianum*» (свод сочинений Цезаря), вышло оно не из-под пера Цезаря. Его автором, вероятно, был друг Цезаря А. Гирций. При этом надо иметь в виду, что Гирций не был в Александрии, и военные события были изображены им, очевидно, на основе записей в походном журнале. Поэтому можно не сомневаться, что Цезарь внес свою лепту в это изложение, так как он находился в центре всех событий. Характерно, что в этом сочинении нигде не упоминается о Клеопатре, однако здесь нет ничего удивительного, ибо предметом описания в «*Bellum Alexandrinum*» были военные события, а Клеопатра не играла в них никакой роли.

Во время боев в Александрии для Цезаря и Клеопатры решался вопрос: быть или не быть. Неоднократно смертельная опасность угрожала самому Цезарю, однако, как это часто бывало в его жизни, ему сопутствовала удача. Кроме того, большую помощь ему, должно быть, оказала Клеопатра благодаря ее знанию топографии столицы. Можно даже предположить, что без этого он вряд ли смог бы продержаться так долго. Важнее всего было для Цезаря сохранить связь с морем. Если бы ему это не удалось, дело было бы проиграно, а снятие блокады, которого он настоятельно добивался, стало бы уже невозможно. Не удивительно, что он любой ценой хотел заполучить в свои руки решающие пункты — остров

Фарос и дамбу Гептастадий,— намерение, которое ему удалось осуществить (в феврале 47 г.).

Но не все шло по его желанию: когда он вознамерился занять южный плацдарм у оконечности дамбы, он потерпел поражение. В этом сражении Цезарь как никогда подвергался опасности. Спасая свою жизнь, он прыгнул с дамбы и вплавь достиг одного из кораблей. При этом он потерял свой пурпурный плащ главнокомандующего, который был захвачен в качестве добычи торжествующими врагами. Самому городу эти сражения причинили много бед, возникли пожары, во время которых от пламени погибла часть книг знаменитого Музея¹¹. Возможно, Цезарь ссылаясь на то, что он обнажил меч в защиту прав Клеопатры, однако на александрийцев это не произвело ни малейшего впечатления. Для них Цезарь был и оставался чужеземным захватчиком, римлян вообще в Египте ненавидели, и александрийцам было бы гораздо более по сердцу, если бы управление страной осуществлял единолично юный Птолемей XIII. В довершение всего Цезарь допустил грубую психологическую ошибку: юного царя, находившегося в его власти, он возвратил александрийцам. Последние требовали его освобождения в качестве непрямого предварительного условия для начала мирных переговоров.

Как должна была относиться Клеопатра к этим действиям Цезаря? Она знала своего брата, знала также александрийцев, и для нее не было неожиданностью, когда Птолемей XIII, едва вернувшись в лагерь египтян, тотчас же предоставил себя в их распоряжение. Однако решение Цезаря имело также известное преимущество: позиции сторон ясно определились, и война в столице приблизилась к решающему концу.

В начале марта в Египте появился вызванный Цезарем Митридат Пергамский, которого считали незаконнорожденным сыном знаменитого Митридата VI Евпатора. После взятия заградительного укрепления Пелузия (на восточной границе Египта) Митридат сухопутным путем через Мемфис двинулся к египетской столице; при этом он вынужден был сделать большой крюк, огибая Дельту с юга. Тем не менее он пришел вовремя. У Мареотийского озера он натолкнулся на сопротивление, однако Цезарь правильно оценил ситуацию (очевидно, он был осведомлен своими разведчиками о приближении дебло-

кирующего войска) и соединился с Митридатом, введя египтян в заблуждение маневрами флота. Место решающего сражения неизвестно, но его следует искать вблизи Мареотийского озера, возможно, у городка Хереи. Противник Цезаря царь Птолемей XIII утонул в Ниле. Цезарь со своей конницей поспешил обратно в столицу и смог по всей форме принять капитуляцию Александрии. Это произошло 27 марта 47 г. до н. э. по неизменному римскому календарю, что соответствует 15 января Юлианского стиля.

Со смертью Птолемея XIII завершилась целая эпоха в истории птолемеевской династии, ибо отныне в Александрии и Египте царила лишь воля Цезаря. Он назначил младшего брата Клеопатры одиннадцатилетнего Птолемея XIV ее соправителем. Оба — Клеопатра VII и Птолемей XIV — номинально осуществляли совместное правление, однако младший брат был всего лишь марионеткой. В документах они именуются «отцелюбивыми богами», но все знали, что теперь ничего не могло произойти без согласия Цезаря. Он был всемогущим патроном, которому все должны были подчиняться. Три римских легиона остались в Египте в качестве гарнизона. Это показывает, какое большое значение придавал Цезарь обладанию этой страной. Египет, как житница Востока, представлял для Рима поистине ни с чем не сравнимую ценность. Кто станет упрекать Цезаря в том, что после ужасов войны, в которой над ним не раз нависала смертельная опасность, он поддался чарам Клеопатры и справлял вместе с ней шумные празднества на Ниле? На роскошно убранном корабле он поплыл вместе с царицей вверх по течению на юг. В пиршествах, нередко продолжавшихся до утра, Цезарь не ударял лицом в грязь; перенесенные опасности и близость Клеопатры пробудили в нем прежнюю любовь к радостям жизни, а Клеопатра делала все, чтобы всецело пленить римлянина. Однако пребывание Цезаря в Египте стало подходить к концу. В начале июня 47 г. он покинул эту страну. Больше в своей жизни он уже никогда не ступал на ее землю, и если позднее вспоминал о Египте, то все происшедшее должно было казаться ему сном, изменившим всю его жизнь.

События, происходившие на Переднем Востоке, настоятельно требовали личного присутствия Цезаря.

В частности, в Малой Азии в лице Фарнака у римлян появился противник, которого во что бы то ни стало следовало обуздать.

Лишь несколько недель спустя после отъезда Цезаря у Клеопатры родился сын (согласно стеле, найденной в Серапеуме, а в настоящее время находящейся в парижском Лувре, — 23 июня 47 г.). Он получил имя Цезарь, но александрийцы называли его Цезарионом, т. е. «маленьким Цезарем». Поскольку диктатор Цезарь недвусмысленно разрешил дать ребенку свое имя, отцовство Цезаря не может вызвать никаких сомнений. Не меняет дела и то, что уже в древности высказывались и противоположные мнения. Так, друг Цезаря Г. Оппий оспаривал его отцовство, и в этом следовал ему живший во времена Северов историк Кассий Дион [Hist. Rom., XLVII, 34, 5]. А в наши дни прежде всего Жером Каркопино старался доказать, что этот ребенок не мог происходить от Цезаря. Однако все это — совершенно напрасный труд, и доводы видного французского историка надо признать теперь совершенно несостоятельными, в особенности с тех пор, как Хейнц Хейнен еще раз весьма основательно исследовал этот вопрос.

Благодаря рождению Цезариона, которого мы уверенно можем считать сыном Цезаря, положение Клеопатры заметно упрочилось. Да и всемогущий римский диктатор наконец получил сына, в котором ему было отказано в его браке с Кальпурнией. Этот сын стал теперь законным наследником трона фараонов; тем самым Клеопатра теснейшим образом связала своего любовника с судьбой птолемеевской династии. Хотя царица не была формально законной супругой Цезаря, она все же была царицей Египта и в качестве протеже Цезаря, по римским понятиям — его клиентки, пользовалась его личной защитой. В Египте отцовство Цезаря также было воспринято безоговорочно. Жрецы Гермонфиды утверждали, что сына Клеопатры зачал бог Ра, приняв образ Цезаря. На стене храма в Гермонфиде они реалистически изобразили рождение царевича. Таким образом, союз Цезаря и Клеопатры был узаконен перед всем миром. Иначе, разумеется, думали об этом римляне. Когда спустя год Цезарь праздновал триумф в Риме, он не мог помешать своим воинам потешаться над его отношениями с Клеопатрой и публично декламировать стишки фривольного содержания.

Летом 46 г. Клеопатра вместе со своим братом и номинальным супругом Птолемеем XIV отправилась в Рим. Она прибыла туда по приглашению диктатора, будто бы для заключения союза между Римом и Египтом. Она поселилась в садах Цезаря по ту сторону Тибра; там, на вилле, она принимала посетителей — своего великого патрона и многих других римлян, наперебой оказывавших ей знаки внимания. Однако у истинных республиканцев ее присутствие в римской столице вызывало возмущение, особенно едко и желчно высказывается о египетской царице в своих письмах Цицерон. Клеопатра неоднократно продлевала свое пребывание в Риме, и потому случилось так, что она все еще находилась там в мартовские иды 44 г., когда Цезарь пал жертвой злодейского заговора Брута и Кассия. Спрашивается, не содействовало ли присутствие царицы в Риме возникновению заговора против Цезаря? Это вполне возможно, ибо трудно отрицать, что пребывание Клеопатры в римской столице было бельмом на глазу каждого настоящего римлянина старого закала. Да и ее покровитель Цезарь был убит прежде всего потому, что он без конца попираал староримские традиции, в частности и своей связью с египетской царицей. Этого римляне не могли ему простить, ибо опасались, как бы он не перенес столицу с берегов Тибра на берега Нила, в Александрию. Впрочем, Клеопатра и после убийства ее патрона оставалась еще несколько недель в Риме. Лишь в письме от 15 апреля 44 г. Цицерон замечает, что бегство царицы его несколько не расстроило. В Риме радовались, что наконец избавились от нее. А для самой Клеопатры пребывание в Риме после смерти Цезаря утратило всякий смысл.

Вскоре по прибытии Клеопатры в Египет в возрасте 14 лет скончался ее брат и соправитель Птолемей XIV. Хотя заклятый враг царицы Флавий Иосиф утверждает, что Клеопатра устранила своего брата с помощью яда, это по меньшей мере не доказано и, вероятно, является не чем иным, как злостной клеветой. Вместо брата, никогда не возвышавшегося над ролью статиста на троне фараонов, Клеопатра, следуя в данном случае обычаю египтян, снова выбрала себе соправителя мужского пола — это был тогда всего лишь трехлетний, только выросший из пеленок Цезарион. Тем не менее он стал царем и соправителем. Если Цезарион не мог властвовать в Риме

(в завещании Цезаря его имя не упоминалось, напротив, наследником был назван внучатый племянник диктатора Октавиан), то мать по крайней мере хотела обеспечить ему власть над Египтом. Но кто мог ей теперь помочь? И кто мог знать, как окончится борьба за наследство диктатора Цезаря в Риме и Италии? На убийц Цезаря Клеопатра не могла возлагать никаких надежд, впрочем, и на Октавиана и Антония тоже: у них были совсем другие заботы; Египет находился тогда вне их поля зрения. Можно только подивиться энергии царицы, сумевшей сохранить хладнокровие в сумятице римской гражданской войны. Из своей резиденции в Александрии она внимательно наблюдала за борьбой претендентов, не делая никаких попыток вмешиваться в их споры. Но затем она установила контакт с Корнелием Долабеллой. Однако это был совершенно никчемный человек — исключительно по его вине римские легионы в Сирии перешли на сторону Кассия.

Наконец наступили дни двух битв при Филиппах (октябрь 42 г. до н. э.). Победителями здесь вышли цезарианцы Антоний и Октавиан; побежденные — оба убийцы Цезаря, Брут и Кассий, — ввиду постигшего их поражения покончили с собой. Ярko засияла теперь слава Антония; это его доблестное полководческое искусство сломило противников, между тем как соперник его, Октавиан, содействовал успеху лишь в самой скромной степени.

Солдаты боготворили Антония, он был любимцем женщин, расточительным, щедрым, великодушным, безудержно предававшимся своим страстям. Деньги имели для него лишь тот смысл, что их можно было разбрасывать полными пригоршнями. С невероятной щедростью дарил он привилегии и свободы городам и гражданам. Его окружение по преимуществу составлял беззаботный народ: актеры, танцовщицы и музыканты; все они находили в нем доброжелательного патрона, а он, со своей стороны, необузданно предавался удовольствиям, когда не приносил жертвы богу войны Марсу. Он чувствовал себя земной копией бога Диониса, а греки, радовавшиеся избавлению от вымогательств, которыми их донимали убийцы Цезаря, почитали его в такой степени, как это уже давно, с незапамятных времен, не было более в обычае.

Антоний сильно отличался от Цезаря. Он был на 15 лет моложе и старался подражать своему великому предшественнику, но не мог сравняться с ним в самом существенном. После битвы при Филиппах Антоний, несомненно, был самым знаменитым человеком своего времени, он чувствовал себя некоронованным царем всего Востока. В свои планы он хотел включить также Египет. С этой целью он послал в Александрию своего друга Кв. Деллия, и тот передал царице требование, чтобы она оправдалась перед Антонием за свое поведение во время гражданской войны. Возможно, что какую-то роль в решении Антония сыграло любопытство: ведь он уже в 55 г. видел Клеопатру в Александрии, и от него не укрылось, что это была выдающаяся женщина. О ее очаровании и уме рассказывали сущие чудеса.

Царица повиновалась и в 41 г. прибыла на корабле в Тарс (в Киликии). Она поднялась вверх по реке Кидн, причем не на обычном, употреблявшемся в ту пору для путешествий корабле, а на роскошной барке, где паруса были окрашены в пурпур — цвет царей, весла были обиты серебром, а в такт их ударам раздавались нежные звуки флейт. Сама царица возлежала в роскошном, сотканном из золотых нитей шатре, по сторонам от нее стояли одетые эротами мальчики, держа в руках разноцветные опахала, а рядом с ними — служанки, подобные nereидам и сиренам. Сам корабль распространял все благоухания Востока. Навстречу ему столпился народ: все спешили к реке, и Антоний — первый раз в своей жизни после битвы при Филиппах — остался на торговой площади Тарса в полном одиночестве. Клеопатра отклонила его приглашение к обеду, более того, она ответила встречным приглашением. Антоний без колебаний принял его и, не желая и не подозревая того, вскоре полностью очутился в плену чар египтянки, от которых ему уже не суждено было освободиться. Не удивительно, что все ее желания выполнялись им отныне безотказно. Когда она потребовала, чтобы ее избавили от родной сестры Арсиной, Антоний поспешил исполнить и эту просьбу. Хотя Арсиноя находилась далеко от Египта, Клеопатра видела в сестре опасную соперницу. Арсиною постиг печальный конец: ее силой вытащили из храмового убежища в Эфесе, где она искала спасения, и предали смерти. Это была расправа, противоречившая всякому праву.

Однако ни Клеопатра, ни Антоний нимало не беспокоились об этом — жизнь человека они ни во что не ставили. Кто становился им поперек пути, должен был погибнуть. Любовь и свирепость, чувственность и жестокость, симпатии и ненависть одновременно уживались в душе царицы, с юных лет познавшей силу женских чар. Она прибегала к ним всякий раз для достижения личной или политической выгоды. Пожалуй, она никогда не была наивной влюбленной — ни в своих отношениях с Цезарем, ни тем более с Антонием. И что самое важное: своим тонким, изощренным умом она полностью покоряла своих возлюбленных; они никогда уже не могли освободиться от ее чар, и не случайно, что отношения Клеопатры как с Цезарем, так и с Антонием кончились гибелью обоих.

Зиму 41/40 г. до н. э. неразлучная пара провела в Александрии. Это было время, заполненное празднествами, беспутством и рафинированными развлечениями, какие только способен был породить один из центров античного мира. Ведущую роль, по-видимому, играла царица, Антоний же целиком подпал под ее влияние. Клеопатра была неистощима в изобретении все новых удовольствий, и развлечения не прекращались ни днем, ни ночью. Она участвовала в игре в кости, в продолжительных пирушках, в охоте, она присутствовала при фехтовальных занятиях Антония (он не прерывал их и в Александрии, чтобы не изнежиться вконец), а когда темнело, они устремлялись переодетыми на улицы города, вытворяя всевозможные шутки над испуганными обывателями. На Клеопатре был наряд служанки, ее возлюбленный облачался в одежду простого раба. При этом подчас доходило до жестоких потасовок, поскольку горожане не всегда знали, с кем имеют дело, хотя и угадывали в странных фигурах Антония и Клеопатру.

Впрочем, как полагает Плутарх [Антоний, гл. 29], александрийцы не так уж и негодовали по поводу выходов влюбленной пары, напротив, эти проделки их забавляли. Они говорили, что римлянам Антоний показывает свой трагический лик, а им — комический. И далее Плутарх рассказывает о смешной сцене, происшедшей во время рыбной ловли. Антоний, которому в этот день мало везло, велел насадить на крючок рыбу, пойманную им ранее. Но ему снова не повезло. Клеопатра подсмотрела это и приказала одному из слуг нырнуть и прицепить к

крючку своего друга засоленную понтийскую сельдь. Когда Антоний радостно вытащил удочку из воды, поднялся поистине гомерический хохот. Однако Клеопатра быстро оценила ситуацию и крикнула расстроенному любителю рыбной ловли: «Император, отдай свою удочку рыбакам! ¹² Фароса и Каноп! Твое призвание — не рыбная ловля, а охота на города, царства и целые материки».

Если эта история и не соответствует действительности, то она все же неплохо придумана: насмешка и лесть в выходке Клеопатры тесно сплетены воедино. Но все эти проделки не могут скрыть того, что в действиях царицы присутствовал и трезвый политический расчет. В 41 г. Антоний был самым могущественным человеком на земле, перед ним склонялись народы Переднего Востока, его пороги обивали посланцы со всех концов света, и даже на западе Римской державы, в Галлии и Италии, у Антония были многочисленные приверженцы, готовые поддерживать его. Все эти обстоятельства Клеопатра не только хорошо знала, но и вполне могла оценить по достоинству. Если бы ей удалось надолго привязать к себе этого человека, то отблеск его славы должен был коснуться и ее. На вопрос, кто был движущей силой в этом союзе, можно с уверенностью ответить: Клеопатра, а отнюдь не Антоний, который был ей предан лишь до тех пор, пока находился под непосредственным обаянием ее личности.

Между тем на западе империи произошли события, которые не могли оставить Антония совершенно безучастным. Сначала, в 41/40 г., вспыхнула так называемая Перузинская война, главная ответственность за которую падает на жену Антония Фульвию. Октавиан погасил пламя этой войны, впрочем, не без жестокости. Антоний не вмешивался в нее: он был слишком далек от места столкновения и не был заинтересован в тот момент в разрыве с Октавианом. Но затем парфяне со своими конными отрядами под командованием римлянина Лабиена наводнили широкие пространства Передней Азии; они достигли даже Эгейского моря, и настало время свести с ними счеты. Антоний на корабле поспешил в Италию — ему нужна была помощь Октавиана. Он встретился с Октавианом в Брундизии (сентябрь 40 г.), а результатом было заключение договора, по которому Октавиан должен был править на западе империи, а Антоний — на востоке. Но это означало, что Октавиан предоставлял своему со-

пернику вести Парфянскую войну, которая уже маячила на горизонте. Таким образом, жребий был брошен: Антоний избрал для себя Восток, разграничительная линия между областями обоих правителей проходила теперь через городок Скодру (Скутари) в Иллирии.

Соглашение двух самых могущественных людей в мире было скреплено брачным союзом: Антоний предложил руку сестре Октавиана Октавии (его жены Фульвии уже не было в живых). Для войны с парфянами Антоний нуждался в рекрутах из Италии, и достоинства Октавии, слывшей одной из самых умных женщин в Риме, затмили воспоминания о египетской царице. Клеопатра, по видимому, поддерживала с Антонием письменную связь, но со временем ее образ должен был поблекнуть в памяти Антония, тогда как Октавия завладела теперь всеми его помыслами и чувствами. Можно ли считать Антония неблагодарным по отношению к александрийской правительнице? На этот вопрос следует, очевидно, ответить утвердительно, однако здесь в свои права вступила политика и с точки зрения державных устремлений поведение Антония было понятно. Не удивительно, что он забыл клятвы, которые давал ранее Клеопатре. А как она отнеслась к поведению своего патрона? Проявила ли она должное понимание или же поддалась гневу за неверность и предательство? В качестве залога любви у нее остались от Антония близнецы (родились в 40 г.) — сын по имени Александр Гелиос и дочь Клеопатра Селена. Их имена весьма примечательны: они имеют космическое значение и символизируют вечность власти, подобно тому как существуют от века солнце и луна. Вечность птолемеевской династии — вот идея, воодушевлявшая Клеопатру, и она твердо рассчитывала, что Цезарион и ее дети от Антония продолжат династию Птолемеев.

Пока Антония не было на Востоке, античные источники ничего нам не сообщают о Клеопатре. Время это — а прошло все же более трех лет, с 40 до 37 г. до н.э., — было для нее, несомненно, исполнено горечи, в особенности когда она вспоминала о том, что ее возлюбленный, находясь рядом с другой женщиной, потерял для нее. Ведь тем временем от брака Антония с Октавией родилось двое детей — Антония Старшая, появившаяся на свет в 39 г., и Антония Младшая, родившаяся в следующем году. А когда в 37 г. Антоний отправился на Восток,

Октавия, как передают, снова была беременной, хотя о рождении ребенка нам ничего не известно. Октавия же весьма содействовала заключению Тарентского договора (37 г.); это соглашение между двумя властителями — Октавианом и Антонием — в значительной степени следует приписать ее инициативе. Тарентский договор положил конец причинявшей ей сильные огорчения гонке вооружений между ее братом и ее супругом. Для Антония заключенное в Таренте соглашение явилось предпосылкой для начала Парфянской войны, в которой всесильный триумвир рассчитывал приобрести новую славу. В самом деле, представлялось необходимым обуздать парфян, тем более что римляне все еще не отомстили за поражение, понесенное Крассом при Каррах (53 г.). В планы Антония, однако, входило полное сокрушение Парфянского государства. При этом он полагал, что не сможет обойтись без помощи Египта. А это волей-неволей должно было привести к новому сближению с Клеопатрой, от которой в силу обстоятельств он был оторван в течение более трех лет.

Едва Антоний высадился в Сирии, как он немедленно вызвал к себе Клеопатру; она послушалась — как долго ждала она этого зова своего господина и возлюбленного! Зимой 37/36 г. Антоний и Клеопатра провели вместе в древней резиденции диадохов Антиохии-на-Оронте. Октавия исчезла теперь из поля зрения Антония, и воспоминание о супруге лишь изредка оживало в нем, когда до него доходили письма из Рима и Италии, и среди них озабоченные послания Октавии. Однако вновь вспыхнувшая страсть была сильнее, и теперь наконец Антоний узаконил свой союз с египетской царицей: отныне он считал Клеопатру своей законной супругой. Так, во всяком случае, следует толковать слова самого Антония [Светоний, Август, 69]. Правда, это свидетельство пытались подвергнуть сомнению. Так, Конрад Крафт¹³ полагал, что фразу *uxor mea est* («она моя жена») в указанном месте Светония следует воспринимать как вопросительную, что, естественно, придавало бы этому высказыванию совершенно обратный смысл. Однако такая интерпретация вряд ли была бы правильной, да и если бы Антоний хотел сказать, что Клеопатра не является его женой, он, пожалуй, выразился бы более определенно.

А как обстояло дело с детьми Клеопатры от Анто-

ния — Александром Гелиосом и Клеопатрой Селеной? Близнецам шел уже четвертый год, и следует, по-видимому, предположить, что Антоний и их тогда признал своими законными детьми. В 36 г. Клеопатра снова родила Антонию сына. Он получил имя Птолемея Филадельфа — династическое имя, которое должно было воскрешать в памяти славные времена Птолемеев.

Окруженная своими детьми, к числу которых относился также Цезарион, Клеопатра была признанной правительницей Птолемеевского государства, и Антоний, ее супруг, недвусмысленно остановил свой выбор на египетской царице, хотя так и не отправил Октавии письма о разводе. В этом отношении Антоний не был мелочно-щепетилен. Разве в Риме у него не было уже законной супруги Фульвии, когда он жил с Клеопатрой в Египте? Эти вещи не следует рассматривать с сугубо юридической точки зрения; гораздо важнее были тогда державные устремления, которые не следует игнорировать при оценке отношений Антония с египетской царицей. Так или иначе, Антоний велел поместить на обратной стороне своих монет изображение Клеопатры, и таким образом союз обоих властителей был доведен до сведения мировой общественности. Вдобавок Клеопатре был передан ряд территорий — подношение, которое можно обозначить как своего рода Morgengabe (дар молодого мужа новобрачной на утро после свадьбы. — *примеч. пер.*). Сюда относились финикийское побережье от реки Элевтера (Литани) до Сидона, остров Кипр, побережье Киликии, а также земли на Крите, в Иудее и в области набатеев.

Антоний проявил чрезвычайную щедрость за счет Римской империи, что вызвало сильное порицание не только со стороны Октавиана. Однако и здесь Антоний был далек от юридических сомнений: его побудила к столь дорогостоящему подношению лишь его природная щедрость. Клеопатра приняла эти территории с большой радостью, они служили округлению Птолемеевского государства, которое находилось на пути к тому, чтобы превратиться в значительную силу в Передней Азии. Клеопатра рассматривала этот дар как событие настолько важное, что с 36 г. до н. э. начала отсчет новой эры, причем этот год — 16-й год ее правления — стал обозначаться как 1-й год. Для Клеопатры началась, таким образом, новая эпоха, она праздновала полный триумф как

женщина и как царица. Прежние исследователи иногда относили новую датировку (16-й год правления = 1-му году) к заключению брака между Антонием и Клеопатрой, однако этот взгляд опровергается убедительным свидетельством Порфирия (III в. н. э.), отраженным у Евсевия¹⁴.

Впрочем, передают, что Клеопатра осталась не совсем удовлетворенной полученным даром — она требовала большего, на что якобы Антоний ответил ей отказом. Поскольку, однако, это известие встречается в заведомо враждебном Клеопатре источнике, у Флавия Иосифа¹⁵, то к нему следует отнестись скептически. Во всяком случае, Клеопатре вполне удалось соединить личные и политические цели. Была ли она в состоянии с помощью Антония еще раз поднять Птолемеевскую державу на вершину могущества? Быть может, ей бы это и удалось, если бы не помешали политические перемены мирового значения. О них нам и следует теперь поговорить.

В 36 г. Клеопатре было примерно 34 года; хотя ее первая молодость прошла, она все еще была опасна для мужчин, так как благодаря своему блестящему уму, без сомнения, могла соперничать даже с самыми образованными из них. Но к какой цели она стремилась и был ли у нее на самом деле конкретный план? Не зависело ли все от успеха ее супруга Антония, поставившего себе ближайшей задачей разгром парфян? И разве не было очевидным, что победитель парфян не остановится перед последним шагом — провозглашением себя царем всего Востока? Этого момента и ждала Клеопатра. Было ясно, ее доля будет велика в славе Антония, если ему удастся осуществить парфянские планы, как он рассчитывал. А как только парфяне будут побеждены, новый Александр, каким мнил себя Антоний, продиктует и Октавиану свои условия, ибо невозможно было себе представить, что Антоний ограничится одним Востоком. Но все это были фантастические проекты, их выполнение приходилось отложить до времени после парфянского похода и победы над Великим царем парфян.

Но все произошло совсем иначе. Предпринятый Антонием при поддержке по меньшей мере 16 легионов парфянский поход¹⁶ окончился осенью 31 г. полной неудачей, разбившись о мощные стены Газака-Веры (позднее переименованной во Фрааспу) в Мидии-Атропатене. При от-

ступлении в Армению, отдаленно напоминавшем отступление Великой армии из России в 1812 г., Антоний лишился почти трети своего войска. Это было страшное кровопускание, от которого он никогда уже не мог оправиться, тем более что Октавиан лишил его теперь возможности проводить наборы в Италии и вообще в западной части империи.

Парфянский поход означал не только временное военное поражение — с его провалом начинается новая эра в жизни Антония и Клеопатры. Но несчастье лишь теснее связало их; отныне они могли рассчитывать лишь друг на друга, и если бы упал один, он неизбежно увлек бы за собой и другого.

Иудейские источники рассказывают о Клеопатре невероятные вещи. Когда Антоний перед началом парфянского похода отпустил ее в Александрию, она будто бы на пути из Дамаска посетила Ирода Иудейского, чтобы взыскать с него арендную плату за пользование землями у Мертвого моря. При этом, по утверждению Флавия Иосифа, она якобы хотела соблазнить Ирода с тем расчетом, чтобы, если бы дело получило огласку, скомпрометировать его в глазах Антония. Однако не может быть ни малейшего сомнения, что эта история является совершенно ни на чем не основанной выдумкой Иосифа, она опровергается уже одним тем, что Ирод с почетным эскортом сопровождал царицу вплоть до Пелузия. Между ними абсолютно ничего не произошло. По этому случаю видно, на какие измышления был способен Иосиф по отношению к женщине и царице, которая повсюду была известна своей враждебностью к иудеям. Спрашивается также, каким образом Ироду даже могло прийти на ум убийство царицы, как об этом пишет иудейский историк?

После неудачи с парфянским походом Антоний нуждался в Клеопатре как никогда. Он вызвал ее в Левкокому, маленькую гавань между Беритом (Бейрут) и Сидоном. Клеопатре понадобилось некоторое время, чтобы собрать предназначенные для Антония подкрепления. Наконец ее корабль появился на рейде. Антоний поджидал ее с величайшим нетерпением. В этой ситуации в жизни обоих снова соединились воедино любовь и политика, для триумвира же в его тяжелом положении помощь Клеопатры была прямо-таки даром небес. Теперь у него больше не было никаких колебаний: он порвал все связи с Запа-

дом и окончательно перешел в лагерь Клеопатры. Ведь если кто и мог еще его спасти, так это была Клеопатра. Когда ему было передано известие, что Октавия отправилась на Восток, чтобы доставить ему 2 тыс. солдат и необходимые припасы, он приказал ей незамедлительно вернуться в Италию. Он отказывался от этой поддержки — пользы от нее все равно почти не было.

Вообще предложенную Октавианом помощь Антоний должен был расценивать как совершенно недостаточную — его соперник на западе практически полностью списал его со счета. Как гласит традиция, решение отказаться от помощи Октавии вырвала у Антония Клеопатра своими сетованиями и угрозой покончить с собой. Это вполне могло соответствовать действительности, однако последствия этого решения были чрезвычайно серьезны. Между Антонием и Октавианом с этого момента — шел 35 год до н. э. — все было кончено: западная и восточная части империи шли каждая своим путем.

Между тем противоположность интересов Ирода и египетской царицы снова привела к напряженности в отношениях, пока наконец искусному политику Ироду не удалось в присутствии Антония снять с себя все упреки. Клеопатра осталась этим недовольна, так как видела в Ироде своего врага, к которому испытывала жгучую ненависть как по личным, так и по политическим причинам. Охотнее всего она бы уничтожила державу Ирода в Палестине, но Антоний не мог себе позволить лишиться такого вассала. Все просьбы и заклинания Клеопатры на этот раз были безуспешны, ибо Ирод занимал прочное место в системе вассальных государств Востока, которые после неудачного парфянского похода играли более важную роль, чем когда-либо.

Но победа Клеопатры над своей соперницей Октавией была полной: римлянка была унижена, чего она никоим образом не заслужила. Царица Египта достигла давно желанной цели: Антоний, ее супруг и патрон, на веки вечные связал с ней свою судьбу. Для него теперь не было отступления — он должен был идти рука об руку с Клеопатрой до самого конца.

Отношения обоих стали еще теснее после того, как Антоний, отказавшись от вновь задуманного парфянского похода, обратился против Армении и ее царя Артавазда (34 г.), которого он — абсолютно несправедливо — рассмат-

ривал как главного виновника своего поражения. При помощи запугивания и коварства Антоний завладел несчастным царем, его заковали в серебряные цепи и доставили в Александрию. Здесь он должен был стать украшением триумфального шествия Антония. Его и впредь содержали в заключении в Александрии, а в конце своего царствования Клеопатра еще успела его казнить.

Этот триумф Антония был первым, отпразднованным вне Рима. На всем Переднем Востоке он произвел огромное впечатление, но в конечном счете этот триумф означал отказ от Рима и от всей римской традиции. Велико было возмущение в Риме, а когда Антоний вложил свой лавровый венок в руки александрийского Сараписа, стало ясно, куда он держит путь. Антоний хотел утвердиться на Востоке в качестве мирового властелина и наследника Александра. Клеопатра всячески ему содействовала в этом: восседая на высоком троне, она требовала для себя проскинесиса. Однако она не приняла во внимание гражданское мужество армянского царя, наотрез отказавшегося унижаться перед ней, и Клеопатра ему этого не простила.

Затем — лишь несколько дней спустя после триумфа — произошла знаменитая сцена в александрийском гимнасии. На высокой трибуне восседали Антоний и Клеопатра, окруженные своими детьми и пестрой толпой высших государственных сановников, римских офицеров и македонских наместников. Для царицы был воздвигнут золотой трон, трибуна была обита серебром. Взору народа предстали могущественные повелители Востока вместе с их детьми — Цезарион в римской одежде, прочие царевицы в роскошных нарядах восточных властителей. И здесь Антоний сделал последний шаг, который ему еще оставалось сделать: перед всем народом он провозгласил Клеопатру «царицей царей» (*basilissa basiléon*), а ее детей — царями. Клеопатре было вверено управление Египтом и Ливией, кроме того, осуществление своего рода высшего надзора над своими детьми. Старший из них, Цезарион, был провозглашен соправителем матери, Александру Гелиосу предстояло получить власть над Арменией и Мидией, включая все области к востоку от Евфрата, Клеопатра Селена должна была править Киреной (а это была римская провинция), а Птолемей Филадельф — сопредельными птолемеевскими владениями в Сирии и Финикии вплоть до Киликии. В действительности, однако, все выгля-

дело совсем иначе, ибо ни Антоний, ни Клеопатра не пользовались сколько-нибудь реальным авторитетом в странах Востока и многословные прокламации в александрийском гимнасии не могли скрыть того, что действительной властью они практически не обладали.

Во время этой внешне очень впечатляющей сцены Антоний продолжал играть роль всемогущего патрона Птолемеев. У него была известная слабость к пышным массовым сценам, а население египетской столицы было в восторге от его мужественного облика и повелительных манер. Клеопатра, которая выступала в наряде богини Исиды, стала называться отныне — и притом совершенно официально — Новой Исидой. Таким образом, была преодолена грань между сферой человеческого и сферой божественного: царица уже при жизни была возвеличена до уровня богов. С полным правом заметил по этому поводу Феликс Штеелин: «То, к чему напрасно стремился Цезарь, — достижение греко-римской *basileia*, т. е. царской власти двойного римско-эллинистического характера, — было теперь осуществлено в эллинистическо-римской форме»¹⁷. Все же Антоний не решился — и в этом он подобен своему великому предшественнику Цезарю — сделать последний, заключительный шаг: нигде мы не найдем даже малейшего указания на то, что Антоний хотел провозгласить себя наравне с Клеопатрой «царем царей»; ему было достаточно в качестве ее патрона иметь в своих руках реальную власть. Но что в конечном счете удержало его от этого? По-видимому, дело заключалось в недостаточной легитимности его положения. Антоний мог быть супругом царицы и ее защитником, но не государем божьей милостью, наделенным особой личной харисмой. Не следует недооценивать этого различия: оно подводит нас к пониманию сокровенных тайн античного единовластия.

Дарения, сделанные в Александрии (34 г. до н. э.), навлекли на Антония большое недовольство в Риме. Действительно, он отрекся от всех римских традиций, среди которых вырос. Он мнил себя новым Александром. Не следует удивляться тому, что в Риме получили хождение самые нелепые слухи. Особенно много поводов к всевозможным злобным высказываниям давали устраивавшиеся при дворе Клеопатры пиры. В этих пиршествах не стыдился якобы принимать участие даже некоторые римляне, как, например, Мунаций Планк, ставший позднее од-

ним из самых близких друзей Августа. В costume морского старца Главка он будто бы исполнял перед придворным обществом непристойный танец, а когда Клеопатра из чистого озорства поспорила с Антонием, что может за один раз проглотить 10 миллионов сестерциев, тот же Мунаций Планк будто бы принял на себя обязанности третейского судьи. Клеопатра же растворила в уксусе баснословной цены жемчужину и в таком виде проглотила ее, если только сообщения античных источников (в первую очередь Плиний, NH, IX, 119 и сл.) соответствуют действительности. Возможно, однако, что все это лишь вымысел. Равным образом рассказы об аметистовом амулете, будто бы предохранявшем от опьянения, и ночной посуде египетской царицы из чистого золота являются всего лишь измышлениями безудержной фантазии, которым, однако, в Риме верили даже очень серьезные люди, поскольку считали, что в Александрии — этом античном Вавилоне — все было возможно. Особенно старались изобразить, не жалея красок, гаремную жизнь Антония его прежние друзья, переметнувшиеся в противоположный лагерь, такие, как Г. Азиний Поллион и М. Валерий Мессала. Но это относится уже к области пропаганды, которой усердно занимались враги Антония. Они не могли не воспользоваться столь благодатным материалом, чтобы представить Антония грубым ландскнехтом, а Клеопатру — отъявленной колдуньей, полностью покорившей римлянина своими чарами.

В Александрии на самом деле пир шел горой. Застольные утехы сменялись охотой, изысканные пиршества — грубыми развлечениями на столичных улицах. Антоний был окружен толпой паразитов и льстецов. Все они заискивали перед ним, превозносили его как величайшего полководца всех времен. За всем этим Антоний забывал о действительности и жил только своими удовольствиями. Лишь скудные известия проникали в мир обоих влюбленных из Рима, тем более что у Антония были все основания порвать отношения с Октавианом и изгнать его из своего сердца. Были порваны все связи и с Октавией, так что неограниченной хозяйкой положения осталась Клеопатра.

Однако небо над Александрией было далеко не безоблачным. В 33 г. Антоний еще раз побывал в Армении. Для нового парфянского похода времени уже не было,

ибо начались военные приготовления против соперника на западе — Октавиана. Сухопутное войско было передислоцировано с востока на запад, и легионы из Армении двинулись в Западную Анатолию. Своей ставкой Антоний избрал знаменитый древнегреческий город Эфес, куда за ним последовала в том же году и Клеопатра. Между Октавианом и Антонием завязалась переписка, по откровенности не оставлявшая желать лучшего. Особенно не стеснялся в выражениях Антоний, раздраженный различными предпринятыми против него мерами соперника. Октавиан был возмущен тем, что Антоний признал законными своих детей от Клеопатры, и прежде всего тем, что он согласился считать Цезариона сыном Цезаря. Октавиан не мог относиться к этому иначе, как к выпадку против него самого, рассматривавшего только себя наследником великого Цезаря. Короче говоря, напряженность в отношениях между двумя властителями стала очевидна для всего мира. Однако не нашлось человека, готового их примирить. Впрочем, это бы вряд ли удалось, ибо, пока Антоний держался за свой брак с Клеопатрой, ему трудно было рассчитывать на понимание в Риме.

С другой стороны, Клеопатра сумела стать незаменимой для триумвира. И прежде всего целиком зависел от посылавшихся Клеопатрой морских транспортов с провиантом флот Антония. Сама Клеопатра не оставляла его более ни на миг, причем выказывала полное неуважение к римским обычаям. По-прежнему влюбленный в нее Антоний допускал, чтобы Клеопатра, передавая любовные записки, мешала ему проводить судебные заседания, а когда однажды, при разборе дел на эфесской агоре, она велела пронести себя мимо в паланкине, Антоний будто бы тут же все бросил, устремился к Клеопатре и проводил ее до экипажа. Все это были факты сами по себе совершенно безобидные, однако распространители слухов с жадностью кидались на каждое такое сообщение, так что друзьям Антония в Риме приходилось очень трудно. Они послали поэтому к Антонию Геминия, но тот ничего не смог добиться у триумвира, тем более что Клеопатра почуяла в нем противника. Передают, что Геминий просил Антония, притом в присутствии царицы, чтобы он отослал ее обратно в Египет, на что Клеопатра якобы сказала: «Ты правильно поступил, Геминий, сказав правду, не дожидаясь пытки». Этот анекдот не очень

достоверен, но еще менее правдоподобен другой — по поводу высказывания Кв. Деллия. Он будто бы упрекнул царицу, что она подает своим друзьям кислое вино, тогда как друзья Октавиана могут попивать в Риме фалернское.

В Риме Октавиан узнал от перебежчиков Мунация Планка и Тития о завещании Антония, оставленном на хранение у весталок. Октавиан, без всякого на то права, принудил их отдать ему этот документ. В нем среди прочего значилось, что Антоний желает быть погребенным в Александрии рядом с Клеопатрой. Кроме того, в завещании содержались важные распоряжения, сделанные в интересах детей Антония от Клеопатры, равно как и прямое признание Цезариона сыном Цезаря. Нужны ли были дальнейшие доказательства того, что Антоний забыл о своем отечестве и наряду с египетской царицей стал врагом Рима?

Между тем Антоний перенес — примерно в апреле 32 г. до н. э. — свою главную ставку из Эфеса на остров Самос. Здесь, среди избранного общества царей и династов, устремившихся сюда со всего Переднего Востока, от Сирии до Армении, для него началась новая полоса в жизни, отмеченная всякого рода торжествами и празднествами. В главной квартире толпились актеры и музыканты, театральные постановки чередовались с состязаниями во всех видах искусств, и каждый город на подвластной триумвиру территории будто бы должен был предоставить по быку для жертвоприношений. Чужеземные цари состязались друг с другом в подношениях и представлениях; короче говоря, это была пестрая ярмарка, на которой перед всем светом демонстрировались роскошь и могущество Антония. Когда он приблизительно в мае 32 г. переехал в Афины, торжества продолжались и здесь. Перед этим Антоний отпустил обратно в Приену дионисийских технитов, предоставив им многочисленные привилегии. Клеопатра по-своему старалась завоевать благосклонность афинян, которые до нее восхищались Октавией. В знак благодарности царице город издал ряд почетных декретов, а среди депутатов, возложивших эти постановления к ее ногам, находился также Антоний — ведь он тоже обладал правами аттического гражданства.

В отношении Октавии он проявлял теперь полную бесцеремонность, даже жестокость. Он приказал ей оставить его дом в Риме и взять с собой детей; лишь Фульвию,

старшему сыну Антония от Фульвии, позволено было остаться в его доме. Вместе с этим распоряжением Антоний переслал ей наконец и письмо о разводе, написанное под давлением Клеопатры (май—июнь 32 г.). Тем самым Антоний порвал последнюю формальную связь, которая еще соединяла его с римской женой. Так, Клеопатра, хотя и поздно, одержала окончательную победу над соперницей, которую она видела в Риме много лет назад.

В Риме же держались того мнения, что Антоний потерял рассудок и стал послушным орудием в руках египетской колдуньи. Он полностью лишился своей воли, важно было лишь то, что признавали правильным советники царицы и ее камеристки Ирада и Хармион. Так, во всяком случае, судил Октавиан. Конечно, это не соответствовало действительности, и Октавиан это хорошо знал, но таким образом он мог убедить тех, кто все еще был предан Антонию, в бессмысленности их действий. Антоний стал пленником египтянки — таково было господствующее мнение в Риме.

Между тем для Антония наступило время позаботиться наконец о стратегическом плане военных действий. Наступать или защищаться — таков был вопрос, который должен был обсудить штаб Антония. Антоний высказался за оборону. При этом, разумеется, было принято во внимание желание Клеопатры. Можно даже предположить, что военный план был обсужден с ней во всех деталях. Принятое решение оказалось крайне неудачным: намеревались защищать невероятно растянутую позицию, простиравшуюся от Кирены до Коркиры. Эта диспозиция требовала перенапряжения сил союзников и, кроме того, противоречила элементарному стратегическому принципу, который Фридрих Великий сформулировал следующим образом: «Кто хочет защищать все, тот не защищает ничего». Главную часть своего флота Антоний сконцентрировал у побережья между островом Коркирой и Акарнанским материком. Здесь находились также 200 кораблей из Египта. Все это должно было помешать вторжению Октавиана; иными словами, исход войны хотели решить на море. Однако Октавиан не доставил своим противникам такого удовольствия. Наоборот, маневрами превосходного полководца М. Випсания Агриппы флот Антония был загнан в Актийский залив; вскоре у него начало исся-

кать продовольствие, поскольку снабжение огромных людских масс по суше натывало на значительные трудности.

В конце концов у Антония остались только две возможности: либо попытаться прорвать блокаду, и тогда основная масса сухопутного войска оказалась бы предоставленной своей судьбе, либо же вместе с сухопутным войском отступить в Среднюю Грецию или Македонию, но в этом случае брошенным на произвол судьбы оказался бы флот. Последнее было невыгодно, поскольку врагу был бы отдан Египет. Ввиду этого в военном совете верх одержало мнение Клеопатры: она высказалась за отвод сухопутного войска и за прорыв флотом морской блокады. Ничто не могло более убедительно доказать, как сильно был привязан Антоний к Клеопатре даже в вопросах стратегии. Однако что он стал бы делать без Клеопатры? Если бы был потерян Египет, то вся структура, созданная им на Переднем Востоке, рухнула бы как карточный домик — с властью Антония на Востоке было бы покончено раз и навсегда.

Посмотрим теперь, как обстояло дело с соотношением сил в битве при Акциуме. По Плутарху [Антоний, 61], Антоний располагал 500 линейными кораблями, частично восьми- и даже десятипалубными, а кроме того, армией из 100 тыс. пехотинцев и 12 тыс. всадников. Под его знаменами стояли многочисленные цари и династы: свои отряды прислали царь Мавритании Бокх, царь Верхней Киликии Таркондем, Архелай Каппадокийский, Филадельф Пафлагонский, Митридат из Коммагены и фракийский царь Садал. Эти правители и сами присутствовали в битве при Акциуме; кроме того, войска поставили арабский царь Малх, Ирод Иудейский, царь Ликаонии и Галатии Аминта, а также мидийский царь. Напротив, у Октавиана в распоряжении было лишь 250 военных кораблей, 80 тыс. пехоты и 12 тыс. всадников. Из этих данных с очевидностью следует, что Антоний ввиду своего численного превосходства вполне мог бы взять верх, однако ему крайне мешало то, что он непрерывно оглядывался на Клеопатру, и именно в этом надо искать причину его поражения. У Плутарха можно еще прочитать, что у Антония были трудности с комплектованием экипажей для своих огромных кораблей, так что командиры кораблей должны были прибегать к помощи совершенно неподготовленных людей, среди которых имелись даже бро-

дяди и погонщики ослов. Корабли Антония были страшно неповоротливы в отличие от быстрых и подвижных кораблей противника. Это обстоятельство в сочетании с более искусным руководством М. Випсания Агриппы должно было доставить безусловное преимущество Октавиану.

То, что произошло 2 сентября 31 г. до н. э. в морском сражении у Акциума, сводится, по существу, к попытке прорыва, которая была предпринята Клеопатрой и в общем вполне удалась. С 60 кораблями она заняла позицию позади фронта, чтобы выждать удобного момента для своего рискованного маневра. Антоний, по всей видимости, не рассчитывал на победу, ибо еще перед началом военных действий распорядился сжечь часть своих кораблей. Для битвы он выделил лишь 60 судов. На них была посажена отборная часть его войска; эти воины должны были составить ядро новой армии, которую он рассчитывал сформировать в другом месте, вероятнее всего в Египте и прилегающих к нему областях.

Военному плану Антония и Клеопатры нельзя отказать в последовательности. Если бы его удалось осуществить без слишком больших потерь, то Октавиану пришлось бы вести новую войну, в которой на карту для него было бы поставлено все. С помощью поднявшегося северо-западного ветра Клеопатре удалось на своих быстроходных парусниках прорваться сквозь ряды неприятеля. Ее эскадра последовала за ней, и тогда Антоний, вместо того чтобы взять на себя командование в решающей морской схватке, покинул свой знаменитый адмиральский корабль и вместе с двумя друзьями, сирийцем Алексой и римлянином Селлином, перебрался на одну из пентер (пятипалубное судно), а остальные были брошены на произвол судьбы. Антоний же последовал за Клеопатрой. Попутный ветер надул паруса, и вскоре корабли, державшие курс на юг, в сторону Пелопоннеса, исчезли за горизонтом.

Клеопатра подняла сигнал и пригласила Антония перейти на свой корабль, однако оба избегали встретиться лицом к лицу — слишком сильно было впечатление от проигранного сражения. Антоний ушел на нос корабля и сел там, обхватив руками голову. Когда быстрые либурнийские парусники из флота Октавиана стали догонять их и приблизились на опасное расстояние, Антоний при-

казал вступить с ними в бой. Все вражеские корабли были отогнаны, и лишь корабль спартанского тирана Эврикла продолжал наседать на Антония. Эврикл подплыл настолько близко, что смог даже метнуть копье на палубу Антония и громко назвать свое имя: «Я Эврикл, сын Лахара,— будто бы крикнул он,— которому Тюхе дает возможность отомстить за смерть отца». Но затем он обратился против второго адмиральского корабля, который был тяжело нагружен. Эвриклу удалось овладеть этим кораблем, но для Антония это не было большой потерей, поскольку утраченные вместе с кораблем съестные припасы легко можно было возместить. Когда опасность миновала, Антоний снова впал в летаргию. Три дня он будто бы провел на палубе, неизвестно, то ли гневаясь на Клеопатру, то ли стыдясь ее. Когда причалили к мысу Тенар у южной оконечности Лаконии, женщины из свиты Клеопатры свели их наконец вместе. Оба дали себя уговорить вновь делить друг с другом и стол и ложе.

Таков рассказ Плутарха [Антоний, 65 и сл.]. Хотя Плутарх и не был свидетелем описываемых им событий, он, должно быть, располагал достоверными источниками. Какие чувства владели сердцем царицы? Может быть, попытаться отделить собственную судьбу от судьбы своего патрона, а затем обратиться с предложением мира к Октавиану? Могла ли она вообще надеяться на пощаду у этого холодного и расчетливого противника? Война, которую вели римляне, была направлена исключительно против нее, царицы Египта, а не против Антония, и ей нетрудно было себе представить, что ждало ее после капитуляции. Но если Клеопатра когда-либо и обдумывала всерьез возможность разрыва с Антонием, то вскоре она ее отвергла как нереальную. Наоборот, проигрыш морского сражения у Акциума еще больше сблизил обоих влюбленных. Им надо было постараться преодолеть временную депрессию и осмотреться в поисках новых возможностей для сопротивления. В Риме же господствовало убеждение, что бегство царицы отодвинуло окончание войны в далекое будущее. Выражения радости по поводу победы у Горация достаточно сдержанны — египетская царица, большой враг римского народа, отнюдь не была еще повержена. В Риме это хорошо понимали.

Антоний также снова начал питать надежду. Он приказал Канидию, командовавшему сухопутным войском у

Аквиума, как можно скорее отступить через Македонию в Малую Азию. Своим друзьям Антоний преподнес богатые дары и отослал их в Коринф, посоветовав им примириться с Октавианом. Солдатам, служившим в войске и на флоте Антония, бегство их полководца на первых порах осталось неизвестным. Когда же слух об этом дошел до них, все были поражены, что он бросил на произвол судьбы не менее 19 непобежденных легионов и 12 тыс. всадников. Однако они и впредь хранили ему верность, в которой некогда поклялись. В течение семи дней они отказывались пойти на капитуляцию, предложенную Октавианом. И лишь бегство Канидия сломило их сопротивление, они сдались победителю, который обещал им в будущем лично позаботиться об их щедром обеспечении.

Антоний между тем направился в Ливию. Клеопатру он отослал вперед в Египет через Паретоний. Но в Ливии легионы перешли на сторону противника Антония Октавиана. Клеопатра же торжественно прибыла в гавань Александрии на кораблях, украшенных венками, и в сопровождении победных песнопений. Однако она не чувствовала себя здесь более в безопасности от Октавиана и поэтому начала готовиться к тому, чтобы покинуть Египет. Для этого она велела перетащить несколько кораблей по суше через перешеек в Акабский залив и погрузить на борт свои самые ценные сокровища. Все было готово к отплытию, даже команда уже находилась на кораблях, но набатейские арабы сожгли суда, так что от задуманного предприятия пришлось отказаться. Тем временем Антоний, который, видимо, все еще ничего не знал о капитуляции своего сухопутного войска у Аквиума, велел построить для себя новую резиденцию на острове Фаросе. Здесь он жил в обществе своих друзей и говорил, что хочет вести такой же образ жизни, как мизантроп Тимон, поскольку испытания, выпавшие на его долю, несколько не отличаются от того, что пришлось пережить Тимону; Антоний считал, что он обижен всем миром и предан большинством друзей. Впрочем, некоторые из них остались при нем. Они образовали клуб «совместно стремящихся к смерти», предавались застольным радостям и тешились мыслью о близком конце.

Положение в Александрии было безотрадным, воля Антония была сломлена, а Клеопатра обдумывала все

новые планы, как ей покинуть Египет и уйти от мести Октавиана. Но куда ей было направиться? На запад, в Испанию, на восток, в Азию, или, наконец, в Индию, значительно приблизившуюся к Египту благодаря освоению прямого пути через открытое море? На всякий случай она опробовала целый ряд смертельных ядов. Их действие испытывали на преступниках, приговоренных к смертной казни. Но Клеопатра осталась недовольна действием ядов: самые сильные из них причиняли страшные мучения, а более слабые — слишком затягивали наступление смерти. Тогда она начала наблюдать за животными, которых стравливали друг с другом. При этом она заметила, что укус одной из змей влечет за собой относительно безболезненную смерть.

Тем не менее она все еще не считала свое дело окончательно проигранным. Она отправила к Октавиану, который тогда продвигался с войском из Сирии к Египту, посольство во главе с наставником своих детей Эвфронием. Она просила сохранить за ее детьми власть над Египтом, а Антоний выражал пожелание, чтобы ему позволили жить в Афинах на положении частного лица, если уж ему нельзя будет остаться в Египте. Ранее окончилась неудачей попытка вступить в контакт с Октавианом через друга Антония Алексу из Лаодикии при посредничестве идумейского правителя Ирода. Алексу заковали в цепи, а затем казнили в Лаодикии. Предложения Антония Октавиан отверг раз и навсегда, но Клеопатре он будто бы предложил избавиться от Антония: либо убить его, либо изгнать из страны. Среди посланцев Октавиана находился некто по имени Тирс. Продолжительным частным разговором с царицей он навлек на себя подозрения Антония; последний велел схватить Тирса и наказать, подвергнув его бичеванию. Октавиану Антоний будто бы написал, чтобы тот также отхлестал Тирса, а затем повесил. Соответствует этот анекдот исторической действительности или нет, сказать трудно, но из него все же можно заключить, что Антоний предпринимал попытки вступить в контакт со своим соперником.

Но тут в военных действиях наступил перерыв. Октавиан был вызван Агриппой обратно в Италию, где его присутствие было крайне необходимо из-за трудностей, возникших с ветеранами. Однако это была лишь отсрочка неизбежной гибели, ибо уже весной 30 г. до н. э. войска

Октавиана с востока и запада вторглись в долину Нила. Когда пала крепость Пелузий, видимо, не оказав особого сопротивления, разнесся даже слух, что город был сдан его комендантом Селевком не без ведома Клеопатры. Но царица распорядилась казнить жену и детей Селевка. Она стала прибегать к наказанию членов семей подозреваемых лиц, чтобы таким образом запугать своих подданных. Впрочем, сама царица была теперь также охвачена паническим страхом; она велела отнести все свои драгоценности — золото, серебро, изумруды, жемчуга, эбеновое дерево, слоновую кость и корицу — в свою гробницу, воздвигнутую ею в пределах укрепленного царского дворца рядом с храмом Исиды. Кроме того, в гробницу сложили много горючего материала — дрова и паклю. Клеопатра подумывала о самосожжении и хотела унести с собой в могилу все свои драгоценности. Но, с другой стороны, в ней еще теплилась искра надежды, что Октавиан все же изъявит готовность пойти на соглашение. 14 января 30 г. еще раз с большой пышностью отпраздновали день рождения Антония. Напротив, по поводу дня рождения Клеопатры — он приходился либо на начало января, либо на последние недели декабря — не стали поднимать много шума. Не хотела ли она усыпить бдительность Антония? Она давно уже боролась не за него, а лишь за свою собственную жизнь и жизнь своих детей, и единственным, кто мог ей в этом помочь, был Октавиан, а не Антоний.

Конница Октавиана пересекла Дельту и приблизилась непосредственно к городским стенам Александрии, и здесь Антоний еще раз попытался вступить в борьбу. В состоявшемся бою он в последний раз одержал победу и преследовал противника вплоть до его лагеря. Еще опьяненный этим успехом, он поспешил на коне в столицу, заключил Клеопатру в свои объятия и осыпал поцелуями. Он представил ей храбрейшего из храбрых среди своих воинов, и Клеопатра преподнесла ему почетный дар — золотой панцирь и изготовленный из того же металла шлем. Но все это было напрасно: рассказывают, что этот солдат, удостоенный высокой награды, на следующую ночь дезертировал и перешел на сторону Октавиана.

Ночью в Александрии царила тягостная тишина, каждый ждал беды. Антоний же в последний раз ужинал со своими друзьями и слугами; прислуживавших за столом

он просил наливать ему побольше вина, поскольку, мол, никто не знает, что принесет с собой утро. Между тем в городе распространился слух, что Вакх (Дионис) покинул Антония и что бог будто бы проследовал через те ворота, которые находились напротив неприятельского лагеря.

На следующее утро — это было 1 августа 30 г. до н. э. — Антоний попытался еще раз, в виду городских стен, оказать сопротивление на море и на суше. Все было напрасно: корабли вместе со своими экипажами и конница перешли на сторону врага. Антоний оказался всеми покинут, поскольку и пехота не смогла выдержать натиска неприятеля; его оттеснили в город; он осыпал проклятиями Клеопатру, обвиняя ее в том, что она его предала, хотя войну он вел лишь ради нее. А Клеопатра укрылась в своей гробнице, велев запереть входы мощными засовами, чтобы никто не мог к ней проникнуть. К Антонию она отправила вестников, сообщивших ему, что царица мертва. Поверив этому известию, Антоний обратился к одному из своих преданных рабов по имени Эрот, чтобы тот прикончил его мечом. Однако раб с горя сам ринулся на свой меч. Антоний будто бы сказал на это, что раб показал ему, как надо умирать, и затем пронзил себя мечом. Однако рана оказалась не смертельной, и, хотя Антоний упорно просил друзей прикончить его, не нашлось ни одного, кто бы это сделал. Это была страшная сцена: Антоний лежал, корчась и крича от боли на своем ложе, пока наконец не явился личный секретарь царицы Диомед, получивший приказ перенести Антония в гробницу Клеопатры. Когда Антоний на носилках был доставлен к царской усыпальнице, Клеопатра не пожелала его впустить через дверь, так как не хотела открыть запоры. Но вот она появилась в окне и на веревках спустила корзину, в которую положили Антония; истекая кровью и борясь со смертью, он простирал к ней руки. Ценой больших усилий трем женщинам удалось втащить этот груз; лицо Клеопатры отражало страшное напряжение, а стоявшие внизу ободряли ее и сочувствовали ее мукам.

Втянув Антония через оконный проем и уложив его на ложе, царица стала рвать на себе одежды. Склонившись над умирающим, она била себя в грудь и раздирала ее ногтями. Она стирала с него кровь, размазывала ее по своему лицу, называя Антония своим господином, супру-

гом и императором. Плутарх говорит, что из чувства сострадания к Антонию, Клеопатра совершенно забыла о собственных горестях. Антоний однако, велел ей прекратить эти излияния скорби, он попросил у нее глоток вина — то ли потому, что его мучила жажда, то ли потому, что ему хотелось скорее покончить со своими мучениями. Затем он стал уговаривать ее позаботиться о собственном спасении, а из друзей Октавиана особенно рекомендовал ей Прокулея. О нем самом, говорил он ей, она не должна печалиться, напротив, она должна считать его скорее счастливым, поскольку жизнь вознесла его на такую высоту, о которой только может мечтать человек. С этими словами он умер.

Между тем появился Прокулей, посланный Октавианом, которому стало известно от Деркетей, одного из телохранителей Антония, о попытке последнего покончить с собой. Известие это будто бы произвело на Октавиана сильное впечатление. Он тотчас стал делиться со своими друзьями воспоминаниями об Антонии, об их прежней дружбе и союзе, равно как и о совместных ратных подвигах. Передают, что он даже прочитал своим друзьям письма Антония и свои ответы на них, чтобы показать, что сам он всегда был настроен миролюбиво, тогда как письма Антония были надменны и высокомерны. Прокулею же он дал поручение захватить Клеопатру по возможности живой. Большое значение он придавал также захвату ее драгоценностей, которые собирался продемонстрировать во время своего триумфа в Риме.

Прокулею пришлось вести переговоры с Клеопатрой, стоя снаружи у дверей. Царица снова просила, чтобы ее детям оставили власть над Египтом. С этой просьбой Прокулей вернулся к Октавиану, который отправил теперь к Клеопатре вместе с Прокулеем Корнелия Галла. Последний также пытался вступить с Клеопатрой в переговоры, стоя, как и Прокулей, перед запертой дверью гробницы. Однако Прокулей тем временем раздобыл лестницу и через то же самое окно, через которое втащили Антония, проник в гробницу. Он застал царицу врасплох, и поэтому ему удалось с помощью двух рабов схватить ее. Попытку Клеопатры заколоть себя кинжалом, который она носила на поясе, римлянин сумел вовремя предотвратить. Таким образом, царица попала в руки своих врагов, весьма заинтересованных в том, чтобы их пленница осталась

в живых ради предстоящего триумфального шествия в Риме.

Что же было дальше? Первой жертвой стал Антилла, сын Антония от второй жены Фульвии. Он был выдан своим наставником Феодотом и убит солдатами Октавиана. Дети Клеопатры были взяты под стражу, но с ними обращались вполне достойно, поскольку еще не была решена их дальнейшая судьба. Цезарион находился на пути к Красному морю, где он рассчитывал с помощью взятой им с собой значительной суммы денег найти корабль и отплыть в Индию. Если бы он это сделал! Но он послушался своего учителя Родона, убедившего его вернуться, поскольку Октавиан якобы собирался передать ему Египетское царство. Но тот и не помышлял об этом, и, когда Клеопатры уже не было в живых, он попросту распорядился убить юношу: ему не нужен был соперник ни в Египте, ни в Риме. Кстати, поведение Октавиана свидетельствует о том, что Цезарион был действительно родным сыном Цезаря.

Тем временем Клеопатра с позволения своих римских тюремщиков достойным образом похоронила Антония. Сама она была больна, ее грудь была воспалена из-за ран, которые она сама нанесла себе. Вдобавок началась лихорадка, которой она радовалась, поскольку могла, ссылаясь на нее, воздерживаться от пищи и таким образом спокойно дожидаться смерти. В ее окружении был врач по имени Олимп, советами которого она пользовалась. Олимп был свидетелем последних испытаний, выпавших на долю несчастной царицы, и даже написал об этом книгу, получившую широкую известность. Однако Октавиан заподозрил недоброе и угрожал Клеопатре расправиться с ее детьми; одновременно он делал все возможное, чтобы обеспечить ей надлежащий уход и питание. Через несколько дней Октавиан сам явился, чтобы переговорить с царицей. Этого визита она давно ждала. Похоже было на то, что она надеялась расположить к себе всемогущего римлянина.

Сцена свидания описана Плутархом, вероятно, по книге Олимпа. Клеопатра лежала на простом ложе в хитоне без всяких атрибутов царского достоинства. Когда Октавиан вошел, она бросилась к его ногам, волосы ее были растрепаны, лицо искажено перенесенными муками, голос дрожал, взор ее был безжизнен. По мнению очевид-

цев, т. е., по-видимому, все того же Олимпа, состояние ее тела было ничуть не лучше, чем состояние ее духа. Однако присущее ей очарование, ее зрелая красота исчезли не совсем, они все еще проявлялись в каждом ее движении. Октавиан предложил ей снова лечь и, усевшись рядом, повел с ней беседу, во время которой Клеопатра пыталась свалить всю вину на Антония. Когда Октавиан стал ей возражать, она перешла к просьбам и пыталась вызвать в императоре сострадание, делая вид, что цепляется за жизнь и боится смерти. Затем она передала Октавиану перечень своих драгоценностей и очень рассердилась, когда один из ее слуг, Селевк, стал утверждать, что она изъяла из списка и спрятала несколько очень ценных предметов. Клеопатра говорила, что она удержала эти вещи лишь для того, чтобы подарить их Октавии и Ливии. По ее поведению у Октавиана, должно быть, сложилось впечатление, что она действительно цепляется за жизнь; он заверил ее, что позаботится о ней, и решил, что ему удалось ее обмануть, тогда как в действительности он сам оказался обманут хитроумной царицей. Клеопатра же после того, как еще раз посетила гробницу, где хранилась урна с прахом Антония, решила покончить с собой. Она велела приготовить себе ванну и затем заняла место за обеденным столом. В это время пришел человек с полной корзиной смокв. После еды царица отослала Октавиану исписанную и запечатанную табличку. Затем она приказала всем присутствующим покинуть ее покои и, оставив при себе лишь двух служанок, велела запереть двери.

Распечатав ее послание, Октавиан прочитал в нем о желании Клеопатры быть погребенной рядом с Антонием. Тут он понял, что произошло. Он срочно отправил гонца к Клеопатре, чтобы предотвратить самое худшее. Но гонец прибыл слишком поздно. Царицу нашли мертвой на золотом ложе в полном царском облачении. Из ее служанок одна, Ирада, лежала, умирая у ее ног, другая, Хармион, приводила в порядок диадему на голове мертвой царицы. Она вскоре также умерла. Это произошло 12 августа 30 г. до н. э.¹⁸, одиннадцать дней спустя после взятия Октавианом Александрии.

Вероятнее всего, что в корзине со смоквами была спрятана одна из ядовитых змей, чей укус был абсолютно смертелен. Клеопатра, видимо, сначала ничего об этом не знала, но когда она вынула несколько смокв, она про-

молвила: «Так вот ты где!» — и протянула змее свою руку для укуса. По другой версии, змея была спрятана в сосуде для воды; Клеопатра растревожила ее золотым веретеном, отчего змея выскочила и ужалила царицу в руку. Удивительно, однако, что в комнате, где умерла царица, не было найдено никакой змеи. Но рассказывали, что на ее руке было обнаружено два маленьких укула. Смерть Клеопатры от укуса змеи была версией, которую принял и Октавиан. Впрочем, он позаботился о том, чтобы устроить ей подобающие похороны в полном соответствии с ее волей: она нашла вечный покой рядом со своим супругом Антонием. Клеопатре было тогда 39 лет, а царствовала она в общем 22 года. С Антонием она делила власть в течение 12 лет. Ему, когда он умер, было 56 лет; согласно некоторым другим источникам, ему было всего 53 года.

Таков был конец одной из самых удивительных женщин во всей древней истории. Память о ней жила еще очень долго, однако позднейшая римская традиция не переставала оскорблять ее, называя «царственной шлюхой». Это не соответствовало истине; она была царицей и женщиной и в качестве таковой совершенно осознанно пользовалась своим умом и телом, когда игра шла по самой высокой ставке. Она в одинаковой степени очаровала диктатора Цезаря и Антония, но перед Октавианом ее искусство оказалось бессильным, он вынес ей смертный приговор еще до того, как удостоил ее последней аудиенции. Рим объявил ей войну, и не в интересах Октавиана было шадить врага своего народа.

С полным правом упрекали царицу в том, что она слишком мало внимания уделяла вопросам управления Египтом. Действительно, когда страна перешла во владение Октавиана, она находилась в жалком состоянии. Своими эдиктами¹⁹ Клеопатра пыталась провести ряд решительных мер, но длительного успеха они, в общем, не имели. Однако во всем этом виновата была не она одна. Римляне своими действиями начиная с 55 г. также значительно содействовали упадку страны. Тем не менее Египет все еще обладал чрезвычайно богатыми ресурсами, и без этой опоры Антонию едва ли было бы по силам вести войну с парфянами. В натянутых отношениях находилась царица с иудеями, причем не только с иудеями Александрии. Как утверждает ее заклятый враг Флавий Иосиф, ца-

рица заявила, когда египетская столица попала в руки Октавиана, что спасение теперь возможно лишь в том случае, если она собственноручно перебьет всех иудеев. Об этом можно еще и сейчас прочитать в полемическом сочинении Флавия Иосифа против Апиона [II, 60]. Само собой разумеется, что иудейская традиция никогда не делала тайны из своей неприязни к Клеопатре. Поэтому факты, приведенные Иосифом, не следует воспринимать без должной критики, как исторически достоверные.

По своей образованности Клеопатра вполне могла соперничать с Антонием. Она подобно шведской королеве Кристине находила удовольствие в беседах с филологами и философами. В ее окружении был даже музыкант-виртуоз по имени Тигеллий. Однако наука вовсе не была ее стихией; она была царицей до мозга костей и знала, что такое власть. Мы, пожалуй, не ошибемся, предположив, что она оказала значительное влияние на планы Цезаря и Антония. Если Цезарь действительно стремился к царской власти эллинистического типа — мнения на этот счет расходятся, — то за этими планами, несомненно, стояла Клеопатра, равно как и подражание Антония Александру трудно себе представить без ее воздействия. Она мечтала о новом, неслыханном подъеме Птолемеевской державы, и провозглашение ее в Александрии «царицей царей» имело чисто политическую подоплеку, во всяком случае в ее представлении, которое, однако, несколько не согласовалось с действительностью. Идеальное и действительное вообще играли в ее жизни противоположную роль. Она хотела слишком многого, а кроме того, она совершила одну роковую ошибку: она недооценила силы римлян, а в конечном счете недооценила также и Октавиана, который, опираясь на верных друзей, сумел планомерно ввести эти силы в действие. История обязана Октавиану тем, что следующие столетия прошли уже под знаком римского господства, а не эллинизма.

Заключение

Эллинистическая история, отраженная здесь в жизнеописаниях одиннадцати царей и двух цариц, представляла широкое поле деятельности для личных и государственных инициатив, которые решающим образом определяли участь отдельных людей, целых народов и держав. Со смертью Александра Великого судьбы прежней его империи стали направлять диадохи. Они создали отдельные территориальные государства и превратили их в прочные монархии. До вмешательства римлян (впервые в 229 г. в Иллирии) древним миром правили эллинистические цари. Лишь после поражения Карфагена (в битве при Заме, 202 г.) политическое руководство перешло к римлянам. Второе столетие до н. э. уже проходило под знаком их гегемонии; победы римских полководцев над Филиппом V и Антиохом III, равно как и аннексия Птолемеевской державы Октавианом, означают вехи становления римского мирового господства.

Птолемей I и Селевк I относятся к числу диадохов — основателей эллинистических государств. Их дела пережили столетия. Это прежде всего их заслуга, если греческая цивилизация пустила глубокие корни в Египте и Передней Азии. И именно они заложили основы эллинистической системы управления. Иначе обстоит дело с Деметрием Полиоркетом и Пирром. Оба не оставили после себя ничего долговечного. Эпир после смерти Пирра потерял всякое значение, а державу Деметрия поделили его враги — лишь несколько опорных пунктов в Греции остались за его сыном и наследником Антигоном Гонатом.

Деятельность Антигона Гоната знаменует вершину развития эллинистического мира. Время его правления (276—239 гг.), равно как и время Птолемея II (285—246 гг.), является замечательным примером, иллюстрирующим возможности политического и экономического развития, характерные для зрелого эллинизма. С ростом поли-

тического могущества связан был, в особенности в Александрии, подъем научных исследований, который не имеет аналогов по крайней мере в древности. Слава александрийского Музея жила на протяжении столетий вплоть до времени Римской империи. С поколением Антиоха III, Филиппа V и спартанского царя Клеомена III на сцену появляется новая плеяда властителей. Удача сопутствовала им меньше, чем их предшественникам. Антиох III и Филипп V скрестили оружие с римлянами, но оба потерпели поражение, ибо они вступили в борьбу в одиночку, без сильных союзников. Что же касается Клеомена III, то он погиб из-за своего стремления к недостижимым целям. Счастливее, чем они все, был пергамский царь Эвмен II. В качестве верного союзника римлян он сумел значительно расширить свое государство и украсить его столицу роскошными постройками.

Совершенно особняком стоит фигура понтийского царя Митридата VI Евпатора. Он был грозным врагом римлян, с его именем навсегда связана страшная Эфесская вечерня 88 г. до н. э. Однако, несмотря ни на что, он был выдающимся правителем, заставившим римлян затратить для борьбы с ним колоссальные усилия.

История эллинистических государств завершается фигурой птолемеевской царицы Клеопатры VII, возлюбленной Цезаря и супруги триумвира Марка Антония. Державе своих предков она придала еще раз большое политическое значение. Однако поражение при Акциуме (2 сентября 31 г. до н. э.) вовлекло ее в крушение, постигшее Антония. Она не захотела пережить своей неудачи и потому покончила с собой 12 августа 30 г. до н. э.

При всем различии характеров, при всем своеобразии дарований историческое значение обрисованных нами эллинистических правителей едва ли можно переоценить. В эпоху, имевшую всемирно-историческое значение, они направляли судьбы государств в Македонии, Передней Азии и Египте; они открыли путь новым идеям и методам в политической и экономической областях, которые были восприняты римлянами и доведены ими до совершенства.

Списки царей *

Династия Птолемеев

	Годы правления	
Птолемей I Сотер	—283	
Птолемей II Филадельф	285—246	
Птолемей III Эвергет I	246—221	
Птолемей IV Филопатор	221—204	
Птолемей V Эпифан	204—180	
Птолемей VI Филометор	180—145	
Птолемей VII Новый Филопатор	145—144	
Птолемей VIII Эвергет II (Фискон)	145—116	
Птолемей IX Сотер II	116—107 и 88—80	
Птолемей X Александр I	107—88	
Птолемей XI Александр II	80	
Птолемей XII Новый Дионис (Авлет)	80—51	
Птолемей XIII	}	51—48
Клеопатра VII		
Птолемей XIV	}	47—44
Клеопатра VII		
Клеопатра VII	}	—30
Цезарион		

Династия Селевкидов

	Годы правления
Селевк I Никатор	312—281
Антиох I Сотер	281—261
Антиох II Теос	261—246
Селевк II Каллиник	246—225
Селевк III Сотер	225—223
Антиох III Великий	223—187

* Хронология эллинизма установлена не во всех деталях; этим объясняются отличия в ряде случаев датировок Г. Бенгтсона от тех, которые приводятся в известном пособии Э. Бикермана («Хронология древнего мира». Пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. М., 1976). Мы не сочли себя вправе вносить изменения в авторский текст.— *Примеч. пер.*

	Годы правления	
Селевк IV Филопатор	187—175	
Антиох IV Эпифан	175—164 (?)	
Антиох V Евпатор	164(?)—162	
Деметрий I Сотер	162—150	
Александр Балас	150—145	
Деметрий II Никатор	145—140 и 129—125	
Антиох VI Эпифан	145—142/141	
Антиох VII Сидет	139/138—129	
Клеопатра Тея	}	125—121
Антиох VIII Грип		
Селевк V		125
Антиох VIII Грип		121—96
Антиох IX Кизикский		115—95
Селевк VI Эпифан Никатор		96—95
Антиох X Эвсеб Филопатор		95—83
Деметрий III Эвкер		95—88
Антиох XI Филадельф		94
Филипп I Филадельф		94—83
Антиох XII Дионис		87—84
Антиох XIII Азиатский		69—64
Филипп II		65—64

Примечание. С 83 до 69 г. Сирия была провинцией армянской державы Тиграна I.

Династия Антигонидов

	Годы правления
Антигон Одноглазый	—301
Деметрий Полиоркет	306—283
(царь Македонии)	294—287)
Антигон Гонат	283—239
(царь Македонии)	276—239)
Деметрий II, царь Македонии	239—229
Антигон Досон	229—222/221
Филипп V	222/221—179
Персей	179—168

Династия Пергамских Атталидов *

	Годы правления
Филетер	283—263
Эвмен I	263—241
Аттал I Сотер	241—197
Эвмен II Сотер	197—159
Аттал II	159—139/138
Аттал III	139/138—133

* Оба первых Атталида еще не носили царского титула.

Хронологическая таблица

Годы до н. э.

323, 10 июня	— Смерть Александра в Вавилоне
323, лето	— Принятие в Вавилоне новых решений; перераспределение сатрапий, произведенное под руководством Пердикки
321	— Пердикка убит во время Египетского похода. Гибель Кратера в Малой Азии. Упорядочение государственного управления в Трипарадисе: Антипатр — «имперский регент», Антигон Одноглазый — стратег Азии
317	— Афины переходят на сторону Кассандра
317—307	— Деметрий Фалерский — уполномоченный Кассандра в Афинах
315—311	— Первая совместная война диадохов (Кассандра, Лисимаха, Птолемея и Селевка) против Антигона
312	— Битва при Газе: сын Антигона Деметрий разбит Птолемеем. Возвращение Селевка в Вавилонию
311	— Заключение мира (без Селевка)
307	— Деметрий Полиоркет завоевывает Афины
307—304	— «Четырехлетняя война» в Элладе; успехи Кассандра
306	— Победа Деметрия над Птолемеем в морском сражении у Саламина (на Кипре). Антигон и Деметрий принимают царские титулы
305	— Принятие царских титулов Птолемеем, Кассандром, Лисимахом, Селевком
305/304	— Осада Деметрием Родоса
302, весна	— Воссоздание Панэллинского союза в Коринфе; Антигон и Деметрий — гегемоны союза
301, лето	— Битва при Ипсе; смерть Антигона Одноглазого
299/298	— Свадьба в Росссе: Селевк женится на Стратонике, дочери Деметрия Полиоркета
298 (?)	— Смерть Кассандра
294, весна	— Деметрий Полиоркет захватывает Афины, отпавшие от него в 301 г., и становится царем Македонии (294—287)

Годы до н. э.

292	—	Деметрий подчиняет Беотию
287	—	Раздел Пирром и Лисимахом Македонии; (летом): освобождение Олимпидором Афин. Поход Деметрия в Малую Азию.
286	—	Деметрий попадает в плен к Селевку I;
285	—	Птолемей I назначает своего сына Птолемея II своим соправителем
283	—	Смерть Деметрия и Птолемея I. Лисимах велит казнить своего сына Агафокла
281	—	Битва при Курупедионе; смерть Лисимаха
281, конец лета	—	Убийство Селевка I Птолемеем Керанном
280, начало	—	Пирр высаживается в Италию
280, лето	—	Пирр побеждает римлян при Гераклеена-Сирисе
280—279	—	Борьба между Птолемеем II и Антиохом I; война за сирийское наследство
279	—	Битва при Аускуле. Вторжение кельтов в Македонию и Грецию. Смерть Птолемея Керавна
278	—	Высадка Пирра в Сицилии (в Тавромении)
277	—	Победа Антигона Гоната над кельтами при Лисимахии
276	—	Антигон Гонат, царь македонян (правил до 239 г.)
275	—	Битва при Малевенте (позднее переименован в Беневент). Пирр возвращается в Эпир
274—271	—	1-я Сирийская война: Птолемей II против Антиоха I
272	—	Смерть Пирра в Аргосе
267—261 (?)	—	Хремонидова война (Птолемей II, Аррей Спартанский и Афины против Антигона Гоната)
263/262	—	Афины капитулируют и получают македонский гарнизон (остается до 229 г.). Смерть Зенона из Кития
около 260	—	Создание государства во главе с Ариаратом в Большой Каппадокии
260—253	—	2-я Сирийская война (Птолемей II против Антиоха II и Антигона Гоната)
255	—	Сепаратный мир между Птолемеем II и Антигоном Гонатом
253	—	Мир между государствами Птолемеев и Селевкидов
253/252 (?)	—	Отпадение вице-короля Александра от Антигона Гоната
251	—	Освобождение Аратом Сикиона

Годы до н. э.

247, весна	— Начало («эпоха») парфянской эры
246—241	— 3-я Сирийская, или Лаодикова, война (Птолемей III против Селевка II)
243	— Взятие Аратом Акрокоринфа
242—228/227	— Антиох Гиеракс в Малой Азии
241	— Смерть спартанского царя-реформатора Агиса IV
239	— Смерть Антигона Гоната
229—228	— 1-я Иллирийская война — Рим против Тевты
прибл. 228/227—
— 223	— Временное распространение власти Аттала I на всю селевкидскую Малую Азию по эту сторону Тавра. Апогей этолийского могущества в Греции
227	— Морская экспедиция Антигона Досона в Карию. Клеомен III совершает в Спарте государственный переворот
224	— Антигон Досон основывает Эллинский союз
223	— Вступление на трон в государстве Селевкидов Антиоха III (правил до 187 г.)
222, лето	— Битва при Селласии
222/221	— Филипп V, царь македонян (правил до 179 г.)
221—217	— 4-я Сирийская война (Антиох III против Птолемея IV Филопатора)
220—217	— Союзническая война в Элладе
220	— Подавление Антиохом III мятежа Мелона
219	— Взятие Антиохом III Селевкии в Понтии. 2-я Иллирийская война римлян
217	— Битва при Рафии
215	— Союз между Ганнибалом и Филиппом V
215—205	— 1-я Македонская война
213	— Пленение, а затем казнь Ахея в Сардах
212—206	— Борьба этолийцев против Филиппа V
212—205/204	— «Анабасис» Антиоха III на восток
205	— Заключение мира в Финикие (в Эпире)
204	— Смерть Птолемея IV Филопатора
203/202, зима	— Заключение тайного договора между Филиппом V и Антиохом III о разделе державы Птолемея
201	— Вторжение Антиоха III в Южную Сирию (5-я Сирийская война). Морское сражение у Хиоса (Филипп V против Аттала I, родосцев, Византия и Кизика)
200—197	— 2-я Македонская война римлян
197	— Битва при Киноскефалах
196	— Провозглашение «свободы» Греции Т. Квинкцием Фламинином. Поход Антиоха III в Европу; строительство Лисимахии

Годы до н. э.	
195 (?)	— Заключение мира между Антиохом III и Птолемеем V Эпифаном
195, лето	— Ганнибал у Антиоха III в Эфесе
192—188	— Война римлян против Антиоха III
190, конец	
или 189, начало	— Битва при Магнесии (у горы Сипила)
188	— Апамейский мир
187	— Гибель Антиоха III (близ Суз)
179	— Смерть Филиппа V. Персей, царь македонян (правил до 168 г.)
171—168	— Война римлян против Персея
168 (22 июня)	— Битва при Пидне
со 166	— Восстание под руководством Маккавеев
146	— Ахейская война. Разрушение Коринфа
133	— Смерть Аттала III Пергамского, который по завещанию назначил Рим своим наследником
132—129	— Восстание Аристоника в Западной Малой Азии
111	— Митридат VI Евпатор, царь Понта (правил до 63 г.)
117 (или 116)	— Открытие прямого морского пути из Египта в Индию с помощью муссонов
89—85	— 1-я Митридатова война
88	— Эфесская вечерня, избиение 80 000 ита- ликов
86	— Победы Суллы при Херонее и Орхоме- не над полководцем Митридата VI Ар- хелаем. Захват Суллою Афин
85	— Дарданский мир
83—82	— 2-я Митридатова война
83—69	— Сирия (и Восточная Киликия) — про- винция армянской державы Тиграна I
80	— Птолемей XII Новый Дионис (прозван- ный «Авлетом»), царь Египта (правил до 51 г.)
74	— Никомед IV завещает Вифинию Риму
74—67	— 3-я Митридатова война, вследствие че- го тяжело пострадали греческие города Понтийского побережья
72—70	— Покорение Лукуллом припонтийских греческих городов
63	— Конец селевкидской династии в Сирии; учреждение Помпеем провинции Сирии. Смерть Митридата VI Евпатора
48	— Битва при Фарсале. Убийство Помпея в Египте
48/47	— Александрийская война Цезаря
42	— Битва при Филиппах
41	— Встреча Клеопатры VII в Тарсе с Ан- тонием

Годы до н. э.

37/36

36

34

31, 2 сентября

30, 1 августа

- Антоний дарит Клеопатре VII Халкидское царство (в Ливане).
- Неудачный Парфянский поход Антония
- «Александрийские дарения» Антония
- Битва при Акциуме
- Падение Александрии. Смерть Клеопатры (12 августа)

Словарь античных терминов *

- Агон** — борьба, состязание; агональный — относящийся к состязанию или соответствующий правилам бесхитростной борьбы.
- Азианский стиль** (азианизм) — в античном красноречии стиль, отличавшийся пышностью, вычурностью и многословием (в отличие от аттицизма, стремившегося прежде всего к точности и ясности выражения).
- Амфикифония** — в древней Греции союз племен или государств, связанных особенным почитанием какого-либо божества и защитю его традиционного святилища; наиболее известна Дельфийская амфикифония, объединявшая 12 государств на почве общего почитания Аполлона и защиты его святилища в Дельфах.
- Анабасис** — поход от моря в глубь страны (букв. «восхождение»).
- Аргираспиды** — род македонской гвардии (букв. «сереброщитные»).
- Архонт-эпоним** — в древних Афинах один из высших магистратов, дававший свое имя году.
- Асия** — неприкосновенность; также право убежища или самое убежище.
- Буле** — государственный совет.
- Гимнасий** — помещение для гимнастических и иных физических упражнений, а также для философских и политических бесед.
- Гипасписты** — в македонском войске вид средней пехоты (букв. «воины, вооруженные щитами»).
- Гипарх** — правитель области в эллинистическое время.
- Гиппарх** — начальник отряда конницы.
- Гоплиты** — тяжеловооруженные воины.
- Диаграмма** — письменное распоряжение, указ.
- Династ** — властитель, правитель (низшего разряда по сравнению с царями).
- Диоикет** — в эллинистическом Египте управляющий царским хозяйством.
- Евпатористы** — члены религиозного объединения, связанные почитанием — в качестве божества — Митридата VI Евпатора.
- Инкубация** — вид гадания, когда человек проводил ночь в храме в надежде увидеть вещей сон.

* В словарь включены отдельные, нуждающиеся в пояснении специальные термины. В большинстве своем они греческого происхождения, некоторые слова латинского (римского) происхождения специально оговорены. (Словарь составлен Э. Д. Фроловым).

- К е р ы — богини рока, олицетворение смерти.
- К л е р у х — общинник, владелец клера (небольшого земельного участка).
- К о м и ц и и (лат.) — в древнем Риме народное собрание.
- М а н и п у л (лат.) — в римской армии отряд воинов, одно из подразделений легиона.
- М е д и м н — мера сыпучих тел, равная 52,53 л.
- М и н а — весовая и условная денежная единица, равная 1/60 таланта, или 436 г.; как денежная единица мина равнялась 100 серебряным драхмам.
- М о й р ы — богини судьбы.
- Н а в а р х — командующий флотом.
- Н о б и л и (лат.) — в древнем Риме знатные люди, верхушка общества.
- О п и с т о д о м — внутренняя часть храма.
- П е д з е т е р ы — в македонском войске пешая гвардия.
- П е р и е к и — лично свободное (в отличие от рабов — илотов), но неполноправное население в древней Спарте.
- П е р и п а т е т и к и — ученики и последователи Аристотеля (от «перипатос» — прогулка, ибо Аристотель читал свои лекции перед учениками, прогуливаясь по аллеям афинского Ликей).
- П р о к с е н и я — вид общественного гостеприимства; проксен — официальный представитель полиса в другом городе-государстве.
- П р о п р е т о р ы (лат.) — бывшие преторы, продолжавшие служить наместниками в провинциях (преторы — в Риме вторые за консулами должностные лица, осуществлявшие судебную власть).
- П р о с к и н е с и с — падение ниц, поклонение.
- П р о с т а т — защитник, покровитель.
- П у б л и к а н ы (лат.) — в древнем Риме откупщики государственных доходов (главным образом налогов).
- С а р а п и й — храм Сараписа (Сераписа).
- С а р и с с а — длинное македонское копье.
- С е с т е р ц и й (лат.) — римская серебряная монета с первоначальным весом в 1,14 г.
- С и м м а х и я — военный союз.
- С и н к р е с и с — сопоставление, сравнение (в параллельных биографиях Плутарха).
- С т р а т е г — должность военного наместника в эллинистических монархиях.
- Т а л а н т — весовая и условная денежная единица (не монета!); аттический серебряный талант равнялся 60 минам, или 26,2 кг.
- Т а л а с с о к р а т и я — господство на море.
- Т е х н и т ы — ремесленники, мастера; дионисийские техниты — театральные мастера, актеры.
- Т р и е р а р х и я — в древних Афинах вид общественной повинности, состоявшей в снаряжении и содержании военного корабля — триеры.
- Т р о г л о д и т ы — буквально «пещерные жители», одно из примитивных африканских племен на западном побережье Красного моря к югу от Египта.
- Т ю х е — богиня случая, судьбы и счастья.

Фасции (лат.) — у римлян пучки прутьев с топорами в середине, специальные служители-ликторы несли их перед высшими магистратами как символ их власти.

Филэллин — любящий Грецию (Элладу).

Харисма — благодать; харизматический — дарованный богами.

Хилиарх — буквально «тысячник», начальник тысячного отряда; в эллинистическое время также визирь, первый министр.

Хитон — у греков вид верхней одежды, нечто вроде длинной рубашки без рукавов, поверх которой обычно надевался плащ.

Эфебы — буквально «возмужалые», обычное у греков обозначение юношей старшего возраста (16—18 лет).

Эфоры — в древней Спарте высшая правительственная коллегия, которой были подотчетны даже цари.

Список сокращений

- ВДИ — «Вестник древней истории». М.
 СА — «Советская археология». М.
 ABAW — «Abhandlungen der bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München».
 AJA — «American Journal of Archaeology». Boston.
 ANRW — «Aufstieg und Niedergang der römischen Welt». T. I—IV, B.—N. Y., 1972 —.
 BGU — «Ägyptische Urkunden aus den staatlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden». Bd I—, B., 1895 —.
 BM — British Museum.
 CAH — «The Cambridge Ancient History». Vol. I—XII, Cambridge, 1924—1939.
 ClPh — «Classical Philology», Chicago.
 Ditt. OGIS — W. Dittenberger. *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae*. Vol. I—II, Lpz., 1903—1905.
 Ditt. Syll.³ — W. Dittenberger. *Sylloge Inscriptionum Graecarum Editio III*, vol. I—IV. Lpz., 1915—1924.
 FgrHist — F. Jacoby. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. T. I—, B., 1923.
 GGA — «Göttingische Gelehrte Anzeigen».
 HZ — «Historische Zeitschrift». München.
 JRS — «Journal of Roman Studies». L.
 P. Amherst — B. P. Grenfell, A. S. Hunt. *The Amherst Papyri*. P. II, L., 1901.
 P. Cairo Zenon — C. C. Edgar. *Zenon Papyri*. Vol. I—V, Le Caire, 1925—1940.
 P. Columbia Zenon — W. L. Westermann, E. L. Hasenoeuhl, C. W. Keyes, H. Liebesny. *Zenon Papyri. Business Papers of the Third Century B. C. dealing with Palestine and Egypt*. Vol. I—III.
 Preisigke, SB — F. Preisigke, F. Bilabel, E. Kiessling. *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten*. Bd I—, Strassburg — Berlin — Heidelberg — Wiesbaden, 1915.
 RE — Pauly's *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, neue Bearbeitung. Stuttgart, 1894—.
 REG — «Revue des études grecques». P.
 RF — «Rivista di Filologia e di Istruzione Classica». Torino.

- RhM— «Rheinisches Museum für Philologie». Frankfurt am Main.
 SBAW Berl.— «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse».
 SBAW Münch.— «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München».
 WS— «Wiener Studien».

Список литературы античных авторов

- Аппиан. Гражданские войны. Л., 1935.
 Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
 Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
 Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Ч. 1—6. М., 1964.
 Павсаний. Описание Эллады. Т. I. М., 1938; Т. II. М.—Л., 1940.
 Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. М., 1890—1899.
 Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1—9. СПб., 1890—1894.
 См. также: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1—3. М., 1963.
 Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966.
 Страбон. География в 17-ти книгах. М., 1964.
 Тит Ливий. Римская история от основания города. Т. I—IV. М., 1892—1899.
 Флавий Иосиф. Иудейские древности. СПб., 1900.
 Цицерон Марк Туллий. Полное собрание речей. Т. I, СПб., 1901.
 Юстин. Эпитома сочинения Помпея Тропа «Historiae Philippi-sae».— ВДИ. 1954, № 2—4.
 Элиан. Пестрые рассказы. М.—Л., 1963.

Примечания

I

¹ J. Seibert. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. München, 1969, с. 118 и сл.

² Таково определение хронографических и документальных источников, в то время как литературные источники указывают 306 г., что, однако, лишено основания. Правильная дата стоит уже у Белоха (K. J. Beloch. Griechische Geschichte. 2. Aufl., Bd IV, Abt. 1, B.—Lpz., 1925, с. 156, примеч. 2).

II

¹ H. Berve. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd I. München, 1926, № 700 (Seleukos).

² Переданы у Юстина. «Эпитома Помпея Тропа», XV, 4, 1 и сл.

³ S. Smith. Babylonian Historical Texts relating to the Capture and Downfall of Babylon. L., 1924.

⁴ BM № 34660 и BM № 36313.

⁵ См. статью Б. Функа (B. Funck) в кн.: «Beiträge zu Geschichte, Kultur und Religion des Alten Orients». In memoriam Eckhard Unger. Baden-Baden, 1971, с. 217 и сл.

⁶ J. Köhler, A. Ungnad. Hundert ausgewählte Rechtsurkunden. 1911, с. 61. Документ происходит из Урука.

⁷ Plutarch. Leb d. Demetr., 18.

⁸ E. Meyer. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. B., 1925, с. 21.

⁹ Фрагменты у Якоби (F. Jacoby), FgrHist 472. Когда жил этот Агафокл, остается спорным, но, пожалуй, его можно отнести к III в. до н. э. — во всяком случае, едва ли к более раннему времени, хотя так именно и считает Эд. Шварц (Ed. Schwartz. Agathokles). — RE. Bd. I, 1894, стб. 759.

¹⁰ A. Rehm. Das Delphinion in Milet. («Milet», Bd I, H. 3). B., 1914, с. 262.

¹¹ Ditt. OGIS, I, № 10, а для толкования см. также: J. Seibert. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. (Historia-Einzelschriften. H. 10). Wiesbaden, 1967, с. 49—50.

¹² H. Bengtson. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd II. München, 1944, с. 80.

¹³ Plut. Demetr., 38; App. Syr., 59—60 и др.

¹⁴ E. Rohde. Der griechische Roman und seine Vorläufer. 3. Aufl., Lpz., 1914, с. 55—56.

¹⁵ Эрасистрат родился между 310 и 300 гг. до н. э. См.: Wellmann. Erasistratos.— RE. Bd VI, 1907, стб. 333.

¹⁶ Memnon, 12, 2 (у Якоби, FgrHist 434).

¹⁷ H. Heinen. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Wiesbaden, 1972, с. 27.

¹⁸ Надгробная надпись вифинца Менаса. Ср.: H. Heinen. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte..., с. 28 и 36.

¹⁹ Curt. Ruf. Hist. Alex., XXXVIII, 7, 1; XVII, 2, 2.

III

¹ Он напечатан в книге: J. Burckhardt. Kulturgeschichtliche Vorträge. Hrsg. von R. Marx. Stuttgart, 1959, с. 343—372.

² B. Niese. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. T. I. Gotha, 1893, с. 329.

³ См.: H. H. Schmitt. Rom und Rhodos. München, 1957, с. 1 и сл.

⁴ О нем см. также: V. Ehrenberg. Polis und Imperium. Zürich-Stuttgart, 1965, с. 503 и сл.

⁵ J. Burckhardt. Kulturgeschichtliche Vorträge, с. 347.

IV

¹ Ditt. Syll.³, I, № 392.

V

¹ Согласно X. Хейнену (H. Heinen. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte..., с. 7 и сл), убийцей был не Птолемей Керавн, а Птолемей, старший сын Лисимаха и Арсинои II. Надо согласиться, что в пользу этого мнения можно привести некоторые основания.

² H. W. Ritter. Diadem und Königsherrschaft («Vestigia», Bd 7). München, 1965, с. 114 и сл.

³ H. v. Prott.— RhM. Bd 53, 1898, с. 460 и сл.

⁴ P. Cairo Zenon, № 59247, 2, от 252 г. до н. э. По этому поводу ср. также: H. Kortenbeutel. Der ägyptische Süd- und Osthandel in der Politik der Ptolemäer und der römischen Kaiser. Diss. Berlin, 1931, с. 19 и сл.

⁵ H. Heinen. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte... с. 209.

⁶ H. Bengtson. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson.— SBAW Münch., 1971, H. 3, с. 12.

⁷ W. Otto. Beiträge zur Seleukidengeschichte des 3. Jh. v. Chr. (ABAW, 34, 1). München, 1928, с. 43 и сл. (на основе папируса из архива Зенона в Британском музее). Иного мнения держится Скит (T. C. Skeat) в комментарии к P. London Zenon, № 1973.

⁸ Ее не надо смешивать с Береникой, дочерью Птолемея II.

⁹ Hieronymus. In Daniele, XI, 5=FgrHist 260, 42 (Порфирий).

¹⁰ См., к примеру, P. Columbia Zenon, 54.

¹¹ P. Amherst, p. II, 33.

¹² См.: W. Peremans. Bibliothek en bibliothecarissen te Alexandrië. In: «*Scrinium Lovaniense*». Mélanges historiques Etienne van Cauwenbergh. Louvain, 1961, с. 79 и сл.

VI

¹ Прозвище «Гонат» неясно. Согласно Порфирию (FgrHist 260, 3, § 12), имя происходит от фессалийского городка Гонны (Gonnoi), однако это объяснение нельзя признать удовлетворительным.

² W. W. Tarn. Antigonos Gonatas. Oxf., 1913 (перепеч.—1969).

³ K. v. Fritz. Menedemos.—RE. Bd XV, 1931, стб. 789.

⁴ W. W. Tarn. Antigonos Gonatas, с. 26.

⁵ См.: H. Heinen. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte..., с. 85, где это морское сражение локализуется вблизи полуострова Галлиполи.

⁶ Для датировки см.: J. Seibert. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden. 1967, с. 33—34.

⁷ H. Heinen. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte..., с. 180—181.

⁸ Diog. Laert., IV, 6, 39, а для истолкования — W. Otto.—GGA, 1914, с. 653, примеч. 4.

⁹ W. W. Tarn. Antigonos Gonatas, с. 405.

¹⁰ Там же, с. 236, примеч. 47.

¹¹ Там же, с. 247.

¹² Plutarch. Moralia, p. 390 e.

VII

¹ См.: J. Kromayer. Antike Schlachtfelder. Bd I. B., 1903, с. 210 и сл.; противоположных взглядов придерживается Г. Ролов: G. Roloff. Probleme aus der griechischen Kriegsgeschichte. B., 1903,—где не все, однако, кажется убедительным; см. контрвозражения Кромайера: J. Kromayer.—WS. Bd 27, 1905, с. 2 и сл. Относительно ряда топографических проблем см.: W. K. Pritchett. Studies in Ancient Greek Topography. Vol. I, с. 58 и сл.

² См. эскиз местности у Ролова (см. Roloff. Probleme..., с. 80 и сл.).

VIII

¹ H. H. Schmitt. Untersuchungen zur Geschichte Antionchos'd Gr. und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964.

² Положительное в общем суждение высказывает о Гермии В. Отто (W. Otto. Hermeias.—RE. Bd VIII, 1912, стб. 726 и сл., в особенности стб. 730), несколько менее благоприятно судит о нем Х. Шмитт (H. H. Schmitt. Untersuchungen..., с. 156 и сл.).

³ Об этом прозвище Александра см.: F. Pfister. Historia. Bd 13, 1964, с. 48 и сл.

⁴ H. H. Schmitt. Untersuchungen..., с. 95.

IX

- ¹ Polyb., V, 94, 5; 95, 10.
- ² На самом деле об этом не может быть и речи, поскольку род Александра Великого угас со смертью его сына в 309 г.
- ³ F. W. Walbank. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940, с. 72—73.
- ⁴ B. Niese. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... T. II. Gotha, 1899, с. 465, примеч. 5.
- ⁵ K. J. Beloch. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd IV. Abt. 2. B.—Lpz., 1927, с. 140; ср.: K. Ziegler.—RE. Bd XXI, 1952, стб. 1726.
- ⁶ Первая публикация — G. Klaffenbach.—SBAW Berl. 1954, № 1; см. также: H. H. Schmitt. Die Staatsverträge des Altertums. Bd III. München, 1969, № 536.
- ⁷ Polyb., X, 26.
- ⁸ F. W. Walbank. Philip V of Macedon, с. 104.
- ⁹ H. Bengtson. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson.—SBAW Münch. 1971, H. 3.
- ¹⁰ Афиняне поссорились с акарнанами, и двоих из них за недозволенное участие в Элевсинских мистериях присудили к смерти. Тогда акарнаны обратились за помощью к царю Филиппу.
- ¹¹ Polyb., XVI, 34, 5—7.
- ¹² Polyb., XVIII, 1, 6.
- ¹³ B. Niese. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... T. II, с. 631 и сл.
- ¹⁴ K. W. Welwei. Könige und Königtum im Urteil des Polybios. Diss. Köln, 1963, с. 51.
- ¹⁵ Th. Mommsen. Römische Geschichte. Bd I. Lpz., 1854, с. 694—695.

X

- ¹ U. Wilcken. Attalos (9).—RE, Bd II, 1896, стб. 2167.
- ² Chr. Callmer. Opuscula Archaeologica. Vol. III, 1944, с. 148 и сл.
- ³ H. v. Fritze. Die Münzen von Pergamon. B., 1910, с. 26, табл. 2, 14.
- ⁴ Надпись, изданная M. Cerre (RF. Vol. 60, 1932, с. 446 и сл.), датируется ноябрем—декабрем 184 г. до н. э.
- ⁵ Ditt. OGIS, I, № 302; см. также: W. S. Ferguson. The Premature Deification of Eumenes II.—ClPh. Vol. I, 1906, с. 231—234.
- ⁶ B. Niese. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd III. Gotha, 1903, с. 109, примеч. 6.
- ⁷ Впрочем, уже в 165 г. галаты были объявлены свободными.

XI

- ¹ Правильная форма имени, согласно документальным данным,—Митрадат (Mithradates), хотя античные историки предпочитают другую форму — Митридат (Mithridates). (Автор пользуется первой формой, но мы при переводе избрали вторую, как более принятую в русской исторической литературе.—Примеч. пер.)

² Ариобарзан получил трон посредством выборов, вероятно, в 95 г.; он дважды затем изгонялся и столько же раз возвращался римлянами назад.

³ Так считает — и совершенно справедливо — Ф. Гейер (RE. Bd XV, 1932, стб. 2201); иного мнения держится Т. Рейнак.

⁴ H. Bengtson. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd II. München, 1944 (перепеч. — 1964), с. 262 и сл.

⁵ Эти 57 лет отсчитываются от смерти отца Митридата.

XII

¹ BGU. VIII, № 1730.

² BGU. VIII, № 1764 и № 1763, а также: W. Otto. — HZ, 1934, с. 542.

³ BGU. VIII, № 1812.

⁴ H. Heinen. Rom und Ägypten von 51 bis 47 v. Chr. Diss. Tübingen, 1966, с. 29.

⁵ BGU. VIII, № 1730.

⁶ Malalas, IX, 279; см. также: H. Heinen. Rom und Ägypten..., с. 33.

⁷ J. Carcopino. Passion et politique chez les Césars. P., 1958, с. 19 и сл.

⁸ Lucan. De bello civili. X, 85 и сл.

⁹ E. Kornemann. Grosse Frauen des Altertums. 3. Aufl., Wiesbaden, 1947, с. 140.

¹⁰ См. по этому поводу, в частности: H. Heinen. Rom und Ägypten..., с. 110 и сл.

¹¹ Но не вся библиотека.

¹² А не «царям»! Правильное чтение предложил Хуллеман: *halieûsin* (вместо рукописного *basileûsin*). Ср.: Плутарх. Жизнеописание Антония 29, 7.

¹³ «Hermes». Bd 95, 1967, с. 469 и сл.

¹⁴ Euseb. Chron., I, 170 ed. Schoene (армянская версия — 79 ed. Karst).

¹⁵ Joseph. Bell. Iud., I, 360 и сл.; Ant. Iud., XV, 75 и сл., и др.

¹⁶ См. по этому поводу: H. Bengtson. Zum Partherfeldzug des Antonius. — SBAW Münch. 1974, H. 1.

¹⁷ RE. Bd XI, 1921, стб. 764 и сл.

¹⁸ T. C. Skeat. — JRS. Vol. 43, 1953, с. 98 и сл.

¹⁹ Ср. последний указ Лагидов от 41 г. до н. э. — Preisigke, SB, № 7337.

Библиография *

- Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869.
- Дройзен И. Г. История эллинизма. Пер. с франц. М. Шелгунова. Т. I—III. М., 1890—1893.
- Зельин К. К. Основные черты эллинизма.— ВДИ. 1953, № 4.
- Зельин К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма.— СА, Т. XXII, 1955.
- Кошелев Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кравчук А. Закат Птолемеев. Пер. с польск. Д. С. Гальпериной. М., 1973.
- Ломоури Н. К истории Понтийского царства. Ч. I. Тбилиси, 1979.
- Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий. В кн.: Полибий. Всеобщая история. Т. I. М., 1890.
- Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.
- Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.— Л., 1950.
- Тарн В. В. Эллинистическая цивилизация. Пер. с англ. С. А. Ляковского. М., 1949.
- Becher I. Das Bild der Kleopatra in der griechischen und lateinischen Literatur. B., 1966.
- Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2 Aufl., Bd I—IV. B.—Lpz., 1924—1931.
- Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd I—III.—«Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte», H. 26, 32, 36, 1937—1952.
- Bengtson H. Griechische Geschichte. 4. Aufl., München, 1969.
- Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson.— SBAW Münch. 1971, H. 3.
- Bengtson H. Zum Partherfeldzug des Antonius.— SBAW Münch. 1974, H. 1.
- Bengtson H. Kleomenes III, ein spartanischer König in Exil.—«Geschichte in der Gesellschaft». Festschrift für Karl Bosl. Stuttgart, 1974.
- Bengtson H. Marcus Antonius. Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977.
- Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd I—II, München, 1926.
- Bevan E. R. The House of Seleucus. Vol. I—II, L., 1902.
- Bevan E. R. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. L., 1927.

* Список составлен на основании указаний автора, но расширен переводчиком, в частности, за счет включения литературы на русском языке.

- Bickerman E. *Institutions des Séleucides*. P., 1938.
- Bouché-Leclercq A. *Histoire des Lagides*. T. I—IV. P., 1903—1907.
- Bouché-Leclercq A. *Histoire des Séleucides*. T. I—II, P., 1913—1914.
- Briant P. *Antigone le Borgne: les debuts de la carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne*. («*Annales littéraires de l'Université de Besançon*, 152. Centre de recherches d'histoire ancienne», vol. 10). P., 1973.
- Carcopino J. *Passion et politique chez les Césars*. P., 1958.
- Cary M. A *History of the Greek World from 323 to 146 B. C. L.*, 1932.
- Droysen J. G. *Geschichte des Hellenismus*. 2. Aufl., T. I—III. Gotha, 1877—1878.
- Ehrenberg V. *Polis und Imperium*. Zürich — Stuttgart, 1965.
- Eikeles G. *Demetrios der Städtebelagerer*. Diss. Breslau, 1941.
- Fellmann W. *Antigonos Gonatas, König der Makedonen und griechischen Staaten*. Würzburg, 1930.
- Ferguson W. S. *The Premature Deification of Eumenes II.* — CIPh. Vol. I. 1906.
- Franke P. R. *Alt-Epirus und das Königtum der Molosser*. Diss. Erlangen, 1955.
- Fritze H. v. *Die Münzen von Pergamon*. B., 1910.
- Geyer F. *Mithridates VI. Eupator.* — RE. Bd XV, 1932.
- Geyer F. *Philippos V.* — RE. Bd XIX, 1938.
- Hansen E. V. *The Attalids of Pergamon*. («*Cornell Studies in Classical Philology*», vol. XXIX). N. Y., 1947 (2nd ed., 1971).
- Heinen H. *Rom und Ägypten von 51 bis 47 v. Chr. Untersuchungen zur Regierungszeit der 7. Kleopatra und des 13. Ptolemäers*. Diss. Tübingen, 1966.
- Heinen H. *Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Zur Geschichte des Ptolemaios Keraunos und zum Chremonideischen Krieg*. Wiesbaden, 1972.
- Holleaux M. *Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle avant J. C. P.*, 1921.
- Kaerst J. *Antigonos Monophthalmos.* — RE. Bd I, 1894.
- Kaerst J. *Antigonos Gonatas.* — RE. Bd I, 1894.
- Kaerst J. *Demetrios Poliorketes.* — RE. Bd IV, 1901.
- Kaerst J. *Geschichte des Hellenismus*. 2—3 Aufl., T. I—II, Lpz.—B., 1926—1927 (T. 1, 3. Aufl., 1927; T. II, 2. Aufl., 1926).
- Kähler H. *Der Grosse Fries von Pergamon*. B., 1948.
- Kienast D. *Pyrrhos.* — RE. Bd XXIV, 1963.
- Kornemann E. *Grosse Frauen des Altertums*. 3. Aufl., Wiesbaden, 1947.
- Kortenbeutel H. *Der ägyptische Süd- und Osthandel in der Politik der Ptolemäer und der römischen Kaiser*. Diss. B., 1931.
- Lenschau Th. *Kleomenes III.* — RE, Bd XI, 1922.
- Lévy P. *Pyrrhos*. P., 1957.
- Longega G. *Arsinoe II.* Roma, 1968.
- Manni E. *Demetrio Poliorkete*. Roma, 1952.
- Meloni P. *Perseo e la fine della monarchia macedone*. Roma, 1953.
- Meyer E. D. *Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien*. («*Kunst und Altertum*», Bd V). B., 1925.
- Mommsen Th. *Römische Geschichte*, Bd I—III, V. Lpz.—B., 1854—1885.

- Nenci G. Pirro. Aspirazioni egemoniche ed equilibrio mediterraneo. Torino, 1953.
- Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. T. I—III, Gotha, 1893—1903.
- Otto W. Beiträge zur Seleukidengeschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr.—ABAW, 34, 1. München, 1928.
- Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches.—ABAW. Neue Folge, 17. München, 1938.
- Peremans W. Bibliothek en bibliothecarissen te Alexandrië.—«Scriinium Lovaniense». Mélanges historiques Etienne van Cauwenbergh. Louvain, 1961.
- Reinach Th. Mithridate Eupator, roi du Pont. P., 1890 (немецкий перевод А. Герца — «Mithradates Eupator, König von Pontos». Lpz., 1895).
- Ritter H. W. Diadem und Königsherrschaft.— («Vestigia». Bd VII). München, 1965.
- Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I—III, Ox., 1941 (немецкий перевод Г. и Э. Байер — «Gesellschafts- und Wirtschaftsgeschichte der hellenistischen Welt». Bd I—III. Stuttgart, 1955—1956).
- Schmitt H. H. Rom und Rhodos. München, 1957.
- Schmitt H. H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit.— «Historia-Einzelschriften», H. 6. Wiesbaden, 1964.
- Schober A. Die Kunst von Pergamon. Wien, 1951.
- Seibert J. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit.— «Historia-Einzelschriften», H. 10. Wiesbaden, 1967.
- Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. «Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte», H. 56. München, 1969.
- Smith S. Babylonian Historical Texts Relating to the Capture and Downfall of Babylon. L., 1924.
- Stähelin F. Seleukos I. Nikator.— RE. 2. Reihe. Bd II, 1921.
- Stähelin F. Kleopatra VII.— RE. Bd XI, 1922.
- Tarn W. W. Antigonos Gonatas. Ox., 1913.
- Tarn W. W. Ptolemy II.— «Journal of Egyptian Archaeology». Vol. XIV, 1928.
- Tarn W. W. Hellenistic Civilisation, 3rd ed., L., 1952.
- Toynbee A. J. Hellenismus. The History of a Civilisation. Ox., 1959.
- Volkman H. Kleopatra. Politik und Propaganda. München, 1953.
- Volkman H. Ptolemaios I. Soter.— RE. Bd XXIII, 1959.
- Volkman H. Ptolemaios II. Philadelphos.— RE. Bd XXIII, 1959.
- Walbank F. W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.
- Wehrli C. Antigone et Démétrios. Genève, 1968.
- Welwey K. W. Könige und Königtum im Urteil des Polybios. Diss. Köln, 1963.
- Wilcken U. Antiochos I. Soter.— RE. Bd I, 1894.
- Wilcken U. Antiochos III. der Grosse.— RE. Bd I, 1894.
- Wilcken U. Arsinoe II.— RE. Bd II, 1895.
- Will Ed. Histoire politique du monde hellénistique (323—30 av. J.-C.). T. I—II, Nancy, 1966—1967.
- Willrich H. Eumenes II.— RE. VI, 1907.

Содержание

<i>Э. Д. Фролов. История эллинизма в биографиях его творцов</i>	3
Предисловие	27
I. Птолемей I, царь Египта	29
II. Селевк I	59
III. Деметрий Полиоркет	87
IV. Пирр, царь молоссов	119
V. Птолемей II и Арсиноя II	139
VI. Антигон Гонат	171
VII. Клеомен III, царь Спарты	199
VIII. Антиох III Великий	219
IX. Филипп V, царь македонян	248
X. Эвмен II, царь Пергама	273
XI. Митридат VI Евпатор, царь Понта	290
XII. Клеопатра VII, царица Египта	322
Заключение	369
Списки царей	371
Хронологическая таблица	373
Словарь античных терминов	378
Список сокращений	381
Список литературы античных авторов	382
Примечания	383
Библиография	388

Герман Бенгтсон

**ПРАВИТЕЛИ
ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА**

*Утверждено к печати
редколлегией серии «По следам
исчезнувших культур Востока»*

Редактор **Л. Л. Шохина**
Младший редактор **М. В. Малькова**
Художник **Л. С. Эрман**
Художественный редактор **Э. Л. Эрман**
Технический редактор **З. С. Теплякова**
Корректор **П. С. Шин**

ИБ № 14247

Сдано в набор 25.05.81.

Подписано к печати 22.01.82.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая. Усл. п. л. 20,58.

Усл. кр.-отт. 20,89. Уч.-изд. л. 21,69.

Тираж 10 000 экз. Изд. № 4926. Зак. 692.

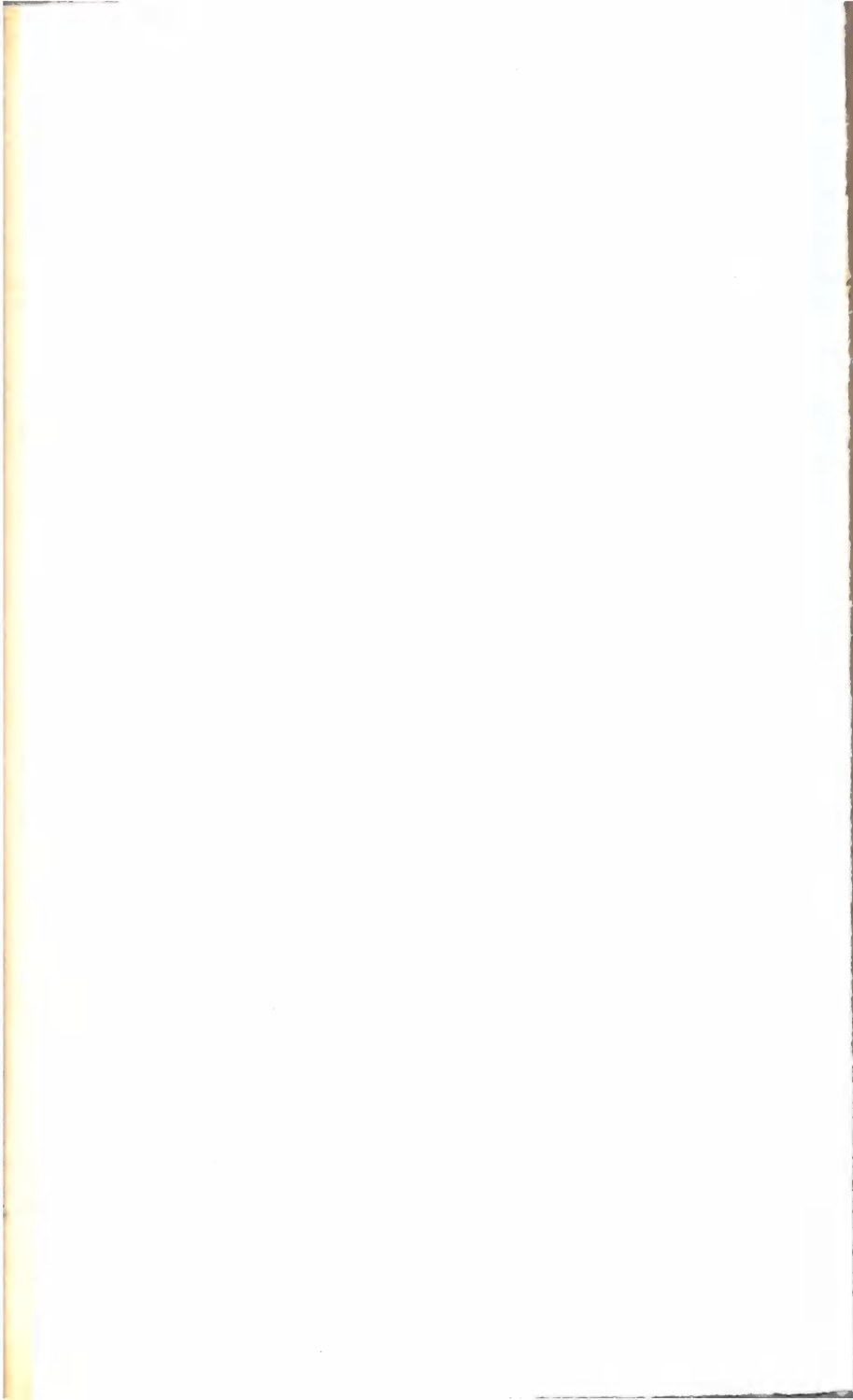
Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

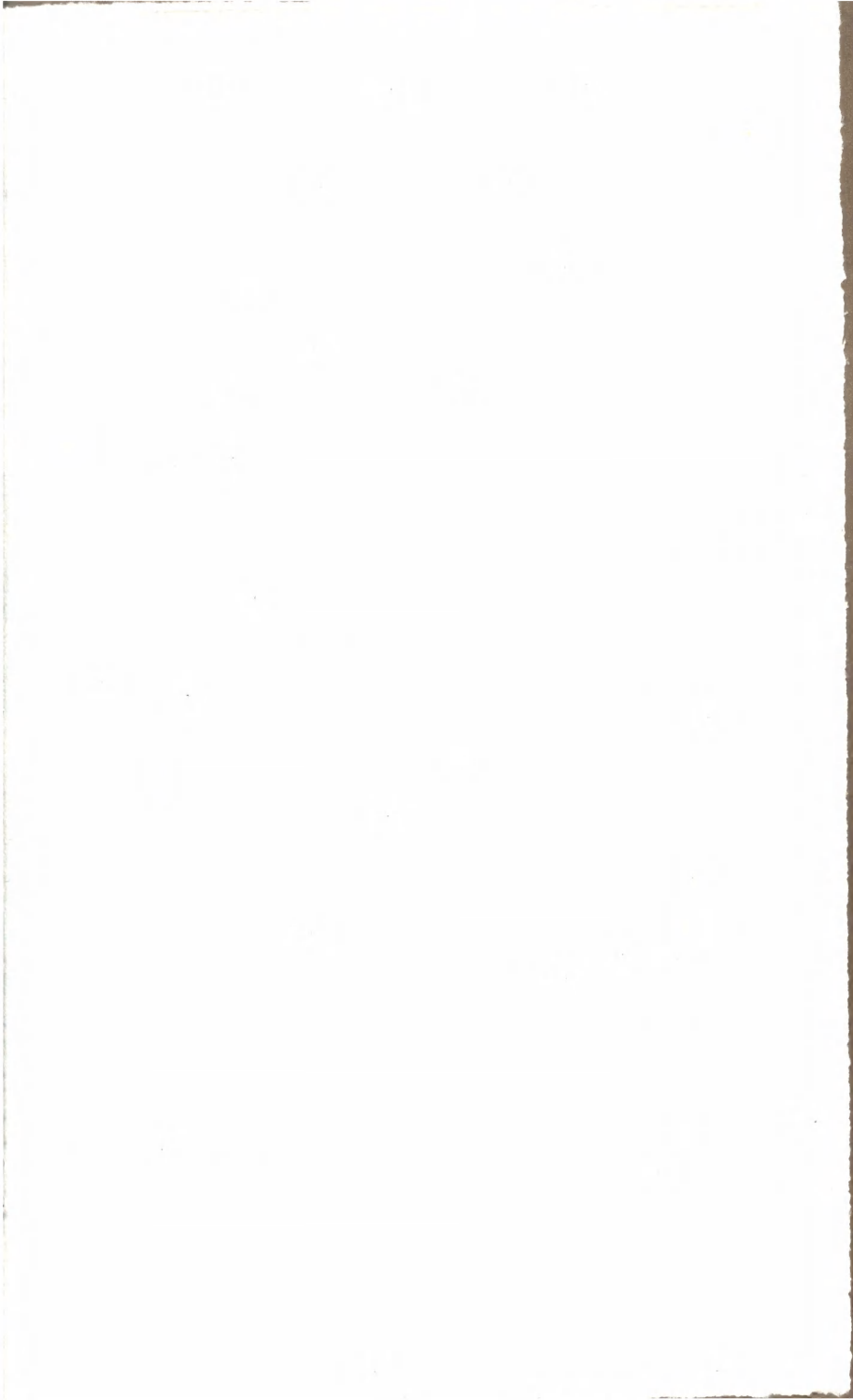
103045 Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука»

121099 Москва, Шубинский пер., 10

1 р 40 к.

Г. Бенгтссон

ПРАВЛЕНІЕМЪ ПОХОДНОГО
ЭВАНГЕЛИЗМА